

А. А. Зализняк

Древнерусские энклитики

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. Зализняк

Древнерусские
энклантики

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 07-04-16251

Зализняк А. А.

3 55 Древнерусские энклитики. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 280 с.

ISBN 5-9551-0232-9

Книга посвящена малоизученной проблеме исторического синтаксиса русского языка — функционированию и исторической эволюции древнерусских энклитик, то есть безударных слов, примыкающих в просодическом отношении к предшествующему слову фразы. В число энклитик входили частицы (*же, ли, бо, ти, бы*), местоименные словоформы (*ми, ти, си, мя, тя, ся, ны, вы* и др.) и связки (*есмь, еси* и т. д.).

В книге на материале большого числа древних памятников, в первую очередь берестяных грамот и летописей, показано, что в древнерусском языке расположение энклитик во фразе подчинялось строгим закономерностям, знание которых оказывается существенным для правильного понимания древнерусских текстов. Детально исследована также эволюция энклитик на протяжении XI–XVII веков, в ходе которой часть энклитик исчезла, а энклитика *ся* превратилась из самостоятельного слова в неотделимую составную часть глагольной словоформы.

Книга предназначена для лингвистов, литературоведов и историков, занимающихся историей русского языка и словесности, а также для более широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории русского языка.

ББК 81.2Рус

В оформлении переплета использована фотография с сайта etoday.ru.

ISBN 5-9551-0232-9

© А. А. Зализняк, 2008
© Языки славянских культур, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восточнославянские энклитики — в отличие от южно- и западнославянских — привлекали к себе до сих пор, как в синхроническом, так и в историческом плане, очень мало внимания. В курсах истории русского языка соответствующий раздел вообще отсутствует.¹

Причина недостаточного внимания к вопросу об энклитиках явно в том, что в современных восточнославянских языках от богатой древней системы славянских энклитик не осталось почти ничего и нынешние энклитики этих языков не играют сколько-нибудь существенной роли в их грамматике. И эта особенность современных восточнославянских языков, отличающая их от южных и западных соседей, по-видимому, подсознательно понижала интерес к этой проблеме также и при изучении языка древней эпохи.

Следует признать также, что для недооценки роли энклитик в древнерусском синтаксисе имелись и некоторые объективные основания: до открытия берестяных грамот (точнее, до систематического анализа их синтаксиса) по-настоящему оценить эту роль было действительно нелегко.

Нельзя сказать, конечно, что поведение энклитик в древнерусском языке оставалось вообще незамеченным. Констатацию того, что в древнерусском языке положение с энклитиками было в общем сходно с другими славянскими языками, а не с современным русским, мы находим уже у Миклошича (1874: 271) и Бернекера (1900: 60 и далее). Но они ограничиваются лишь краткими замечаниями на эту тему.

Особо отметим монографию Гуннарссон 1935, посвященную положению показателя возвратности *са* в древнерусской фразе. Она содержит ценные наблюдения над поведением *са* в ряде древнерусских памятников. Но, к сожалению, ее общие выводы ныне имеют лишь весьма ограниченную ценность — в частности, потому, что рассмотренные Гуннарссоном памятники очень неполно отражают действительную картину синтаксиса живого древнерусского языка.

Самой значительной и удивительной по проницательности работой в этой области является статья Романа Якобсона «Les enclitiques slaves» (Якобсон 1935), представляющая собой его выступление на съезде лингвистов в 1933 г. В ней содержится целый ряд положений, опередивших свое время, которые, увы, не привлекли к себе должного внимания русистов и не получили развития в их работах.

¹ В частности, никакого специального раздела, посвященного проблеме энклитик, не обнаруживается в таких общих курсах, как Соболевский 1907, Шахматов 1915, Дурново 1924, Якубинский 1953, Борковский, Кузнецов 1963, Горшкова, Хабургаев 1981.

Следует учитывать, однако, что история русских энклитик рассматривалась в статье Якобсона не сама по себе, а лишь как часть истории энклитик во всем славянском мире. Конкретного древнерусского материала Якобсон не приводит и не разбирает. Сбор и детальный анализ такого материала лингвистам еще оставалось произвести.

В настоящей книге мы как раз и пытаемся решить эту задачу.

При этом чрезвычайно важно то, что за время, отделяющее нас от статьи Якобсона, доступный лингвистам древнерусский материал стал принципиально гораздо богаче — в силу открытия таких бесценных новых документов, близких к живой древнерусской речи, как берестяные грамоты. Тем самым тезисы Якобсона подверглись необычайно серьезной проверке. И мы можем, забегая вперед, сказать, что они не только не пострадали от этой проверки, а напротив, получили на новооткрытом материале яркое подтверждение.

В настоящее время мы можем с полной уверенностью утверждать, что в древнерусском языке положение было совсем иным, чем в современном: существовал чрезвычайно четкий механизм функционирования энклитик, и его роль в построении фразы была весьма значительной. Во многих случаях только знание этого механизма позволяет правильно интерпретировать древнерусскую фразу, и можно указать немало ошибок интерпретаторов и переводчиков, возникших из-за незнания закономерностей употребления энклитик.

Механизм функционирования энклитик решительно противоречит поверхностному тезису о том, что на протяжении всей истории русского языка «порядок слов был свободным» (в силу которого проблема порядка слов могла вообще не рассматриваться в исторических курсах).

С точки зрения общего языкознания, процесс исторической эволюции системы энклитик, приведший к ее полной перестройке, представляет собой чрезвычайно важный пример эволюции, позволяющий с большой наглядностью и хорошей степенью документированности проследить ход крупного системного изменения в языке.

По всем этим причинам функционирование и историческая эволюция восточнославянских энклитик заслуживают подробного изучения.

Ранним, предельно сжатым вариантом изложения основных положений настоящей книги является одна из частей работы Зализняк 1993 (а именно, раздел «Место энклитик в предложении и их порядок» = § 62–75, с. 280–298). В настоящей книге исследован намного более широкий круг источников, ряд проблем разработан гораздо полнее, но принципы исследования, основные идеи общего порядка и важнейшие выводы не претерпели с тех пор существенных изменений. Во введении использован ряд положений, содержащихся в книге Зализняк 1985.

Основная задача настоящей книги ограничена древнерусским языком. В отдельных случаях привлекается также материал старославянских источников, но на полный анализ системы старославянских энклитик мы не претендуем. Выявленная в настоящей книге система древнерусских энклитик может быть сопоставлена с соответствующими системами, с одной стороны, других древних индоевропейских языков, с другой — живых южно- и западнославянских

языков. Но в рамках настоящей работы ни одна из этих дополнительных задач, требующих отдельного большого труда, не ставилась.

Приношу глубокую благодарность М.Н.Толстой за ценные замечания и за неоценимую помощь во всех технических аспектах подготовки книги и А.А.Пичхадзе и В.М. Живову за предоставление мне электронных версий ряда важных древнерусских памятников.

ВВЕДЕНИЕ

Основные черты древнерусской просодической системы

§ 0.1. Необходимо прежде всего ввести основные термины, которыми нам предстоит оперировать в последующем изложении.

Основные черты древнерусской просодической системы таковы.

В потоке речи всякое предложение с просодической точки зрения распадается на так наз. тактовые группы. Тактовая группа представляет собой отдельную словоформу или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении (подробнее см. ниже, § 0.3).

Все словоформы делятся на акцентно самостоятельные, способные хотя бы в некоторых случаях сами по себе составить отдельную тактовую группу, и кли́тики (не обладающие этим свойством, то есть объединяющиеся в одну тактовую группу с предшествующей или последующей словоформой).

Заметим, что кли́тики иногда определяют просто как словоформы, не имеющие ударения. Такое определение допустимо только в качестве первого, довольно грубого приближения. В славянских языках (как, впрочем, и во многих других) кли́тики в действительности вполне могут оказаться носителями ударения. Существенно лишь то, что для этого нужны некоторые специальные условия (которые будут ясны из последующего изложения); в немаркированном случае, то есть при отсутствии этих специальных условий, кли́тики действительно безударны.

Акцентно самостоятельные словоформы могут быть также названы *полноударными* (строго говоря, внутренняя форма данного термина соответствует, как будет видно ниже, лишь относительно позднему состоянию системы; но мы позволим себе употреблять его просто как синоним для более длинного «акцентно самостоятельные»).

В раннедревнерусском основное просодическое противопоставление на уровне слогов таково: фонологически ударный слог — фонологически безударный слог. Важнейшая особенность рассматриваемой просодической системы состоит в том, что существуют акцентно самостоятельные словоформы, у которых все слоги фонологически безударны. Такие словоформы называются *энкли́номенами*. Им противопоставлены акцентно самостоятельные словоформы, содержащие фонологически ударный слог; они называются *ортотони́ческими*.² Данное противопоставление действительно также для тактовых групп: они могут быть энклиноменными или ортотоническими.

² Здесь необходимо отметить, что в ряде работ, в частности, у Г. Гуннарссона и в части случаев также у Р. Якобсона, термин «ортотонический» используется в более широком смысле, а именно, как синоним для «акцентно самостоятельный».

Ниже в тех немногих случаях, когда нам потребуется отмечать ударение в древнерусских словоформах (не в составе цитат из памятников), мы будем обозначать фонологическое ударение знаком ' над ударной гласной, а принадлежность словоформы или тактовой группы к числу энклиноменов — знаком - перед словоформой (тактовой группой); например: *мнѡго́, рабѡта́, женѡ́*; *сло́во, на сло́во, бы́ли, не бы́ли*.

Данное противопоставление реально для раннедревнерусского, т. е. для домонгольской эпохи. Позднее (к сожалению, пока еще не удастся с точностью определить, когда именно) его собственно фонетическая основа постепенно утрачивается. Противопоставление ортотонических словоформ и энклиноменов приобретает с синхронической точки зрения новое содержание, а именно: ортотонические словоформы имеют постоянное (не подверженное ни утрате, ни сдвигам) ударение на определенном слоге (*мнѡ́го, рабѡ́та, женѡ́, женѹ́*), а энклиномены в изолированной позиции имеют ударение на первом слоге (*сло́во, го́лову, бы́ли, про́далъ*), а в составе более крупной тактовой группы с проклитиками и/или энклитиками самостоятельного ударения не имеют — ударение принадлежит тем или иным клитикам (*на́ сло́во, за́ голову, не́ были, не́ продалъ, продалъ сѧ́, не продалъ сѧ́*).

Проклитики и энклитики

§ 0.2. Часть клитик (так наз. проклитики) в потоке речи входит в одну тактовую группу с последующей словоформой, другая часть (так наз. энклитики) — с предшествующей словоформой.

Соответственно, проклитика не может стоять в конце фразы, а энклитика не может стоять в ее начале.

Проклитики — это основная часть союзов и предлогов и некоторые из частиц.

Из союзов к числу проклитик в древнерусском языке относятся: *и, а, нѣ, то, та, ти, ци, чи* и *яко* (в качестве изъяснительного союза); см. также ниже о слове *да*. Из предлогов: *без, въ, въз, за, из, къ, на, передъ, по, при, про, о, об, отъ, съ, у, чересъ*. Эти союзы и предлоги ниже могут быть также названы первообразными.³

Из частиц проклитиками являются *не, ни, и* (усилительное) и *се* (в значении 'вот').

Так, слово *да* (союз и частица, входящая в состав оборота типа *да будетъ*) в позиции после проклитики является энклитикой, во всех прочих позициях — проклитикой (подробнее см. § 1.14).

Частица *ли* — энклитика; но существовал также и полноударный союз *ли* (см. § 1.5).

³ Казалось бы, достаточно назвать эти союзы и предлоги просто проклитическими. Но, как будет видно ниже, в определенных случаях свойства проклитик могут приобретать и другие союзы. Поэтому во избежание недоразумений мы обозначаем союзы основной группы не по просодическому признаку, а иначе.

Частица *бо* — энклитика; но в живых говорах Юго-Западной Руси *бо* могло выступать также как союз, и в данном качестве это проклитика (см. § 1.6).

Союз *нъ* — проклитика; но существовала также и частица *нъ* (довольно редкая) — энклитика (см. § 1.13).

Союз *то* 'тогда, в таком случае, то' — проклитика; но местоимение *то* 'это, то' — энклиномен, а частица *то* (например, в *оже то, коли то* и т. п.) — энклитика.

Частица *се* 'вот' — проклитика; но местоимение *се* 'это' — энклиномен.

Изыяснительный союз *яко* 'что' (вводящий косвенную, а также и прямую речь) — проклитика; но тот же союз в других значениях ('как, как бы', 'потому что' и др.), равно как союзное слово *яко* 'каким способом, как' — энклиномен.

Отметим также группу омонимов, включающую единицы неодинакового происхождения:

союз *ти* 'и, то, так что' — проклитика; но частица *ти* 'ведь, же' и местоимение *ти* 'тебѣ' — энклитики (см. § 1.7 и 1.9), а местоимение *ти* 'те, они' — энклиномен.

Помимо собственно проклитик, как проклитики в определенных случаях могут себя вести также некоторые акцентно самостоятельные словоформы из числа местоименных словоформ и непервообразных союзов, а именно, они могут утрачивать самостоятельное ударение и примыкать в акцентном отношении к следующему слову. Это явление мы будем называть вторичной прокллизой, а словоформы, которые его допускают, — полупроклитиками.⁴

Примеры полупроклитик: *назь, я, ты, мы, кѣто, чѣто, аже, ать, или, оже*.

В настоящей работе вторичная прокллиза отмечается знаком °; например, запись *ты° даль еси* означает, что в данной фразе словоформа *ты* (в нормальном случае акцентно самостоятельная) ведет себя как проклитика. Подробнее о вторичной прокллизе и полупроклитиках см. § 1.38.

Энклитики — это большинство частиц, ряд местоименных словоформ (*ми, ти, си, ма, та, са* и др.) и связки (*есмь, еси* и т. д.); их перечисление и описание содержатся в §§ 1.4–1.7.

В поведении энклитик следует различать два аспекта — фонетический и синтаксический. Разумеется, определяющими для энклитик являются их фонетические свойства: само понятие энклитики основано на них. Однако для энклитик характерно также и весьма специфическое синтаксическое поведение, а именно, их место во фразе определяется жесткими закономерностями (которые будут подробно рассматриваться ниже).

Поэтому опознать энклитику в принципе возможно и в том случае, когда фонетическая сторона текста нам недоступна, например, когда перед нами письменный памятник древнего языка, не имеющий знаков ударения.

Может оказаться, что комплекс фонетических характеристик энклитик и комплекс их синтаксических характеристик выделяет не в точности одну и ту же совокупность единиц. Так, на возможность некоторого расхождения между этими двумя комплексами указано в работе Толстая 2000, где анализируются энклитики в одном из закарпатских украинских говоров. Соответственно, мы

⁴ Мы используем здесь терминологический опыт А. Вайяна, который называет слова, обнаруживающие в части случаев свойства энклитик, полуюэнклитиками.

должны в принципе различать собственно энклитики (выделяемые по просодическим признакам) и «синтаксические энклитики», т. е. единицы, обладающие синтаксическими свойствами, характерными для собственно энклитик, но необязательно обладающими всем комплексом соответствующих фонетических черт.

При изучении древнерусского языка сведения о фонетическом поведении энклитик может дать в сущности лишь один памятник — Чудовский Новый Завет XIV века, текст которого снабжен знаками ударения (см. об этом подробнее § 0.4). Из всех прочих древнерусских памятников мы можем извлечь при изучении энклитик только сведения об их синтаксическом поведении. Это значит, что практически все излагаемые в настоящей книге наблюдения, строго говоря, относятся к тому, что можно назвать «синтаксическими энклитиками».

Необходимо указать также следующее свойство клитик. Проклитика может непосредственно соединяться с энклитикой, без участия акцентно самостоятельного слова, например: *да же, не бо*. Такое соединение (которое может состоять и из нескольких проклитик, за которыми следует несколько энклитик, например, *и не ли ми*) называется проклитико-энклитическим комплексом (иначе проклитико-энклитической группой).

В отличие от энклитик, проклитико-энклитический комплекс может стоять в начале фразы. Подробнее о таких комплексах см. § 1.39–41.

Тактовая группа (фонетическое слово)

§ 0.3. Как уже указано, тактовая группа — это отдельная словоформа или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении. Объединение выражается в том, что тактовая группа получает с просодической точки зрения такое же строение, как у единой словоформы — ортотонической или энклиноменной. В первом случае тактовая группа получает единое фонологическое ударение — одно на всю группу. Например, тактовая группа *оди́нь на десяти́* имеет только одно ударение — на слоге *ди*; и то же верно и для более длинной тактовой группы *не на оди́нь на десяти́ ли* (как и в современных наследниках этих древнерусских групп — *оди́ннадцать, не на оди́ннадцать ли*). Во втором случае тактовая группа целиком фонологически безударна, т. е. эквивалентна единому энклиномену, например: *дѣвѣ сътъ́, на три дѣни*.

Ввиду просодического сходства тактовой группы со словоформой в некоторых работах в том же значении, что «тактовая группа», употребляется термин «фонетическое слово».

Мы будем пользоваться в настоящей работе обоими этими синонимичными терминами. Дело в том, что хотя более обычно наименование «тактовая группа», нам ниже иногда придется иметь дело с формулировками, где должны фигурировать одновременно тактовые группы и актантные группы (о которых см. ниже), а это затруднительно для восприятия. Поэтому для облегчения громоздких формулировок мы предпочитаем в таких случаях использовать второе наименование — «фонетическое слово».

Различается несколько типов тактовых групп: 1) самый простой и самый частый тип — группа из одной акцентно самостоятельной словоформы, с проклитиками и/или энклитиками или без них, например, *много, много бо, слово, на слово, не на слово ли, продали, нъ не продали же, оже, оже ли*; 2) то же с двумя акцентно самостоятельными словоформами, например, *сего дъне, не сего дъне, съпаси Богъ*; 3) группа, состоящая только из одной или нескольких проклитик в соединении с одной или несколькими энклитиками, например, *не бо, а ци ли, и ли (= или), не же ли (= нежели)*; это не что иное, как проклитико-энклитическая группа (проклитико-энклитический комплекс).

Имеющиеся данные позволяют представить формирование древнерусских тактовых групп следующим образом:

1) В медленной, раздельной речи тактовые группы формируются так: всякая проклитика объединяется в одну тактовую группу с последующей словоформой, всякая энклитика — с предшествующей; никаких иных объединений соседних словоформ не происходит.

2) В обычной (и, тем более, ускоренной) речи могут объединяться в одну тактовую группу две⁵ соседних тактовых группы медленной речи, если они тесно связаны по смыслу. Особенно характерно такое объединение для синтагм с местоимениями и числительными и для синтагм из прилагательного и определяемого существительного. Примеры: *вы вѣстѣ, въ тѣ поры, двѣ дѣни, на три дѣни, сего дъне, двѣ сътъ, пять десѣтъ, одинъ на десѣте, въ бѣлѣ городѣ, съпаси Богъ, си рѣчь* (ср. в современном языке *сегодня, двести, пятьдесят, одиннадцать, спасибо, речь*). Но точные правила о том, когда происходило и когда не происходило такое объединение, неизвестны. Повидимому, в широком диапазоне случаев такое объединение было факультативным и зависело непосредственно от темпа речи.

Такое объединение, однако, как правило не происходит, если обе соседние тактовые группы — оротонические. Исключения редки; таковы, например, *сеи часѣ, семь десѣтъ, осмь десѣтъ*, которые ныне дали *сейчасъ, семьдесят, восемьдесят*. Можно предполагать, что объединения этого рода реализуются лишь в относительно позднее время, а первоначально были невозможны.

Ниже соединение двух или нескольких тактовых групп в одну может быть также названо просодическим объединением.

Акцентуация тактовых групп

§ 0.4. Как установлено в первую очередь работами В. А. Дыбо, акцентуация тактовых групп в древнерусском языке (как и в праславянском) подчинялась жестким закономерностям.

Основные принципы здесь таковы:

1. Если в составе тактовой группы имеется оротоническая словоформа (и притом ровно одна), она сохраняет свое ударение, а все прочие члены тактовой группы, если таковы имеются, безударны. Примеры: *а не много ли; то и не родила бы сѧ; нъ не сего дъне*.

⁵ Вероятно, иногда и более двух.

2. Если в составе тактовой группы нет ортотонических словоформ, то:

а) если нет также и энклитик, тактовая группа представляет собой энклиномен; примеры: *началь*, *не началъ*, *и не началъ*, *родиль*, *на голову*, *три дѣни*, *на три дѣни*.

б) если энклитики есть, тактовая группа несет фонологическое ударение на первой из энклитик; примеры: *родиль сѧ*; *да и не началъ сѧ*; *не тако жѣ*; *что жѣ ма* [зовете]; частный случай здесь составляют проклитико-энклитические группы, например: *не бѡ*, *ни жѣ*.

Что касается тех единичных тактовых групп, которые содержат более одной словоформы с фонологическим ударением (см. выше), то на этот случай общего правила нет. Как уже отмечено, первоначально таких тактовых групп, вероятно, просто не было.

Имеются также некоторые более частные правила, которые в отдельных ограниченных зонах несколько модифицируют действие этих основных принципов; например, в силу одного из таких правил вместо ожидаемого ударения типа *родило сѧ*, *родили сѧ* реально выступает ударение типа *родило сѧ*, *родили сѧ*. Но здесь нам нет необходимости рассматривать такие правила.

К сожалению, практически единственный древнерусский памятник, из которого можно непосредственно извлечь информацию об акцентуации энклитик, — это Чудовский Новый Завет XIV века. Эта информация проанализирована в классической работе Дыбо 1975. Приводим в качестве развернутой иллюстрации к приведенным принципам некоторые примеры из этого памятника (взятые частью из указанной работы, частью непосредственно из текста памятника; для многократно встречающихся примеров даем только одну отсылку).

К пункту 1: *полѣзно бо ти* 4г; *отъ нарѡда же* 72г; *до законѡ бо* 101в; *не по мнозѣ же* 78г; *ни болѣзни же* (Р.ед.) 158а (и т.п., очень много).

К пункту 2а: *и бѣси* 32в; *по возрастоу* 88в; *и волк* (И.ед.) 46г; *ни на древо* 151г; *и зѣбри* (В.мн.) 66а; *ибо и землю* 61а; *о имени* 47а; *и крови* (Р.ед.) 69б; *на лестъ* (В.ед.) 92а; *безъ лѣности* 128г; *при мори* 65а; *безъ моужа* 110г; *ни мѣха* 32в; *по нагу* 24б; *роуцѣ и нозѣ* (В.дв.) 41а; *на площадѣ* (В.мн.) 32в; *в вѣртици* *и поелѣ* 32в; *на поустѣ мѣстѣ* 31г (об отсутствии знака ударения в словоформе *мѣстѣ* см. примечание ниже); *ни свободу* 123б; *ни слово*^м 134г; *по страху* 142г; *и трепето*^м 128в; *не тяжко* 132а; *въ оуши* 82г; *бѣзо чти* 19а; *не навѣ* 45а; *и ты* 46в; *и мы* 44г; *да мы* 122в; *и вы* 45б; *но се* 76в; *да кто* 22б; *не тако* 126б;

и вложю 52а; *не погоу*|*блю* 44в; *наки не пощаждю* 121б; *но чту* 46а; *и оуча* 132а; *и мстилѣ* 157а.

К пункту 2б: *не Бѣ ли* 81в; *градѡ съ* ('этот город', В.ед.) 75б; *гра^ажане же* 37в; *даръ же* 101в; *не двѣ ли пѣицѣ* 7а; *дроу^г бѡ к дроу^г* 21а; *жестко ти* 78а; *живо бѡ | слово* 144а; *кнѧзи бѡ* 105г; *корень бѡ* 138а; *лѣно | ли есть* 112г; *миръ ти* ('тебе') 91г; *моужи же и жены* 63в; *нощи же* ('ночью') 39а; *не оба ли* 29г; *остро*|*въ же* 78г; *не плотани ли ксте* 109а; *на родѡ съ* ('на этот род') 13б; *слово бѡ* 104а; *страха же ихъ* 85а; *трѣсти ли* (Р.ед.) 7б; *тѣло же* (В.ед.) 146б; *аз же* 102в; *аз бѡ* 74а; *ты ли* 40г; *мы бѡ* 123г; *вы же* 66а; *вы мѧ* 121а; *не ти ли* ('не они ли') 81в; *се же* 11г; *се бѡ* 29в; *кто бѡ* 133а; *и кто ти* 22в; *что же*

ма зоветѣ 29г; что тѣ са мнѣ 10б; что въ рѣкоу 113а; и сами тѣ 35б; тако бѣ 4в; како жѣ 104в; яко жѣ 93а;

аще жѣ 103а; аще ли 111б; аще бѣ 101а; аще бы 123а;

постыжюсѣ 128а; сдержю жѣ са 128б; створю тѣ 22а; і створю вѣ 1бг; щажю жѣ са 120г; боюсѣ 132а; постасѣ 65в;

проклитико-энклитические группы — *і бѣ 15б, не жѣ 32в, не ли 39б, а не ли 18б, і не ли 19а, не бѣ 6в, ни жѣ 8б, ни ли 36г, не бы 23б, а не бы 146б, да жѣ 93а, да бы 46а, да ми 19б, да са 59г, и да 151б, не да 44в, но да 24б.*

Примечание. Используя показания древнерусских акцентуированных памятников, необходимо все же учитывать, что во всех таких памятниках, не исключая и Чудовского Нового Завета, некоторая часть реально имеющихся ударений остается необозначенной. Например, в записи *на поустѣ мѣстѣ* 31г в словоформе *мѣстѣ* просто не обозначено фонологическое ударение, которое стоит здесь на первом слоге. Понятно, что из-за этого единичный пример, где та или иная словоформа не имеет знака ударения, еще не может служить окончательным просодическим свидетельством — необходим анализ всей совокупности имеющихся показаний, чтобы с достоверностью установить реальную безударность этой словоформы.

Следует, впрочем, указать, что даже и такой уникальный и бесценный источник сведений о древнерусском ударении, как Чудовский Новый Завет, отражает картину, все-таки не вполне совпадающую с первоначальной. В некоторых второстепенных точках системы здесь уже представлены отклонения от исходного состояния (обычно, правда, лишь в форме колебаний). Например, мы уже не находим здесь переноса ударения влево на союз *а* (ср. *а нѣ мирови* 49б, *а нѣ в ветѣх писмѣни* 102в и т.п.), лишь крайне редко встречается перенос ударения на союз *но*, при наличии двух энклитик ударение иногда падает на вторую, а не на первую (например, *азъ же въ щажю* 111а, *яко же бѣ* 113б, *аще же бы* 145а), и др.

Но в настоящей книге нам почти не придется заниматься акцентологией: во-первых, подавляющая часть нашего материала состоит из неакцентуированных рукописей; во-вторых, даже в тех немногих, которые имеют акцентные знаки (за исключением Чудовского Нового Завета), способ расстановки этих знаков таков, что он не дает возможности надежно установить, какие клитики были реально безударными и какие несли ударение.

Клауза

§ 0.5. Капитальное значение для изучения энклитик имеет правильное выделение того отрезка речевой цепи, в рамках которого действуют правила о порядке расположения энклитик. Таким отрезком оказывается синтаксическая единица, для которой в русской лингвистике нет традиционного общепринятого термина⁶ и за которой ныне все более закрепляется термин «клауза», идущий из англоязычной традиции (англ. *clause*). В книге Тестелец 2001 (с. 256)

⁶ Встречаются наименования: предикация, предикативная группа, элементарное предложение, первичное предложение. Все они по тем или иным причинам недостаточно удобны для широкого практического применения.

дается такое определение: «Клаузой называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнзначного глагола — связка или грамматический элемент, играющий роль связки».

Это определение в целом пригодно для решения основной задачи настоящей работы. Лишь для некоторых частных случаев нам потребуется его несколько модифицировать или уточнить. Соответственно, ниже мы поясняем более конкретно, какие единицы расцениваются в настоящей работе как клаузы.

1. Самым обычным видом клаузы является простое предложение — выступающее самостоятельно или в качестве члена сложного предложения. Отметим, что в последнем случае союз, если он имеется, рассматривается как часть того предложения, перед которым он стоит. Например, в предложении: *како приде са грамота, тако пришли ми цоловъкъ на жереписъ, зане ми здѣсе дѣль много*⁷ — каждая из трех частей, разделенных в этой записи запятыми, представляет собой отдельную клаузу.

Примечание 1. Тем самым с практической точки зрения основное различие между клаузой и фразой состоит в том, что сложное предложение — это одна фраза, но две или более клаузы. Но при рассмотрении многих вопросов это различие несущественно и находится вне фокуса внимания. В таких случаях мы позволяем себе говорить не о клаузах, а просто о фразах, чтобы без особой необходимости не отвлекать лишний раз внимание читателя нетрадиционным термином.

Здесь полезно отметить, что в древнерусском языке чаще, чем в современном, в функции сказуемого выступает инфинитив (обычно со значением долженствования, например, *взати ми у Ивана рубль*).

Особый тип клауз составляют конструкции с подчиненным инфинитивом, например, *хочю са бити*. Здесь две глагольные словоформы, каждая из которых в принципе способна составить отдельную клаузу. Но с точки зрения размещения энклитик такие конструкции обычно ведут себя как единые клаузы, и именно так мы и рассматриваем их ниже.

Прочие виды клауз носят более специальный характер.

2. Как особый вид клаузы мы рассматриваем сложное предложение (самостоятельное или входящее в состав еще более крупного комплекса), где придаточное вклинено внутрь главного.⁸ Такие клаузы можно назвать «двухърусными». Например, в предложении: *а что есмь придобьль золота, что ми дать Богъ, и коробочку золотую, а то есмь даль княгини своеи* — три клаузы: 1) *а что есмь придобьль золота, что ми даль Богъ, и коробочку золотую* (двухъ-русная клауза); 2) *что ми даль Богъ*; 3) *а то есмь даль княгини своеи*.

⁷ Во введении и в первой главе примеры могут быть искусственными. И даже там, где использована реальная фраза из древнего памятника (как, например, в данном случае, когда взята фраза из берестяной грамоты № 43), она может быть подвергнута нормализации и упрощению и ссылка на источник может не даваться.

⁸ В соответствии с определением, предложенным в Тестелеп 2001, клаузой является любое сложное предложение. Но с точки зрения основной задачи нашей работы столь широкое понимание термина «клауза» было бы неудобным, и мы им не пользуемся.

3. Отдельную клаузу составляет (вместе с подчиненными словами и вводящим союзом, если таковой имеется) второс (третье и т.д.) сказуемое в ряду однородных сказуемых. Например, во фразе *Дрополкъ же постою нѣколко днии оу Чернигова и възвратиса в Киевъ и распусти воѣ* — три клаузы. При этом общая начальная часть фразы, относящаяся по смыслу сразу ко всем однородным сказуемым (в данном примере — *Дрополкъ же*), с просодической точки зрения входит в ближайшую к нему (т.е. в первую по порядку) клаузу.

Все то же верно и для однородных именных сказуемых. Например, во фразе *старъ есмь и боленъ часть и боленъ* — это отдельная клауза.⁹

Добавим к этому, что отдельную клаузу составляет также второй (третий и т.д.) инфинитив в ряду однородных инфинитивов. Например, во фразе *не могу ити изъ отчины своѣ и со братьюю своєю розойтиса часть и со братьюю своєю розойтиса* — это отдельная клауза.

4. Отдельную клаузу составляет группа, вершиной которой является деепричастие.¹⁰ Например, во фразе: *добывъ серебра, присли же* — две клаузы; во фразе *зане онъ, мнии боуда, не покорить ми са* 'потому что он, будучи младшим, мне не покоряется' клаузой является, помимо фразы в целом, также *мнии боуда*.

Поясним, что деепричастиями мы называем здесь и ниже то, что в грамматиках древнерусского языка традиционно квалифицируется как действительные причастия в нечленной форме И. падежа, например, *вода, водачи, водаче, възьма, избивъ, приславъши* и т.п. С нашей точки зрения, в живом древнерусском языке они должны расцениваться как несклоняемые причастия или, что то же, как согласуемые деепричастия (см. ДНД₂, с. 134). Ввиду того, что они в ходе истории превращаются (путем потери согласования) в полноценные деепричастия и что этот процесс начинается уже в древнерусский период, мы считаем допустимым и уместным именовать их именно деепричастиями.

Таким образом, традиционный класс причастий мы подразделяем на деепричастия и собственно причастия. К последним относятся все причастия в членной форме и/или в косвенном падеже, а также все вообще страдательные причастия.

Примечание 2. Следует учитывать, что одиночное деепричастие часто имеет тенденцию превращаться в простое наречие (ср. в современном языке, например, *лежа, сидя, стоя, походя, нехотя, не вши* и т.п.). Это явление отмечается и в древнерусском; ср., например: *яко не вѣдам* ('по неведению') *къмъ коупитъ* (ПР, ст. 119). В таких случаях деепричастие не составляет отдельной клаузы.

Примечание 3. Необходимо особо оговорить способ членения древнерусских фраз с общим подлежащим у личной формы и деепричастия, поскольку он не всегда

⁹ В исключительных случаях отдельные клаузы образуются на основе не однородных сказуемых, а других однородных членов. Пример: клауза *ни на срѣци ми того не было* во фразе *брате и бѣе, ако ни в оумѣ своемъ, ни на срѣци ми того не было* [1149], 136.

¹⁰ В редчайших случаях, оговариваемых при разборе особо, встречается объединение деепричастия в единую клаузу с основным сказуемым. Пример: *н(е) мози са лица оусты дѣвъ лѣжи послouxъ быти* (Изб. 1076, л. 31 [с. 211 издания]); здесь невозможно вычленить клаузу деепричастия — просодическое единство отрезка *н(е) мози са лица оусты дѣвъ* такое же тесное, как в *хочю са бити*.

совпадает с современным. Мы будем исходить в этих случаях из такого членения на клаузы, как в следующих образцах (| – граница между клаузами): *поклонивъся Мъсти-славъ | рече*; *Мъстиславъ | поклонивъся | рече* (и, разумеется, такое же членение в случае, если перед *рече* имеется еще союз *и*).

5. Отдельную клаузу составляют различные синтаксические эквиваленты придаточного предложения. Помимо уже отмеченных выше оборотов с деепричастиями, сюда относятся: оборот *dativus absolutus*; оборот с обособленным причастием (как, например, *печалью одержимъ* во фразе *печалью одержимъ, плакашеса плачемъ великомъ*).¹¹

Особо отметим, что в древнерусском языке отдельной клаузой иногда оказывается то, что теперь нам представляется просто союзом: *накы ли, или, али*. Это видно в тех случаях, когда следующая клауза вводится своим собственным союзом (*а, да*), например: *или, а зовите Фому съмо* 'если же не так, то зовите Фому сюда'; *накы ли, а рать зачнеши с нимъ* 'если же нет, то будешь с ним воевать' (подробнее см. § 1.21).

Следует, однако, признать, что предложенные выше уточнения все же не могут покрыть всех сложных случаев выделения клауз, — чтобы оговорить все такие случаи, нужно было бы сперва построить весь синтаксис. Поэтому смиримся с тем, что какие-то редкие случаи здесь не предусмотрены, и удовлетворимся тем, что на общие выводы эти единичные случаи практически не влияют.

Актантная группа

§ 0.6. В дальнейшем нам потребуется также понятие актантной группы. Условимся понимать под актантной группой каждое из непосредственно подчиненных сказуемому слов вместе со всем, что подчинено самому этому слову. (Подчиненным сказуемому, как и принято в современных работах по синтаксису, считается также подлежащее.)

Такая терминология соотносится с понятием актанта в широком смысле, включающим как актанты в узком смысле (обязательные участники ситуации), так и так называемые сирконстанты. Для наших целей разграничение актантов (в узком смысле) и сирконстантов нигде не требуется (а педантически точная формула «актантная или сирконстантная группа», разумеется, была бы недопустимо громоздкой).

Примечание 1. Поскольку в настоящей книге широко используется как понятие актантной группы, так и понятие тактовой группы, полезно напомнить, во избежание их смешения, что тактовая группа — единица фонетического членения текста (содержащая в нормальном случае только одно знаменательное слово), а актантная группа — единица синтаксического членения текста (которая может содержать как одно, так и несколько знаменательных слов).

¹¹ В редчайших случаях, оговариваемых при разборе особо, причастия образуют самостоятельные клаузы и за рамками названных случаев; такова, например, клауза *такъ съ исполнивъша сребролюбимъ* во фразе *видя къо сотона такъ съ исполнивъша сребролюбимъ веселишеса* (ЖАЮ, 316).

Условимся в нашем разборе входящие в состав актантных групп энклитики не учитывать (поскольку мы не должны считать их место заранее известным — наша задача состоит как раз в том, чтобы научиться предсказывать это место, исходя из остальных элементов фразы). Соответственно, если актантная группа просто состоит из энклитики (скажем, *ми*), то при разборе (или подсчете) актантных групп фразы она вообще из нашего рассмотрения исключается.

Например, во фразе *а ты са еси еще с людьми Киевѣ не оутвердилъ* мы выделяем следующие актантные группы: 1) *а ты*; 2) *еще*; 3) *с людьми*; 4) *Киевѣ*. Во фразе *и в Роуской землѣ части просилъ еси оу мене* — актантные группы: 1) *и в Роуской землѣ части*; 2) *оу мене*. Во фразе *сего ти мира zde не оудлюбить братъ мой Рюрикъ* — актантные группы: 1) *сего мира*; 2) *zde*; 3) *братъ мой Рюрикъ* (обратить внимание на то, что энклитика *ти* здесь стоит внутри актантной группы *сего мира*).

Специально отметим, что группа, состоящая из однородных членов (но не именных частей сказуемого и не л-причастий), считается единой актантной группой. Например, во фразе *ѿчиноу нашоу и хлѣбъ нашъ взалъ еси* выделяется актантная группа *ѿчиноу нашоу и хлѣбъ нашъ*.

В особом положении находятся слова (или словосочетания), не входящие в структуру предложения (обращение, междометие, вводное слово), а также вклиненное придаточное предложение или деепричастный оборот. Мы будем называть их инородными группами.

Не являются актантными группами также вводящие клаузу союзы.

Таким образом, клауза в нормальном случае может быть разделена на а) сказуемое; б) актантные и инородные группы; в) вводящий клаузу союз.

Особый случай составляет актантная группа, разорванная другой группой, вклиненной в нее. Например, во фразе: *сии же тако пламень тѣ являше са томоу 'сие же пламя так являлось ему'* (Феод. 56а) актантная группа *сии пламень тѣ* разорвана актантной группой *так*.

Возможна также ситуация, когда внутри актантной группы вклинено сказуемое (одно или вместе с чем-то еще), как, например, внутри группы *другую полѣтину* во фразе *другую даю полѣтину* или *другую дать кмь Дмитру черенѣю полѣтину*. Мы будем обозначать такую ситуацию как «охват сказуемого».

При охвате сказуемого для всех излагаемых ниже правил и классификаций существенна только левая часть разорванной таким образом актантной группы. Она приравнивается к целой актантной группе, а правая часть в нашем анализе уже просто не принимается во внимание (например, число членов подсчитывается только в левой части). Так, в приведенном примере для правил об энклитиках существен только отрезок *другую*; соответственно, с точки зрения этих правил мы имеем здесь дело с одночленной (а не двучленной) актантной группой.

Будем называть актантную группу, содержащую только одно фонетическое слово, одночленной, или легкой, а содержащую более одного фонетического слова — неодночленной, или тяжелой. (При наличии этих эпитетов слово «актантная» может опускаться.)

§ 0.7. Часть клаузы левее сказуемого, если таковая имеется, мы будем называть ради простоты предглагольной частью (поскольку точное название «предпредикатная часть» неудобно в употреблении).

Примечание 1. Если сказуемое составное (т.е. представляет собой не единую словоформу, а словосочетание), то предглагольной частью считается: при наличии вспомогательного глагола в аористе, имперфекте или *л*-причастии (или в форме *буду*, *будеши* и т.д.) — то, что стоит левее этого вспомогательного глагола; в прочих случаях — то, что стоит левее *л*-причастия смыслового глагола или именной части сказуемого.

В дальнейшем нас в основном будут интересовать клаузы с неначальным положением сказуемого (проклитики не в счет), поскольку при начальном положении сказуемого поведение энклитик тривиально и никаких проблем нет.

Среди клауз с неначальным положением сказуемого мы будем различать:

1. Простые клаузы, т.е. такие, где предглагольная часть состоит из одной легкой актантной группы или из одного непервообразного союза. Кроме того, считаются простыми также такие клаузы, где сверх указанных элементов имеется еще одна актантная группа из одиночного местоимения¹² (с предлогом или без) или наречия *кѣде*, *сѣде*, *камо*, *тамо*, *сѣмо*, *како*, *тако*, *уже*.

При подсчете актантных групп в клаузе следует помнить, однако, что в этот счет не входят инородные группы, а также актантные группы, состоящие из одной лишь энклитики.

2. Осложненные клаузы — все остальные.

Осложненные клаузы подразделяются на:

тяжелые, т.е. такие, где предглагольная часть состоит из одной или нескольких тяжелых актантных групп;

многоактантные — все остальные.

Примечание 2. Многоактантные клаузы определяются, таким образом, чисто негативно: не простые и не тяжелые. Понятно, что их позитивное определение было бы несравненно более сложным (основным требованием в нем оказалось бы наличие двух или более актантных групп, из которых хотя бы одна — легкая; потребовались бы также уточнения, связанные с возможным участием непервообразного союза). Основной смысл разделения осложненных клауз на два подкласса можно огрубленно представить так: многоактантные клаузы отличаются от простых количеством актантов, а тяжелые — качеством. Правда, в принципе и многоактантные клаузы могут содержать отдельные тяжелые группы, и тяжелые клаузы могут иметь несколько актантных групп; но и в том, и в другом подклассе эти возможности фактически реализуются редко.

Примеры простых клауз:

сынъ ти са кланаетъ;

моложьшему са не поклоню;

товарьць есмь послалє Смольньску;

я есмь позывалъ тебе Кыевоу сѣдѣти;

¹² А именно, любой словоформы личного местоимения или местоимений *кто*, *что*, *тъ*, *сѣ*, *самъ*.

*ажь ма оумиришь съ братомъ;
кѣнаже, ты са на насъ не гнѣвай;
а мы са сами оурадимъ;
я есмь оужь старъ.*

Особо отметим клаузы с охватом сказуемого (см. выше), например: *другую даль ксмь Дмитру череньцю польтину*. Данная клауза тоже считается простой, поскольку в силу сформулированного выше соглашения от неодночленной актантной группы *другую польтину* учитывается только левая часть (*другую*).

Примеры осложненных клауз:

тяжелые — *а дружина моя изнемоглася;
весь день чюду тому дивилися;
неприязнивыи дѣмонъ ѿ змѣва образа на свои образъ премѣниса;*
многоактантные — *того вы братъ мои не велѣлъ;
онъ же нынѣ ворогъ ми са оучинилъ;
сего ти мира zde не оулюбить братъ мои Рюрикъ;
зане в землѣ нашей жито не родилося нынѣ;
а ты са еси еще с людьми Киевѣ не оутвердилъ.*

Мы указали здесь основные принципы данной классификации. По ходу дальнейшего изложения (§ 1.29, 4.3) будут обсуждены также возможности ее детализации и способы ее применения в ряде неочевидных случаев.

Строение книги

§ 0.8. Книга построена следующим образом.

Во введении определяются и обсуждаются основные понятия, используемые в дальнейшем изложении: клитика, проклитика, энклитика, тактовая группа (фонетическое слово), клауза, актантная группа.

В главе 1 рассматривается основное правило расположения энклитик — так называемый закон Вакернагеля, а также правило рангов, определяющее порядок следования энклитик при их контакте друг с другом. Вводится понятие ритмико-синтаксического барьера, рассматриваются различные типы таких барьеров и их роль в размещении энклитик. Вводятся понятия коэффициента препозиции и коэффициента неавтоматической постпозиции энклитик, которые в дальнейшем служат важным инструментом для оценки исторической эволюции энклитик.

В главе 2 обсуждается различие народных (иначе не книжных) и книжных черт в сфере поведения энклитик. В качестве образцов памятников не книжного типа взяты берестяные грамоты и прямая речь в Киевской летописи; дана общая картина поведения энклитик в этих двух источниках. Им противопоставлены памятники книжного типа, в качестве характерного представителя которых выбрано Житие Феодосия.

В главе 3 рассматривается историческая эволюция энклитических местоимений (кроме *са*). Выявляется динамика смены энклитических местоимений дательного и винительного падежей соответствующими полноударными.

Глава 4 посвящена исторической эволюции энклитики *са*. Исследуется поведение этой энклитики в различных классах клауз и в различных хронологи-

ческих, жанровых и стилистических категориях памятников. В результате в памятниках не книжного типа выявляется картина плавного исторического перехода энклитики *са* от первоначального полного подчинения закону Вакернагеля к статусу морфемы в составе глагольной словоформы. Между тем в книжных памятниках картина оказывается существенно иной: неподчинение закону Вакернагеля здесь наблюдается с древнейшего времени.

Глава 5 посвящена исторической эволюции связок. Выявляется динамика отмирания связок и действие компенсационного механизма, состоящего в употреблении личных местоимений взамен связок.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Способ цитирования и условные знаки

§ 0.9. При цитировании в основном сохраняется графика и орфография подлинника. Допускаются, однако, небольшие упрощения (не оказывающие влияния на основной предмет нашего исследования) — в частности, снятие знаков придыхания над гласными, замена *ы* на *и* и *і* на *и*, снятие титл (или знаков «взмета») над выносными буквами. Там, где это полезно для ясности, могут быть раскрыты (с добавлением опущенных букв в круглых скобках) сокращенные написания.

В цитатах для большей ясности смысла даются современные знаки препинания и заглавные буквы. Из длинных фраз иногда приводится только начальная часть (достаточная для иллюстрации поведения энклитик).

При цитировании по изданию мы как правило сохраняем орфографию издания (исправляя лишь явные ошибки). Но что касается словосложения и пунктуации, то здесь мы принимаем собственные решения, которые могут не совпадать с изданием. В частности, в пунктуации мы стремимся избежать того подспудного синтаксического переосмысления древних фраз в пользу привычного нынешнего восприятия, которое часто происходит при расстановке знаков препинания по современным формальным правилам.

Кавычки для обозначения прямой речи используются только в некоторых особых случаях, когда необходимо помочь читателю отличить прямую речь от авторской.

Сложный вопрос составляет слитное или раздельное написание *са*, стоящего непосредственно после глагола. Лингвистически оправданным здесь является раздельное написание *са* в древнейших памятниках и слитное в более поздних (в т.ч. в поздних списках с древних оригиналов). Практически мы сохраняем раздельное написание *са* только для старославянских памятников, евангелий XI–XII вв. и текстов из Успенского сборника (если специально не оговорено иное).

Сопровождать все цитаты переводами было бы ненужным педантизмом, растягивающим изложение. Перевод (всей цитаты или какой-то ее части) дается там, где, с нашей точки зрения, это поможет понять суть обсуждаемого лингвистического вопроса.

Словоформы или фразы, приводимые как таковые (т.е. не в составе цитат), даются в нормализованной записи (раннедревнерусской или позднедревнерус-

ской — в зависимости от того, о каком периоде идет речь). Отметим, что в составе такой записи ради простоты вместо *к* используется *е*.

Списки примеров не являются исчерпывающими, если прямо не указано иное.

Адреса цитат указываются, как обычно, с помощью сокращенного наименования источника (см. список сокращений) и номера листа рукописи; сокращение «л.» (лист) при этом как правило опускается.

Для двух источников, которые цитируются в настоящей книге чаще всех прочих, — берестяных грамот и прямой речи из Киевской летописи (сокращенно: Киев-Д; подробнее об этом источнике см. § 1.1) — приняты самые краткие обозначения, а именно:

Цифра после цитаты (кроме случая, когда перед цитатой или серией цитат прямо указан источник) — это номер новгородской берестяной грамоты (при грамотах из других городов дается еще символ города; см. список литературы и источников).

Буква «п» при номере показывает, что берестяная грамота относится к категории поздних (см. § 1.1). Эта помета ставится систематически; таким образом, всегда сразу же видно, к какой из двух хронологических групп относится любая берестяная грамота.

При цитировании летописей год летописной записи, если он вообще указывается, дается в квадратных скобках, например, [1185]. При этом при цитировании Киев-Д, в отличие от других летописных источников, указание «Киев-Д» опускается (за исключением некоторых особых случаев).

Таким образом, если указан только год и лист рукописи, а название летописи не указано, то это значит, что цитируется Киев-Д.

§ 0.10. Требуется некоторых пояснений способ приведения примеров.

Отметим прежде всего, что само слово *пример*, которое приходится использовать постоянно, к сожалению, в русской лингвистической практике двусмысленно, а именно, оно всегда означает один экземпляр из некоторой категории единиц, но этот экземпляр может рассматриваться двояко: 1) как представитель всей категории (один из многих возможных), взятый для иллюстрации того или иного общего положения; 2) как конкретная единица, представляющая ровно саму себя; в математике этому соответствует понятие вхождения. Ср.: *В своем рассуждении автор использует два примера пятисложных слов (пример в первом значении) — В данном памятнике встретилось всего два примера пятисложных слов (пример во втором значении)*. В значительной части случаев эта двусмысленность снимается контекстом, но все же далеко не всегда. Скажем, формулировка «*В памятнике X изредка встречается явление Y, приводим соответствующие примеры*» вполне допускает как первое, так и второе значение слова *пример*; при первом значении приводимый далее список случаев явления Y должен пониматься как выборочный, при втором — как исчерпывающий.

Способов полностью избежать этой досадной двусмысленности, не прибегая к малоупотребительным или новоизобретенным терминам, мы, увы, не

видим. Но для уменьшения этой двусмысленности условимся все же в дальнейшем изложении соблюдать следующее: слова *например* и *иллюстрация*, а также формула «*примеры*» (или «*приводим примеры*») после некоторого правила реализуют первое значение слова *пример* (и соответственно, автоматически предполагают, что приведен не весь имеющийся материал); с другой стороны, при употреблении с числительным реализуется второе значение слова *пример*.

При приведении примеров в настоящей работе используется ряд условных знаков. Поясняем их здесь кратко; полное объяснение см. в параграфах, на которые даны отсылки.

- ∇ — начало той клаузы, ради которой приводится пример;
- ° — проклитическое употребление полупроклитики (см. § 0.2 и 1.38);
- // — так наз. ритмико-синтаксический барьер (см. § 1.18);
- / — либо ритмико-синтаксический барьер, либо проклитическое употребление предшествующей словоформы (неизвестно, что именно из этих двух) (см. § 1.38).

Запись типа (+ 307) указывает на то, что аналогичный (не обязательно идентичный) пример имеется также и по указанному дополнительному адресу.

При цитировании словоформ, записанных в оригинале с отклонениями от обычной графики, может быть использована нормализованная запись; ее элементы заключаются в угловые скобки, например, *двор(ь)*, *кон(ь)*, *буд(е)ть* вместо стоящих в оригинале *дворо*, *коне*, *будеть*.

Как уже указано, сокращенные записи (преимущественно надстрочные), могут быть раскрыты. Восстановленные при этом буквы помещаются в круглые скобки, например: *что с(а) дѣть* вместо *что с дѣть*. В круглые скобки заключаются также буквы, пропущенные в оригинале, и конъектуры.

Лишние буквы, написанные в оригинале (при переходе с одной строки на другую или просто по ошибке), заключаются в фигурные скобки, например: *хароти{ти}ю*.

Необходимо также сделать следующее важное предупреждение относительно приводимых в книге (в тексте или в таблицах) данных о количестве тех или иных примеров (во втором смысле) и о различных процентных соотношениях. Чтобы не загромождать изложение деталями, не имеющими большого значения с точки зрения задач настоящей работы, данные этого рода приводятся ниже в виде точных цифр, без знака $\approx$ и без обсуждения того, как оценены при подсчете те или иные недостаточно ясные примеры. Но в действительности, несмотря на эту видимость полной точности, все эти данные должны рассматриваться не как идеально точные, а как приблизительные (правда, обладающие достаточно хорошей степенью приближения).

Дело в том, что идеальная точность при подсчете примеров в текстах по нескольким причинам недостижима. Эти причины таковы.

1) Практически в любом древнем тексте есть трудные места, допускающие более одной интерпретации (в том числе даже на синтаксическом уровне). Отсюда неполная надежность любой из интерпретаций такого места.

2) В древних источниках, в особенности в берестяных грамотах, имеются обрывы и иные виды утраты или порчи, из-за которых некоторые фразы не-

вестны нам лишь с лакунами. Вопрос о том, какие из этих фраз все же можно и какие нельзя включать в общие подсчеты, не имеет строгого решения.

3) Сходную проблему составляют фразы, синтаксически неправильные (из-за случайной ошибки или из-за того, что писавший не справился со сложным синтаксисом). При синтаксической классификации их можно отнести к какому-то классу лишь после того или иного исправления, а эта операция неизбежно носит предположительный характер.

4) Интересующий нас при изучении того или иного вопроса тип примеров не всегда удастся определить с полной строгостью. Отсюда возможность колебаний в оценке примера переходного или недостаточно ясного типа.

5) Наконец, при обсчете больших массивов практически невозможно полностью избежать единичных пропусков или ошибок.

Не значит ли все это, что наши подсчеты вообще бессмысленны? Нет, не значит. Дело в том, что погрешности, возникающие даже по сумме всех указанных выше причин, не превышают нескольких процентов, а для нашего исследования нигде не требуется идеальной количественной точности. Все проводимые нами подсчеты служат лишь для того, чтобы выявить некие общие тенденции или общее направление эволюции. При такой постановке задачи малые погрешности не могут изменить получаемых выводов.

Глава первая

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЭНКЛИТИК

§ 1.1. В ходе истории языка в состав энклитик постепенно переходят некоторые слова, которые первоначально были акцентно самостоятельными. Этот переход, естественно, занимает довольно длительный период времени. На протяжении этого периода соответствующее слово во все более высоком проценте фраз подчиняется правилам для энклитик, но все же хотя бы изредка оно еще может выступать и в своем акцентно самостоятельном качестве.

Соответственно среди энклитик можно различить древнейшие (например, *же, ли, бо, ми, ти*), несколько менее старые (например, *ма, та, са*) и относительно молодые (*связки, бы*). Первые совершенно устойчивы в своих энклитических свойствах, вторые — несколько менее; третьи же еще неустойчивы, у них встречается и акцентно самостоятельный вариант.

В этом пункте имеется некоторое различие между народной и книжной речью: в живой народной речи единицы всех этих категорий функционируют именно как энклитики, в книжной же молодые энклитики еще могут частично сохранять свои прежние просодические свойства.

Максимально близкое отражение живой речи представлено в берестяных грамотах. Среди них необходимо различать ранние (XI — 1-я треть XIII в.) и поздние (2-я треть XIII — XV в.). В том, что касается энклитик, первые отражают древнейшее состояние, вторые — уже несколько продвинутое в сторону современного языка.

Другим ценнейшим источником является Киевская летопись за XII в. по Ипат. (иначе Киевский свод), хотя здесь все же в какой-то мере сказывается искажающий эффект переписки в XV в.

Кардинальное обстоятельство состоит здесь, однако, в том, что этот памятник не однороден. Он отчетливо делится в данном отношении (как и в ряде других) на два компонента, вклиненных один в другой:

а) прямая речь светских лиц (кроме случаев, указанных в следующем пункте);

б) авторская речь летописца и прямая речь церковных лиц; сюда же входят покаянные и молитвенные речи, вложенные летописцем в уста светским персонажам.

Без указанного разграничения данные Киевской летописи оказались бы смазанными и малопоказательными. (Точные количественные данные, показывающие, сколь резко различаются между собой два компонента Киевской летописи с точки зрения изучаемых нами явлений, приведены в § 4.16.)

Примечание. Эта особенность отличает Киевскую летопись почти от всех других летописей (в том числе от Галицко-Волынской летописи, тоже входящей в Ипат.)

Послания князей друг к другу по языку и стилю выглядят здесь очень похоже на берестяные грамоты (последние, правда, обычно короче). Это, конечно, не буквально вписанные в летопись реальные княжеские грамоты, но в данном случае летописцы вторгались в стиль посланий в гораздо меньшей степени, чем в других летописях.

Ниже мы будем называть первый из указанных компонентов просто прямой речью (или диалогической речью); как уже указано выше, он сокращенно обозначается «Ки-в-Д» (т. е. «диалогическая часть Киевской летописи»). Второй компонент будем называть авторской речью.

Ранние берестяные грамоты и Ки-в-Д обозначаются ниже как источники, «образцовые с точки зрения поведения энклитик» (сокращенно просто: «образцовые»).

ЗАКОН ВАКЕРНАГЕЛЯ

§ 1.2. В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках, расположение энклитик, относящихся к сказуемому (или, что то же, ко всей клаузе в целом)¹³, подчиняется так наз. закону Вакернагеля, состоящему в том, что **все такие энклитики входят в состав первой тактовой группы клаузы** (образуя конечную часть этой тактовой группы).

Применительно к славянскому материалу см. об этом в первую очередь Якобсон 1935.

Примеры (энклитики подчеркнуты):

постережи же землѣ своен;

а такого ти ('тебе') веремени иногда не боудеть;

Новѣ ти ('тебе') городъ держати по старинѣ, без обиды;

тура ма два метала на розѣхъ и с конемъ;

олень ма одинъ боль;

моложьшему са не поклоню;

а сѣмо са за нами Днѣпръ росполиваетъ;

а доумоу есми с ними доумать;

и того еси всего не оуправиль.

Если энклитик, относящихся к сказуемому, несколько, они в нормальном случае стоят непосредственно друг за другом, образуя то, что мы будем далее называть блоком энклитик.

Примеры:

была бо ми мысль на пострижение;

затѣ ти са король кланаетъ;

на же есмь Гюрга ис Киева выгнать;

како же ми еси самъ рекъ.

Энклитики, относящиеся по смыслу к отдельному слову (но не к сказуемому), не подчиняются закону Вакернагеля, а располагаются просто непосред-

¹³ Мы временно отвлекаемся здесь от трудностей, возникающих при определении того, что относится и что не относится к сказуемому. Этот вопрос обсуждается отдельно в § 1.36.

ственно после того слова, к которому относятся. Соответственно, древнерусские энклитики делятся на два класса: фразовые (или, иначе, «вакернагелевские») и локальные («невакернагелевские»).

В настоящей работе мы далее почти везде рассматриваем только фразовые энклитики и поэтому уточнение «фразовые» в большинстве случаев опускаем (а при локальных уточнение сохраняем).

В силу закона Вакернагеля блок энклитик, относящихся к сказуемому, реально следует за сказуемым лишь в том случае, когда оно стоит в начале клаузы, например: *отступилъ ти са ксмь того села* 'я отступился в твою пользу от того села (= уступил тебе его)'. В прочих случаях такой блок оказывается чисто механически привязан к какому-то слову, к которому он непосредственно не относится, например: *того ти са ксмь села отступилъ*.

Специально отметим, что, как видно на последнем примере, блок энклитик может даже вклиниваться внутрь словосочетаний. В таких случаях нарушается так называемый принцип проективности, состоящий в том, чтобы никакая непосредственная составляющая предложения не была разорвана словом или словами, ей не принадлежащими. В данном примере проективность нарушена тем, что непосредственная составляющая *того села* разорвана не относящимися к ней с синтаксической точки зрения словами *ти са ксмь*.

Из закона Вакернагеля вытекает, в частности, следующее простое следствие: между сказуемым и относящейся к нему энклитикой, расположенной правее его, не может быть вставлена никакая акцентно самостоятельная словоформа. Например, невозможны фразы: **далъ хлѣбъ ми*, **далъ тобѣ есмь*, **далъ мѣнѣ бы* (где *ми*, *есмь*, *бы* — энклитики, а *хлѣбъ*, *тобѣ*, *мѣнѣ* — акцентно самостоятельные словоформы); возможно только: *далъ ми хлѣбъ*, *далъ есмь тобѣ*, *далъ бы мѣнѣ*.

Примечание 1. В действительности единичные примеры подобных неправильных фраз в текстах все же встречаются. Обычно это просто ошибки переписчика. Например, во фразе *а мы иже били кого играюще ксме* (ЖАЮ, 8в) энклитика *ксме* отделена от *били* сразу двумя акцентно самостоятельными словоформами. Но сравнение с другими списками ясно показывает, что текст здесь искажен: в большинстве других списков стоит правильное *а мы иже били ксни играюще* (см. Молдован 2000: 179).

Из случаев, где тоже возможна прямая ошибка писавшего, но не исключены и другие объяснения, отметим две фразы из берестяных грамот: *а женоу ти били*, ∇ *не измучили чего же 156*; и *оградои ѿ ного ксни 370п*. В первой из них, возможно, мы имеем дело с переходом *же* в подчинение слову *чего* (иначе говоря, с ранним примером использования *же* в роли локальной энклитики). Если это так, то *чего же* уподобляется здесь таким единствам, как *чего-то* или *чего-нибудь*; ср. современные фразы типа *ведь ты это знал, не сказал почему же?*, возможные в разговорной речи (при более обычном *почему же не сказал?*). Во второй фразе словоформа *ксни*, возможно, должна интерпретироваться как близкая по смыслу к полнозначному *ксни* (*ксни*) 'пребываем'; другое мыслимое объяснение состоит в том, что здесь приобретает энклитический характер сочетание *ѿ ного* (ср. примеры с *кму кси*, *кю кси* в § 3.16).

Место конкретной энклитики во фразе характеризуется прежде всего тем, каково оно по отношению к сказуемому: различаются *препозиция* (положение слева) и *постпозиция* (положение справа). В дальнейшем при терминах

«препозиция» и «постпозиция» везде подразумевается: «по отношению к сказуемому».

Примечание 2. Здесь необходимы дополнительные уточнения для случая, когда сказуемое состоит из двух или более словоформ. При составном сказуемом, включающем *л*-причастие, препозиция/постпозиция энклитики определяется по отношению к *л*-причастию (в плюсквамперфекте со вспомогательным *быть*, типа *ходить* *быть*, — по отношению к полнозначному *л*-причастию). Например, во фразе *клясть* *са* *быть* энклитика *са* расценивается как стоящая в постпозиции, а в *быть* *са* *клять* — в препозиции. При составном сказуемом любой другой структуры она определяется по отношению к вспомогательному глаголу. Например, во фразе *бѣ* *бо* *старь* энклитика *бо* расценивается как стоящая в постпозиции, а в *старь* *бо* *бѣ* — в препозиции.

Особый случай составляют энклитики, которые сами являются частью составного сказуемого, а именно, связки *есмь*, *еси* и т.д.¹⁴ Их препозиция/постпозиция определяется по отношению к другому члену составного сказуемого (в конструкции типа *ходить* *есмь* *быть* — по отношению к *быть*). Например, во фразах *тебе* *есмь* *не звать*, *ты* *ми* *еси* *другъ* энклитики *есмь*, *еси* находятся в препозиции, а в *не звать* *есмь* *тебе*, *другъ* *ми* *еси* — в постпозиции. Особо отметим в этой связи фразы, где у именной части сказуемого имеется подчиненное слово, например: *гости* *есме* *твои* (связка в постпозиции), *твои* *есме* *гости*, *людемъ* *еси* *благодѣтель* (связка в препозиции).

Для точного описания действия закона Вакернагеля в конкретном языке определенной эпохи необходимо зафиксировать следующее:

- 1) какие именно отрезки речевой цепи являются с точки зрения закона Вакернагеля теми единицами, внутри которых отыскивается первая тактовая группа;
- 2) какие именно словоформы являются фразовыми энклитиками (их список всегда строго ограничен и сравнительно невелик);
- 3) в каком порядке располагаются фразовые энклитики в блоке из нескольких энклитик (этот порядок почти всегда бывает жестким).

Особого замечания требует поведение энклитик во фразах с однородными сказуемыми. Если некоторая энклитика относится по смыслу только к одному из однородных сказуемых, она, естественно, помещается в соответствующей клаузе и никаких проблем не возникает.

Если же она относится по смыслу сразу к двум или более сказуемым, то она может либо повторяться при каждом из сказуемых, либо выступать только при одном из них. Таким образом, здесь в принципе возможны три синтаксических решения:

- 1) повторение энклитики, например: *кѣназь* *знаеть* *та* и *любить* *та*; *пришель* *еси* и *реклъ* *еси*; *старь* *есмь* и *боленъ* *есмь*;
- 2) энклитика только при первом из сказуемых, т.е. в составе первой из соответствующих клауз (см. § 0.5, п. 3), например: *кѣназь* *знаеть* *та* и *любить*; *пришель* *еси* и *реклъ*; *старь* *есмь* и *боленъ*;
- 3) энклитика только при втором из сказуемых, например: *кѣназь* *знаеть* и *любить* *та*; *пришель* и *реклъ* *еси*; *старь* и *боленъ* *есмь*.

¹⁴ Полезно напомнить, что отрицательные формы тех же связок (*нѣсмь*, *нѣси* и т.д.) не являются энклитиками; тем самым сказанное к ним не относится.

Примеры из текстов.

Вариант 1 — *а целовало еси ко мнѣ, а не прислало еси 445п;*
колико ми зла безмѣи створи, колики бѣды ми показа (ЖАЮ, С26 об.);
Гѣ, съгрьшишь ти ксѣмъ, да прости ма и помилуи ма (ЖАЮ, 56г).

Вариант 2 — *виделе ксѣмъ и цюле 154;*

се брате, на ма еси приходиль и землю новоевать [1149], 138 об.;
яко на семь пути вамъ любо ма яти, любо оубити въ Игоря мѣсто [1147], 127;

Вариант 3 — *книгами бо кажеми и оучими ксѣмы (ПВЛ, 51 об.);*

яко макоѣ и младѣ еси (ЖАЮ, С31);

Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси (СПИ, 182).

Реально в текстах преобладает вариант 2, варианты 1 и 3 встречаются существенно реже.

Иную картину дает только энклитика *са*: для нее в данном пункте нормой является вариант 1, и лишь в качестве крайне редкого исключения встречается вариант 2 (см. § 4.14). Понятно, что эта особенность есть прямое следствие того, что энклитика *са* с весьма раннего времени проявляет тенденцию к семантическому и синтаксическому объединению с глагольной словоформой.

При изучении действия закона Вакернагеля в древних памятниках важно учитывать, что соблюдение этого закона было свойством живой древнерусской речи. На письме же соответствующие эффекты отражались лишь в той степени, в которой памятник приближался к живой речи. Так, в берестяных грамотах они отражаются почти безупречно, тогда как искусственная церковнославянская норма допускала многочисленные отступления от них, поскольку по этой норме многие энклитики (например, *связки*) могли трактоваться как полноударные словоформы и тем самым не подчиняться законам поведения энклитик. (Подробнее об этом см. § 4.2.)

РАНГИ ЭНКЛИТИК

§ 1.3. Фундаментальный принцип, определяющий взаимное расположение фразовых энклитик в рамках одной тактовой группы, состоит в том, что для любых двух энклитик жестко зафиксировано, какая из них должна стоять левее и какая правее (кроме случаев, когда данные две энклитики вообще несовместимы друг с другом в рамках одной тактовой группы). Это так называемый «ранговый» принцип: каждая фразовая энклитика принадлежит к определенному рангу; в блоке любая единица меньшего ранга стоит левее любой единицы большего ранга.

Если в языке порядок единиц некоторого типа (например, слов или морфем определенной категории) действительно подчиняется указанному фундаментальному принципу, то его практически удобнее всего описывать именно в терминах рангов. В этом случае при описании весь инвентарь рассматриваемых единиц разбивается на ранги в соответствии с реально наблюдаемым порядком этих единиц в блоках.

Основные фразовые энклитики

Как показывает изучение материала, основные древнерусские энклитики, относящиеся к сказуемому, действительно могут быть описаны в терминах рангов. Их распределение по рангам оказывается таково (пояснения при энклитиках даны упрощенно, подробнее см. ниже):

- 1) *же* (противительное и усилительное);
- 2) *ли* (частица);
- 3) *бо* (частица);
- 4) *ти* (частица);
- 5) *бы*;
- 6) местоимения в дательном падеже — *ми, ти, си, ны, вы, на, ва*;
- 7) местоимения в винительном падеже — *ма, та, са, ны, вы, на, ва, и, ю, е, ъ, я*;
- 8) связки — основную группу здесь составляют связки 1-го и 2-го лица: *есмь (есми), еси, есмь (есме, есмо, есмы), есте, есѣѣ, еста* [2 дв.]; дополнительную группу составляют связки 3-го лица: *есть, суть, еста* [3 дв.].

В приведенном описании не содержится информации о том, как располагаются относительно друг друга единицы одного и того же ранга. Как показывает анализ материала, в системе древнерусских энклитик положение таково: две энклитики одного и того же ранга в рамках одной тактовой группы несовместимы. Фраза, где возникла бы такая ситуация, должна быть так или иначе перестроена; например, вместо невозможного **дати ми ти рубль* может быть сказано *дати ми тобѣ рубль*, где энклитика *ти* заменена полноударным *тобѣ*.

Жесткость рангового принципа — почти такая же, как у морфем внутри словоформы; ср., например, *ид-е-м-те*, при невозможности **ид-е-те-м* и т. п. К сожалению, традиционные описания древнерусского языка совершенно упускают этот чрезвычайно четкий грамматический механизм из поля зрения.

Рассмотрим последовательно основные фразовые энклитики всех рангов, демонстрируя на конкретных примерах взаимное расположение энклитик разных рангов. Особое внимание уделено фразам, где соединяются энклитики смежных рангов: из них наиболее наглядно видна последовательность рангов.

У многих энклитик имеются варианты с утратой конечной гласной: *жѣ* при *же*; *лѣ* при *ли*; *бѣ* при *бы*; *тѣ* при *ти*; *мѣ* при *ми*; *сѣ* при *са* и т. п. Но эта фонетическая сторона дела с точки зрения основной задачи настоящей работы несущественна, и мы это варьирование никак более не оговариваем.

При приведении иллюстраций цитирование начинается либо с начала клаузы, либо раньше такого начала, если это необходимо для ясности; в последнем случае точка начала интересующей нас клаузы может быть помечена специальным знаком — ∇.

Энклитика ранга 1 — *же*

§ 1.4. К этому рангу принадлежит *же* (частица и союз) в своих основных значениях — противительном, причинном, усилительном, а также в роли «скре-

пы» двух клауз (в конструкциях типа *продавъше дворъ, идите же съмо*; см. ДНД₂, § 4.34).

В прочих значениях энклитика *же* является не фразовой, а локальной. Таковы: а) *же* с отождествительным значением, как в *тотъ же, тамо же, а то даль Иванъ же* 'а это дал тоже Иван' и т.п.; б) *же* с присоединительным значением в случае соединения имен, например, *съ Гюрьгемъ же съ Лукою* 'с Гюргием и с Лукой'; в) *же* при отрицательных местоимениях и наречиях, например, *никъто же, никогда же*.

Пункты «б» и «в» не вызывают трудностей. Сложнее обстоит дело с пунктом «а», поскольку в древних текстах в позиции начала клаузы нередко трудно отличить *тотъ же* 'тот же самый', *такъ же* 'тем же способом' и т.п. от *тотъ, тако* и т.д. в сочетании с *же* в роли «скрепы». Например, фраза *прислали к нему, тако же рекоуче* допускает две интерпретации: а) 'прислали к нему, говоря так же'; б) 'прислали к нему, говоря так'. В таких случаях приходится производить дополнительный семантический анализ с учетом более широкого контекста, а если и он не даст определенного результата, то рассматривать обе возможности.

В *иже* 'который' (во всех формах), *оже, аже, уже, неже, нежели* морфема *же* уже как отдельное слово не вычленивается и, соответственно, под рассматриваемые здесь правила не подпадает.

Примеры, иллюстрирующие позицию фразового *же* в составе комплекса энклитик.

Ранги 1, 2 — *накы же ли, послѣ(та) ...* 'если же нет, то пошлите...' 510п;

егда же ли накы кого слышааше бесѣдоующа (Феод., 38г);

римланъ же ли ждѣте на очищеніе стѣго мѣста? (Флав., 424г).

Ранги 1, 2, 7 — *егда же ли са кѹму не хоташе ходити в нощи* (ЖАЮ, 8г).

Примечание. Сложный союз *аще ли* (старославянский и церковнославянский) в большинстве случаев ведет себя как единое слово (подобно *али, или, нежели, уже ли* и др.); соответственно, *же* ставится после него, например: *аште ли же ни мѣзды не имате* (Мар., Мт. 6.1); *аще ли же кто ѿ князь (...) преступить се* (ПВЛ [945], 14); *аще ли же, то да съваривъше пшеницу...* (Феод., 50б). Однако в некоторых древнерусских памятниках встречаются также примеры трактовки *ли* в составе *аще ли* как отдельного слова; в этом случае по общему правилу получается *аще же ли*, например: *аще же ли бы хотѣлъ повинуютиса кѹму, вѣдѣлъ бы...* (Усп. сб., 124 г); *аще же ли аки Хѣ приимаеши, то не стыдѣса ногоу оумыти емоу* (Пчела, 78).

Ранги 1, 3 — *тѣгда же бо слышавъ о блѣженѣмъ Антонинѣ ...* (Феод., 31б);

нако же бо ѿиѣ мои, дома съда, изумѣаше 5 языкъ (Мономах, 80 об.);

н(е)бо же бѣ блѣше помраченно и кровѣво (Александрия, 65).

Ранги 1, 4 — *не поѣдеш ли вонъ, на же ти боудоу помочникъ бра^т своему на та* (Гал.-Волын. [1289], 305 об.; *ти* — частица).

Ранги 1, 4, 6 — *да же ти ми боудете дѣбр[о] ...* 'если же у меня все будет хорошо' Смол. 12.

Ранги 1, 5 — *мы пошли до Киева, да же бы была рать, битѣся быхо^у* 'мы дошли до Киева с тем, чтобы, если бы была битва, то сражаться' [1185], 225 об.

Ранги 1, 5, 6 — было же бы ми чимъ заплатити (Завещ. Клим.).

Ранги 1, 6 — мѣни же ми кѣльтькѣ четыре 'выменяй же мне четыре колтка' 335;

симо же ти соулити много 'эти [люди] будут тебе сулить многое' 600п.

Ранги 1, 6, 7 — кленоу же ти са бѣгомъ великомъ (Александрия, 48).

Ранги 1, 6, 8 — написалъ же ми еси бѣа себе суца (Александрия, 81).

Ранги 1, 6, 7, 8 — ны" же, брате, ако же ми са еси самъ върекль, потѣзи же на конѣ [1150], 147 (са взято из Хлебн., в Ипат. оно пропущено).

Ранги 1, 7 — избивъ роукы, поустилъ же ма, а иноую поалъ 'ударив по рукам (в знак новой помолвки), он меня прогнал, а другую взял в жены' 9.

Ранги 1, 7, 8 — а про кого же та есмь и на конь всадилъ ... [1196], 241.

Ранги 1, 8 — оже же еси продала, то въдан семоу дѣтьскамоу Ст. Р. 8; како жь еста торговала ... 510п.

Энклитика ранга 2 — *ли*

§ 1.5. К рангу 2 принадлежит частица *ли* 'ли', 'или', 'если'.

Следует учитывать, однако, что наряду с этим существовал и полноударный союз *ли* 'или'. Это особенно хорошо видно из Чудовского Нового Завета, где значение 'или' обычно передается именно этим союзом и он почти всегда имеет знак ударения: *ли*. Примеры (с сохранением разделительных точек подлинника): *ѿ ваѣ же ключихъ . да пребоудоу . ли . и озимѣю* 115в (отметим разделительную точку после союза *ли*, которая подчеркивает его самостоятельность); *ли юдѣкъмъ Бѣ токъмо, а не ли и языкомъ* 100г; *о немже браѣ твои претыкаѣтсѧ . ли сблаженѧѣтсѧ . ли изнемагѧѣт* 106в; *аще кто браѣ именуемъ ли блондникъ . ли лихоимецъ . ли идолослужитель . ли клеветникъ . ли пыаница . ли хитникъ . с таковымъ же не ясти* 110а. Соответственно, тот же просодический статус следует предполагать для *ли* и в такой фразе, как: *ныкыи же бо рабъ можетъ дѣвѣма господинома работати, ли бо кдиноного възненавидитъ, а дрѣгааго възлюбитъ, ли кдиноного дрѣжитъ са, а о друзѣмъ не радити начынетъ* (Остромир. ев., 62а, Мт. 6.24). Такое *ли* характерно для старославянского, а на древнерусской почве представлено только в книжной письменности. В живом древнерусском языке полноударное *ли*, по-видимому, уже почти не употреблялось, будучи вытеснено составным словом *или*. Даже в самом Остромировом ев. в другом месте (111г, Лк. 16.13) в этой же самой фразе оба *ли* заменены на *или*. В образцовых памятниках такое *ли* не встретилось ни разу.

Сочетания *а+ли* и *и+ли* уже в древнерусский период фактически превратились в единые слова *али*, *или* (см. § 1.39); см. также выше примечание относительно *аще ли*.

Особый случай составляют группы вида «*Х ли, У ли*», например: *идите же сѣмо, Смольнскоу ли, Киевоу ли* 424; *Амбале вороже, сверзи коверъ ли, что ли, что посылати или чимъ прекрыти гѣна нашего* [1175], 208 об. В их составе *ли* ведет себя как локальная энклитика.

Здесь и далее даются только примеры соединения рассматриваемой энклитики с энклитиками более высоких рангов, поскольку сочетания с энклитиками более низких рангов уже проиллюстрированы выше.

- Ранги 2, 3 — *ово ли бо ꙗ́ззи покои, Гї, ово ли пакы самъ охотуакии* 'ибо неу-
жели ты, Господи, то называешь это покоем, то, напротив, сам хулишь'
(Усп. сб., 273в);
ре" к нему напрасно старецъ: «видите ли бо бестудаго сего...?» (ЖАЮ, 27в).
- Ранги 2, 5: *но са" разумѣи — мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ
ко мнѣ* (Мономах, 84);
да рците ми, добръѣи гражєне, что хоцю створити, гдѣ ли бы обрѣсти его
'так скажите мне, добрые граждане, что мне делать или где бы мне найти
его' (ЖАЮ, С27 об.).
- Ранги 2, 6 — *годно ли ти миръ* 'если тебе угоден мир' [1148], 133 об.;
*и ре" к нему црь: «хощеши ли ми работати всею дїею, и створю та, да
будеши ты кдишъ ѿ славныхъ в полатѣ мои»* (ЖАЮ, 6в).
- Ранги 2, 7 — *инде ли са пригодитъ* 'или в другом месте окажется' 565п;
оже ли и додържатъ свѣта 'если же его (вора) додержат до рассвета' (ПР,
ст. 40).
- Ранги 2, 7, 8 — *не ротиль ли са кси на́ма* (Александрия, 72).
- Ранги 2, 8 — *а присъ(и)те ли грамотичу, сторови ли есте* 'пришлите мне гра-
мотку, как вы живы-здоровы' 424;
исправиль ли еси десять гривень на Русилѣ, съ Микулою послѣ семо 615п.

Энклитика ранга 3 — бо

§ 1.6. К рангу 3 принадлежит частица *бо*. В книжной письменности она встречается в древнерусских памятниках любого происхождения. Но в живой речи она существовала, по-видимому, только в диалектах Юго-Западной Руси (причем здесь имелся также и союз *бо*, который был проклитикой). В новгородских берестяных грамотах *бо* полностью отсутствует.

Примеры.

- Ранги 3, 4 — *сице бо ти бѣ тѣцаникъ къ Богоу блажєнааго и доуховьнааго оца
нашего Феодосіа* (Феод., 42в). Сюда же относится пример: *рѣчь молваче, и
лихо и добро, не кленитєся Бл҃гѣ, ни хр҃титєся: нѣту бо ти нужа никосѣ
же* (Мономах, 80), если *ти* здесь частица, а не местоимение.
- Ранги 3, 5 — *аще бо бы, рече, съде былъ, не бы оумьрлѣ братъ мои* (Усп. сб.,
227в; цитата из Ио.11.21).
- Ранги 3, 5, 7 — *аще бо бы са искоренилъ, то великъ бы плозъ правдѣ погыбѣ*
(Пчела, 443).
- Ранги 3, 6 — *жалъ бо ны естѣ: бра" нашего держиши Игоря* [1147], 127;
такою имѣю съ дѣяволомъ и съ идола кго, насилькѣ бо ми дѣють (ЖАЮ,
58а).
- Ранги 3, 6, 7 — *се бо ны са по дань яли* (ПВЛ [971], 22).
- Ранги 3, 7 — *оусрѣтоша бо ма слы ѿ бра"на можа на Волзѣ* (Мономах, 78^а);
*смрѣти бо са, дѣти, не боѣаши, ни рати, ни звѣри, но мужьское дѣло тво-
рите* (Мономах, 83);
наоучиша бо и ('его') *паропци* (Мономах, 83 об.);
велики бо са пеку тобою (ЖАЮ, 6а).
- Ранги 3, 8 — *хр҃тъ бо есме* *цѣловали* [1147], 127.

Энклитика ранга 4 — *ти*

§ 1.7. К рангу 4 принадлежит частица *ти*; не смешивать с союзом *ти* 'и', 'то' (проклитикой) и с местоимениями *ти* 'тебе' (энклитикой другого ранга) и *ти* 'те' (энклиноменом).

Эта частица была известна всем древнерусским диалектам, но особенно широко она была распространена в древненовгородском диалекте. В свободном употреблении она выступает прежде всего как своего рода «усилитель индикативности», а именно, подчеркивает, что факт имеет место, и указывает на его значимость для адресата речи. Но она может иметь также контекстно обусловленные дополнительные оттенки противопоставления, причины, следствия. Подробнее об этой частице см. Зализняк 1993, § 76–78 и ДНД₂, § 4.37.

Отметим, что *ати* (*ать*), *оти* (*оть*), *дати* (*дать*) 'чтобы', *тоти* (*тоть*) 'то, итак' (частица) функционируют уже как единые слова, т.е. частица *ти* здесь более не выделяется.

Примеры.

Ранги 4, 6 — *а Давыдъ ти ми не въдалъ, велить възати ѿ вежъникъ* 'Давыд ведь мне не отдал [гривну], велит взять у вежников' 664; см. также пример на энклитики рангов 1, 4, 6 выше, в § 1.4.

Ранги 4, 7 — *нъ помнѣ, что ти са юму хочеть створити въскорѣ* 'но помни же, что с ним должно случиться вскоре' (ЖАЮ, 38а); *зрите на бестудную сию лисицу, како ти са ломить* 'смотрите на бесстыжую эту лису, как вот она кривляется' (там же, 36б).

Ранги 4, 8 — *ѿцелель ти есмь ѿ пожарѣ* 'я вот уцелел от пожара' 710; *селе ти есемо Коломене на лодию* 'я сел в Коломне на ладью' Ст. Р. 31; *(ст)[орови] ти есме вохе* 'мы все живы-здоровы' 670.

Что же касается соотношения рангов 4 и 5, то здесь, к сожалению, мы не располагаем безупречными примерами. Встретились только сочетания, где бы стоит после *дати* (*дать*), т.е. после слова, где частица *ти* уже срослась с предшествующим *да* (и, следовательно, в принципе могла и потерять свои первоначальные комбинационные свойства): *что Олекса Колбинъ даль пороукоу в коунахъ, дати бы дати коуны на Пьтровъ днь* ... 'что касается того, что Олекса Колбинец поручился за деньги, [а именно, за то], чтобы деньги были отданы на Петров день...' 389п; *чо бы еси моего москотья {моего} пересмотреле, дад бы хорь не попортиль* 'пересмотрел бы ты мое добро, чтобы моль не испортила' 413п (*дад бы* из *дать бы*). Таким образом, порядок рангов 4 и 5, пока не найдено соответствующих чистых примеров, строго говоря, должен быть признан условным.

Энклитика ранга 5 — *бы*

§ 1.8. К рангу 5 принадлежит *бы* — развившаяся из словоформы аориста частица, которая служит показателем сослагательного наклонения.

Это «молодая» энклитика; процесс превращения полноударной словоформы в энклитику в данном случае в древнерусский период еще не завершился.

Прежде всего здесь необходимо отличать *бы* как показатель сослагательного наклонения от аориста *бы* (который встречается в книжных текстах в каче-

стве варианта к *бысть*). Аорист *бы* — не энклитика, а полноударная словоформа. Это видно из его позиции, например, в таких фразах из Ипат. (из авторской речи):

бы же Стѣслагоу, ѡже пришесть на нѣ Изаславъ Дѣвѣвичь 123 об.;

и бы вечеръ 'и настал вечер' 109;

и бы съча зла межѣ ими 139;

том же лѣтъ бы знамение въ слѣци 185 (здесь *бы* стоит после двучленного словосочетания, тогда как энклитика должна была бы стоять после первого члена такого словосочетания).

Отметим еще, что *абы* (из *а бы*) ведет себя уже как единое слово. Соответственно, например, во фразе *абы бо съде быть* (Усп. сб., 227в) *бо* стоит правее *абы*.

Но даже и как показатель сослагательного наклонения *бы* не всегда ведет себя как энклитика. Следует полагать, что процесс превращения этого *бы* в энклитику полностью осуществился в древнерусском языке только в народной речи.

В самом деле, в образцовых памятниках надежных примеров неэнклитического употребления такого *бы* нет.¹⁵

В древнерусских книжных памятниках просодический статус *бы* неустойчив. Хотя в большинстве случаев и в этих памятниках *бы* стоит в позиции, нормальной для энклитики, обычно в большем или меньшем количестве (в зависимости от памятника) встречаются и такие фразы, где позиция *бы* соответствует полноударности, например:

Усп. сб. — *добро бы оубо было, аще са бы Июда покаять* 248а (*бы* правее энклитики 7-го ранга *са*);

ты бы просила оу него, и дасть ти бы водоу живоу 257а (цитата из Ио. 4.10) (*бы* правее энклитики 6-го ранга *ти*);

и въ толикоу глоубиноу бы въшьль 170б (*бы* после актантной группы из двух полноударных слов);

ЖАЮ — *да достояло ми бы славити кѡго и хвалити* 11б (*бы* правее *ми*);

то ти бы было досити, кѡже кси прежде възль 30а (*бы* правее *ти*);

да не можы, како ю бы повергль 44г (*бы* правее *ю*);

оучаше кѡго, како са бы кму противити кѡфиону 3 об. (*бы* правее *са*).

Ср. аналогичные фразы в старославянских памятниках, например:

Супр. — *колико са бы троудиль* 49;

вины искааше, како са бы съ братиѣхъ познать III–50.

¹⁵ Лишь в одном примере в принципе могло бы стоять неэнклитическое *бы*: ... *нара-
диль* (ра в.м. ра) *еси би его* 618п. Но грамота № 618 — это обрывок, и интерпретировать *би*
как замену для *бы* можно лишь предположительно; так что пример ненадежен. Что касает-
ся фразы в Киев-Д: *брате, кому ищещи волости, брату ли или сѣни? а добро ти бы ради
не починавши преди* [1159], 178 об., то здесь отрезок *ти бы ради* представляет собой про-
сто ошибку переписчика. Он искажил здесь подлинный текст, сохраненный в Хлебников-
ском и Погодинском списках: *а добро бы ти рати не починавши преди* (где энклитики
стоят совершенно правильно).

Примечание. Книжные тексты отличаются от народных еще и тем, что здесь свободно употребляются сочетания *да бы* и *не бы* (с *бы* как показателем сослагательного наклонения), которые в народных текстах не встречаются; например: *да бы са кму мвила* (ЖАЮ, 4об.); *аще бо не бы смърти было* (Усп. сб., 272б); ср. также в старославянском: *аште бо не бы было хытрости чловъчьскы, то не бы имѣть богъ* (Супр., 82) и т.п. Эти сочетания представляют собой либо проклятико-энклитические комплексы, либо сочетания проклятики с полноударным *бы* (таким же, как в *аще са бы Иода покаль* и т.п.); различить эти две возможности нельзя.

Приводим примеры для *бы*, иллюстрирующие механизм рангов, из образцовых памятников (которые, как можно предполагать, отражают в данном пункте узус живой речи).

Ранги 5, 6 — *да цо бѣ ти година ѿт[ъ]правитъ отцу, ино бѣ добро 'да чтоб тебе справить годовое поминание по отцу, то было бы хорошо' 19п; аже бы лиха хотѣть, то что бы ми годно, то же бы створитъ [1140], 113об.; то аче бы ми и далече того блюсти ѿслати, а могъ бы^х Игоря съблюсти [1147], 130.*

Ранги 5, 7 — *то [из] оцью бы са вытьрьго притьклъ 752; како, осподи, попечалукниъ о мѡки) голови, чо бы са на мена не родила грамота бесуднаа 302п.*

Ранги 5, 7, 8 — *что бы ма ксте жаловатѣ про свок коунѣ 949п.*

Ранги 5, 8 — *купишь ксмъ соль немецкую, то бѣ кси съмъ припровадилъ 'я закупил немецкую соль; доставил бы ты ее сюда' 282п; что бы кси, гѣне, дале мѣсце мнѣ на дорѣ, и азъ быхъ, гѣне, собѣ избу поставиле 610п; чо би <бы> есте поихали во городо ко радости моеи 'поехали бы вы в город мне на радость' 497п; вы бы есте мнѣ повѣдалъ [1187], 228.*

Особый вопрос составляют прочие показатели сослагательного наклонения: *быхъ, быхомъ, быховѣ, бысте, быста, быша*. Они очевидным образом имеют тенденцию превратиться в энклитики подобно *бы*, но продвинулись по этому пути заметно меньше. К сожалению, для точного определения их просодического статуса в живом языке материала недостаточно.

В берестяных грамотах пока что встретилось только 4 примера *быхъ* и один пример *быицѣ* (из *быша*). Вот они (кроме обрывка № 847): *а ныне быхо посолале 705; то же нынеча // радѣ быхъ послате [срам]о[тѣ] 724; и азъ быхъ, гѣне, собѣ избу поставиле 610п; окынь быше стрѣ[тъкы] 809*. Как можно видеть, все они допускают интерпретацию словоформ *быхъ, быицѣ* как энклитик; но для вывода о том, что они действительно уже стали регулярными энклитиками, этого, разумеется, недостаточно.

В Киев-Д статус этих словоформ неустойчив. В большинстве случаев они стоят в позиции, нормальной для энклитик, например: *аще быхъ събдаты <...>, а могъ бы^х Игоря съблюсти [1147], 130; но за ѡдinemъ быхомъ ицтомъ быхъ с тобою, и мьстили быхомъ ѡбиды твоа [1195], 237. (Что касается *аыхъ* [и т.д.], то здесь следует предполагать такое же слияние в единое слово, как в случае *абы*, см. выше.) Но наряду с этим встречаются и фразы, где эти словофор-*

мы стоят в позиции, свидетельствующей о полноударности, например: *река, яко «мьстильса быхъ Всеволодоу, но не лзъ Ростиславици»* [1180], 215 (после *са*); *да же бы была рать, билиса быхомъ* [1183], 225 об. (после *са*); *и сибѣа своего быхомъ выстоиши* [1196], 239 (после двучленной актанта группы).

Энклитики ранга 6 — местоименные словоформы дательного падежа

§ 1.9. К рангу 6 принадлежат местоименные словоформы дательного падежа *ми, ти, си, ны, вы, на, ва*.

Что касается возвратного *си* 'себе', то в живом древнерусском языке оно в свободном употреблении практически отсутствует. При нескольких глаголах (в частности, *жалити си, пожалити си, тѣтити си*) оно в течение какого-то времени сохранялось в качестве показателя возвратности. В древний период существовала также развившаяся из него частица *си*; ср., например: *то си хотя мѣлѣви* 'хоть и такое говори' 605; *а Вѣлчиноу си пошѣли моужь шѣ* 902 'а в Волчино же пошли другого мужа'. Эта частица — тоже фразовая энклитика и, вероятно, того же ранга 6, что и исходное *си* 'себе' (но проверить ранг здесь невозможно из-за отсутствия нужного числа примеров).

Примеры.

Ранги 6, 7 — *и покланяю ти са, братьче мои* 605;

не останеть ти са ни моуже 'не останется у тебя ни одного человека' 150;

а коупать ти и 'а купят у тебя его' 655;

аче ти ма оубити, сѣоу, на семъ мѣстѣ, а оубиши, а на не ъдоу [1150], 144 об.;

и то ми са выпа 'и вот что мне выпало' (Мономах, 78а);

али вы са начнеть не мочи, а трижды (там же).

Ранги 6, 7, 8 — *Бѣ вы помози, ѡже ми са есте яли помогати* [1149], 140;

а что ти са есмь бы^л ѡступи^л дани ... (ДДГ, № 11, 1389 г.).

Ранги 6, 8 — *а вдале ми еси хамече* 'ты дал мне полотнишко' 644;

чего еста хотѣла волости, то ва есмь изискаль [1146], 124;

Бѣ ти помози, брате, ѡже на еси тако помогль [1151], 152 об.

Имеется, однако, один частный случай, когда энклитики этой группы функционируют уже не как фразовые, а как локальные. Таковы *ми, ти, си* в значении 'мой', 'твой', 'свой'. Правда, такое употребление *ми, ти, си* для живой древнерусской речи было нехарактерно. Конструкция типа *отѣць ти* 'твой отец' нормальна для старославянского, а на древнерусской почве представлена в основном лишь в книжных памятниках; в берестяных грамотах ее нет. Вот некоторые примеры, показывающие, что такие *ми, ти, си* уже не подчиняются закону Вакернагеля:

Супр. — *а не съмѣжаите очию си противъ истинѣ* III-29;

како не погоуби оума си? III-72;

почто своемоу си завидиши съпасению? III-34 об.;

Феод. — *да дѣлаиши въ домоу си по воли свои* 32г;

и въ коиноу свитѣ си пребываише 34г;

доиде же пакы боудаше чрьньчъ искоушьнъ житиимъ чистымъ си 37г;

идиши же поутымъ и оуже въ странахъ своихъ си въпаде въ недоуъ дють 41б.

Ипат. (из речей церковного стиля) — *стыма страстотерпцема вѣстводовати еси, кровью оумы вса страдания ти* [1175], 206 об.;
мы же смиренни что воздамъ ти противу блгодѣянию ти? [1199], 244.

Замстим, что в древнерусских текстах иногда бывает трудно отличить такие *ми, ти* от подчиненных глаголу (со значением 'у меня', 'у тебя'), например: *брата ти Романа Бѣ поимъ* [1180], 217 — 'твоего брата взял' или 'брата у тебя взял'.

Энклитики ранга 7 — местоименные словоформы винительного падежа

§ 1.10. К рангу 7 принадлежат местоименные словоформы винительного падежа *ма, та, са, ны, вы, на, ва, и, ю, к, ъ, я*.

Примеры. Ранги 7, 8 — *цему ма еси погубилъ* 272п;
оже ны кси холопы нарекла 'что ты нас назвала холопами' 400;
тѣмъ та есмъ пожалова (ДДГ, № 11, 1389 г.).

Особое место в этом списке занимает энклитика *са*, обладающая рядом индивидуальных свойств — прежде всего тем, что она имеет самую сильную тенденцию переходить в постпозицию к глаголу. В связи с этим ее в дальнейшем часто приходится обсуждать отдельно от остальных энклитик; ниже ей посвящена целая глава 4.

Энклитики ранга 7 обладали той особенностью (с типологической точки зрения нехарактерной для энклитик), что они могли выступать после предлогов, например: *на ма, про та, за са, на ны, по нь* и т. д. В связи с этим Вайян (§ 97 и 262) называет их «полуэнклитиками».

Сочетания с предлогом типа *на ма* в просодическом отношении эквивалентны акцентно самостоятельным словоформам и, следовательно, уже не входят в сферу действия закона Вакернагеля (даже если они синтаксически относятся к сказуемому). Ничто не препятствует им, в частности, стоять как в начале, так и в конце предложения (как, например, *за та головы свои съкладываеми* [1177], 213 об.; *ради са бьемъ за та* [1989], 177). Они могут стоять после энклитик (как, например, *оже есте на ма пришли* [1154], 170 об.), а также служить базисом для присоединения энклитик, например: *а на ма са оборочиваи* [1150], 151 об. Понятно, что в последнем примере представлен не блок энклитик *ма са* (который невозможен, поскольку в блоке энклитик не могут участвовать две энклитики одного ранга), а полноударная единица *на ма* + энклитика *са*.

Способность сочетаться с предлогом — след прежнего полноударного статуса этих местоименных словоформ. В самом деле, они стали энклитиками относительно поздно. В старославянском имеется довольно много случаев, где они еще сохраняют полноударный статус, например:

прильпе дѣи моѣ по тебѣ, ма же приимъ десница твоѣ (Син. псалт., псалом 62);

рабъ бо не вѣсть, что творить г҃ъ его, вы же рѣхъ друзья ('вас же я назвал друзьями'; Мар., Ио. 15.15);

иже вы приемлетъ, ма приемлетъ (Мар., Мт. 10.40);

іже аште едино таковыхъ отрочатъ приметъ въ іма мое, ма приемлетъ (Мар., Мр. 9.37);

не боите вы са (Супр., III–89; *са* здесь отделено от глагола акцентно самостоятельной словоформой *вы* [И. падеж]);

приподобихомъ же и мы са матери оубоуби, не имжити гладомъ мѣка (Супр., III–58 об.; *са* отделено от глагола словосочетанием *и мы*);

и прѣдаша кмоу ѡ (Супр., II–5 об.; *ѡ* отделено от глагола акцентно самостоятельной словоформой *кмоу*).

То же относится к сочетаниям с союзами, которые в более позднее время уже невозможны:

ѣко же и ма възлюбитъ еси (Мар., Ио. 17.23);

и та ли можетъ понести оужасѣна дѣвица (Супр., II–7 об.);

*аште ты еси Хѣ, спса (= *спаси са*) самъ и ны* ('спаси сам себя и нас'; Мар., Лк. 23.39);

а и ны сынъ ихъ оустраши (Супр., III–61);

і вы бес печали сътворимъ (Мар., Мт. 28.14);

іны естъ сынѣлъ, да снѣтъ и са (Мар., Лк. 23.35);

не стыдиши и са, прѣисподѣиши темьныи дѣаволе (Супр., 37 об.).

Ср. еще: *вънимаи, дѣе оканѣнаи, да не прельцена боудеши, не ослабѣи, ∇ ни са възноси* (Нифонт, 10), где *ни са* — возможно, старославянский элемент.

Единичные реликты такого рода сохраняются и в древнерусских памятниках (но здесь это чрезвычайная редкость):

а са его заприть (ГВНП, № 28, 1190-е гг.);

да же ны Бѣ поможетъ, ∇ а са ихъ ѡтобьемъ [1151], 155;

брате мои, на то и та рци есмь призвать (Гал.-Волын. [1287], 298 об.).

Энклитики ранга 8 — связки

§ 1.11. Основную группу энклитик ранга 8 составляют связки 1-го и 2-го лица: *есмь* (есми), *еси*, *есмъ* (есме, есмо, есмы), *есте*, *есѣѣ*, *еста* [2 дв.]. Дополнительная группа — связки 3-го лица: *есть* (е), *суть* (су), *еста* [3 дв.]; их свойства (рассматриваемые ниже в главе 5) несколько отличаются от свойств основной группы.

Примеры, иллюстрирующие положение энклитик ранга 8 в блоке энклитик, см. в предшествующих параграфах.

С энклитиками ранга 8 связан ряд специфических проблем, которые подробно обсуждаются в главе 5. Здесь достаточно указать лишь самое важное, а именно: 1) этот ряд словоформ имеет статус энклитик только в функции связок, тогда как в неслужебном значении ('существовать, иметься', 'пробывать, находиться') они являются акцентно самостоятельными; 2) словоформы 3-го лица (*есть*, *суть*, *еста*) использовались в качестве связок в основном лишь в книжном языке; в живом древнерусском языке они в такой функции выступали только в некоторых особых, сравнительно редких случаях.

Об энклитическом характере связок в древних славянских языках четко говорит Якобсон (1935: 20): «Формы претенса глагола *быть* употреблялись в ка-

честве вспомогательного глагола¹⁶ только в энклитической форме, в качестве связки то в энклитической, то в ортотонической форме, а в качестве самостоятельного глагола исключительно в ортотонической форме).

Утверждения Якобсона очевидным образом распространяются в том числе и на древнерусский. Мы находим даже прямую констатацию этого (1935: 18): «Самые древние русские и болгарские тексты доказывают нам, что первоначально эти два языка обладали энклитическими местоименными формами, равно как энклитическими формами вспомогательного глагола, и что положение этих слов во фразе определялось законом Вакернагеля». Но конкретного древнерусского материала он не рассматривает. Возможно, в этом одна из причин того, что и после этой работы энклитический характер древнерусских связей продолжал оставаться по существу незамеченным. В приложении к реальному древнерусскому материалу данная проблема, по-видимому, впервые была рассмотрена лишь в работе НГБ-VIII (1986 г.), где ей посвящен раздел «Место связки в предложении» (с. 154–158).

Констатация энклитического характера древнерусской связки хорошо согласуется с показаниями современных южнославянских и западнославянских языков, а также закарпатских и прикарпатских говоров украинского языка. Связка (или по крайней мере ее краткий вариант — там, где она имеет морфологические варианты) как правило функционирует здесь именно как энклитика.

Выявив ранговую организацию древнерусских энклитик, мы можем теперь сравнить ее, в частности, с той, которая представлена в таком богатом энклитиками славянском языке, как сербский. В сербском основные ранги фразовых энклитик таковы:

- 1) *ли* (частица);
- 2) связки, кроме *је* (*сам, си* и т. д.), и другие вспомогательные глаголы (*ћу, ћеш* и т. д., *бих, би* и т. д.);
- 3) местоимения в родительном падеже — *ме, те, нас, вас, га, је, их*;
- 4) местоимения в дательном падеже — *ми, ти, нам, вам, му, јој, им*;
- 5) местоимения в винительном падеже — *ме, те, нас, вас, га, је (ју), их*;
- 6) возвратное *се*;
- 7) связка *је* (которая при наличии возвратного *се* как правило опускается).

Сравнение со списком из § 1.3 показывает, что, хотя важнейшие группы энклитик в древнерусском и современном сербском сходны, их упорядочение по рангам существенно различается. Самое важное отличие состоит в том, что связки, кроме *је*, составляют в сербском один из начальных рангов, а в древнерусском — последний ранг.

Из этого сравнения ясно, что система рангов складывалась в каждом из этих языков по крайней мере в части своих элементов самостоятельно. Отметим, что самостоятельность развития могла проявляться и в том, что в ходе истории

¹⁶ Имеется в виду: при перфекте.

происходили какие-то изменения в порядке рангов. Так, из истории сербского языка известно, что здесь система рангов энклитик претерпела частичную перестройку в XIII–XIV веках (древнесербская система была ближе к древнерусской, чем нынешняя; см. об этом, в частности, Толстая 1991).

Другие фразовые энклитики

§ 1.12. Рассмотренный выше список древнерусских энклитик, относящихся к сказуемому, — не исчерпывающий. В роли энклитик могли выступать и некоторые другие слова, которые по разным причинам приходится рассматривать отдельно от основного списка: для одних из них эта роль была возможна лишь в особых случаях; для других у нас слишком мало материала, чтобы надежно выявить их свойства (в частности, установить их ранг); третьи появляются в письменных памятниках в основном лишь в позднее время.

Словоформы *быль*, *были* в составе плюсквамперфекта

По-видимому, уже в древнерусский период стали энклитиками словоформы *быль*, *были* в том случае, когда они выступали в составе плюсквамперфекта (в самостоятельном употреблении они были энклиноменами). Следует полагать, что это верно также для словоформы среднего рода *было*; но соответствующего материала из памятников у нас нет.

Вот примеры, где *быль* стоит в классической позиции фразовых энклитик, вклиниваясь внутрь начальной актантной группы:

фофудѣи быль твоихъ 9 рекъ ѿ собѣ 'из твоих фофудий (отрезов дорогой ткани) девять я перед тем выговорил себе' 675;

изъ Витебска стоупилъ тобѣ, ∇ и посоль быль свои // послать есмь ко брату Дѣди [1195], 238 об. (в последнем случае энклитики *быль* и *есмь* разделены; см. о такой возможности § 1.21).

Напротив, в начальной позиции (в которой энклитики невозможны), плюсквамперфектные *быль*, *были* не отмечены ни в одном памятнике ни разу.

В подавляющем большинстве фраз, содержащих плюсквамперфект с *быль*, *были* (представленный в основном лишь в некнижных текстах), словоформы *быль*, *были* расположены так, как было бы естественно именно для энклитик.

Примеры (энклитики подчеркнуты).

При начальном положении глагола:

оставили ма были людѣе 724;

рекъ кси былъ 195п;

не мыслить къмь до плъсковичъ гроуба ничего же, ∇ нъ везть къмь былъ въ коробѣхъ дары наволоки и овоць (НПЛ, 104);

и он мурзу прислал, ∇ да велел быд мне холопу твоему писати (Грязной);

велел деи былъ царь тебе о Дивее писати (там же);

яз деи к тебе Кудеяра не хотел послать, ∇ послал де былъ чегуша Крылова (там же) (о представленной в этих примерах энклитике (<ѣи) см. ниже).

При исначальном положении глагола:

азъ быде лони наделилѣ 705;

по бьсудьной грамотѣ, ∇ что быль возаль Гюрьгъ грамоту в ызьбъжъноу пьшынѣѣ 366п;

ать ти видѣло, ∇ како ти было (-лъ) а Ивана аль 'видел ли он, как я Ивана арестовал' 502;

а то ми былъ Бѣ далъ, ѡже са есте сами зажгли [1140], 113 об.;

ѡже ма былъ ѡстоупилъ въ городъ [1147], 132;

како ми са былъ ѡбѣчать [1196], 240;

а я есмь былъ цѣловаль хрѣтъ къ брату своему Дюргеви [1150], 144 об.;

како еси былъ оумолвилъ с братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною [1196], 240;

а оуже, брате, // где есме были доумали поити на стрѣя своего ... [1147], 127 об.;

а хрѣтъ есте были цѣловали ко мнѣ [1160], 182;

и не лѣнива ма былъ створилъ худаго (Мономах, 83);

тоі ж(е) зимы їзбиша новгородцевъ, ∇ которые были поили на Юргоу, оустьюжъскыи кнѣзи (НПЛ, 166);

что са есмь бы^л ѡтѣступи^л брату своему (ДДГ, № 16, 1401–02 гг.);

а что ти са есмь бы^л ѡступи^л дани (ДДГ, № 11, 1389 г.);

царь деи был и хотел отпустити Ивана (Грязной);

а мы были пожаловали брата твоего Ирика (Ив. Грозн.).

Ср. также фразы с барьером перед глаголом:

а се нама // далъ та былъ Бѣ и волость твою по твои винѣ [1152], 163;

се оуже // прелстил ма кси былъ, дьяволе (ПВЛ, 65 об.);

а то бы мы известити велѣли, ∇ с чѣмъ мы к Ирику // послали были своего гонца Третьяка (Ив. Грозн.).

Фраза с разделением энклитик (см. § 1.21): ты же еси, брат, // оудоумаль быль тако [1149], 135 об. Особо отметим единичную фразу с была (3 дв.): брате, се Володимеръ Изаславъ Дѣдвича хрѣтъ // к нама была цѣловала [1147], 127 об.

Для фразы како ѡказало (-лъ) было (-лъ) на Местатке 7 гривено 213 следует предполагать, что слово како подверглось здесь вторичной проклizei (§ 0.2), т.е. это како^о.

Представленные в этом материале сочетания энклитик показывают, что энклитические быль, были должны были бы получить ранг 9. В самом деле, они стоят правее всех прочих энклитик, включая связки, то есть энклитики ранга 8.

Отмечена, правда, также одна фраза, где порядок энклитик не соответствует основной массе примеров: што са бы^л есми отѣступи^л (ДДГ, № 34, 1434 г.). Другое нарушение представлено во фразе: а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотниках с собаками, ∇ и прежние твои были у ростовских владык служили (Ив. Грозн.); здесь были стоит после двучленной актантной группы. Оба примера могут, в частности, объясняться тем, что в них словоформы быль, были использованы не как энклитики, а как полноударные (при этом если в первом примере быль действительно полноударно, то здесь имеет место так наз. разделение энклитик [см. § 1.21]: што са бы^л есми).

Таким образом, энклитический статус плюсквамперфектных быль, были возможно, все же установился не вполне прочно.

Частица *нъ* (*но*)¹⁷

§ 1.13. В отличие от союза *нъ* (*но*), эта частица встречается довольно редко и часто ускользает от внимания лексикографов. Она подробно рассмотрена нами в книге Зализняк 2007 (с. 198–206). Не повторяя этого разбора, укажем лишь, что данная частица ведет себя как нормальная фразовая энклитика, и приведем характерные примеры.

В тактовых группах с акцентно самостоятельным базисом:

нъ обаче нъ аще и вельми разнѣваль сѧ бѣ на блаженааго, нъ не дързною ни единого же зѣла и скърѣбѣна сътворити томѧ (Феод., 58г/59а);

мало же сицѣхъ ѣлъ обрѣтається, обаче нъ соуть (Иоанн Дамаскин, XII в. — Срезн. II: 499);

ту нъ аще сѧ прилучитѧ ему и князя видѣти ('но если тут ...') (Шестоднев Иоанна экзарха по списку XV в. — Срезн. III: 1037);

дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо; далече залетѣло; не было нъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине (СПИ, 40–41);

аще ли нъ съгрѣшатъ, тоу оужасаются и ѡчають ('но если согрешат') (Флав., 421г);

хлѣба не ядыше, ни сочива, развѣ от овоща яблоко и зелье <...>, и то же нъ в суботу: ти в недѣлю ('но и то лишь в субботу и в воскресенье') (Житие Федора Сикевота — Слов. XI–XVII, 11: 392).

Также с *нъ* в роли релятивизатора —

по погостомъ и по свободамъ, гдѣ нъ соуть хр(и)стіяне (Устав Владимира о десятинах, судах и людях церковных);

а причащенье давайте въ ту 8 днии, коли нъ служаще (Поучение Ильи, епископа новгородского, XII в. — Слов. XI–XVII, 11: 392);

а что сѧ остане^т золото или серебро или иное что нъ есть, то все моеѣ кнагинѣ (духовная [вторая] Дмитрия Донского, 1389 г. — ДДГ, № 12).

В ряде случаев *нъ* (*но*) постепенно сращивается с предшествующим словом. Так, во фразе: *аже холостымъ, то не дайте отиноудѣ, иже блондѣ творять; оли нъ при смерти, тѣ же дайте* ('но если при смерти, то дайте') (Поучение Ильи, епископа новгородского, XII в. — Срезн., II: 659) слова *оли* 'если, когда' и *нъ* еще сохраняют свои исходные значения. Но в дальнейшем из этого сочетания развивается слитное *ольно* с собственными значениями ('когда', 'до тех пор пока', 'вплоть до того что', 'даже'). Другие примеры сращений: *ако^но* ('как будто') *пыша явлѣлася ѡ трѣда* (ЖФСтуд, 124об.); *и око^но тако молѣваше* 'и он как будто так говорил' (Вопрош. Кирик., К 10; подробнес см. Зализняк 2007: 206–212); *абы^но же* ('если же') *промышлаа въ домоу; рано въстани, а поздно* [аги] 893.

Но особенно характерно для этой энклитики участие в проклитико-энклитических комплексах, причем здесь тоже часто происходит сращение. Примеры:

¹⁷ В праславянском существовало не только **нъ*, но и **но* (по-видимому, с тем же значением), ср. польск. и чешск. *ano* и т. п. На восточнославянской почве в ряде случаев невозможно отличить *но*, вторично развившееся из *нъ*, от искомого *но*. Но для нашего разбора, к счастью, от этой детали ничего не зависит, и мы можем ею не заниматься.

а нѣ, а но (= анѣ, ано) — баше же новгородьцевѣ мало, ано тамо измано вачышикъ моужѣ, а льньшек они розидошася (НПЛ, 83);

а не нѣ — а аште и кдинѣ би былѣ чоудимыи, довьлѣаше нашей силѣ одотѣти, а не нѣ толико множьство (Супр., 82); *не вѣроуж бо мрътвыхъ ни прос-тыи дѣла изводати, а не нѣ пророчьскы* ('даже и простые души...', а не то что пророческие') (Изборник 1073, 118);

а же нѣ, а же но — ты чаял, что в обѣзд приехал с собаками за заицы — ажно крымцы самого тебя в торок вьязали (Ив. Грозн.);

а ли (= али) нѣ — заложы стѣноу каменю подѣ цркъвыи стѣго Михаила оу Днѣпра иже на Выдобычи, ѿ кѣи же мнозѣ не дерзьноуша помыслити (ѿ) древнихъ, али нѣ дѣлоу ятиса ('о которой многие из древних не дерзнули даже помыслить, не то что взяться за дело') (Киев. лет. [1199], 243);

а ти (= ати, ать) нѣ, а ти но — мѣлѣви отрокоу своему, ати но [ходи]ть ... Ст. Р. 7; *атѣ се замѣшете* ('если же произойдет помеха'), *Михату брату кѣ(о) дасте серебро двок 318п*;

а бы (= абы) нѣ, а бы но — и ре(че) к нимѣ Стѣславъ: абы но иеть кто к в(а)мѣ ('но пусть идет кто угодно к вам') (ПВЛ [970], 21);

и нѣ, и но (= инѣ, ино) — а иметь русинѣ нѣмчица оу своей жены, ино за соромѣ 10 серебра (Смол. гр. 1229 F, 123–126);

не бо нѣ (= небонѣ) — не чюже сѣи нѣ свок, небонѣ ('потому что') чюже съма половела горчѣк (Изборник 1076, 76 об.).

На основании этого материала можно установить, что энклитика *нѣ (но)* располагалась в блоке энклитик правее *же, ли, бо, ти* (частицы) и *бы*, т.е. имела ранг не менее 6-го. Что касается *абыно же*, то здесь *абыно* представляет собой сращенную единицу и тем самым *но* и *же* не образуют блока (см. подробнее о таких случаях § 1.39).

Но за рамками устойчивых сочетаний энклитика *нѣ (но)* все же была в древнерусском языке редкостью; очевидно, основной период ее активного свободного употребления приходится на еще более древнюю эпоху.

Весьма показательно в этом отношении, что редакторы Ипатьевского списка летописи, равно как писцы Хлебниковского списка, уже не понимали, в частности, слов *аконо* и *оконо*. Так, *аконо видѣние* 'как бы видение (привидение)' (Киев. лет. [1194], 235) редактор переправил на *ако ино видѣние*, вставив *и*; а писец Хлебниковского списка написал в этом месте *ако сновидѣние*. В статье 1175 г. (Киев. лет., 207 об.), по-видимому, в протографе стояло *видихъ оконо княза* ('я как будто видел князя') *идуца съ сѣнии доловѣ*; писец Ипатьевского списка написал *яконо* вместо *оконо*, а потом еще зачеркнул *но*, т.е. переделал слово в *яко*; писец Хлебниковского списка переделал *оконо* в *окино*^М (подробнее см. Зализняк 2007: 209–210).

Да (союз и частица)

§ 1.14. Как уже указано в § 0.2, это слово выступает в роли энклитики только в позиции после проклитики; ср. в Чудовском Новом Завете *и да побѣди* 151б, *не да створию* 44в, *ни да рещи* 20в, *но да послѣжи* 11в, *яко да испод-*

нѣтъ^с ба и др. (Дыбо 1975: 20), где ударение на *да* указывает на то, что здесь представлены проклитико-энклитические комплексы.

Однако непосредственно включить такое *да* в описанную выше систему рангов не удастся. Вот примеры, из которых видно, что *да*, стоящее после проклитики, располагается левее энклитик ранга 5 (и более высоких рангов):
Феод. — и да са останеть 29г.

ЖАЮ — нѣ да бы са оставилъ ѿ лихаго дѣянья мужъ мой, и да бы мене кдиномъ и хотѣлъ, и любилъ 41в;
своришь ксть Бѣ и палицю, не да быхом са били кю самѣ, нѣ да са кю подѣиракмъ, и да са остану и огна и иного всего 36в/г;
протѣи на нихъ гнѣвъ свои, и да и постигнешъ 26в/г;
и да ма начнеши поминати всегда С170;
но да бы ны имѣлъ оутѣху собѣ 15г.

Но было бы неосторожно пытаться на этом основании приписать энклитическому *да* определенный ранг. Дело в том, что, к сожалению, в Чуд. тройных сочетаний типа *и да са* не встретилось, и мы не знаем, как ведет себя в этом случае слово *да*, — так же, как в *и дѣ* (т.е. как энклитика, что должно дать ударение *и дѣ са*), или как в *да сѣ* (т.е. как проклитика, что должно дать ударение *и да сѣ*).

Частица *ѣ* (*ѣ*)

§ 1.15. Частица *ѣ* (*ѣ*, *деи*, *де*) восходит к глагольной словоформе *ѣи* 'говорит'. Ранний пример имеется в летописи: *ре^ч бо ѣи Игорь: поманухъ азъ грѣхы свои пре^д Г^дмъ Б^гмъ моимъ* [1185], 224 об. Другие ранние примеры см. в Срезн., I: 802–803. Но значительное количество примеров появляется лишь начиная с XVI века. В XVII–XVIII вв. в документах деловой и официальной письменности, особенно в протоколах допросов и т.п., употребление частицы *ѣ* (*ѣ*) становится чрезвычайно частым; она фактически уже приближается к статусу грамматического показателя (а именно, показателя чужой речи).

Из относительно ранних источников ценный материал содержат письма Василия Грязного (1576 г.); приводим характерные примеры.

Фразы с комплексами энклитик:

да яз же деи чаялъ, что въ об'езде с собаками гоняти за зайцы;

да яз же деи говорил, кое деи пора мая;

и ты деи тово для скажи, на поминках ли деи, или деи на Казани и на Асторохани;

а говорил деи: «Яз деи тебя, Кудеяр, не хотел послать, и ты де ся сам назвал ...»;

велел деи был царь тебе о Дивее писати;

яз деи к тебе Кудеяра не хотел послать — послал де был чеуша Крылова.

Из прочих:

только деи не станешь писать, и тебе деи уже же быти каженну;

то деи уж ты меж нас ссору чинишь;

а толко деи напишешь, а брат деи нашъ, а вашъ государь так учинит, Дивее нам даст, а тебя к себе возмет — ино деи меж нас и доброе дело ссаетца.

Очень часто энклитика *дѣ* (*де*) встречается у Аввакума (1670-е гг.). Примеры фраз с комплексами энклитик:

а сам из него говорит: «Ты же-де меня ослабил!» 89 об.;

говорено было: «Здорово ли-де, протопоп, живешь? Еще-де велѣль Б(о)гъ видатца» 56 об.;

опостѣ на меня, бѣдная, пеняет: «Долго дѣ-де, протопопъ, сего мучения будет?» 45/об.;

«В рубашке д(ѣ)-де ходит(ѣ) али плат(ѣ)е вздѣтъ? ...» 67;

туды д(ѣ)-де наки мучитца итти или-дѣ здѣс(ѣ) таитца от них? 68;

уже бо-де не надѣяхомся и живи быти 53;

как бы-де Б(о)га не прогневит(ѣ)? 68;

я-де-таки подле стороны дороги бреду 67 об.

Также с *или*, *аль*:

«Или-де мнѣ велииш(ѣ) покинуть все и в пустыню поити?» 66 об.;

«Аль-де и ты по толикихъ бедахъ и напастехъ соединяеся с ними? ...» 57 об.

Из прочих фраз с *дѣ* (*де*):

«Еретик-де ты; для-де тебя дощеник худо идетъ! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» 32 об.;

«Здѣс(ѣ)-де земля не взяла, на дороге-дѣ вода у меня приберет» 52 об.;

сказывал мнѣ: «Ногами-теми, что кочением мерзлым, по камен(ѣ)ю-тому-де бью, а какъ-де в тепло войду, зѣло-де рветъ и болитъ, какъ-де сперва учал странствовать, а се-де лехче да лехче, да не стало и болѣть» 68 об.;

и не вѣмъ-де кто силен выпехнул меня из воды на полубы; с тѣхъ-де мѣсть стал странствовать(ѣ) 69;

постѣднее слово со мною говорили: «Что-де ты упрям, Аввакумъ? Вся-де наша палестина — и серби, и альбанасы, и волохи, и римляня, и ляхи, — всѣ-де трема персты кр(е)стятся, одинъ-де ты стоиш(ѣ) во своем упорствѣ и кр(е)стисся пятью перьсты! Такъ-де не подобаетъ» 71.

Для демонстрации редкого сочетания *дѣ(ѣ) ся* приведем еще пример из Пам. Влад. (№ 289, XVII в.): и сошед де ся с тобою, ѡн (...) и тѣ речи (...) сказывал.

Из приведенного материала видно, что энклитика *дѣ(и)* располагается правее энклитик рангов 1–5 и левее энклитики ранга 7 *са* и энклитик *бытъ*, *были*, которые, по-видимому, относились к рангу 9 (см. выше), а также новой энклитики *таки*. Таким образом, она относится либо к рангу 6, либо к некоему промежуточному рангу, расположенному между рангами 5 и 6 или 6 и 7; уточнить это не удастся, поскольку в нашем распоряжении нет примеров контакта *дѣ(и)* с энклитиками ранга 6.

Энклитические *реку*, *рече*, *рыци*

§ 1.16. Подобно *дѣ(и)*, возникшему из *дѣк* 'говорит', могли превращаться в энклитики и другие словоформы со значением 'сказал', 'говорит', 'говорю'. Такими словоформами *реку*, *рече*, *рыци*, *молвить*, *молви*.

Как у Василия Грязного, так и у Аввакума представлено безупречное функциональное распределение: *дѣи* есть показатель чужой речи, *реку* — показат

тель своей собственной речи в каком-то прошлом разговоре (причем эти показатели присутствуют почти обязательно).

Чрезвычайно ранний пример, который, возможно, относится сюда, представлен в Житии Феодосия: *блажени бо рече ксте, кгда оукорятъ вы* 43а. Но этот случай все же может объясняться и иначе: *ксте* здесь могло быть, в силу книжного характера текста, полноударным, и тогда этот пример ничего не говорит о просодическом статусе словоформы *рече*. Во всяком случае, нельзя предполагать, что уже в эту эпоху за *рече* закрепилось место левее связки, ср. фразу *како са кси реч(е) оужегль* (ЖАЮ, 43б), где *рече* стоит после связки.

Но практически надежные примеры энклитического *реку* имеются в письмах Грязного:

*слыхал реку есми от людей: государь хачивал на поминках помиритца;
а то реку есми слышел же, что государь царь православный меня холопа
своего велел окупати денгами.*

Столь же показателен пример из Аввакума:

*а сам говорю: «Челом реку бью на ево жалованье; какая онъ надежа мнѣ!
Надежа моя Христос!»* 63; здесь *реку* вклинено внутрь словосочетания *челом бью*.

Имеется также один пример энклитического *рыци*, причем ранний:

брате мои, на то и та рыци есмь призвалъ (Гал.-Волын. [1287], 298 об.).

Другие примеры не столь определены, но, вероятно, построены так же:

*овѣщавши Ольга и речѣ къ словѣ: аще ты рыци такоже постоиши оу мене в
Почаинѣ, иакоже азъ в Сюду, то тогда ти дамъ* (ПВЛ, 18);

*ты реку ц(а)рь мой, а имѣ какое дѣло до тебя? Потеряли реку своево ц(а)ря
латыши безвѣриемъ своим* (Аввакум, 75);

так мнѣ стало гор(ь)ко зѣло, — бѣсъ реку надо мною волю взять (Аввакум, 91).

Заметим, что в подобных случаях современные издатели обычно обильно снабжают такие тексты запятыми, например: *слыхал, реку, есми от людей*. Этим они действительно несколько помогают современному читателю понять фразу. Но это достигается ценой ее осовременивания, а именно, резкого отклонения от ее истинного членения — как фонетического, так и синтаксического. В действительности на фонетическом уровне здесь никакой остановки ни перед энклитикой *реку*, ни перед энклитикой *есми* никоим образом быть не могло, а на синтаксическом уровне *реку* уже было отнюдь не вклиненным главным предложением и даже не вводным словом, а просто показателем передачи прежней речи автора, носившим почти грамматический характер.

Для поздней энклитики *мол* (из *молви*, -ть, -ль) в нашем материале примеров нет.

§ 1.17. Для анализа прочих энклитик (или словоформ, которые, возможно, допускали энклитический статус) имеющийся в нашем распоряжении материал недостаточен.

Так, в частности, всего три раза встретилась в нашем материале характерная для живой древнерусской речи энклитика *ка* (к которой восходит современное *-ка* в *дай-ка*, *ну-ка* и т.п.) — все в берестяных грамотах:

а ныне ка посли къ томоу моужеву грамоту 109;

из ѡрмице ка въспидиши ми грамътицю о свѣмъ стѣ[r](ѣ)вѣ и о дѣтѣхъ 854;

да молю ти са, гостноже ка моа, да посылъ во борожь и рыбиць выдалъ ти 682.

Из этих примеров не удастся даже надежно вывести статус данной энклитики: в первых двух примерах она ведет себя как фразовая, но в третьем выступит в составе обращения, что для фразовых энклитик ненормально, т.е. здесь она ведет себя как локальная.

В ходе истории превратилась в энклитическую частицу (*ведѣ*) словоформа *ѣдѣ* 'знаю'. В этой трансформации следует различать два аспекта: 1) превращение глагольной словоформы со значением 'знаю' в частицу со значением 'ведѣ'; 2) превращение полноударной словоформы в энклитику.

Самый ранний пример, где уже проявились первые элементы данной эволюции, — фраза *а тебѣ ѣдѣ ако есть не годѣи* из берестяной грамоты № 752 рубежа XI–XII вв. Дословно это 'а тебе я знаю, что не люблю', но реальный смысл близок к 'а тебе ведь, вижу, не люблю'. Иначе говоря, значение слова *ѣдѣ* уже несколько сдвинуто в направлении его будущего семантического развития; а его позиция во фразе уже такая же, как у вакернагелевских энклитик. Но от современного узуса эту фразу отличает наличие союза *ако*, который показывает, что в грамоте № 752 перед нами все-таки еще глагол *ѣдѣ*, а не частица.

Другой ранний пример — *нача впрашати кѣо* (пленного половецкого князя) *Володимеръ: «То ѣдѣ нала вы рота* ('это ведь настигла [букв.: схватила] вас клятва'). *Многажды бо ходивши ротѣ, воевасте Русскую землю. То чему ты не казаше сѣвъ своихъ и роду своѣго не преступати роты?»* (ПВЛ [1103], 94). Здесь *ѣдѣ* выступает уже практически в той же роли, что современное *ведѣ* (тогда как собственно глагольная интерпретация этой словоформы уже плохо подходит к контексту), и опять-таки стоит в позиции вакернагелевских энклитик. См. также еще три примера в Срезн. (I, 481 и III, Дополнения, 70).

Вот некоторые более поздние примеры:

Иван Грозный — *а о Ирике ведѣ мы к тебѣ ни с кѣмъ не приказывали;*

ино ведѣ тому не возможно статися, что у мужа жена взяти;

и тебя вед(ѣ) на Дивея выменити не для крестьянства — на крестьянство.

Грязной — *яз вед(ѣ) холоп твои телом ныне в Крыму у крымского царя сижю, а душою у Бога да у тебя государя.*

Аввакум — *я веть за вдовы твои сталь! 34;*

не умывалься веть, да и кланяться не смогъ 36 об.;

есть-тово послѣ побой-тѣхъ хочется, ∇ да веть(ѣ) су неволя то есть: как пожалуют — дадутъ 36 об.;

ну, старецъ, моево вяка"ня // много веть ты слышать! 115.

Во всех этих примерах *ѣдѣ* имеет современное значение и стоит в позиции вакернагелевских энклитик. Но, как и в современном языке, встречаются также и фразы, где *ѣдѣ* стоит в позиции, недопустимой для энклитик, например:

и станет говорить: «Какъ тебѣ сорома нѣтъ? Ветѣ ты протопопѣ!» (Аввакум, 68 об.; здесь *ветѣ* либо полноударно, либо даже уже является проклитикой).

Неясно, существовали ли в древнерусском энклитические варианты словоформ *ему*, *его* (см. об этом § 3.16).

В позднюю эпоху появляются новые фразовые энклитики. В частности, у Аввакума находим *таки* и *су* (из *осударь*, *сударь*), например:

я таки что собака, так и емъ 36 об.;

да и всегда таки я, окаянной, сердить, драгца лихой 90 об.;

а во иную су пору и боялис(ь), ч(е)л(о)вѣцы бо есмы 52 об.;

он же, разсмѣваясь, говорит: «Знаю су я пустосвятовъ тѣхъ!» 27.

Примечание. В берестяном фрагменте 15п: ... [м]а *гѣ* кси пожа[л]овал... (XV в.) — обращение *гѣ* аномальным образом вклинено внутрь блока энклитик. Правда, это лишь крошечный фрагмент, и мы не знаем, как выглядела фраза целиком. Но допустимо предположение, что *гѣ* (которое могло читаться каким-то сокращенным образом) здесь подобно сокращенному *су* (из прежнего *осударь*) у Аввакума, то есть, как и оно, выступает в роли новой энклитики. В этом случае его место уже не аномально.

В заключение раздела о рангах фразовых энклитик полезно обратить внимание на «возраст» древнерусских энклитик разных рангов. Обнаруживается следующая общая закономерность: самые древние энклитики (*же*, *ли*, *бо*) относятся к начальным рангам, самые молодые (*ма* и т. д., *есмы* и т. д., *быль*) — к конечным. При этом энклитики начальных рангов реализуют свой просодический статус совершенно последовательно, а по мере продвижения к конечным рангам мы сталкиваемся со все большим числом отклонений от этого статуса.

Отсюда можно заключить, что полноударные слова, переходящие в ходе истории в категорию энклитик, попадают, по крайней мере в большинстве случаев, в конец уже имеющихся блоков энклитик. Они как бы «становятся в конец очереди». Тем самым система рангов оказывается своего рода «окаменевшей историей» формирования энклитик.

Но указанный общий принцип все же не носит абсолютного характера. В частности, относительно молодая энклитика *бы* внедрилась в цепочку энклитик левее энклитик ранга б (*ми* и т. д.), имеющих древнее происхождение. Другой подобный пример, по-видимому, составляет поздняя энклитика *дѣи*, которая тоже оказалась не в самом конце цепочки (а возможно, еще и *реку*, которое может стоять левее связки). Существенно также, что в ходе истории ранги энклитик в принципе могут и измениться, как это случилось, в частности, в сербском языке (ср. Толстая 1991).

РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ

§ 1.18. Закон Вакернагеля в сочетании с правилом рангов составляет основное правило расположения фразовых энклитик. Оно действует всегда. Но существуют также более частные правила, действующие лишь в определенных ситуациях, которые добавляются к основному правилу и образуют тем самым некоторые его модификации.

Важнейшее из таких правил состоит в следующем. Начальная часть клаузы может быть как бы отчленена (в произношении этому может соответствовать короткая остановка или пауза, но может и ничего не соответствовать); правила о расположении энклитик действуют после этого так, как если бы отчлененной части в клаузе вообще не было. Иначе говоря, действительное начало клаузы заменяется (с точки зрения действия этих правил) точкой «условного начала», находящейся непосредственно после отчлененной части.

Точку «условного начала» можно образно представить в виде некоего «ритмико-синтаксического барьера», который не позволяет энклитикам продвинуться влево, к действительному началу клаузы.

Ниже в качестве сокращения громоздкого термина «ритмико-синтаксический барьер» мы будем часто использовать просто слово «барьер».

Символ ритмико-синтаксического барьера — //.

Понятие ритмико-синтаксического барьера — важное дополнение к закону Вакернагеля: без данного понятия этот закон выглядит гораздо менее точным механизмом, чем он на самом деле является.

Чтобы яснее понять, что такое ритмико-синтаксический барьер, полезно обратиться к современному русскому языку, поскольку остатки древней системы в нем все еще существуют. Лучшее всего сохранило древние «вакернагелевские» свойства противительное, причинное и усилительное *же*: оно до сих пор с высокой последовательностью ставится после первого полноударного слова фразы. Например: *Ты же сам знаешь; Второго же числа он уже уедет; Вчера же Петя этого еще не знал; Иван же Петрович отказался;* и т. п. Также во фразах, где первому полноударному слову предшествует проклитика: *Но я же вам говорил; Так Иван же Петрович отказался;* и т. п.

Правда, современный язык, в отличие от древнего, уже допускает постановку *же* не после одного, а после двух полноударных слов, если они образуют смысловое единство, например: *Иван Петрович же отказался; Железную дорогу же ему не оплатят;* и т. п.

Но *же* все-таки может оказаться не после первого, а после одного из последующих полноударных слов и в других случаях, например: *Вчера Петя же этого еще не знал.* Чем же отличается фраза с *Вчера Петя же ...* от фразы с *Вчера же Петя ...*? Нетрудно убедиться, что *Вчера Петя же ...* произносится с маленькой остановкой после *вчера* или по крайней мере с некоторым протяжением конечного *а* в этом слове; а на уровне смысла ощущается некоторый нажим на это *вчера* — подчеркивается, что фактор времени тут играл решающую роль. Всё это значит, что данную фразу можно представить так: *Вчера // Петя же этого еще не знал;* то есть что здесь имеется ритмико-синтаксический барьер. Это и есть современный аналог того, что мы предполагаем для древнерусского.

И мысленный эксперимент показывает, что во фразах с «ушедшим вправо» противительным *же* (сочетания типа *железная дорога* не в счет) перед той тактовой группой, в которую оно входит, как правило есть подобный же барьер, например: *Без записки от родителей // его же не отпустят; На первый рейс // он же никак не мог успеть; Такую работу // они же в любом городе найдут.*

Имеется большое число древнерусских фраз, структуру которых до введения понятия ритмико-синтаксического барьера было чрезвычайно трудно объяснить. Вот некоторые примеры:

той же осени много са зла сътвори (Комисс. НПЛ, [1215]);

и пакы дѣлѣ ся своимъ кѣждо имашеть (Феод., 36а/б);

да вы почто са томѣ дивите (ЖАЮ, С10 об.).

В этих фразах *са* стоит не в конце первой тактовой группы, а правее. Как объяснить такое его положение? Например, Г. Гуннарссон (1935), у которого в числе инструментов анализа нет понятия ритмико-синтаксического барьера, вынужден трактовать такие *са* как полноударные (в его терминологии «ортотонические»). Действительно, полноударная словоформа в принципе может стоять во фразе в любой позиции. Однако невозможно объяснить, почему здесь *са*, если оно уже не энклитика, а полноударная словоформа, вклинилось (нарушая проективность) внутрь словосочетаний *много зла*, *дѣлѣ своимъ*, т. е. ведет себя совершенно так же, как, например, во фразах *и много са зла створи* (Синод. НПЛ, [1136]), *съ грубою са чадью пѣрѣхъ* (Мефод., 107а), где *са* есть бесспорно энклитика и где такое вклинивание определяется законом Вакернагеля.

Предполагая в подобных случаях для энклитики *са* полноударный статус, можно, правда, попытаться связать это с тем, что она изредка действительно обнаруживает следы прежней полноударности (см. § 1.10). Но легко убедиться, что имеется немало совершенно аналогичных фраз с энклитиками, у которых нет никаких следов полноударности (*ми*, *ти*, *ны* и др.), например:

а съ сими како ми Б(о)гъ дастъ ([1146], 119 об.);

а тогда како ны с ними Б(о)гъ дастъ ([1150], 147 об.);

онѣ же нынѣ ворогъ ми са оучинилъ ([1196], 241).

Пытаться и в этих случаях трактовать местоименные словоформы (*ми*, *ны* и т. д.) как полноударные и именно этим объяснить их позицию во фразе невозможно: у этих словоформ есть особые полноударные варианты (*мѣнѣ*, *намѣ* и т. д.), которые и были бы здесь употреблены, если бы действительно имелась потребность в просодическом усилении.

Все указанные трудности снимаются, если мы признаем, что во всех таких фразах представлены именно энклитики, причем подчиняющиеся закону Вакернагеля, но только начальная часть этих фраз как бы отброшена, т. е. выведена из сферы действия этого закона. Иначе говоря, все объясняется, если признать в этих фразах наличие ритмико-синтаксического барьера (а именно: *той же осени //*; *и абик //*; *да вы //*; *а съ сими //*; *а тогда //*; *онѣ же нынѣ //*).

Имеется жесткое правило, ограничивающее число мест во фразе, где в принципе может стоять ритмико-синтаксический барьер, а именно:

ритмико-синтаксический барьер возможен только после целой актантной или инородной группы.

Соответственно, внутри актантной или инородной группы ритмико-синтаксический барьер стоять не может. Это ограничение весьма существенно для ряда элементов последующего анализа.

Формальное исключение здесь составляет только разорванная актантная группа с охватом сказуемого (§ 0.6), например: *другую //* *дать ксѣмъ Дмитру че-*

ренью *польтину* (где разорванная актантная группа *другую польтину* охватывает сказуемое *далъ ксмь*). Но фактически это простое следствие данного в § 0.6 правила о том, что при охвате сказуемого существенна только левая часть разорванной группы, которая принимает на себя роль целой актантной группы.

Примечание. Запрет на постановку барьера внутри актантной группы дополняется следующим правилом: барьер не может стоять также внутри именной группы, вершиной которой является именное сказуемое, например, внутри группы *жестокъ чловѣкъ* во фразе *жестокъ чловѣкъ, цѣсарю, ты еси*. (Это дополнительное правило с формальной точки зрения необходимо, потому что по строгому смыслу определения из § 0.6 словоформа *жестокъ*, подчиненная сказуемому *чловѣкъ*, должна быть признана актантной группой.)

Мы будем разделять барьеры на обязательные, полуобязательные и факультативные.

Всякий обязательный барьер действительно реализуется, т.е. он с обязательностью исключает соответствующий начальный отрезок клаузы из участия в определении места для энклитик. Факультативный барьер может быть или не быть реализован — это зависит от интенции говорящего. Полуобязательный барьер обладает более сложными свойствами, о которых см. § 1.25.

§ 1.19. В клаузе всяким барьером, возможным для данной клаузы, определяется некоторое потенциальное место для блока энклитик. Это место в конце той тактовой группы, которая непосредственно следует за данным барьером. Иначе говоря, оно находится просто по закону Вакернагеля, применяемому в данном случае к отрезку клаузы, стоящему правее этого барьера.

Пусть имеется, например, клауза, означающая 'брат, ныне ты отступился во мою пользу от того села'. Если временно удалить из нее блок энклитик *ми са еси* и обозначить все возможные барьеры, она будет иметь вид: *брате, // нынѣ // того села // отъступиль*.

Первому барьеру (перед *нынѣ*) соответствует потенциальное место для блока энклитик после *нынѣ* (т.е. вариант *брате, // нынѣ ми са еси того села отъступиль*). Барьеру перед *того* соответствует место после *того* (т.е. вариант *брате, нынѣ // того ми са еси села отъступиль*). Барьеру перед *отъступиль* соответствует место после *отъступиль* (т.е. вариант *брате, нынѣ того села // отъступиль ми са еси*).

Таким образом, всякий барьер как бы просто уменьшает длину клаузы, отсекая от нее слева некоторый начальный отрезок, но остающаяся послебарьерная часть клаузы продолжает обладать тем свойством, что к ней применим закон Вакернагеля, т.е. с интересующей нас точки зрения она однотипна с целыми клаузами.

Далее нам потребуются понятие главного места для блока энклитик внутри клаузы; оно может быть названо также главным вакернагелевским местом для энклитик (или главной вакернагелевской позицией). Если в клаузе нет обязательных барьеров, то это просто конец начальной тактовой группы клаузы (т.е. место, определяемое началом клаузы). Если они есть, то это место, определяемое последним (самым правым) из обязательных барьеров.

И мы будем называть дополнительным местом (для цепочки энклитик внутри клаузы) всякое место, определяемое одним из возможных для данной клаузы полуобязательных и факультативных барьеров.

Так, в приведенном примере главное место для цепочки энклитик — после *нынѣ* (поскольку барьер после обращения — обязательный). Прочие места — дополнительные.

Сильные и слабые энклитики.

§ 1.20. Фразовые энклитики с разной силой тяготеют к своему главному месту. С этой точки зрения их можно подразделить на две категории:

- 1) сильные — энклитики первых пяти рангов;
- 2) слабые — энклитики трех последних рангов (6–8).

Сильные энклитики лишь весьма редко смещаются вправо от главного места для блока энклитик, слабые — сравнительно часто.

В действительности градация энклитик по степени тяготения к их главному месту тоньше, т.е. внутри каждой из двух групп можно указать более сильные и более слабые единицы. Тонкая градация в общем соответствует порядку рангов: энклитики более высоких рангов слабее, чем энклитики более низких.

Так, сильные энклитик можно подразделить на основные (ранги 1–4) и дополнительную, несколько менее сильную, энклитику ранга 5 *бы*. Слабые энклитики образуют простую градацию: «пограничный» ранг 6 (*ми, ти, си* и т.д.) — переходный по силе; ранг 7 (*ма, та, са* и т.д.) — просто слабый; ранг 8 (*связки*) — слабейший.

Но для практических целей почти во всех случаях достаточно деления на две основные категории.

С исторической точки зрения, сильные энклитики — более древние, слабые — как правило более молодые (ср. § 1.17). С синхронической точки зрения сильные энклитики — это слова, наиболее последовательно подчиняющиеся всем механизмам поведения энклитик, тогда как слабые энклитики в части случаев неполностью подчиняются этим механизмам или обнаруживают колебания.

С грамматической точки зрения, сильные энклитики — это частицы, а также *бы*, которое первоначально представляло собой словоформу глагола *быти*, а со временем тоже превращается в простую частицу; слабые энклитики — это формы словоизменения местоимений и вспомогательного глагола *быти*.

Таким образом, деление энклитик на сильные и слабые *de facto* почти совпадает с грамматическим разделением, которое кладет в основу описания энклитик Р. Якобсон (1935), а именно: *particules* (частицы) — *mots enclitiques fléchis* (т.е. склоняемые и спрягаемые энклитические слова, иначе говоря, энклитические формы словоизменения). Расхождение касается только ранга 5: в схеме Якобсона *бы* в соответствии со своим древним статусом входит в число *mots enclitiques fléchis*.

Разделение энклитик во фразе

§ 1.21. Как уже указано, в нормальном случае все фразовые энклитики стоят во фразе вместе, образуя единый блок; соответственно, действие ритмико-син-

таксического барьера, если таковой имеется, распространяется сразу на все имеющиеся фразовые энклитики. Но существует все же и особый случай, когда это не так, а именно, когда барьер воздействует лишь на часть имеющихся энклитик. В этом случае происходит так наз. разделение энклитик: часть их оказывается в соответствии с общим принципом правее барьера, а другая часть остается левее его (в силу чего достигается своего рода «разгрузка» скопления энклитик). Например, во фразе *нынѣ же нынѣ // ворогъ ми са оучинить* энклитики *ми* и *са* стоят правее барьера, но на энклитику *же* действие этого барьера не распространяется и она остается левее его.

Внутри каждой из частей, на которые клаузу делят ритмико-синтаксические барьеры, соответствующая энклитика ставится на требуемое законом Вакернелля место — как если бы эта часть составляла целую клаузу (порядок энклитик внутри части определяется обычным правилом рангов).

Случаев разделения блока энклитик более чем на две части нами не отмечено. В безусловном большинстве случаев разрыв блока происходит между сильными и слабыми энклитиками: сильные оказываются в предбарьерной части клаузы, слабые — в послебарьерной. Ср. приведенную выше фразу, а также, например: *се же, брата, // хрестъ еста перестоупила* [1147], 127 об.; *азъ бо // молился къ сѣмъ своимъ влѣцѣ* (ЖАЮ, 60г) и т. п.

Но данное правило все же не имеет абсолютного характера, т. е. в принципе возможны также фразы (хотя реально они весьма редки), где разделение проходит и иначе, в том числе и так, что в левой части оказываются энклитики большего ранга, чем в правой. Вот некоторые примеры с ушедшим вправо *ли*: *а оу королева еси мужа // слышать ли о томъ честномъ крестѣ?* [1152], 166 об.; *тобѣ бы, брате, // любо ли, абыхомъ мы браг твоего держали?* [1147], 127.

Энклитику, оставшуюся в предбарьерной части клаузы и тем самым отделившуюся от остальных энклитик, мы будем называть отчлененной.

Важный частный случай разделения энклитик, представленный относительно широко, состоит в том, что левее барьера остаются сочетания с сильными энклитиками, находящиеся на полпути к сращению, — *нынѣ же, тако же, наky ли, уже ли, что бы* и т. п., например: *наky ли // что еси оумыслить*.

Сочетания этого рода можно обозначить как «сочетания с устойчивым отчленением». Барьер после них присутствует много чаще, чем отсутствует, т. е. до некоторой степени приближается к обязательному.

В таких случаях для отчленения одной энклитики от остального блока обычно имеются довольно ясные содержательные основания. Они состоят в том, что предбарьерный отрезок здесь может приближаться к самостоятельной клаузе, т. е. приобретать некоторые элементы предикативности. Например, отчлененное *уже* может приобретать смысл 'уже произошло вот что', отчлененное *нынѣ* — смысл 'а теперь будет (или: стало) вот что' и т. п. И эти «квази-предикативные» *уже*, *нынѣ* и т. п. могут получить собственные энклитики, например, *нынѣ же* (в противопоставлении с тем, что произошло раньше), *уже ли* 'разве уже произошло'. Если возникает барьер, то такая энклитика остается слева от него.

Степень самостоятельности начальных отрезков такого рода столь велика, что они в некоторых случаях могут составлять просто отдельные клаузы.

это явствует из того, что следующая клауза вводится своим собственным союзом. Примеры: *накы ли, да въсади́мо вы въ погрьбо* 952; *накы ли, али [а сл]ю [ѡѣ](тьскыи)* 295; *накы ли, а како са с ни^м оулажю* [1148], 134 об.; *накы ли, а рать зачнеши с ни^м* [1154], 170 об. Ср. также весьма выразительный пример, где принадлежность энклитики *же* выражению *нынѣ же* ясно видна из того, что в той же фразе в ее послебарьерной части имеются также другие *же*: *нынѣ же, брате, // ако же ми еси самъ върекль, полъзи же на конѣ* [1150], 147.

Следует отметить также, что среди случаев разделения значительную часть составляют такие, где барьер воздействует только на слабую энклитику *са*, которая в результате этого попадает в постпозицию к глаголу, тогда как остальные энклитики остаются в предбарьерной части, например: *Свѣтославъ ти // послалъ са къ Георгеви*. Со временем именно этот частный случай становится главной моделью разделения энклитик.

Дублирование энклитик

§ 1.22. Существует также еще один особый синтаксический эффект, отчасти сходный с разделением блока энклитик. Он состоит в дублировании одной и той же энклитики: энклитика помещается один раз в предбарьерной части клаузы, а потом еще раз в основной ее части.

Подавляющее большинство относящихся сюда примеров отражают дублирование энклитики *са* (так называемый эффект двойного *са*); например: *мнѣ са // не может са* 124п; *како са, ѿсподине, // нами своими хрестыяны // попечалиши са?* 310п; *и про се са и Мьстиславъ // разъигъва са на нѣ* (Киев. лет. [1140], 112 об.); *обы са просто // не уцинило са* (ГВНП, № 44, 1373 г.); подробнее см. § 4.13.

Проблема двойного *са* хорошо известна в славистике; см. в частности, разбор истории вопроса у Г. Гуннарссона (1935: 16–18). Случаи дублирования *са* в древнерусском языке отмечаются, в частности, в Соболевский 1907: 256.

Дублирование других энклитик встречается редко. Вот некоторые примеры: *а рубежъ ти, княже, // межю Суждальскою землею и Новгородскою // дати ти старый* (ГВНП, № 9, 1307–08 гг.; двойное *ти* 'тебе'); *ѡже ма // ведете ма льстью* [1147], 127 (двойное *ма*); *се, брате, // ты еси ко мнѣ ѿ ѡца // пришесть еси* [1149], 135 об. (двойное *еси*).

Дублирование энклитик часто бывает похоже на простую ошибку писца. И не приходится сомневаться, что в каких-то случаях причина здесь действительно такова.

Так, может быть, это вообще чисто письменный эффект, чуждый устной речи? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Во-первых, двойные энклитики встречаются в берестяных грамотах, которые, как известно, стоят ближе, чем любые другие документы, к устной речи. Во-вторых, в памятниках двойные энклитики встречаются в сколько-нибудь заметном количестве лишь начиная с XIV века; а если бы это была простая ошибка писца, она должна была бы встречаться одинаково часто в памятниках любого века. В-третьих, совершенно такое же явление можно наблюдать в современной разговорной ре-

чи; например, здесь возможны фразы: *Передай ему, чтобы не раздумывая вместе с детьми приезжал бы* (двойное *бы*); *Я ведь совершенно ни о чем об этом не знал ведь* (двойное *ведь*) и т. п.

В действительности, как будет видно из дальнейшего (см. § 1.37), основная причина появления двойных энклитик — это взаимодействие более старого и более нового правила расстановки энклитик во фразе.

Типы ритмико-синтаксических барьеров

§ 1.23. В древнерусском языке существуют достаточно определенные правила постановки ритмико-синтаксических барьеров.

Обязательные и полуообязательные барьеры определяются просто синтаксисом, факультативные — частью синтаксисом, частью смыслом.

Потенциальное место для блока энклитик, определяемое некоторым барьером, становится реальным лишь в том случае, если данный барьер, во-первых, реализован, во-вторых, оказался самым правым из реализованных барьеров.

Ниже приводятся правила постановки барьеров, действовавшие в древнерусском языке. При этом дается лишь минимум иллюстраций — основной массив примеров читатель найдет в главе 2. В иллюстрациях энклитики, место которых определяется наличием рассматриваемого барьера, подчеркнуты.

Обязательные барьеры

§ 1.24. Ритмико-синтаксический барьер обязательно ставится:

1) После начинающей клаузу инородной актантной группы (обращения, междометия, вводного слова). Пример: *княже, // ты са на насъ не гнѣваи*.

2) Перед непервым инфинитивом в серии однородных подчиненных инфинитивов (если есть сочинительный союз, то перед ним); такой барьер задает место энклитик, относящихся к соответствующему инфинитиву.¹⁸ Пример: *начнеши просити // и кланатиса*.

Полуобязательные барьеры

§ 1.25. Полуобязательный барьер обладает тем свойством, что он всегда (или почти всегда) действителен для слабых энклитик, но необязательно действует на сильные энклитики. Соответственно, если фраза содержит как сильные, так и слабые энклитики, то происходит разделение энклитик: сильные ставятся левее полуообязательного барьера, слабые — правее. Таковы барьеры:

1) После вынесенного в начало общего члена двух или более клауз. Пример: *доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ // любо са оуладимъ, любо са не оуладимъ* [1195], 237 об.; с разделением энклитик — *нынѣ же // како еси со мною оумовиль, на чемъ еси ко мнѣ крѣтъ ѹбловаль, того еси всего не исправить* [1196], 241.

¹⁸ Иначе говоря, серия однородных подчиненных инфинитивов ведет себя в отношении энклитик фактически так же, как серия однородных сказуемых.

2) После любой вклиненной клаузы (т.е. находящейся внутри более крупной клаузы, которая ее объемлет); это может быть деепричастная клауза, вклиненное придаточное, вводное слово и др. (см. § 0.5). Примеры (проставляем не все барьеры, а только те, которые здесь для нас существенны): *зане ѡнѣ, мниш боуда, // не покоритъ ми са* [1157], 175; *и все доброк дѣяниѣ, кже чловѣкы въводитъ в раи, // путь са нарѣчетъ* (ЖАЮ, 576); с разделением энклитик — *ты же, того не дождавъ, // послалъ еси снѣца своѣ ко Витебскоу* [1195], 238 об.; *Всеволодъ же, пришедъ в Киевъ, // разболиса* (Киев. лет. [1148], 118 об.).

3) После внутренней инородной актантной группы, если перед этой группой по какой-либо причине возник барьер. Примеры: *охъ, // брате, // помози ми* (здесь имеется обязательный барьер после начального междометия, поэтому возникает еще один барьер после обращения); с разделением энклитик — *нынѣ же, // брате, // помози ми* (факультативный барьер перед *брате* порождает барьер после *брате*).

4) Перед стоящим не в начале клаузы местоименным словом «группы кто»¹⁹ или подчинительным союзом. Примеры: *а в Роуской землѣ // кто ны са ѡстанеть?* [1193], 234; *а съ сими // како ми Бѣ дастъ* [1146], 119 об.; *а отрок(ѣ) // оже ти Шишакъ гонитъ, посади же въ Радѣкоѣ [ѣ]ежскѣ* 'а отроков если Шишак начнет гнать, то посади (Шишака) в Радкову башенку' 805. Но изредка все же встречаются фразы, где такого барьера нет (т.е. даже слабая энклитика стоит левее, чем *кто*, *что* и т.п.), например: *ѡже са тобѣ што оучинитъ, то што намъ дѣяти?* [1153], 168.

Примечание. Если в предложении представлено сразу два слова «группы кто» (кого чимъ, кто куда и т.п.), то барьер ставится перед первым из них, например: *и поклажаи // гдѣ есма что взяли, и намъ то все ѡдати* (ДДГ, № 46, 1447 г., с. 141).

Факультативные барьеры

§ 1.26. В факультативном порядке ритмико-синтаксический барьер может быть поставлен после любой целой актантной или инородной группы (но не внутри такой группы). Иначе говоря, он может быть поставлен в любой точке, которую допускает общее правило, данное в § 1.18.

Факультативных барьеров, как и обязательных, во фразе может быть несколько.

В отличие от обязательных барьеров, факультативный барьер возникает не автоматически. Он представляет собой просодическое выражение некоторого выделения того или иного звена фразы (или хотя бы его ритмического отделения от последующего текста). Такое выделение всегда предполагает соответствующую интенцию говорящего, а ес, разумеется, может и не быть. Соответственно, одна и та же (если не считать размещения энклитик) фраза может быть реализована как с барьером, так и без него.

Общий принцип состоит в том, что фразы без барьера предполагают сообщение без каких-либо специальных выделений или подчеркиваний. тогда как

¹⁹ Т.е. местоимением (или местоименным словом) с относительным, вопросительным и т.п. неопределенным значением: *кто*, *что*, *како*, *где* (кдѣ), *куда*, *когда*, *коли* и т.д.

наличие барьера говорит о том, что начальное слово (или словосочетание) в какой-то степени выделено. Например, фраза *оуже есмь пошелъ* (без барьера после *оуже*) означает 'я уже выступил в поход' (в ситуации, когда адресат этого ожидал); а фраза *оуже // пошелъ есмь* означает приблизительно: 'уже произошло вот что: я выступил в поход' (в ситуации, когда адресат не знал, как будут развиваться события).

Замечание. Этот пример может служить хорошей иллюстрацией того, что место энклитик в древнерусской фразе, которому интерпретаторы обычно не придают никакого значения, могло в действительности заметно видоизменять смысл фразы и передавать семантические детали, которых носитель современного языка уже не чувствует. Можно привести аналогии и из современного языка: например, во фразе *Вчера Петя же этого еще не знал*, даже если после *вчера* никакой реальной паузы или замедления ритма нет, место энклитики *же* заставляет слушателя воспринимать слово *вчера* как несколько выделенное по смыслу. Иначе говоря, и сейчас может оказаться так, что выделение некоторого слова выражено только тем, куда попадает энклитика.

Из сказанного понятно, что никаких формальных правил, которые позволили бы гарантированно предсказать реализацию некоторого факультативного барьера, построить невозможно. Мы можем говорить лишь о факторах, которые повышают вероятность реализации факультативных барьеров.

Эти факторы могут быть семантическими или синтаксическими. При этом большинство факультативных барьеров имеют одновременно и семантическую и синтаксическую мотивацию (возможно, разной силы).

§ 1.27. С семантической точки зрения, общим для всех фраз с факультативными барьерами является то, что в них имеется начальное слово или словосочетание, относящееся по смыслу ко всей остальной части фразы в целом, например: «а ныне...», «а тогда...», «а я...»; и именно после такого слова или словосочетания и возникает барьер.

Далее, общим почти для всех таких фраз является то, что это начальное слово или словосочетание соотнесено по смыслу с предшествующей фразой (например, по схеме: «он сделал то-то, а я — то-то», или «возможно, произойдет то-то, тогда сделай то-то», или «меня извести, а сам сделай то-то», и т.п.). Неслучайно безусловное большинство таких фраз начинается с союза *а* или содержит противительное *же*.

Можно указать несколько разновидностей тех мотивов, по которым выделяется начальное слово (но эти рубрики разграничены не вполне четко и не исключают одна другую). См. разбор этих мотивов с многочисленными примерами в § 2.7–10. Здесь мы их только перечислим.

1. Противопоставление или эмпфаза, например: *Гюрги вышель ис Киева, ∇ а Вацьславъ // сѣдитъ ти в Киевѣ* [1150], 144.

2. Соотнесенность в более широком смысле, например: *и аже са оуже поворотитъ ѿ насъ, ∇ а тогда // како ны Бѣ дастъ с ни^м* [1151], 155.

3. Прочие случаи выделения темы, например: *а дружина моя // изнемо-ласа* [1187], 227 об.

4. Выделение обстоятельства, например: *а в Русьской земли // не велят ти быти* [1172], 203.

Напомним, однако, что во всех названных случаях речь идет лишь о тенденции, а не об обязательном правиле -- для каждого из этих пунктов можно привести также и примеры без выделения начального слова.

§ 1.28. Помимо семантических факторов, реализации факультативных барьеров могут способствовать также определенные синтаксические факторы.

Имеется ряд синтаксических характеристик фразы, которые могут хотя бы в некоторых случаях влиять на вероятность появления факультативных барьеров. Таковы прежде всего: порядок полноударных слов во фразе, величина и число актантных групп, грамматические характеристики определенных членов предложения.

Кроме того, существенно то, к какому типу относятся сами энклитики, которые предстоит вставить, именно: если речь идет о нахождении места для сильной энклитики, то вероятность реализации факультативных барьеров минимальна; если для слабой -- эта вероятность существенно больше.

Разумеется, в блоке могут быть представлены энклитики обеих категорий. В этом случае возможны следующие синтаксические решения:

1) факультативные барьеры не используются, и весь блок ставится на главное место для энклитик;

2) какой-то из возможных факультативных барьеров используется, и весь блок ставится на соответствующее дополнительное место;

3) какой-то барьер используется, но лишь для части энклитик, т. е. происходит разделение энклитик.

Решение 2 встречается крайне редко; основная конкуренция происходит между решениями 1 и 3.

КЛАССИФИКАЦИЯ КЛАЗУЗ

§ 1.29. Для адекватного описания энклитик необходима некоторая классификация клауз по синтаксическим признакам, способным хотя бы в некоторых случаях влиять на размещение энклитик. Объектами такой классификации естественно считать только клаузы с неначальным положением сказуемого (проклитики не в счет), поскольку при начальном его положении позиция энклитик определяется автоматически.

Идеальной для наших целей была бы классификация клауз, полностью независимая от того, есть ли в клаузе энклитики и как они размещены. В предлагаемой ниже классификации этот идеал удалось соблюсти везде, кроме одного частного пункта: мы отделяем от всех прочих клаузы с проклитико-энклитическим комплексом (и, следовательно, в этом пункте используем знание о том, в какой точке клаузы расположены энклитики). Эта группа клауз составляет лишь очень маленькую часть их общего массива, так что картина в целом меняется совсем незначительно. Избежать этого отклонения можно было бы только ценой чрезвычайного усложнения всей схемы классификации, с практической точки зрения неоправданного.

Используемая ниже классификация клауз такова.

Предварительная операция: если в клаузе есть обязательные или полуообязательные барьеры, то отбрасывается все, что стоит левее их (т.е. левее самого правого из них).

По степени сложности клаузы делятся на простые и осложненные; последние подразделяются на многоактантные и тяжелые (§ 0.7).

По грамматическим характеристикам клаузы подразделяются так.

Вначале от общего массива отделяются две особые небольшие группы:

а) клаузы с начальным проклитико-энклитическим комплексом (см. об особом характере этого пункта выше);

б) клаузы с начальным вспомогательным глаголом (не энклитическим: *бѣ*, *баише*, *будеть*, *нѣсть* и т.п.).

Остальные клаузы подразделяются по грамматическим характеристикам предикативной словоформы. Здесь противопоставляются прежде всего личные и неличные формы.

В сфере личных форм в некоторых случаях оказывается существенным время глагольной словоформы, а именно, противопоставляются, с одной стороны, формы с книжной окраской — аорист и имперфект²⁰, с другой — живые формы, т.е. остальные.

Неличные формы распадаются на инфинитивы, супины, деепричастия и собственно причастия; с интересующей нас точки зрения эти группы ведут себя по-разному. Инфинитивы подлежат подразделению на независимые и подчиненные.

Если сказуемое именное, то класс клаузы определяется грамматической формой вспомогательного глагола. Отсутствие связки приравнивается к наличию во фразе связки в презенсе.

Еще один признак, который в части случаев оказывается существенным, — грамматическая характеристика начального слова клаузы. Здесь различаются: а) местоименное слово, т.е. местоимение или местоименное наречие; б) союз; в) знаменательное слово (имя, наречие).

Теоретически все названные параметры могут сочетаться друг с другом, т.е. на их основе можно построить некоторую универсальную классификацию. Но практической необходимости в ней нет — достаточно древовидной классификации, где только часть ветвей подвергается более подробному членению. В частности, многоактантные и тяжелые клаузы можно было бы подразделить на такие же более мелкие группы, что и простые клаузы. Но с практической точки зрения это излишне, поскольку в любом из обследованных нами памятников полученные при этом группочки оказались бы слишком малочисленными для каких-либо статистических выводов.

Приводим схему используемой в настоящей работе классификации. Большинство классов для краткости обозначено в ней просто характерным элементом соответствующих клауз.

²⁰ Нелишне отметить, что в эту группу не входит плюсквамперфект (который свободно употребляется и в таких памятниках, где аориста и имперфекта нет).

Схема классификации клауз

Проклитико-энклитический комплекс				
Вспомогательный глагол				
Основной массив	Простые	Личные формы	Живые личные формы	Начальное местоимение
				Начальный союз
				Начальное знаменат. слово
			Аорист / имперфект	
		Подчиненный инфинитив		
		Деепричастие		
		Причастие		
	Супин			
	Осложненные	Многоактантные		
		Тяжелые		

Из названных выше подразделений в этой схеме не получили отдельной клетки только клаузы с независимым инфинитивом. Условимся присоединять их к клаузам с начальным знаменательным словом (и рассматривать вместе с ними при разборе конкретных памятников).²¹

Как видно из этой схемы, дробность членения в разных частях общей совокупности клауз весьма различна. Например, клаузы с проклитико-энклитическим комплексом никакому дальнейшему членению уже не подвергаются, а класс простых клауз с личной формой (но не аористом или имперфектом) и начальным местоимением — это результат пяти последовательных разделений.

§ 1.30. Чтобы можно было практически пользоваться этой классификацией, необходимо уточнить ряд технических деталей.

Наличие или отсутствие обращения и других инородных групп на свойства клаузы не влияет и при классификации клауз (и подсчете актантных групп) во внимание не принимается.

При подсчете числа членов актантной группы учитываются только полноударные словоформы, сопутствующие клитики в подсчет не входят.

Особую проблему составляют полупроклитики (см. § 0.2 и 1.38), которые ведут себя в одних случаях как акцентно самостоятельные, в других — как проклитики. К сожалению, разграничение случаев первого и второго рода формальным правилам не поддается. Между тем классификация клауз, чтобы быть единообразной для всех памятников, должна опираться на четкие критерии и быть свободной от субъективности. Поэтому в данном пункте в настоящей работе принято упрощенное решение, состоящее в том, что при классификации клауз полупроклитики приравниваются к обычным полноударным словам.²² Иначе говоря, мы идем здесь на некоторое огрубление, чтобы получить возможность вести подсчеты строго и единообразно.

²¹ Кроме того, в эту же рубрику мы относим непервые инфинитивы в серии однородных подчиненных инфинитивов.

²² Кроме *или*, которое, напротив, приравнивается к проклитикам (поскольку оно выступает в проклитическом качестве гораздо чаще, чем в полноударном).

Как обычные полноударные слова рассматриваются также сращения (см. § 1.39).

Напомним, что не являются актантами союзы и что при подсчете числа имеющихся в клаузе актантных групп не учитываются актанты, выраженные энклитикой (ми, ма и т.п.; см. § 0.6).

При фразах с охватом сказуемого (например, *братъ ти оумерлъ Вячеславъ*) мы даем об этом помету²³. Как указано в § 0.6, в этих случаях подлежит учету только левая часть разорванной актантной группы.

Необходимы также некоторые пояснения относительно инфинитивов и деепричастий.

В отношении клауз с подчиненным инфинитивом в настоящей работе принято следующее условное соглашение: если в такой клаузе в отрезке, стоящем левее подчиняющего инфинитив слова, нет энклитик, относящихся к инфинитиву, то этот отрезок при классификации вообще не учитывается. Например, в клаузе *Изаславъ вчера со мною хотѣль са бити* ([1150], 151 об.) учитывается только часть *хотѣль са бити*.

Если же в этом отрезке такие энклитики есть, то он учитывается, причем при классификации клауз приравнивается к предглагольной части. Таким образом, например, в клаузе *се съ симъ ны са полко^м нѣ лѣтъ бити сею рѣкою* ([1148], 132 об.) отрезок перед *нѣ лѣтъ* (включающий *са* от *битиса*) учитывается, а вся клауза квалифицируется как тяжелая (поскольку предглагольная часть после вычета клитик сводится к тяжелой актантной группе *съ симъ полко^м*).

Клаузы с подчиненным инфинитивом, где между подчиняющим словом и инфинитивом имеется хотя бы одно полноударное слово (но не местоимение или иное слово из списка в § 0.7), квалифицируются как многоактантные. Пример: *не могу с половиною ихъ миритиса* ([1193], 234).

Клаузы, где подчиненный инфинитив стоит левее подчиняющего слова (например, *аже битиса хочещи*), в классификацию вообще не включаются (в таких клаузах *са* практически всегда стоит в постпозиции, т.е. инфинитив ведет себя так, как если бы он начинал клаузу).

В древнейших текстах в том, что касается поведения энклитик, сходно с сочетаниями «подчиняющий глагол + подчиненный инфинитив» могли себя вести также сочетания «основной глагол + деепричастие». Например, в *из оуцю бы са вытьрьго приткъль* 'вырвавшись из-под [людских] глаз, прибежал бы' 752 энклитика *са* относится к *вытьрьго*, а энклитика *бы* — к *приткъль*. Во фразе *того ва есмь борона и не править себе ѡже ма перешбидила* 'запрещая это вам двоим, я и сам не расквитывался за то, чем [вы] меня изобидели' ([1151], 155 об.) *ва* относится к *борона*, а *есмь* к *не править*. Но такие примеры предельно редки, обычно же деепричастия образуют самостоятельные клаузы, изолированные от остальной части фразы.

§ 1.31. Разные классы приведенной классификации характеризуются разной вероятностью возникновения барьера после начальной актантной группы. Реальная картина тут в значительной степени варьирует от одного памятника к другому (конкретный материал и количественные оценки приводятся в после-

²³ При этом, однако, мы не отмечаем те случаи охвата сказуемого, когда разорванная группа имеет структуру «А и В» и правая часть — это «и В», например: *ѡбти ихъ !? поимали есмы, и стада и скоть*; *Бѣ ми будетъ и стана Бѣа*. Такая правая часть обладает значительной степенью самостоятельности, это как бы отдельная эллиптическая клауза, добавленная к уже законченной клаузе.

дующих главах). Но основные соотношения между классами достаточно устойчивы.

В особых рубриках — с начальным проклитико-энклитическим комплексом и с начальным вспомогательным глаголом вероятность возникновения барьера мала.

В прочих случаях эта вероятность минимальна в простых клаузах (кроме некоторых их категорий), существенно больше — в многоактантных, максимальна — в тяжелых.

В рамках простых клауз эта вероятность мала для клауз с личными формами глагола, кроме аориста и имперфекта, и с подчиненным инфинитивом, существенно выше для клауз с аористом и имперфектом и с деспричастием, и весьма высока — в клаузах с причастием и суином.

В рамках клауз с личными формами глагола, кроме аориста и имперфекта, рассматриваемая вероятность минимальна при начальном местоименном слове, несколько выше при начальном союзе и еще несколько выше при начальном знаменательном слове.

Таким образом, самой благоприятной зоной для беспрепятственного действия закона Вакернагеля являются простые клаузы со сказуемым в личной форме, но не в аористе или имперфекте, и с начальным местоименным словом. В этом случае для действия данного закона нет вообще никаких синтаксических тормозов; барьер, если он все-таки появится, может возникнуть только по семантическим причинам.

Иногда на возникновение барьеров могут влиять и некоторые другие синтаксические факторы, не включенные в приведенную классификацию.

В частности, если клауза содержит неначальное обращение, то повышается вероятность появления барьера после такого обращения (напомним, что начальное обращение дает просто обязательный барьер). Пример: *а нынѣ, ѿче, // сѣкого ны веремени не боудеть пакы* [1195], 238 об.

Если клауза с неначальным сказуемым содержит одновременно энклитику *же*, *ли* или *бо* и энклитику *са*, то резко повышается вероятность разделения энклитик (см. § 1.21 и 2.5), а именно, появления такого барьера, левее которого останется *же*, *ли* или *бо*, а правее — *са*. Такой барьер может стоять как непосредственно после *же* (*ли*, *бо*), так и правее этой точки. Примеры, где барьер стоит непосредственно перед сказуемым и, соответственно, *са* оказывается в постпозиции к глаголу: *тако ли // подобииша Гъу?* (ЖАЮ, 336); *ты же ми еси ее // ѿстоупиша по волѣ* [1195], 236 об. Примеры, где барьер стоит не перед глаголом и тем самым *са* не попадает в постпозицию: *ѡнь же нынѣ // ворогъ ми са оучинишъ* [1196], 241; *се бо о семь // вельми са радѣю, братици* (Феод. 58г).

Заметим, что тенденция к разделению наблюдается в сочетаниях *же*, *ли*, *бо* не только с энклитикой *са*, но и с другими слабыми энклитиками, например: *азъ бо // люблю та* (ЖАЮ, С11); *азъ бо // молиша ксмы свокму вѣдѣ* (ЖАЮ, 60г). Но здесь эта тенденция проявляется менее ярко, чем в случае с *са*: ср. в этом отношении пример *ты же ми еси ее // ѿстоупиша по волѣ*, где отнесена в постпозицию только энклитика *са*, а энклитики *ми* и *еси* остались слева от барьера.

Бывают также случаи, когда появление барьера вызывается индивидуальными особенностями отдельных лексем. В частности, если в клаузе по общим правилам должна возникнуть последовательность *самъ са* (*сами са* и т. д.), где *са* не является частью устойчивого сочетания *самъ са* 'сам себя', то после *самъ* обычно ставится барьер, позволяющий избежать двусмысленности. Пример: *а почнуть са с тобою бити, ты же к намъ въсть послѣ, ꙗко самъ // биша за-оутра и до шбѣда* [1150], 150 об. Если бы в этой фразе не было барьера, получилось бы *самъ са би* ..., которое хотя в принципе и допускает в древнерусском языке такой же смысл, как у *самъ биша*, все же естественнее всего понимается как 'бей сам себя'.

С другой стороны, словосочетание *самъ са* в значении 'сам себя' обнаруживает (в особенности в поздних памятниках) сильную тенденцию к превращению в целостную единицу, не подчиняющуюся более правилам об энклитиках. Ср., например: *срамляи самъ са, да ѿ много не посрамленъ боудеши* (Пчела, 430) — *са* здесь стоит в позиции, недопустимой для энклитик.

Квази-клаузы

§ 1.32. Всякий барьер как бы просто уменьшает длину клаузы, отсекая от нее слева некоторый начальный отрезок. При этом остающаяся послебарьерная часть клаузы продолжает обладать тем свойством, что к ней применим закон Вакернагеля, т. е. с интересующей нас точки зрения она однотипна с целыми клаузами.

В ряде случаев нам придется рассматривать именно послебарьерные части клауз. Поэтому полезно иметь для них более короткое наименование. В качестве такого параллельного наименования для послебарьерной части клаузы мы будем использовать термин «квази-клауза».

Понятно, что каждому барьеру соответствует своя квази-клауза. Возьмем уже разбиравшуюся выше фразу, означающую 'брат, ныне ты отступился в мою пользу от того села' и имеющую без энклитик *ми са еси* (но со всеми возможными барьерами) вид: *брате, // нынѣ // того села // отъступить*. В зависимости от того, какой из барьеров реализован, здесь могут появиться квази-клаузы: *нынѣ ми са еси того села отъступить*; *того ми са еси села отъступить*; *отъступить ми са еси*.

Во фразах с разделением энклитик квази-клауза содержит уже не все имевшиеся во фразе энклитики, а только часть. Например, во фразе *се бо о сѣмъ вельми са радѣю, братик* квази-клауза *вельми са радѣю, братик* уже не включает энклитики *бо*.

Поскольку по своей структуре квази-клаузы не отличаются от клауз, их можно классифицировать по тем же признакам. Например, квази-клауза *чему са еси не подивилъ* из клаузы *сему чюдю // чему са еси не подивилъ* — простая, с начальным местоимением (тогда как клауза в целом — многоактантная).

Существенно то, что на поведение энклитик свойства включающей их квази-клаузы влияют в большей степени, чем свойства клаузы в целом. И это не удивительно, поскольку вполне естественно, чтобы ближние соседи некоторой

единицы оказывали на нее большее влияние, чем дальние. Так, в примере *сему чюду // чему са еси не подивиль* препозиция энклитик *са еси* хорошо согласуется со свойствами клауз с начальным местоимением, но плохо согласуется со свойствами многоактантных клауз (которые обычно обнаруживают тенденцию к постпозиции энклитик).

В связи с этим возникает привлекательная идея классифицировать клаузы с внутренними барьерами, отбрасывая в них предбарьерную часть, т.е. фактически заменяя клаузу в целом соответствующей квази-клаузой.

К сожалению, у такого подхода при всех его положительных сторонах имеется и весьма серьезный недостаток. Он состоит в том, что при классификации мы должны про каждую клаузу знать, есть в ней барьер или нет. А этот вопрос, как мы уже знаем, не имеет простого и легко доступного для исследователя ответа. Тем самым наша классификация потеряла бы такое бесценное для строгого исследователя качество, как свободу от субъективности.

Поэтому в настоящей работе мы используем все же классификацию целых клауз, а не квази-клауз (что, разумеется, не мешает нам в случае необходимости обсуждать и свойства тех или иных квази-клауз).

Замечание. Правда, в принципе можно было бы принять для классификации клауз иную логическую схему, чем в § 1.29, а именно, исходить из того, что объектами классификации являются клаузы, где уже известно, как стоят энклитики. А зная место энклитик, можно было бы реконструировать и барьеры. Но при такой схеме мы лишили бы себя возможности, во-первых, предсказывать расстановку энклитик в произвольной фразе, во-вторых, выявлять случаи, когда позиция энклитики уже более не определяется наличием барьера, и тем самым изучать исторический процесс постепенного расшатывания механизма барьеров.

Нормальная и смещенная препозиция

§ 1.33. В случае препозиции некоторой энклитики по отношению к сказуемому нам потребуется различать два случая: нормальную и смещенную препозицию.

Нормальная препозиция энклитики (во фразе с неначальным сказуемым) — это ее положение в конце первой тактовой группы фразы, т.е. в соответствии с законом Вакернагеля в его наиболее чистом виде (не осложненном никакими барьерами).

Смещенная препозиция — это положение энклитики в конце некоторой неначальной тактовой группы, куда она попала в силу наличия во фразе ритмико-синтаксического барьера. Например, во фразе *вы са тому дивите* энклитика *са* находится в нормальной препозиции, а во фразе *да вы // право са тому дивите* — в смещенной препозиции.

В случае смещенной препозиции всё, что имеет какое-то значение для размещения энклитик, ограничено уже рамками соответствующей квази-клаузы. Например, во фразе со смещенной препозицией *да ци Б(о)ѣ нашъ // велмѣ са печеть о томъ* (ЖАЮ, 37в) энклитика *са* расположена внутри фразы так, как если бы предбарьерной части *да ци Б(о)ѣ нашъ* во фразе не было.

Общая схема выбора позиции для энклитик

§ 1.34. Понятие ранга и понятие ритмико-синтаксического барьера — два главных инструмента для описания древнерусских энклитик.

Механизм рангов у энклитик прост и работает в древнерусском языке практически безукоризненно: отклонений почти нет. Механизм барьеров сложнее; здесь участвуют многочисленные факторы, часть из которых не поддается строгому формальному учету. Но все же и он в целом достаточно точен.

Задачу описания позиции энклитик в древнерусской фразе мы можем теперь представить следующим образом.

В каждой фразе в принципе могут быть вычленены: 1) представленные в ней фразовые энклитики; 2) все остальное, т.е. та же фраза без фразовых энклитик. Локальные энклитики нас здесь интересовать не будут, поэтому мы можем уточнение «фразовые» опускать и называть второй из этих компонентов просто «фразой без энклитик».

Вообразим такой процесс порождения фраз, при котором сперва составляется фраза без энклитик, а затем — набор энклитик, которые предстоит в нее вставить. Наша задача получает в этом случае вполне четкую формулировку: дать правила расстановки произвольного набора энклитик в произвольной фразе без энклитик.

Разумеется, на самом деле фразы порождаются не так, однако в том, чтобы описывать размещение энклитик с помощью такого воображаемого процесса, нет ничего недопустимого.

Пусть имеется некоторая фраза без энклитик и блок энклитик (расставленных в порядке рангов), который предстоит в нее вставить.

Сперва во фразе без энклитик находится главное место для блока энклитик. Напомним, что если нет обязательных барьеров, то это конец начальной тактовой группы клаузы; если они есть, то это место, определяемое последним (самым правым) из обязательных барьеров. Затем находятся все дополнительные места — соответственно полуобязательным и факультативным барьерам.

Далее предполагается, что говорящий в соответствии со своей интенцией какие-то из факультативных барьеров реализует, а какие-то — нет. Эту операцию мы формализовать не можем и рассматриваем здесь выбор говорящего как свободный. Нас будет интересовать лишь то, какие следствия происходят из уже сделанного выбора.

Если какие-то из факультативных барьеров реализованы, из них берется самый правый, и блок энклитик помещается на определяемое этим барьером место. Если реализованных факультативных барьеров нет, блок энклитик помещается на свое главное место.

Таким образом, в узком смысле наша задача состоит лишь в том, чтобы указать возможные места для блока энклитик. Но, разумеется, полезны также указания о том, какие из альтернативных решений встречаются в конкретных текстах чаще и какие реже.

Пример. Пусть дана древнерусская фраза без энклитик *како, осподине, нами своими хрестыяны попечалиши* и блок энклитик из одного члена: *с.а.* В сумме

они должны дать значение 'как, господин, ты о нас, своих крестьянах, позаботишься?'. Требуется найти возможные места для данной энклитики.

Условий для обязательных барьеров в данном случае нет; то же верно для полуообязательных. Факультативные барьеры в принципе возможны после актантных групп *како* и *нами своими хрестьяны* и после обращения *осподине*. Но при наличии барьера после *како* должен появиться (в силу § 1.25, п. 3) барьер также и после обращения *осподине*; тем самым актуальными для постановки энклитики оказываются только факультативные барьеры после *осподине* и после *хрестьяны*.

Таким образом, в данной фразе из шести слов для энклитики *са* допустимы три позиции, выбор между которыми зависит от интенции говорящего в отношении факультативных барьеров. Им соответствуют варианты: 1) *како са, осподине, нами своими хрестьяны попечалиши*; 2) *како, осподине, нами са своими хрестьяны попечалиши*; 3) *како, осподине, нами своими хрестьяны попечалишиса*. (Как мы видели в § 1.22, в реальной берестяной грамоте, откуда взята эта фраза, представлено так наз. двойное *са*, а именно, использованы одновременно варианты 1 и 3.)

КОЭФФИЦИЕНТ ПРЕПОЗИЦИИ И НЕАВТОМАТИЧЕСКОЙ ПОСТПОЗИЦИИ

§ 1.35. Постпозицию энклитики по отношению к сказуемому мы будем подразделять на автоматическую и неавтоматическую.

Автоматической является: а) постпозиция любой энклитики по отношению к сказуемому, которое стоит в начале клаузы (проклитики не в счет) или после обязательного барьера; б) постпозиция слабой энклитики по отношению к сказуемому, которое стоит после полуообязательного барьера. В прочих случаях постпозиция является неавтоматической.

Неавтоматическая постпозиция сильных энклитик — очень редкое явление и поэтому представляет для нас лишь ограниченный интерес. Напротив, у слабых энклитик это явление представлено очень широко, и именно они будут основным предметом дальнейшего исследования.

Неавтоматическая постпозиция слабых энклитик в большинстве случаев определяется тем, что перед сказуемым имеется факультативный барьер; другая возможность состоит в том, что перед сказуемым стоит слово, подвергшееся вторичной проклitze (§ 0.2).

Факультативные барьеры зависят от интенции говорящего. Она свободна и нам достоверно не известна. Мы не знаем также заранее, подвергнется ли некоторое слово вторичной проклitze. Но у нас есть возможность точно измерить совокупный эффект этих факторов для некоторого интересующего нас памятника, а именно, соотношение числа случаев, когда энклитика находится в неавтоматической постпозиции и когда она находится в препозиции.

Что касается случаев автоматической постпозиции (т.е., грубо говоря, фраз с начальным сказуемым), то включать их в эти подсчеты нецелесообразно, по-

сколько результат таких подсчетов будет не вполне показательным — он будет зависеть от такого не имеющего отношения к нашей основной проблеме параметра, как количество фраз с начальным сказуемым.

Назовем коэффициентом препозиции (некоторой энклитики в некотором тексте) отношение числа случаев ее препозиции к общему числу случаев, где нет условий для ее автоматической постпозиции, и коэффициентом неавтоматической постпозиции отношение числа случаев ее неавтоматической постпозиции к тому же общему числу.

Эти меры объективны, они не зависят от наших возможных ошибок в оценке намерений говорящих или пишущих.

Понятно, что эти два коэффициента связаны между собой простейшей связью: их сумма равна единице. Поэтому в принципе достаточно какого-то одного из них. Реально ниже мы почти везде пользуемся коэффициентом препозиции.

Разумеется, эти коэффициенты можно вычислять для некоторого текста не только суммарно, но и отдельно по тем или иным категориям. В одном и том же памятнике такой коэффициент может существенно различаться для разных энклитик и для разных типов фраз.

В частности, здесь имеется отчетливое различие между сильными и слабыми энклитиками: у сильных энклитик коэффициент препозиции обычно близок к 100%, у слабых он всегда заметно меньше и очень сильно варьирует в зависимости от памятника (опускаясь в некоторых из них до величин, близких к нулю).

Коэффициент препозиции одной и той же энклитики может быть весьма различным в памятниках разных эпох и разных жанров.

Приводим в качестве примера данные Киев-Д; это памятник достаточно большого объема, отличающийся тем, что здесь во всех группах коэффициент препозиции весьма высок. Помимо коэффициентов, указано также общее количество случаев, где нет условий для автоматической постпозиции. Сильные энклитики показаны вместе, поскольку незначительные расхождения в их индивидуальных показателях не имеют статистической ценности.

Как $ти_1$ здесь и далее обозначается частица *ти*, как $ти_2$ — *ти* 'тебе'.

Коэффициент препозиции (Q-pre)
и неавтоматической постпозиции (Q-post) в Киев-Д

Энклитики	Общее количество	Q-pre	Q-post
Сильные: <i>же, ли, бо, ти₁, бы</i>	≈270	96,3%	3,7%
Ранг 6: <i>ми, ти₂</i> и прочие	269	91%	9%
Ранг 7: <i>ма, та</i> и прочие, кроме <i>са</i>	74	79%	21%
Ранг 7: <i>са</i>	196	64%	36%
Ранг 8: связки (1-го и 2-го лица)	269	84%	16%

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КЛИТИКАХ

Смысловые связи энклитик с другими словами

§ 1.36. Энклитики можно подразделять по двум разным признакам:

1) Синтаксический признак — противопоставление фразовых и локальных энклитик (§ 1.2).

2) Семантический признак — смысловая связь со сказуемым или с одним из остальных членов предложения.

Казалось бы, эти два признака должны давать одинаковое разбиение энклитик: фразовые энклитики связаны по смыслу со сказуемым, локальные — с другими членами предложения. В действительности, однако, это не всегда верно: часть фразовых энклитик (а именно, сильные энклитики) в смысловом отношении тяготеет не к сказуемому, а к тому члену предложения, который поставлен в начало фразы (как правило, это тема).

Тяготение сильных энклитик к начальному слову фразы находит свое выражение, в частности, в том, что они чаще прочих оказываются отчлененными, т.е. остаются при начальном слове левее барьерса, отрываясь от основного блока энклитик. Более продвинутой ступень этого тяготения состоит в том, что эти энклитики образуют устойчивые сочетания с рядом слов, часто выступающих в начальной позиции во фразе, например, *нынѣ же, пакы ли*. Наконец, последняя ступень на этом пути — превращение подобных устойчивых сочетаний в единые цельные слова, например, *уже* (из у 'уже' + *же*), *неужели* (из не + у + *же* + *ли*), *чтобы* и т.п.

Наиболее характерными в этом отношении являются энклитики *же* (противительное, причинное, усилительное) и *ли*. С точки зрения современного русского языка, они должны рассматриваться просто как подчиненные предшествующему слову; ср., например: *сам уехал, жену же оставил в Киеве; князя ли хотите убить?* Следует полагать, однако, что в древности такие фразы осмысливались несколько иначе — приблизительно так: 'он сам уехал; однако верно то, что он оставил жену в Киеве'; 'верно ли, что вы хотите убить именно князя (самого князя)?' При такой смысловой структуре *же* и *ли* в соответствующих древнерусских фразах относятся к фразе в целом и потому с полным основанием подчиняются закону Вакернагеля. Вот пример древнерусской фразы, где подобная смысловая структура выявляется с большей очевидностью: *къто ли не имѣеть коня, а въ лодыи* 'если же у кого-то нет коня, то в ладье [пусть идет в поход]'. Здесь *ли* явно относится по смыслу к сказуемому *не имѣеть*, а не к *къто*. В отличие от древнерусского, в современном языке, если во фразе с таким значением употреблено все же древнее *ли*, а не более обычное позднее *если*, допустима только постройка *ли* непосредственно при *не имеет* (например, *не имеет ли кто-то коня*), но никак не при *кто* или *кто-то*.

Самым наглядным примером такой эволюции может служить индоевропейское **ne* (с той лишь разницей, что оно даю в русском языке не энклитику, а проклитику). Так, санскритское *na* еще отчетливым образом относится к фразе в целом, а не к следующему слову, и по смыслу эквивалентно выражению 'неверно, что', например: *na tatra*

gacchasi (букв. 'не + туда + идешь') означает 'ты туда не идешь'; *na bhartṛhiṇā vyavasāmi jīvītam* (букв. 'не + лишенная супруга + хочу + жить') означает 'лишенная супруга, я не хочу жить'. Остатки такого общесловосочетательного значения не отчетливо видны в древнерусском (например, *блюдыи, да не гладьми и зимою оумреть* 'следуя за тем, чтобы тот не умер от голода и холода' [Феод., 34г]) и сохраняются доныне в фольклорных фразах типа *Не сырой дуб к земле клонится*. Ныне же частица *не* отрицает уже не все высказывание, а только непосредственно следующее слово.

Следует предполагать, таким образом, что в ходе истории в подобных случаях происходило смысловое переподчинение энклитики. К сожалению, в общем случае у нас нет возможности установить, какую часть пути между древним осмыслением типа *хочете ли* и новым типа *князя ли* прошел автор конкретной фразы в конкретном памятнике. Ясно лишь, что этот переход не мог осуществиться скачком и, следовательно, существовала какая-то промежуточная фаза неопределенности или неустойчивости.

При этом, однако, прежний порядок слов обычно сохраняется даже и после изменения смысловых отношений. Например, *же* (противительное и т.п.) даже и в современном языке все еще в основном подчиняется закону Вакернагеля. Отсюда необходимость признать — в уточнение того, что сказано в § 1.2, — что закону Вакернагеля в некоторый период истории языка подчиняются не только те энклитики, которые с синхронической точки зрения относятся к сказуемому, но также и некоторые из тех, которые характеризовались этим свойством прежде, а к текущему моменту уже его утратили.

Появление нового правила расположения энклитик

§ 1.37. Уже в древнерусский период мы наблюдаем отдельные случаи, когда слабая энклитика вместо того, чтобы занять требуемую законом Вакернагеля позицию в начальной части фразы, располагается непосредственно после подчиняющей ее глагольной словоформы. Иначе говоря, слабые энклитики проявляют тенденцию к переходу от статуса фразовой энклитики к статусу локальной. Со временем эта тенденция постепенно приобретает характер нового (позднего) правила о месте энклитик, состоящего просто в том, что энклитика должна стоять непосредственно после подчиняющей ее словоформы. Это правило вступает в конкуренцию с прежним (древним) правилом, т.е. с законом Вакернагеля.

Что касается сильных энклитик, то их эта тенденция затрагивает лишь в незначительной степени; часть из них, прежде всего *же*, доживает до нашего времени, почти не изменив своего древнего способа размещения во фразе.

Новое правило расположения слабых энклитик замещает собою древнее без какого-либо скачка или взрыва. Оно рождается в недрах древнего правила в виде все усиливающейся тенденции использовать все допускаемые этим древним правилом факультативные возможности для перемещения энклитики вправо и приближения к сказуемому. С формальной точки зрения, для получения того эффекта, который даст новое правило, достаточно в любой фразе с неначальным сказуемым ставить перед этим сказуемым барьер; а это, строго го-

воря, допускается древним правилом (образуя его предельный случай). Разница лишь в том, что согласно древнему правилу такой барьер предполагает некоторое выделение стоящей перед сказуемым актантной группы, тогда как новое правило никакого выделения каких-либо групп уже не требует.

Поскольку вопрос о том, имел ли древний автор интенцию выделить тот или иной отрезок текста, в большинстве случаев неразрешим, мы многократно сталкиваемся при разборе конкретных фраз из древних памятников с такой ситуацией, когда постпозиция энклитики (прежде всего *са*) по отношению к глаголу может объясняться двояко: как эффект барьера, возникшего в силу выделения определенной группы, или просто как результат действия нового правила.

Дублирование энклитик, описанное в § 1.22, есть не что иное, как особое проявление взаимодействия двух правил, их конкуренции. Оно состоит в том, что применены одновременно и старое, и новое правило, в результате чего одна и та же энклитика выступает во фразе дважды. Например, во фразе *како са, ѿсподине, // нами своими хрестыяны // попечалишиса?* 310п первое *са* (после *како*) соответствует древнему правилу, а второе (в *попечалишиса*) — новому.

Новое правило распространяется с неодинаковой скоростью при разных грамматических формах сказуемого и в отношении разных энклитик. В частности, оно гораздо шире применяется при неличных формах, чем при личных, а из энклитик основной сферой его действия является энклитика *са*.

Так, при причастиях в членной форме и/или в косвенных падежах новое правило практически победило уже в древнерусский период. За исключением всего нескольких примеров то же верно для супина.

В сфере деепричастий новое правило безусловно преобладает над старым, но в древнерусский период его полная победа еще не достигнута.

Гораздо прочнее сохраняются позиции древнего правила в сфере инфинитивов. Здесь в части памятников древнее правило еще практически столь же актуально, как при личных формах.

Из всех энклитик быстрее всего переходит в сферу действия нового правила энклитика *са*. Это прозрачным образом связано с тем, что в смысловом отношении она объединяется с глаголом гораздо теснее, чем прочие энклитики. Понятно, что это то самое движение, которое в конечном счете привело к современному русскому состоянию.

Проклитики и вторичная проклиза

§ 1.38. Для понимания эффектов закона Вакернагеля необходимо прежде всего уметь правильно определять число и состав представленных во фразе тактовых групп. Для этого, в частности, необходимо знать, какие словоформы, предшествующие акцентно самостоятельному слову, могут объединяться с ним в единую тактовую группу.

Как мы уже знаем, в составе тактовой группы акцентно самостоятельному слову может предшествовать одна или несколько проклитик. Здесь следует различать:

а) собственно проклитики, которые всегда объединяются в акцентном отношении со следующим словом;

б) полупроклитики (§ 0.2) — слова, способные к вторичной проклitze, т. е. в нормальном случае полноударные, но в некоторых случаях все же объединяющиеся в акцентном отношении со следующим словом.

С исторической точки зрения, различие таково: собственно проклитики были проклитиками издревле, тогда как полупроклитики стали приобретать свойства проклитик относительно поздно и при этом не утратили своей способности функционировать также в качестве акцентно самостоятельных единиц.

Важнейшие полупроклитики таковы:

1) Местоименные энклиномсны *яъ* (я, азъ), *ты*, *мы*, *вы* (И. падеж), *ѣѣ*, *ѣа* (И. падеж), *то* (местоимение), *что* (во всех синтаксических ролях), *кто*, *како*, *так*; также *се* в функциях, в которых оно не является просто проклитикой.

2) Союзы *аже*, *ако*, *акы*, *али*, *аче*, *аще*, *ати* (*ать*), *зане*, *занеже*, *или*, *любо*, *оже*, *оти*, *поне*, *тоти*, *ци ли*; также *яко* в функциях, в которых оно не является просто проклитикой. В этой группе энклиноменами являются *ако*, *акы*, *аче*, *любо*, *оже*, *яко*; остальные представляют собой сросшиеся проклитико-энклитические группы, т. е. ортотонические единицы.

Напомним, что вторичная проклitze обозначается в настоящей книге знаком °.

В случае вторичной проклitze слово, обычно само по себе образующее тактовую группу, превращается, так сказать, в «просодический нуль» — оно включается в тактовую группу следующего полноударного слова и не играет более никакой самостоятельной просодической роли. Соответственно, энклитики ставятся уже не после него, а после этой объединенной тактовой группы, например: *а что° оумыслилъ еси*, *а тое дѣи* [1172], 203 об.; *ты° мнѣ еси* *яко ѿѣ* [1151], 156; *ать° мы са бѣемъ сами съ Изаславомъ* [1153], 168; *или° возворотиса домовъ* [1185], 223 об.

Есть ли какая-нибудь разница по смыслу между фразой с вторичной проклitzой начального слова, скажем, *а что° оумыслилъ еси*, *а тое дѣи*, и такой же фразой без вторичной проклitze: *а что еси оумыслилъ*, *а тое дѣи*? Установить это с полной достоверностью мы не можем. Но, судя по крайней мере по некоторым из подобных фраз, можно предполагать, что ослабление начального слова путем его вторичной проклitze ведет к переносу внимания на следующее за ним слово (в нашем примере *оумыслилъ*); иначе говоря, в таких фразах оказывается выделенным по смыслу полноударное слово, стоящее после полупроклитики.

Вот некоторые примеры, про которые естественно предполагать, что в них имелся данный эффект, а именно, подчеркнутые слова воспринимались как выделенные по смыслу:

азъ° Изаславъ есмь, кѣъъ вашъ [1151], 158 об. (слова Изяслава, лежащего раненым на поле битвы, киевским пехотинцам, не знавшим его в лицо и собиравшимся его убить);

яа° не оуби(и)ца есмь бра^аи свои [1150], 144 об.;

мы° гости есме твои [1150], 150 об. (слова вѣнров Изяславу);

реклъ бо еси: «*ѡже ѿ саду въ Києву, то ѿ тебе надѣлю; пакы ли ты садеши въ Києвъ, то ты ме(не) надѣли*»; ∇ *нынѣ же // ты° сѣлъ еси* ('и вот теперь ты сел'), *право ли криво ли, надѣли же мене* [1174], 204 об.;

ѡже° ѡѣѣ та приѡбидиль и волости ти не далъ, ѿзъ же та прияхъ въ правду [1149], 135 об./136;

зане° боленъ есми велми [1152], 162;

зане° ты еси старѣи на° Володимирихъ вноуѣхъ ('ибо старший среди нас — ты') [1148], 134.

При отсутствии вторичной проклизы те же фразы, очевидно, воспринимались бы как лишённые специального выделения. Заметим, что в последнем примере было бы естественно в этом случае слово *ты* вообще опустить: *зане еси старѣи ...* (и фраза означала бы: 'ибо ты старший среди нас ...').

Здесь необходимо отметить одно важное обстоятельство, осложняющее анализ фраз рассматриваемого типа. Как легко заметить, на положение энклитик вторичная проклиза начального слова действует так же, как если бы после этого слова стоял барьер. Например, фраза *а азъ не радуюся ѡ погыбели его* ([1155], 175 об.) может быть интерпретирована двояко:

1) как *а азъ° не радуюся ѡ погыбели его* (с проклизирванным *азъ*), что означает приблизительно: 'а я не радуюсь погыбели его (а наоборот, огорчаюсь)';

2) как *а азъ // не радуюся ѡ погыбели его* (с выделенным, подчеркнутым *азъ*), что означает приблизительно: 'а что касается меня (в отличие от кого-то еще), то я не радуюсь погыбели его'.

Иначе говоря, ослабление начального *азъ*, выражающееся в его вторичной проклизе, и, напротив, его усиление (подчеркивание), как это ни парадоксально, на положение энклитики влияют одинаково — и то и другое противопоставлено нейтральному полноударному *азъ*, которое дало бы *а азъ са не радую*.

К сожалению, для многих конкретных фраз невозможно с надежностью установить, какой из двух вариантов (° или //) реально имеет место. Примером может служить хотя бы сама рассмотренная фраза: мы не можем точно знать, мыслил ли ее автор слово *азъ* как чему-то противопоставленное.

Поскольку, однако, для нашего анализа существенно только размещение энклитик, мы имеем счастливую возможность не пытаться разрешить в каждом подобном случае эту трудную неформальную дилемму, а просто констатировать тот факт, что место энклитик указывает здесь либо на вторичную проклизу начального слова, либо на наличие барьера после него. Условимся отмечать такие случаи знаком / после начального слова, например: *а азъ / не радуюся ѡ погыбели его*.

Таким образом, ниже символ / означает: вторичная проклиза предшествующего слова или барьер после него (неизвестно, что именно). А его влияние на расположение энклитик — такое же, как у обычного барьера.

Этот же символ мы будем ставить там, где полупроклитика оказывается перед точкой, где по какой-либо причине должен быть поставлен барьер. Пример: во фразе *али чимо есемо виновата, а восоли отроко* 644 перед *чимо* в силу § 1.25, п. 4 должен стоять барьер; однако если слово *али* подверглось вторичной проклизе, то оно просто соединяется с *чимо* в единую тактовую группу. Поскольку мы не знаем, какой именно вариант здесь осуществился (*али //*

чимо ... или али° чимо ...), мы записываем это как али / чимо ... Аналогично: аче / кдѣ на будеть мочно ѡбѣима ѣхати, а ѡба ѣдевь [1151], 152; или / како сѧ еси не домыслил побѣдити ихъ ...? [1175], 208 об.; или / хто сѧ будеть оу тыхъ людии женилъ (ДДГ, № 3) и т.п.

Проклитико-энклитические комплексы и сращения

§ 1.39. С энклитики клауза начинаться не может; но если сй предшествует проклитика, то такое сочетание из энклитики и проклитики уже может стоять в начале клаузы. Например, начальное же или бо невозможно, но да же или не бо — вполне возможно.

Если клауза начинается с проклитики, положение имеющихсѧ в клаузе энклитик может быть двояким:

1) эта проклитика соединяется в одну тактовую группу с последующим полноударным словом и, соответственно, блок энклитик следует за этим словом, например: а даси ли, а даль ли еси, не даси бо, не даль бо еси;

2) проклитика принимает на себя роль базиса, к которому непосредственно присоединяются энклитики, т.е. возникает проклитико-энклитический комплекс, например: а ли (= али) даси, а ли еси даль, не бо даси, не бо еси даль.

Нормальным является первый вариант. Второй вариант возможен лишь в некоторых специальных случаях, о которых будет сказано ниже.

Значительным сходством с проклитиками обладают полупроклитики. У них имеются в точности те же две возможности, только здесь соотношение нормы и исключения обратное, а именно, в нормальном случае они выступают в роли базиса (к которому непосредственно присоединяются энклитики), например: ты ми еси рекль.

И лишь в относительно редких случаях реализуется их способность к вторичной проклизе (т.е. способность соединяться в одну тактовую группу с последующим полноударным словом), например: ты° рекль ми еси (где ты рекль — это единая тактовая группа).

Таким образом, в позиции начала фразы различие между проклитиками и полупроклитиками есть в сущности лишь вопрос количественных соотношений между двумя типами просодической реализации. (Качественное различие между этими двумя группами слов проявляется лишь в других позициях — в частности, собственно проклитики, в отличие от полупроклитик, не могут стоять в конце фразы.)

Можно предполагать, что первоначально фразы типа не даль бо еси и типа не бо еси даль (с проклитико-энклитическим комплексом) представляли собой два равно допустимых варианта, передающих один и тот же смысл. Но в древнерусском языке ситуация уже не такова. Здесь стала нормой модель не даль бо еси, а модель не бо еси даль сохранилась только для весьма ограниченного числа сочетаний конкретной проклитики с конкретной энклитикой, причем значение фразы в этом случае уже не совпадает с тем, что в основной модели.

Проклитико-энклитические комплексы развивают собственные значения, уже не равные сумме исходных значений, и постепенно превращаются в само-

стоятельные цельные слова. Разные единицы этой категории в разной степени продвинулись по этому пути.

В предельных случаях (например, *ать, тотъ, или, ибо*) эта эволюция уже в древнерусский период завершилась и мы имеем дело со сращенными единицами, представляющими собой новые цельные слова. В ряде других случаев сращение произошло позднее; таковы, например, современные литературные или диалектные слова *даже, дабы, якобы, ажно, нольно* и многие другие.

Сращенные единицы могут быть также названы просто сращениями.

Разница между обычными и сращенными проклитико-энклитическими комплексами отчетливее всего проявляется при соединении их с другими энклитиками. Обычный проклитико-энклитический комплекс при наличии других энклитик просто расширяется за их счет; все энклитики стоят при этом в обычном порядке рангов. Ср., например, комплекс *да ми* и расширенные комплексы *да же ми, да же ми еси* и т. п.

Что же касается сращенного комплекса, то он выступает просто как базис для блока энклитик, сам в этом блок уже не входя. Тем самым правило рангов на него уже не распространяется. Например, во фразе *кѣже, // ать же поидемъ* ([1148], 135) сочетание *ать же* — это уже не единый проклитико-энклитический комплекс, а целое слово *ать* + энклитика. В самом деле, свободное сочетание *а + ти (ть)* (ранг 4) + *же* (ранг 1) было бы невозможно. Аналогично: *тъть (тоть) ли еметь хытри* (Неизв. кн., 45) — целое слово *тоть* + *ли* (тогда как *тъ* — это ранг 4, а *ли* — ранг 2); *нѣсмъ ти ворожбитъ, ни мѣстныкъ* (Мономах, 84) — целое слово *нѣсмъ* + *ти* (*есмъ* — ранг 8, а *ти* — ранг 6).

Целостность сращенной единицы может проявиться также в ее способности к вторичной проклitze. Например, во фразе *да или поѣдете борзо, ∇ или^о возворотиса домовъ* ([1185], 223 об.) слово *или* (сращение *и* и *ли*) ведет себя как единая проклитика (что видно из позиции *са*).

Следует учитывать, однако, что в ряде случаев (например, *не бо, да же, то же, да бы*) трудно провести границу между полным сращением и просто значительным продвижением в этом направлении; для проверки по указанным выше формальным различительным признакам далеко не всегда удастся найти необходимый контрольный материал. Но для нужд описания приходится все же провести здесь некоторую условную границу.

Ниже как случаи полного сращения, достигнутого уже в древнерусский период, трактуются: *аже, али, ати (ать), абы* (= *а бы*; так же *абыхъ* и т. д.), *анъ (ано), или, ибо, инъ (ино), тоти (тоть), неже, нежели, небонъ, дати (дать), зане, поне*, помимо еще более старого сращения *нѣсмъ* (*нѣси* и т. д.).

Аналогичная проблема существует и для сочетаний акцентно самостоятельных слов с энклитиками. Здесь тоже имеется ряд сращений, например, *уже, ужели, неужели* (на базе древнего у 'уже'), *абыно* 'если, коль скоро' (на базе не засвидетельствованного в самостоятельном виде **абы*) и различные переходные случаи. Примером такого переходного случая может служить рассмотренный нами выше (§ 1.4, примеч.) сложный союз *аще ли*, который в одних случаях ведет себя как сращение (и тогда в сочетании с *же* даст *аще ли же*), а в других — как два отдельных слова (и тогда в сочетании с *же* даст *аще же ли*).

Примечание. Филологическая традиция записи древнерусских слов до некоторой степени отражает описанную здесь эволюцию, принимая слитное написание для одних единиц (например, *аже, али, атъ, или, нежели*), но раздельное для других (например, *не бо, да быхъ*). Но единства в этом вопросе нет, и для целого ряда таких единиц в разных работах или изданиях приняты разные написания (например, *даже* и *да же, ниже* и *ни же, тоже* и *то же, тотъ* и *то ть* и др.). Иногда один и тот же по происхождению комплекс записывают по-разному в зависимости от значения, например, *да же* 'если, если же', но *даже* 'даже', *то ти* 'это ведь' и *тоти* 'итак, итого'; и в некоторых случаях это действительно облегчает понимание. В настоящей книге мы применяем слитное или раздельное написание в основном по принципу «слитное для сращений, раздельное для прочих». Но мы не ставили перед собой трудноразрешимой задачи добиться в этом вопросе некоего идеального решения — для основной задачи настоящей книги в этом, к счастью, нет нужды; из прагматических соображений допущены единичные отклонения от указанного принципа. Соответственно, условимся просто не придавать орфографической стороне этого вопроса самостоятельного лингвистического значения.

Такая же проблема возникает при записи многих сочетаний полноударных слов с энклитическими частицами, например, *якоже* или *яко же, донблеже* или *донбле же, ужели* или *уже ли* и т.п. Мы в меру возможного применяем к этим случаям тот же принцип.

§ 1.40. В приводимой ниже таблице показано, какие двучленные проклитико-энклитические комплексы реально встречаются в древнерусских памятниках. Обозначения:

- + — комплекс реально встречается;
- +* — комплекс реально встречается, причем он уже сросся в единое слово;
- — комплекс в обследованных нами памятниках не встретился;
- () — комплекс встретился (почти), исключительно в старославянских памятниках;

1×, 2× — комплекс встретился всего один раз (два раза).

Проклитико-энклитические комплексы

Прокли- тики	Энклитики							
	Сильные					Слабые		
	<i>же</i>	<i>ли</i>	<i>бо</i>	<i>ти</i> ₁	<i>бы</i>	<i>ми</i> и т.д.	<i>ма</i> и т.д.	<i>еси</i> и т.д.
<i>а</i>	+*	+*	1×	+*	+*	—	(+)	—
<i>и</i>	—	+*	+*	—	—	—	(+)	—
<i>нъ</i>	+	+	—	—	+	—	—	—
<i>то</i> (союз)	+	—	1×	+*	+	—	—	—
<i>ци</i>	1×	+	—	+	—	—	—	—
<i>не</i>	+*	+	+	—	+	—	—	+*, <i>нбси</i>
<i>ни</i>	+	+	+	1×	1×	—	1×	—
<i>да</i>	+	(2×)	—	+*	+	+	+	—
<i>яко</i> (союз)	+	—	+	—	+	+	—	—
<i>се</i> (част.)	+	2×	+	1×	—	+	1×	+

В таблицу не включены (ввиду того, что встречаются слишком редко) проклитики *ти* и *та* (союзы) и энклитика *нѣ*. Последняя дает проклитико-энклитические комплексы (сращенные) *анѣ* (*ано*), *инѣ* (*ино*), *небоиѣ*.

За рамками таблицы оставлены также предлоги. Их сочетаемость с энклитиками совершенно особая: они соединяются только с энклитиками ранга 7 (*за ма, про та, на ны, за са* и т.д.), и все эти соединения в просодическом отношении эквивалентны акцентно самостоятельным словоформам (см. § 1.10).

Не учитываются сочетания *а есть, и есть*, поскольку словоформа *есть* часто бывает полноударной. (О нескольких фразах с сочетаниями *а еси, а есте, и еста, да еси, не бо еси*, которые по разным причинам не могут трактоваться как проклитико-энклитические комплексы, см. § 5.4.)

Из таблицы видно, что проклитико-энклитические комплексы строятся, за немногими исключениями, на основе сильных энклитик. Причина здесь, очевидно, в том, что сильные энклитики — древние, а слабые стали энклитиками относительно поздно, когда просодический механизм, позволявший любой проклитике соединиться в комплекс с любой энклитикой, уже не действовал.

Немногочисленные комплексы со слабой энклитикой возникли по различным индивидуальным причинам. Так, *нѣсмь, нѣси, нѣсть* — это сращения глубочайшей древности, когда еще действовало правило $e + e \rightarrow \bar{e}$ (и когда *есмь, еси* и т.д., вероятно, еще не были энклитиками); к интересующему нас просодическому механизму они фактически не имеют отношения. Что касается *яко* и *се*, то это словоформы, которые могут функционировать и как проклитики, и как энклитомены; следует полагать, что именно параллельный энклитоменный статус позволил им соединяться со слабыми энклитиками. Наконец, *да* — это клитика с совершенно особыми свойствами (см. об этом § 0.2, 1.14), так что мы имеем здесь дело с еще одной особенностью, отличающей ее от обычных проклитик.

§ 1.41. Сращенные комплексы (см. список в § 1.39) в большинстве своем широко представлены в текстах. Выше уже были приведены примеры *кѣже*, // *атѣ же поидемъ*; *тѣоуѣ ли еметъ хытрити* и др., где сам порядок энклитик показывает, что *атѣ, тотѣ* и т.п. — это целостные единицы.

Вот еще некоторые примеры фраз со сращенными комплексами:

али ти [не д]ѣаета, а наеми въ на наимито 'если же они (родители) [уже] не могут трудиться, то найми для них работника' 893 (*ти* — частица);

поидите со мною, ∇ атѣ ми са добро с ними ѿ^(т) силы мирити [1149], 137 об./138;

а Кѣзеке соци, абы (= а бы) не истърале кѣно 163;

абыхомъ са оуладили [1148], 133;

тотѣ оуже еси съступилъ крѣтного ѿблованиа [1152], 166;

луче бо ми было с тобою жити, ∇ неже въ свѣтъ семь прелестнѣмъ (ПВЛ, 46 об.);

а намъ лучшиє въ чюжю голову, ∇ нежели въ свою [1169], 191 об.;

куды грамота поведе, ∇ датѣ ми розумно 'чтобы мне было понятно, куда поведет [купчая] грамота' 53п.

Пример книжного сращенного комплекса: *ібо рѣч твоѧ навѣна та твори* (Чуд., 156).

Свободные (т. е. не сращенные) проклитико-энклитические комплексы полезно проиллюстрировать полнее (примеры сгруппированы по двучленным «ядерным частям» таких комплексов; особое внимание уделено примерам, где комплекс не ограничен своей «ядерной частью»):

а ма, а са, и ма — реликты, о которых см. § 1.10;

нѣ же (но же) — *ѡче, д(об)ро башеть тишина, ∇ но же са оуже не годило* [1180], 216 об.; *не избраша сего людѣ землѣ наишѣ, ∇ но же еси постави* [1183], 220 об.; *брате и сѣоу, много ти смѣ добра творить <...>, ∇ но же еси оумыслил на ма зло* [1180], 217 об.

нѣ ли (но ли) — *но ли къ старости, то же са постригоу, но ли боуду лouchи тѣгда; но хоудѣ ксмѣ и болень* (Вопрош. Кирик., ст. 6);

нѣ бы (но бы) и т. д. (редко) — *но быхъ хотѣлѣ, да быша были такы слезы нѣкому хрестыяну* (ЖАЮ, 29а);

то же 'то, в таком случае' (не смещивать с *то же* 'то же самое') — *а до[вѣ]до[к]а бѣдо[е], ∇ то же нынеца радѣ быхъ послале [грам]о[тѣ]* 724; *ажѣ ны еси вмѣнили Кыевъ, ∇ то же ны его блюсти подѣ тобою* [1195], 237 об.; *а се друга рать перед нами Гюрги, ∇ то же того съждемѣ* [1150], 150; *а как мѣсѧ изондеи, ∇ то же са воевати* (ГВНП, № 70, 1440–47 гг.);

то бо (редко) — *но бѣ рад(и) въхоцетѣ мира, ∇ то бо съблюдаетѣ землю Роусьскоую* [1139], 112 (*то* — союз);

ци же (редко) — с предшествующим *а*: *а ци же и сами бысте скѣрни* (Ипат. [1074], 72 об.);

ци ли — *оурядил[о] ли са со тобою, ∇ ци ли не оурядил[о] са* 344п; *сде ли хочемѣ стояти, ∇ ци ли быхомѣ и еще своего труда не праваче сеѣ noci поѣхали* [1150], 150.

ци ти (где *ти* — частица) — *ци ти пѣцѣ князь кѣпѣцѣ надѣливати* 794; также с предшествующим *а*: *а ци ти прислѣ къ тѣбѣ* 794;

не ли — *твоѧ ли соу твари, ∇ а не ли старица паче онаѣ*? (Изб. 1073, 203а); *лѣ юдѣемѣ бѣ токмо, ∇ а не лѣ и назыкомѣ* (Чуд., 100г);

не бо — *не бо рачитѣ видѣти кого* (Феод., 32б); *в безумиѣ впаде, ∇ не бо смыслише Хѣта суца двѣгубѣ и бѣ и члѣва, но кдиногубѣ суца мнѣвъ* (ЖАЮ, 57г); *не бо добрѣ взѧтѣ хлѣба оу ча^а и повреци^и нсо^и* (Чуд., 20а);

не бы — *аще бо бы перевозникѣ Киш, ∇ то не бы ходилѣ Црюгороду* (ПВЛ, 4); *ни же* — *дер'зѧи же, не боисѧ, ∇ ни же да страшитѣ срдце твоѣ* (ЖАЮ, С31 об./32); *і слышаще не слышатѣ, ∇ ни же раздѣмѣю^т* (Чуд., 86);

ни ли — *гѣла томоу блаженни: ∇ ни ли мало имати?* (Феод., 53г); *ни ли боишѣ ты бѣ* (Чуд., 40б);

ни бо — *приѣхавѣ и съсѣде съ конѧ, ∇ ни бо николи же ѣха на дворѣ манастирьскыи* (Феод., 40б); *ни бо обрѣзѧнии сами зако^и хранѧ^т* (Чуд., 124б);

ни ти (где *ти* — частица; редко) — *Петрови же не въдуцо кѣжѣ сирѣти. ∇ ни тѣ ему дѣтѣскии не повѣдѣ* (Киев. лет. [1152], 166 об.; *тѣ < ти*);

ни бы (редко) — *да аще бы не сътворилосѧ се, како бы жена избылася ѡ бѣды своѧ, како быша враны и гады измерьли, ∇ ни бы кфионѣ онѣ приклѣцентѣ* (ЖАЮ, 44б);

да же — да же ти ми боудете дѣбр[о] Смол. 12; да же еси тими коунами не исполнила 711п; да же ти въдалъ 682; да же ма постигнетъ Володимеръ съ сѣми [1150], 149; да же ны Бѣ поможетъ [1151], 155; да же бы была рать, билиса быхом [1185], 225 об.; да жь еси реклъ [1151], 155 об.;

да ли (старослав., редко) — еда приходитъ свѣтильникъ, да подѣ спждомъ положенъ бѣдетъ, ли подѣ одромъ, ∇ не да ли на свѣштьникъ възл{л}ожаты и (Мар., Мр. 4.21); да бы тѣчѣж кѣимъ избыти кѣму зѣла, ∇ да ли о плѣтънѣмъ оучиненик, а о доуховнѣмъ безаконик (Супр., III-47);

да бы — съ слѣзами молѣ сна кѣму, ∇ да бы оу него былъ (Феод., 316); бояса, ∇ да бы са не осквернила оуность кѣго (ЖАЮ, 45г); иного не хоцю ничего же, гѣне мои, ∇ нѣ да бы са оставилъ ѿ лихаго дѣянѣя мужь мои (ЖАЮ, 41в);

да ми и т.д. — да послалъ еси доброго своего аггѣла, ∇ да ми слѣжитъ (ЖАЮ, С34); да ми повѣси подчение стѣго ѿ дѣшѣхъ (ЖАЮ, С109); но поими кѣгоже хоцещи, ∇ да ти поможетъ (ПВЛ, 70); изведи ми, старѣче, сна можго, ∇ да си кѣго вижю (Феод., 32в);

да ма и т.д. — Кѣифанъ повелѣлъ кѣтъ бѣдници сеи, ∇ да ма оужежеть велми (ЖАЮ, 43в); что ти бы, ∇ да са кси тако възмутилъ? (ЖАЮ, 47в); она же и тамо иде, ∇ да и тамо обрѣцетъ (Феод., 32а);

яко же — цѣбую к вама крѣтъ и кѣ княгини вашей, ∇ яко же ми на ва^с не позрѣти лихомъ [1171], 195/об.;

яко бо — и оуклонѣшася, ∇ яко бо са сматѣша прѣвѣи плѣци (Флав., 410г);

яко бы — а которыи // яко бы са приложилъ кѣ вѣмъ (Флав., 460г);

яко ми и т.д. — но на то^м цѣбуи хрѣтъ, ∇ яко ти в томъ вѣ всемъ оустояти [1151], 160;

се же — ты ес(и) намъ хрѣтъ цѣловаль, ако ти поити с нами (на) Изаслава, ∇ се же еси не пошель [1148], 132 об.;

се ли (редко) — се [ли не] ѣдасте, да со изросты водасте 483п; се ли не уцините испраѣ в тѣи срокъ, по хрестьному целованью, вамъ ти на себе жѣлоба (ГВНП, № 44, 1373 г.);

се бо — ли с моремъ кто свѣтенъ, ∇ се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣи (ПВЛ, 11); се бо ны са по данъ яли (ПВЛ, 22); се бо // сиа ти приведохъ (Феод., 27в);

се ти (где ти — частица; редко) — а се ти хочоу, коне коупивъ и кѣнажъ моужь въсадивъ, та на съводы 109; а се ти са Романъ бродить, а ѿсуда Дѣбъ [1167], 188;

се ми и т.д. — се ми здѣ близъ мене снѣ мои Шварно (Гал.-Волын. [1268], 288); се ти пуцаю полкы своя [1149], 140; се ва ѿставляю Кѣстажска моужа своего [1146], 121;

се са (редко) — се са оуже тако створило, князь нашъ оубѣенъ [1175], 209 об.;

се есмь и т.д. — се еси въдале землю н[а](мѣ) 850; се есме стѣш[али] 870; се есмь съ бра[тею] своею сгадалъ [1147], 126 об.; се есмы поутѣ замыслили великъ [1147], 127; се есѣ оугадала тако [1149], 137 об.

См., кроме того, примеры проклитико-энклитических комплексов с участием энклитики нѣ (но) в § 1.13.

Следует отметить, что значительная часть приведенных комплексов (в частности, *не ли, не бо, ни же, ни ли, ни бо, ни бы, да ли, да бы, да ми, да са*) употребительна только в книжных текстах, а в народных не встречается. Те комплексы, которые встретились в нашем материале в народных текстах, проиллюстрированы выше примерами именно из таких текстов.

Энклитика после неодночленной актантной группы

§ 1.42. По точному смыслу закона Вакернагеля энклитика не может стоять непосредственно после начальной неодночленной актантной группы. То же верно и для неначальной неодночленной актантной группы, поскольку энклитика могла бы оказаться непосредственно после такой группы только в случае, если бы на одно слово левее ее (следовательно, внутри этой актантной группы) проходил ритмико-синтаксический барьер; но, как указано в § 1.26, такой барьер внутри актантной группы стоять не может.

Данное ограничение теряет силу только в том случае, если члены актантной группы подвергаются просодическому объединению (см. § 0.3). Частным случаем просодического объединения является вторичная проклита (§ 0.2).

К сожалению, мы не располагаем средствами, чтобы надежно выявить каждый случай просодического объединения. Иногда нам помогает в этом современный язык — если в нем сохранилось соответствующее сочетание и оно имеет единое ударение. Таковы, например: *спасі́бо, сегóдня, Нóвгород, Бéлгород, нé на чем, нé на кого, нéту, покáмест* и т.п. — во всех этих случаях исходным было сочетание акцентно самостоятельных словоформ (*сънаси Богъ, сего днье* и т.д., см. § 0.3); особенно активно этот эффект проявляется в сфере составных числительных, например: *полторá, одіннадцáть, двенáдцать, двáдцать, пятьдесáть, сёмьдесáть, двéсти, трі́ста, пятьсóтъ* и т.п. В ряде случаев просодическое объединение засвидетельствовано в говорах или в старорусских акцентуированных рукописях, например, *двá года, трі́ года, в тѣ́ поры, в ту́ пору, оно́мѣни (номѣ́ни, намѣ́ни), оногóдни, обáполы (обáпол)* и т.п.

Когда мы имеем дело с неакцентуированной рукописью, просодическое объединение может проявиться только в том, что рассматриваемое словосочетание оказывает такое же влияние на расположение энклитик, как единое слово (как это можно видеть на примерах, приводимых ниже).

Понятно, однако, что в конкретной фразе то или иное расположение энклитик часто допускает не одно, а два или более различных объяснения. Поэтому вопрос о том, произошло ли в интересующей нас фразе просодическое объединение, обычно решается лишь с той или иной степенью предположительности.

Так, практически надежным (ввиду показаний современного языка) представляется признание просодических объединений, например, во фразах (для наглядности здесь и ниже подчеркиваем неодночленную актантную группу, при которой оказывается энклитика):

берестяные грамоты — *нѣ́ь на цеме са кормити* 765п;

а жеребѣа // нѣ́ь тоу тѣ ни коунамъ ни вершѣ 322п;

Супр. — *то како без моего повелѣннѣа // три на десѣте кси позывать* 62.

Вполне можно предполагать просодическое объединение также в ряде случаев, где в составе тяжелой группы имеется энклиномен (скажем, *что, два, три, пять, день, сын, друзи, дѣла*), например:

Киев-Д — *брате, // что дѣла еси приѣхать?* [1169], 191.

ЖАЮ — *да сего дѣла ссмь се повѣдалъ* С161 (в редакции В);

и ркътъ тогда жидове, ∇ яко «того дѣла са ссмь съблзнили» С165;

яко въ нже днь ма кси видить и злат раздалъ еси 346/в.

Мар. — *Гѣ, // пять талантъ ми еси прѣдалъ* (Мт. 25.20);

Гѣ, // (два) таланта ми еси прѣдалъ (Мт. 25.22);

рече бо, ∇ ъко Бжши снъ есмь (Мт. 27.43);

аште снъ Бжши еси, ∇ сълѣзи съ крѣта (Мт. 27.40);

вы доуоуи мои есте, ∇ аште творите елико азъ заповѣдаю вамъ (Ио. 15.14).

Добавим сюда часто встречающуюся цитату из Псалтири (пс. 2.7), которая, например, в ПВЛ, 34 выглядит так: *снъ мои еси ты, азъ дн(е)сь родихъ та* (ср. ту же фразу в Чуд., см. § 5.2, пункт «а»).

Далее, допустимо предполагать такое же объединение в отдельных сочетаниях с участием ортотонических местоимений или числительных, в частности:

ЖАЮ — *осмь чатъ кси принеслъ из дому* 10г;

къмъ образомъ кси стажалъ и собѣ кси створишь пагубу 33а;

яко хлатъ // ссмь образомъ са ксть прѣмѣнилъ 17а;

прѣтль его еси испровергль С25.

НПЛ — *брат(а) моя ксте 2 княза повесили вы въ Галици яко злодѣи* 78 об.

Феод. — *тѣмъ же съмѣряше ся, ∇ мѣнии всѣхъ ся творя и всѣмъ слоужа* 36г.

Усп. сб. — *кого же нашъ оумъ са не можетъ домыслити* 281б.

В случаях, когда просодического объединения не было, запрет на постановку энклитики непосредственно после неодночленной актантной группы соблюдается в памятниках некнижного характера весьма жестко. В частности, в образцовых памятниках нет ни одного надежного примера его нарушения; два-три случая, где можно было бы подозревать такое нарушение, допускают другие объяснения.

Это ограничение остается в полной силе, в частности, и для такой народной энклитики более позднего времени, как *дѣи* (*дѣ*). В памятниках XVI–XVIII вв. примеров с этой энклитикой чрезвычайно много, и при соединении с неодночленной актантной группой она всегда вклинивается внутрь этой группы, а не ставится после нее (примеры см. в § 1.15).

Между тем в памятниках книжного характера изредка встречаются примеры прямого нарушения данного правила, т. е. фразы с энклитикой непосредственно после неодночленной актантной группы, причем такой, где нет оснований предполагать просодическое объединение. Энклитика в этих случаях может быть только слабой.

Такие нарушения мы находим прежде всего в старославянских памятниках. Примеры:

Мар. — *боѣахъ бо са тебе, ∇ ъко члвкъ ѣрь еси* (Лк. 19.21);

глите, ∇ ъко раби недостойни есмь (Лк. 17.10);

о семь разоумѣжтъ вѣси, ∇ ѣко мои оученици есте (Ио. 13.35).
 изиди отъ мене, ∇ ѣко мжжъ грѣшенъ есмь, Гї (Лк. 5.8);
 отъвѣсташа емоу юдеи: ∇ сѣма Аврамле есмь (Ио. 8.33);
 вѣмь, ∇ ѣко сѣма Аврамле есте (Ио. 8.37).

Супр. — не въ кд'номъ мѣстѣ са затворише 48 об.;

застѣп'никъ мои кси ты 35 об.;

прилучаю же не имамъ, ∇ нъ раби Гїи ксмъ 51 об.;

рѣхъ ти оубо, ∇ яко Хсѡвъ робъ ксмъ 54 об.;

великааго Хса, ∇ кгоже воици ксмъ мы II-16.

То же с тяжелой группой в ненадлежащей позиции:

Мар. — вѣдѣаше, ∇ ѣко азъ члвкъ ѣръ есмь (Лк. 19.22).

Супр. — въ нѣхъже велитъ намъ // томоу кд'номуу са клантати 64;

азъ Пионова сестра ксмъ 71;

Гї, ты моѣ прибѣжиште кси 117 об.;

и азъ бо робъ того ксмъ II-2.

В древнерусской зоне такие нарушения встречаются в памятниках, обладающих большей или меньшей степени книжными чертами. Больше всего их обнаружено в Житии Андрея Юродивого, которое хотя и сближается в ряде отношений с не книжными источниками, в данном пункте ведет себя подобно старославянским текстам.

Примеры из этого памятника (почти полный список)²⁴:

с энклитикой са —

и в болюю печаль са еси вложилъ C172;

сѣде на земли, обнажено имѣа тѣло, ∇ платомъ лихомъ са закрывъ 26б;

яко тебе дѣла // велика печаль ми са ксть створила 32г;

да тѣмъ путемъ // великъ скрежетъ са творить 53б;

также с разделением энклитик:

сему ли вкушению са кси оудивиль? 7б (см. подробнее о структуре этой и подобных ей фраз в § 5.4);

тѣмъ бо образомъ са навиль, якоже старыи синець 5а;

с прочими энклитиками —

колики бѣды ми показа ѡреч(е)ныи C26 об.;

многы блгодѣти ми кси должень, гѣнь великыи 34б;

и гроза велика ма обиде досель C31;

си же, о чадо, // наказанъа дѣла твоѣго ксмъ рекъ 49б;

и т(ы) бо самъ // видимъ лороподъ кси и зми, и ищадикъ кхидново 30в.

В других древнерусских памятниках такие примеры крайне редки. Вот некоторые из них:

²⁴ Во фразе и многа добра // причастника та сътворю 'и к большому благу сделаю тебя причастным' (ЖАЮ, 4) несомненно присутствует барьер после добра, которым и определяется место энклитики та. Составляющая многа добра, подчиненная не сказуемому, а слову причастника, здесь дает такой же эффект, как актантная группа. Этот случай в сущности не содержит никакой аномалии; но он весьма редок, поэтому мы предпочли не осложнять из-за него предложенную в § 0.6 общую схему.

того бо дѣльма бѣахоу мирьскыхъ красотъ сѧ ѿвѣрьгли (Усп. сб., 193а);
 иже и присно теплѣ на вѣроу сѧ обрѣте (Усп. сб., 205в);
 вѣдите, ꙗко близѣ владыкы нбѣснааго ми соущю (Феод., 63г);
 противословьк самодержьца и непокорива кажетъ члѣва, ꙗ аще° и въ об-
разѣ съмѣренѣ сѧ творить (Пчела, 428);

более сложный пример: сѣврѣшениѣ же зѣтъ ми оукажетъ сѧ (Феод., 336;
 та же структура, что во фразе из ЖАЮ сему ли вкушению сѧ кси оудивиль, о
 которой см. выше).

В памятниках некнижного характера нарушений данного типа почти нет.
 Можно указать лишь один относительно поздний пример: ино° 70 городовъ сѧ
розвалило (Афан. Ник., Троицк. 371 об.). О фразе я не Оугринъ ни Лахъ, ꙗ
оудиного дѣда есмь внуци ([1172], 205) см. § 5.4.

Каковы источники нарушений данного рода?

Прежде всего, следует учитывать возможность простой перестановки слов
 при переписке. Например, в Синод. НПЛ есть фразы с нарушениями рассма-
 триваемого типа: а зла до васъ ксмѣ не мыслить никотораго же [1228], 105; а
брат(ѣ)ю свою ксме казнили [1228], 107 об.; тои ж(е) осени // много(о) зла сѧ
створи [1215], 81. Однако в младшем изводе этих нарушений нет — энклитики
 стоят на своем законном месте (цитируем по Академическому списку): а зла
есмѣ до васъ не мыслить никоего же; а братию есмѧ свою казнили; тои же
осени // много сѧ зла сътвори. Тем самым есть все основания полагать, что в
 Синод. НПЛ мы имеем дело с простой ошибкой переписчика. Вполне вероятна
 такая же ошибка во фразе и то все сѧ дѣяло в дому Иоанна Богословца (Дан.):
 ср. в том же тексте правильное все сѧ то дѣяло в дому Иосифовѣ обрученика
Мариина. Понятно, однако, что объяснить таким образом можно лишь некото-
 рую часть примеров.

В отдельных случаях причина может быть связана со значением самой эн-
 клитики; в частности, есмѣ, еси и т. д., даже выступая в роли связки, могут ино-
 гда трактоваться как приближающиеся по значению к 'пребывать, находиться'
 и тогда вести себя как полноударные словоформы (см. § 5.4).

Но все же самым существенным для объяснения рассматриваемого эффекта
 (т.е. постановки энклитики после неодночленной группы), более важным, чем
 все эти частные факторы, следует признать то обстоятельство, что данный эф-
 фект представлен практически только в книжных памятниках. Тем самым его
 естественно истолковывать как одно из следствий пословного чтения, при ко-
 тором либо энклитика просто становится полноударной, либо стоящее перед
 ней слово отрывается при чтении от предшествующего (несмотря на синтакси-
 ческую связь между ними), после чего энклитика оказывается уже в «закон-
 ной» роли добавления к одному слову, а не к группе.

Отметим, что в современных западно- и южнославянских языках нет за-
 прета на постановку энклитики непосредственно после неодночленной актант-
 ной группы. Вот несколько иллюстраций:

польск. *mój biedny brat się męczy* 'мой бедный брат мучается';
 чешск. *dobrý voják Švejk se však nebál* 'однако хороший солдат Швейк не
 боялся';

словацк. *mravenec lesní se živi hmyzem* 'лесной муравей питается насекомыми';

болгарск. *в долния край на тази страница се е намирала някаква приписка* 'на нижнем краю этой страницы находилась некая приписка'.

словенск. *iz velikih vrat se je usulo vse polno študentov* 'из больших дверей высыпало множество студентов';

сербск. *српски народ се у то могао уверити и без стихова из Курана* 'сербский народ мог в этом убедиться и без стихов из Корана' (но следует отметить, что в сербском фразы этого рода все же представляют собой лишь сравнительно редкие исключения из общего правила, требующего постановки энклитики после одной, а не двух полноударных словоформ).

Предполагать наличие ритмико-синтаксического барьера на одно слово *ле-вес* такого *se* (*się*) нет никаких оснований. Не происходит здесь и просодического объединения членов начальной актантной группы. Следует просто констатировать в таких случаях прекращение действия закона Вакернагеля в его чистой форме: *se* здесь стоит в новой позиции, в древности для него запрещенной.

Таким образом, в данном пункте древнерусский более полно сохранил черты древнейшей системы, чем современные живые языки.

Замечания о локальных энклитиках

§ 1.43. Настоящая книга посвящена прежде всего изучению древнерусских фразовых энклитик, для которых характерен сложный механизм функционирования и размещения во фразе. По сравнению с ними локальные энклитики, которые ставятся просто непосредственно после подчиняющего слова, представляют собой гораздо более простой синтаксический объект. Поэтому мы можем здесь ограничиться лишь некоторыми замечаниями по их поводу.

Основные локальные энклитики древнерусского языка — это, во-первых, отождествительное *же* (и *же*, входящее в состав отрицательных местоимений), во-вторых, энклитики *же*, *то*, *се*, *нъ* в роли релятивизаторов (т.е. превращающие вопросительные местоименные слова в относительные или отсекающие все значения, кроме относительного, у слов, уже имеющих в числе прочего относительное значение; см. об этом Зализняк 1981). В качестве локальных энклитик функционируют также *ми*, *ти*, *си* в притяжательном значении ('мой', 'твой', 'свой'; см. об этом § 1.9).

Понятно, что локальные энклитики не подчиняются закону Вакернагеля. Например, во фразе *и не посла къ городу никого же* (Киев. лет. [1140], 113 об.) локальное *же* стоит в позиции, полностью запрещенной для фразовых энклитик (а именно, в дистантной постпозиции к сказуемому, будучи отделено от него полноударными словоформами).

Реально, однако, мы нередко находим локальные энклитики в той же позиции, которая ожидалась бы по этому закону, — просто потому, что подчиняющее их слово часто стоит в начале клаузы. Это в особенности касается релятивизаторов: они стоят при относительных местоимениях, а для таковых нормально именно начальное положение в клаузе. Ср., например:

зане принуди ма сѣѣ твои, кгоже кси хрстиль, ∇ иже то сѣдитъ близъ тебе (Мономах, 83 об.; иже то — 'который', с релятивизатором то);

тако право есть, ∇ ако то и молвиши [1151], 156 (ако то — 'как', с релятивизатором то);

и сбиша Оугры акы в маць, ∇ яко се соколь сбивають галиць (ПВЛ, 91 об.; яко се — 'как', с релятивизатором се).

Тем самым вполне возможным оказывается непосредственное соприкосновение локальных и фразовых энклитик. В таких случаях блок фразовых энклитик стоит после локальной энклитики (т.е. локальная энклитика сохраняет свое место непосредственно после подчиняющего слова). Примеры:

ако то са суть воротили, поѣдемы по нихъ [1151], 156 об.;

и се слышавъ Всеволодъ, не поустѣ сѣна своего Стѣслава, ни моужии новгородьскихъ, ∇ иже то бы привелъ к собѣ (Киев. лет. [1140], 114).

Редкий пример контакта двух разных же — локального и фразового:

имуть же тогда анѣли велику печаль, чающе блѣснаго ѿвѣта, тако же же и бѣси, чающе погыбѣльнаго ѿвѣта (Нифонт, 17; подчеркнуто локальное же — отождествительное).

Глава вторая

НАРОДНОЕ И КНИЖНОЕ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ

§ 2.1. Наблюдение над поведением энклитик в древнерусских памятниках показывает, что в этом отношении памятники далеко не одинаковы: одни хорошо соблюдают закон Вакернагеля для всех фразовых энклитик, другие же хорошо соблюдают его в отношении сильных энклитик, но довольно плохо в отношении слабых.

Это различие определяется в первую очередь не хронологией, а принадлежностью (точнее, степенью близости) к народному (иначе некнижному) или к книжному типу.

В раннедревнерусский период в отношении энклитик максимальную близость к народному типу обнаруживают памятники, названные выше образцовыми, — ранние берестяные грамоты и прямая речь в Киевской летописи по Ипат. (Киев-Д). Для книжного типа в качестве характерного примера можно взять Житие Феодосия.

Тем самым в вопросе о поведении энклитик выделяются как бы два полюса. Прочие памятники располагаются на этой шкале на том или ином удалении от этих полюсов.

Следует учитывать, однако, что противопоставление «народное — книжное» имеет точный смысл лишь когда речь идет о вполне определенном аспекте языка памятника, например, о способе выражения прошедшего времени или о поведении энклитик. Лишь в предельных случаях все аспекты языка получают одну и ту же оценку на шкале «народное — книжное»; например, берестяные грамоты, по-видимому, во всех отношениях будут оценены как народный источник. Во многих памятниках одни элементы системы носят книжный характер, другие — близкий к некнижному. Поэтому один и тот же памятник может по одним параметрам попасть в книжную категорию, по другим — в некнижную.

Ярким примером может служить Житие Андрея Юродивого. В этом памятнике полностью реализованы такие важнейшие книжные черты, как последовательное употребление аориста и имперфекта, неповторение предлога в сочетаниях с приложением или определением, оборот *dativus absolutus* и другие. Но в то же время в большинстве пунктов, относящихся к поведению энклитик (хотя все же не во всех), этот памятник фактически следует народному, а не книжному узусу.

По-видимому, причина здесь в том, что многие авторы и переводчики осознали и соблюдали лишь некоторые элементы книжности (не обязательно одни и те же у разных авторов); другие же элементы они не считали для себя

обязательными или просто их не чувствовали, и в этих точках системы вместо книжных форм и конструкций в их сочинениях или переводах выступали такие, которые свойственны живому языку.

Сказанное относится к памятникам русского происхождения. Однако аналогичная картина представлена также и в памятниках старославянского происхождения; и ниже в нашем анализе мы в ряде случаев обращаемся и к ним. Но все же основной интерес для нас представляют именно памятники, созданные или переведенные на Руси.

В части памятников могут быть выделены как бы два слоя — более книжный и более народный. Для нашего анализа полезно рассматривать в таких случаях эти два компонента текста раздельно — по крайней мере там, где разделение текста на компоненты оказывается не слишком дробным и может быть указано относительно точно.

Общее правило состоит здесь в том, что из основного текста памятника при анализе должны быть исключены цитаты из Псалтири и Евангелия. Все они принадлежат книжному компоненту, и в них поведение энклитик может резко отличаться от того, которое представлено в основном тексте памятника. Например, в «Поучении» Мономаха необходимо исключить из рассмотрения целый большой раздел, который почти целиком состоит из цитат из Псалтири.

Укажем то разделение на два компонента (слегка огрубленное во избежание чрезмерной дробности), на которое мы опираемся в настоящей книге, для нескольких важных для нашего исследования памятников.

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Книжный компонент (условное обозначение: Афан. Ник. II) состоит из следующих отрезков:

1) От начала (*Се написах свое грѣшное хождение за три моря*) до *И оттуду поидох, с Углича* (442 об.).

2) От *Приидох же в Бедерь о заговейнѣ о Филиповѣ ис Кулонгѣря* до *Там же поидох съ индѣяны да будутханы мѣсяць* (текст читается только в Троицком списке, л. 377–377 об.).

3) От *О благовѣрнии русстии кристьяне!* (452) до *Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя, Господи Боже мой* (452 об.).

4) Одна фраза: *Господи божие мой! На тя уповах, спасти мя, Господи!* (454).

5) Маленький отрезок (456): от *В пятый же Велик день възмыслихся на Русь* до *и розговѣхся с ними*.

6) От *А отъ Кельбергу поидох до Кулури* (456 об.) до конца текста (458 об.). Но внутри этого пассажа имеются маленькие вкрапления основного компонента: а) от *А на турскаго послал рати двори своего 40 тысяч* до *а из Орцыцана пошол есми в Тренизон*; б) от *Хлам мой весь к себе възнесли в город на гору* до *что есми пришел из оры Асанбега*.

Остальная часть текста «Хождения» (за исключением вводной статьи, принадлежащей не Афанасию Никитину, а переписчику, которая вообще не учитывается) составляет его некнижный компонент (обозначение: Афан. Ник. I).

Послания Ивана Грозного.

Некнижный компонент (обозначение: Ив. Грозн. I) — послания королеве Елизавете, королю Юхану III, Василию Грозному (1568–1574 гг.).

Книжный компонент (обозначение: Ив. Грозн. II) — письмо в Белозерский монастырь (1573 г.).

«Житие» Аввакума (по Пустозерскому сборнику).

Книжный компонент (обозначение: Аввакум II) состоит из следующих отрезков:

1) Л. 4 – 12 об. (богословское вступление).

2) Л. 108 об. – 111 (первые две строки, кончая *веселящися, торжествуем*) («О сложении перст»).

3) Цитаты из церковных текстов, а также молитвы, обращения к Богу, речи ангела, грамота к царю; кроме того, формулы «Бог простит, -ил», «Прости, -ите», «О имени Господни повелеваю», «Именем Господним запрещаю».

Остальная часть текста «Жития» составляет его некнижный компонент (обозначение: Аввакум I).

Сходный характер носит и указанное в § 1.1 разделение Киевской летописи за XII век по Ипат. на прямую речь («Киев-Д») и авторскую речь.

В настоящей главе относительно подробно представлена общая картина поведения энклитик в образцовых памятниках, т. е. тех, которые наиболее близки к живой речи древнерусского периода. Эта глава должна служить главным фондом примеров для иллюстрации общих положений, изложенных в главе 1. При этом в ряде случаев при разборе материала производится также некоторая детализация этих положений.

После этого демонстрируется (уже несколько менее подробно) поведение энклитик в памятнике противоположного типа — Житии Феодосия.

О способе цитирования и условных знаках, используемых в цитатах, см. § 0.9–10. Напомним, что цифра после цитаты означает номер берестяной грамоты (а буква «п» при цифре указывает, что грамота поздняя), указание года и листа (без указания летописи) есть ссылка на Киев-Д.

При цитировании из Киев-Д иногда для ясности контекста оказывается необходимо привести также некоторый отрезок авторской речи, предшествующий интересующей нас клаузе.

Энклитики, ради которых дается пример, подчеркиваются.

Специально отметим, что символ ритмико-синтаксического барьера (/) представляется в приводимых цитатах без обязательности, т. е. далеко не везде, где реально имелся такой барьер, а только там, где мы считаем нужным обратить внимание на этот факт.

ОБРАЗЦОВЫЕ ПАМЯТНИКИ

§ 2.2. Картина функционирования энклитик, отразившаяся в образцовых памятниках — ранних берестяных грамотах и Киев-Д, — это наибольшее приближение (из всего, что нам доступно) к ситуации в живом древнерусском языке.

Из этих двух памятников вернее всего отражают древнейшую систему функционирования энклитик ранние берестяные грамоты. Памятник Киев-Д оригинален, которого относится практически к тому же времени, несколько уступает им в этом отношении, но весьма незначительно. Имеющиеся небольшие

отличия определяются здесь двумя различными факторами: во-первых, в некоторых случаях (к счастью, немногочисленных) встречаются искажения, внесенные переписчиком XV века; во-вторых, в летописи даже в ее диалогической части изредка встречаются некоторые книжные элементы, которых в берестяных грамотах нет.

При разборе берестяных грамот мы иногда используем также материал поздних берестяных грамот, которые хотя и не могут уже быть признаны образцовым источником, но в отдельных случаях успешно восполняют те или иные пробелы в материале ранних грамот.

Ниже мы рассматриваем материал этих памятников по темам, следуя в целом тому же порядку, что в первой главе.

Ранги энклитик

В приводимых ниже таблицах показаны встретившиеся в берестяных грамотах и в Киев-Д блоки фразовых энклитик (с указанием рангов). Эти таблицы непосредственно демонстрируют ранговую организацию системы энклитик.

Берестяные грамоты здесь взяты в полном объеме (т.е. и ранние, и поздние), поскольку в данном отношении эти две группы практически одинаковы.

Для большей наглядности в левом столбце таблицы приведено слово, предшествующее в соответствующей фразе данному блоку энклитик. В правом столбце может быть приведено слово, следующее за этим блоком; кроме того, указывается, из какой грамоты (или из какого места летописи) взята цитата и в каких еще грамотах (или местах) встречается тот же блок энклитик.

Блоки энклитик в берестяных грамотах

	1 же	2 ли	3 бо	4 ти ₁	5 бы	6 Д	7 В	8 связка	
пакы	жэъ	ли							посли(та) 510п
о се(д)то	же			ти					еѣ хоцъ 731 (+682 ти ₁ ?)
да	же			ти		ми			боудете дѣбро Смол.12
мѣни	же					ми			335 (+227, 455, 752, 829)
симо	же					ти			соулити 600п (+682)
мѣнога	же					вы			лѣта 503
поустиль	же						ма		9 (+531)
оже	же							еси	продала Ст. Р. 8 (+711п)
како	жэъ							еста	торговала 510п
аче		ли		ти					(...) не ищють 724
сде		ли				ти			буъ 68п (+ ти ₂ ?; 112, Ст. Р. 15, Смол. 12)
инде		ли					са		пригодитъ 565п (+344п)
исправиль		ли						еси	615п (+118, 615п, 736а)
сторови		ли						есте	424
да				ти	бы				дати 389п (+413п) [см. § 1.7]

а Давыдь				ти		ми			не въдадь 664 (+ 53п, 829)
а нѣнѣ				ти			са		сѣмѣтьвѣвъ 907 (+793, 800)
але				ти			са	есѣмѣ	за погостю 800
крыль				ти				есѣмѣ	779 (-226, 384, 483, 710, 723, 893, Ст. Р. 31, Торж. 18)
правѣ				ти				есѣмѣ	819 (+8, 683)
(ст)орови				ти				есѣмѣ	вохе 670
ажѣ					бы	ти			годѣнь 752 (+19п)
что					бы		ма	кѣсте	жаловалѣ 949п
то из оцѣю					бы		са		вытѣрьго притѣкѣ 752 (+302п)
что					бы			кѣси	далѣ 610п (+9 грамот [поздних])
что					бы			кѣсте	побѣдѣ 693п (-497п)
а въ томѣ						ми	са		не исправѣ 724 (-463п, 752)
а цѣто						ти	са		остатю Ст. Р. 30 (-11 грамот)
и молю						ва	са		725
а коупатѣ						ти	и		655
а продаде						ти	е	есѣмѣ	679 (ти ₂ ?)
чето						ти		есѣмо	водаѣ 644 (+752, 934)
а водаѣ						ми		еси	644 (+877, 909)
лега						ми		е	815
ажѣ						ти		е	по сѣлехо 709п
цѣму							ма	еси	погубѣ 272п (+583п)
оже							ны	еси	холопы нарекла 400

Во всем массиве берестяных грамот встретилось только два примера с отклонениями от данной системы рангов. Один из них (в грамоте № 618п) ненадежен; см. о нем § 1.8, сноска 15.

Представляет значительный интерес второй из них: *и ала есмо са емѣ по рѣкѣ* 731; здесь связка *есмо* стоит левее *са*. Других подобных примеров в древненовгородских памятниках не отмечено. Но тут важно то, что грамота № 731, судя по целому ряду признаков, отражает особый говор в рамках древненовгородского диалекта (см. ДНД₂, с. 393–394). Некоторое число аналогичных примеров имеется в староукраинских грамотах XV в., в частности: *записати есмы са, стерегисмы са, штож есмо са дѣлили, иже есмо са обовазали* и др. (см. ССУМ, соответствующие статьи) — как отклонения от господствующей модели **se jestь*. Между тем именно модель **jestь se* со временем победила практически во всех западно- и южнославянских языках, ср. польск. *wziąłem się*, чеш. *vzal jsem se*, словацк. *vzal som sa*, серб. *узео сам се* и т. д. При этом по крайней мере для сербского известно, что модель **jestь se* здесь развилась вторично, вытеснив более древнюю модель **se jestь*. Конструкция *и ала есмо са* в грамоте № 731, вероятно, свидетельствует о том, что в каких-то говорах древ-

неновгородской зоны намечался такой же сдвиг в системе рангов, что в западно- и южнославянской зоне.

Блоки энклитик в Киев-Д

	1 же	2 ли	3 бо	4 ти ₁	5 бы	6 Д.	7 В.	8 связка	
да	же				бы				была рать 225 об. (-171)
ако	же					ми	са	еси	самъ върекль 147 (са из Хлебн.)
ты	же					ми		еси	ее ѿступилса 236 об. (+148 об.)
Стославъ	же					ти			Олговичъ не надоби 160 (+163)
да	же						ма		постигнеть 149
ѿтолѣ	же						са		хочю с тобою радити 144 об. (+еще 4х)
назь	же						та		прилахъ 135 об.
а про кого	же						та	есмь	и на конь всадить 241
нако	же						ны	есть	любить 179 об.
наль	же						и		даи 157 (+220 об.)
я	же							есмь	Гюрга ис Киева выгнать 147 (+236 об., 241)
се	же							еси	не пошесть 132 об. (+еще 8х)
годно		ли				ти			миръ 133 об. (-183 об.)
можете		ли					са		за наю бити 139 об. (+125 об., 152 об.)
накы		ли					ма		оусрацеть 149
а мало		ли					ны		150
въ здоровъи		ли						еси	132 об.
жалъ			бо			ны		есть	127 (+133)
реклъ			бо					еси	204 об.
хрстъ			бо					есме	цѣловали 127
ти			бо					соуть	(...) хотѣли 128
назь				ти				есмь	сде Любець пожеглъ 130 об. (+147 об.)
оуже				ти				есть	вѣрно 139 (+183 об.)
то аче					бы	ми			и датече того ѡлюсти 130
како					бы	ны			взати 154 (+216 об.)
а					бы		ѣ		оукротить 146 об.
вы					бы			есте	мнѣ повѣдати 228
ворогъ						ми	са		оучинилъ 241 (+еще 9х)
како						ми	са	еси	ѡбѣчалъ 241
ѡже						ми	са	есте	мѣи помогати 140 (+128)
свои						ми		еси	сестричичъ 121 (+еще 9х)
аче						ти	ма		оубити 144 об.

а нѣтъ					ти	са		кланяю 143 об. (+еще 27х)
ѡже					ти	нѣ		имѣти нѣ правдоу 119
но лиха					ти		есмь	не хотѣть 178 об. (+еще 6х)
ци боудеть					ны	са		соудити пре ^д Б ^г мъ 155 (+еще 5х)
а такъ					ны		еси	и надобѣ 158 об. (+еще 4х)
и н(ь)н(ѣ)					вы		есмь	сворилъ 170 об.
даи					на	и		Б ^г оу 162 об.
ѡже					на		еси	такѡ помогъ 152 об.
и волость					ва		есмь	изискать 127 об. (+127 об., 155 об.)
ты						м(а)	еси	(...) понуживать 153
нарекши						ма	есте	собѣ отцемъ 201 об.
и с Лахы						са	есмь	за нѣ битъ 162 об. (-171 об.)
а ты						са	еси	родить 155 об. (+еще 7х)
оуже						са	есмы	изнемогъ 226
ѡже						са	есте	сами зажгли 113 об.

Достоверных случаев нарушения правила о рангах, которые не были бы ошибкой переписчика, в Ипат. не обнаружено вообще.

Замечание. Один пример такой ошибки (с *ти бы*) был отмечен в § 1.8. Еще один такой пример: *а надо мною леств оучиши(ли), хотѣли ма бо яти любо оубити про Игоря* [1147], 128. Здесь *ма бо*, которое выглядит как нарушение системы рангов, — это просто описка вместо *ма любо*; редактор Ипат. исправил ее, приписав *лю*.

Ритмико-синтаксические барьеры

§ 2.3. Рассмотрим функционирование механизма барьеров в образцовых памятниках.

Следует иметь в виду, что перечисляемые ниже пункты не исключают друг друга. Каждый пункт посвящен некоторому фактору, способствующему появлению барьера, и понятно, что есть фразы, где соединяется два или более таких фактора, — например, какой-то из семантических и какой-то из синтаксических. Соответственно, один и тот же пример может фигурировать в нескольких разделах.

Наличие во фразе барьера означает, что вопрос о положении энклитик решается уже в рамках послебарьерного отрезка. Например, во фразе *а нынѣ присълалъса еси къ мнѣ* энклитики находятся в постпозиции к сказуемому, а во фразе *а нынѣ // къ мнѣ са еси присълать* — в смещенной препозиции (§ 1.33). Это различие определяется просто порядком полноударных слов в послебарьерной части.

При этом, однако, реально среди фраз с барьером заметно преобладают фразы с постпозицией. Эта модель ниже трактуется как обычная, а существенно более редкие случаи со смещенной препозицией отмечаются особо.

Обязательные барьеры

После начальной инородной актантной группы

Примеры барьера после начального обращения:

[б]ра[ть, // сот]вори жъ ми добро 829;

кнѣже, // хотать та нати [1140], 113 об.;

кѣже, // ради са имемь [1146], 118 об.;

ѡце, // поусти ма Чернигову напередь [1147], 126;

брате и сѣоу, // много ти ссмь добра твориль [1180], 217 об.;

брате Володимире, // ци давно еси хрѣть цѣловаль ко мѣбъ? [1170], 194 (ци — проклитика);

браѣ, // се боленъ есми велми [1146], 124 (се — проклитика).

Примечание. Такой же эффект в нормальном случае дает и обращение с предшествующей проклитикой *се* 'вог', например: *се* Илько, // пок[л](спали т)и ма 834; *се* брате, // мира еси не оулюбиль [1193], 234; *се* брате, // на ма еси приходиль [1149], 138 об.; *се* браѣ, // половцемъ есме много зла створили [1170], 193. Но изредка здесь все же реализуется другая возможность — образование проклитико-энклитического комплекса, например: *се есмы*, браѣ, *оуже* достѣли [1151], 155; *се на*, брате, *бѣ* искоупиль оу мѣсто [1147], 131; то же с разделением энклитик: *се же*, браѣ, // *хрѣть еста* перестоупила [1147], 127 об.

Пример барьера после начального междометия:

ѡле тѣ, // нѣкто ма оудари за плече [1152], 166 об.

Пример барьера после вводного слова (словосочетания):

а ба дѣла, // отъгъци(са) 839.

Перед непервым инфинитивом
в серии однородных подчиненных инфинитивов

Примеры:

а самъ хочю поступити подѣ горы Галичскаго кнѣза, // не дати же са ему двигнути [1149], 140;

ка(ко) еси былъ оумолвилъ (...) восѣсти на конѣ с Ржѣтва Хѣва // и снатиса всѣмъ в Черниговѣ [1196], 239.

Полуобязательные барьеры

После общего члена двух или более клауз

§ 2.4. Примеры:

а ты, // атче еси не възать коунъ техъ, а не емли ничѣто же оу него 109;

а ты // ни к намъ еси пошелъ, ни на Ростислава еси настоупиль [1148], 133 (второе *ни* взято из Хлебн., в Ипат. оно пропущено);

яко на семь пути вамъ // любо ма нати, любо оубити въ Игоря мѣсто [1147], 127;

ококлъ со Всеволодомъ и с Давыдомъ // любо са оуладиль, любо са не оуладиль [1195], 237 об.;

по ѡбаче, // ѡже ны са велите мирити, то не стоите на нашей земли [1149], 141;

яко же и первое // имѣль есмь его и добра емоу хотѣль [1195], 237;
не могу ег(о) оубити, ∇ ѡже ѡнъ // молить ми с(а), и кланяеть ми с(а), и
своея вины кається [1152], 162 об.;

с разделением энклитик — ныгѣ же // како еси со мною оумолвилъ, на чѣмъ
еси ко мнѣ крѣтъ цѣловать, того еси всего не исправилъ [1196], 241 (с допол-
нительным эффектом слова како, § 1.25, п. 4).

После вклиненной клаузы

Примеры:

а ты, Спепане, пьрьпесаво на хароти{ти}ю, // посьли жъ 831 (с сильной
энклитикой ж(е));

паки ли, а заоутра, како сѧ нагадавшие, // поидеми же по нѣ [1151], 156 об.
(тоже с же);

не можемъ стояти сдѣ, ∇ зане ѡнъ, мниши боуда, // не покорить ми сѧ
[1157], 175;

с разделением энклитик — ты же, того не дождавъ, // послалъ еси свѣца
свою ко Витебьскоу [1195], 238 об.

После внутренней инородной группы, имеющей перед собой барьер

Примеры:

ѡхъ, // брате, // камо ма ведоу^т? [1147], 129;

право, // сѣу, // съ Изаславомъ есмь не могъ быти [1154], 171;

с разделением энклитик — се же, // бра^т, // хрѣтъ еста перестоупила [1147],
127 об.

Перед неначальным местоименным словом или союзом

Примеры:

а отрок(ѣ) // оже ти Шиниакъ гонить, посади же въ Радѣко[в](ѣ) [в]ежскѣ
805 (с сильной энклитикой ти);

а в Роуской землѣ // кто ны сѧ ѡстанеть? [1193], 234;

а съ сими // како ми Бѣ дать [1146], 119 об.;

а тогда // како ны с ними Бѣ дать [1150], 147 об.;

с разделением энклитик — паки ли // что еси оумыслить, а того не бѣгаемъ
же [1196], 240.

Понятно, что если перед местоимением или союзом стоит проклитика, то
барьера не возникает, поскольку проклитика просто включается в начальную
тактовую группу, например:

хрѣтъ цѣловать на томъ, ∇ яко кто сѧ наю ѡстанеть, то тыи ѡудѣ^т
ѡбоимъ дѣтемъ ѡцѣ [1155], 175 об. (яко — проклитика);

а ци цето ти товара надобе 624 (а ци — две проклитики).

Такое же размещение энклитик часто представлено там, где фраза начина-
ется с полупроклитики, — в силу либо ее проклитизы, либо барьера перед место-
имением или союзом (см. о такой ситуации § 1.38). Примеры:

али / чимо есемо виновата, а восоди отрока 644;

*аче / кдѣ ца будеть мочно обѣима ѣхати, а оба ѣдевь [1151], 152;
или / како са еси не домыслил побѣдити ихъ ...? [1175], 208 об.*

Но степень обязательности данного барьера несколько ниже, чем у трех предшествующих: в некоторой части фраз энклитики размещены просто по закону Вакернагеля, что равносильно отсутствию данного барьера. Примеры:

*аже ва цѣто надобѣ, а солита ко монѣ 422;
а Киев ти са кое сотворилъ? [1151], 156 об.;
а пакы ми кто повѣсть [1170], 193 об.;
аже са тобѣ што оучинить, то што намѣ дѣяти? [1153], 168;
аже са кто приметъ по нь, тотъ нашъ есть ворожьбить [1175], 208 об.*

Факультативные барьеры

Особенность сильных энклитик

§ 2.5. Вероятность появления факультативного барьера зависит прежде всего от того, о какой энклитике идет речь — сильной или слабой. В случае сильной энклитики эта вероятность чрезвычайно мала, в случае слабой — сравнительно велика.

Начнем анализ барьеров в образцовых памятниках с того, что укажем те немногочисленные случаи, когда факультативный барьер смещает вправо сильную энклитику (т. е. когда такая энклитика оказывается правее барьера).

Энклитика *же*.

В берестяных грамотах всего один полноценный пример:

*добръ же створа, ∇ нни в Ошевѣ // прави же лоньскоую гривнюу 788.*²⁵

В Киев-Д можно указать:

Роускы дѣла земля и хрѣстьянѣ дѣла // поѣди же оу свои Переяславль и в Коурескѣ [1151], 156 (надежный пример);

да то ты, а то Киевѣ и Роускаа область, а комоу еси в неи часть далъ, с тем же еи и блюди и стережи, да како ю с нимѣ оудержиши, ∇ а то // оузрю же [1195], 236 (несколько менее надежный пример).

Сюда не относятся, однако, фразы с отождествительным *же*, как, например:

а аз ти zde доспѣваю, ∇ а ты поспѣваи же [1152], 161;

ажь любишь (...) в любви с нами быти, то мы любви не бѣгаемъ (...); пакы ли что еси оумыслил, ∇ а того не бѣгаемъ же [1196], 240.

В нескольких случаях (которые нет нужды здесь разбирать) точный смысл частицы *же* неясен (она может быть либо противительной, либо отождествительной).

Энклитика *ли*.

Отмечены только:

а с(ва)тъе Варьварь тылица // сторова ли? 657;

тобѣ бы, брате, // любо ли, абыхомъ мы брагъ твоего держали? [1147], 127;

²⁵ Относительно необычной (и толкуемой без полной уверенности) фразы *а женоу ти билъ, ∇ не измочили чего же* 156 см. § 1.2, примеч. 1.

а оу королева еси мужа // слышаль ли ѿ томъ ч^{ст}номъ кр^{ст}ѣ? [1152], 166 об. (последние две фразы с разделением энклитик).

Энклитика *бо* — примеров смещения правее барьера нет.

Энклитика *ти*.

Отмечены: *Гюрги вышель ис Киева, ѿ а Вацьславъ // сѣдитъ ти в Киевѣ* [1150], 144;

да посылъ во борожъ и рыбиць // выдалъ ти 682.

Энклитика *бы* (*быхъ* и т. д.) — примеров смещения правее барьера нет.

Факультативные барьеры, зависящие от семантических факторов

§ 2.6. Как указано в § 1.26, в клаузах с факультативным барьером начальное слово или словосочетание, отделенное барьером, во-первых, по смыслу относится ко всей остальной части клаузы в целом, во-вторых, как правило соотносено по смыслу с предшествующей клаузой.

Выделение или невыделение начального слова (или словосочетания) клаузы с помощью факультативного барьера зависит от интенции говорящего (пишущего). Соответственно, во всех типах рассматриваемых ниже фраз в принципе возможна как просодическая реализация с барьером, так и реализация без барьера. Но в разных группах статистические соотношения этих двух реализаций могут быть весьма различными.

Понятно, что при анализе древнего памятника мы почти никогда не имеем прямых данных относительно того, что именно хотел выразить или выделить автор, и можем лишь строить об этом предположения. Поэтому ниже, чтобы не смешивать надежное с гипотетическим, мы действуем следующим образом.

В каждом пункте вначале даются примеры, которые показывают действие правила в наиболее ясных случаях. После этого приводятся менее очевидные примеры, допускающие, однако, хотя бы в качестве одной из возможностей, интерпретацию, согласующуюся с тем же правилом. Поскольку в ясных случаях правило уже установлено, мы считаем законным предполагать действие того же правила и в этих менее ясных. Иначе говоря, в менее ясных случаях мы уже идем не от текста к правилу, а в обратном направлении — от правила к интерпретации текста, т. е. используем правило как инструмент интерпретации.

В приводимых ниже примерах, вообще говоря, в большинстве случаев было бы полезно цитировать и предшествующий контекст (иногда даже довольно пространный). Но это заняло бы слишком много места, поэтому мы позволяем себе это лишь в немногих случаях.

Как уже указывалось, барьер может быть обусловлен одновременно несколькими факторами. Например, некоторый семантический фактор, способствующий появлению барьера, часто бывает поддержан тем, что начальная актантная группа клаузы тяжелая. Но мы не считаем необходимым каждый раз это отмечать при конкретных примерах.

Противопоставление или эмпфаза

§ 2.7. Начальное слово (словосочетание) может быть прямо противопоставлено по смыслу некоторому элементу предшествующей клаузы (или более крупного отрезка текста) и/или нести на себе эмпфазу (подчеркивание). Примеры:

Гюрги вышель ис Киева, ∇ а Вячьславъ // сѣдитъ ти в Киевѣ [1150], 144 (противопоставление «Гюргий — Вячеслав»);

кнаже, // мы не на та // восталъ есмы, но не хотимъ кланатиса попадьи [1187], 229 об. (противопоставление «не против тебя, а из-за неприятия попадьи»);

с тобою могу быти, ∇ а с братомъ твоимъ Гюргемъ // не оуправити ми естъ [1150], 145 (противопоставление «с тобою — с Гюргием»);

брате, Всеволода есми имѣлъ въ правду брата старшаго <...>, ∇ а съ сими // како ми бѣ дастъ [1146], 119 об. (противопоставление «со Всеволодом — с этими»);

и диду молиса, что бы ихалъ в Юрикевъ монастирь пшенки попрошалъ, ∇ а сдисе // не надииса 354п (противопоставление «в Юрьеве монастыре — здесь»);

не распрашавъ, розгнѣваса: мене игоумене не поустиле, ∇ а а // праиалъса 605 (противопоставление «игумен — я» и, по-видимому, эмпфаза на слове а);

идаху слово рекоуче Олговичи, ∇ яко «вы («именно вы») // начали есте перво нась гоубити» [1135], 110 об.;

азъ / про тебе же («я ведь именно из-за тебя») // с нимъ еѣмъ не добръ, и воевалъса с ними, и волость свою зажегъ [1196], 241 (с отчлененным же).

Опираясь на эти ясные случаи, мы вправе истолковывать в том же ключе также ряд менее прозрачных по смыслу фраз, где позиция энклитики указывает на наличие барьера. Примеры:

і о мо(іе)[м]о животе о Аколи // вамо // наболи[т]иса моімо приказомо болшимо 622п (из наличия барьера после слова *вамо* мы видим, что его нужно понимать как «именно вам», «не кому иному, как вам»);

ѡже ма переѡбидила и первое и другое, ∇ и бещестъе // на мене еста положила [1151], 155 об. (из наличия барьера после слова *бещестъе* мы понимаем, что оно употреблено здесь эмпфатически: «и тем самым бещестъе мне принесли»);

а како са нагадавшие вси, ∇ тако же // с тобою // оуладимса [1196], 239 об. (очевидно, *с тобою* здесь противопоставлено предшествующему *вси*: «как договорились все, так же и с тобой придем к соглашению»).

Но следует помнить, конечно, что рассматриваемый эффект факультативен, т.е. вполне возможны также фразы, где автор не выделяет начальное слово, несмотря на противопоставление, например: *я есмь позывалъ тебе Киевѣу сѣдѣть, ∇ а ты еси не восхотѣлъ* [1150], 144.

Соотнесенность в более широком смысле

§ 2.8. Сюда относятся, в частности, главные предложения с начальным указательным местоимением или наречием, стоящие после соответствующего

относительного предложения (или его смыслового эквивалента). В этих случаях слова *а тотъ, а то, а тогда* и т.п. приближаются по смыслу к целой клаузе с примерным значением 'а тот [делает, сделал] вот что', 'а тогда вот что'. Отсюда возможность их ритмического выделения (и, следовательно, постановки барьера после них). Примеры:

а про кого ми была и рать про зата своего, ∇ а того // даль еси Арославу радити [1196], 241;

се ти даю Туровъ и Пинескъ — про то, ѡже еси приѣхати къ ѡцю моему Вячеславу, и волости ми еси сблютъ; ∇ то про то ('так что именно за это') // надѣлаю та волостию [1154], 169 об.;

тоу ти ему прити, ∇ да негли тоу // покоритьсѧ [1149], 137 об.;

и ѡже са оуже поворотитъ ѡ насъ, ∇ а тогда // како ны Бѣ дастъ с нимъ [1151], 155.

и прииму единъ власть Роускою и с братьсю, ∇ и тогда // мѣщюсѧ Всеволодоу ѡбиды своѣ [1180], 216 об.

На этом фоне мы и в ряде менее очевидных случаев вправе заключить из положения энклитики, что *то, того* и т.д. было автором выделено. Примеры:

а како ты вгадаеши, ∇ а изъ° в томъ // готовъ есмь [1148], 133 об.;

но ѡба ать ('если') ворожедоу про Игоря ѡложати, и паки того не створати, что же хотѣли оучинити, ∇ а тог(о) // лишатсѧ ('а что хотели сделать, от того откажутся'), то мирисѧ [1148], 133 об.;

«... а тобѣ, брате, и ны^н потрудити^с ѡплати мою дѣла чѣти и своєю (...)', Володимеръ же ре^ч брату своему Изаславу: ∇ «я, брате, // тѣмъ // не трудень есмь» ('я, брат, этим [что ты от меня желаешь] не затрудняюсь') — твоєю дѣла чѣти и брата своего Ростислава радъ ѣду» [1150], 148 об.;

также с сильной энклитикой: *да како ю с нимъ оудержиши, ∇ а то // оузрю же* [1195], 235 об. (ср. § 2.5).

Как и в других подобных случаях, здесь встречаются и фразы без барьера и, следовательно, без выделения, например:

а въ [т]омъ ми са не исправить въ борзѣ 724;

на чемъ еси ко мнѣ крѣтъ ѡбловаль, ∇ того еси всего не исправить [1196], 241;

а кто насъ будетъ живъ, а приѣзгнетъ к тобѣ, ∇ а тогда са затворимъ в городѣ с тобою [1153], 168;

какъ ми вѣсть будетъ ѡ нихъ, ∇ тогда ти дамъ ѡвѣтъ [1172], 205 об.

Возможна также смысловая соотнесенность по модели «Х хотел того-то — Y в соответствии с этим сделал то-то», например: *и в Роуской землѣ части проситъ еси оу мене, ∇ изъ же // тобѣ есмь даль власть лѣпшию* [1196], 240 об. (с отчлененным же).

Особый частный случай составляет выделенное начало *а самъ* (где действия самого адресата или самого автора соотнесены с тем, о чем сказано раньше). Примеры:

а почнутъ са с тобою бити, ты же к намъ вѣсть посли, ∇ а самъ // биисѧ заутра и до ѡбѣда [1150], 150 об. (см. об этой фразе также § 1.31);

хотела же не прода(и), ∇ а саме // потошисѧ семо 706п;
 а ты, брате, ѿтолѣ со сѣовцемъ моимъ воюита волость его, ∇ а назѣ / самъ
 // хотѣлъ есмь ити к Володимероу [1196], 239 об.;
 но лоучыиши коньници перебероутсѧ), ∇ а самѣми ('с самими') // какъ ны
 бѣ дастъ [1185], 224.

Еще один характерный частный случай — непервые звенья в перечислениях (где соотношенность с предыдущим определяется самой структурой текста). Примеры:

на молодогъ // далъ ксемь рубель 689п (в составе перечисления расходов);
 другую // далъ ксемь Дмитру черенцею полотину 689п (в составе того же перечисления; отметим охват сказуемого).

Особенно легко в этом случае отчленяются неодночленные начальные группы, например:

оу Сменка оу Савина // взалъ ксемь поло короби Овса 689п (в составе перечисления собранных податей);

а рожь Петровоу // повелело ксемо измолотиво Кривѣ дати 196п (в отчете о произведенных хозяйственных распоряжениях);

а троке твоѣ // чѣстило есмь ('я чтил') и даалъ дары 831 (в перечислении произведенных действий, угодных адресату);

вежѣ ихъ // поимали есмы, дѣти ихъ // поимали есмы, и стада и скоть [1170], 193 (перечисление военных достижений);

и много есмь имъ зла оучинилъ, ∇ землю ихъ // повоевалъ есмь [1148], 132 об. (то же);

брата мою, се еста землю мою повоевали, и стада мою и брата моего загли, жита пожьгли, ∇ и всю жизнь // погоубила еста [1146], 122 (перечисление понесенного ущерба).

Ряд фраз построен в сущности так же, только элемент перечисления в них не столь очевиден, например:

а крѣтъ со мною целоуи, ∇ а со Дѣбѣ{в}омъ // веди ма в любовь [1196], 239 (перечисляются действия, которые необходимо предпринять, чтобы восстановить нарушенный мир);

назѣ же {...} роспоустилъ есмь братью свою и дикии половци, ∇ а со Яро-славомъ с Черниговскимъ // целовать есмь крѣтъ на томъ, како же не вое-ватисѧ [1196], 239 (автор отказался от намеченного похода и перечисляет следствия этого: он, во-первых, отпустил братьев, во-вторых, заключил перемирие со своим противником).

Прочие случаи выделения темы

§ 2.9. В предшествующих пунктах выделяемое слово (словосочетание) всегда представляло собой тему высказывания. Выделение темы обнаруживается и в ряде других случаев, не подпадающих столь же прямо под эти пункты.

В образцовых памятниках сюда относятся в основном фразы с выделенным подлежащим. Примеры:

а възженики // творатесѧ въдавоше Собысливоу четири гривне 550;

се бра'га // прислалисѧ ко мнѣ ... [1148], 133 об.;

се Володимеръ // прислатьсѧ ко мнѣ [1152], 162 об.;
 а дружина моя // изнемогласѧ [1187], 227 об.;
 по лоучиши коньници // перебероутьсѧ [1185], 224;
 кѣже, // велико зло // дѣетсѧ в городѣ: хотѣтъ та людие яти [1161], 182 об.
 Сверх этого только: и своєю вины // каетьсѧ [1152], 162 об.; и своєю вины // каешисѧ [1152], 163 об. (3 раза); также редкий пример с иной энклитикой, чем сѧ: [а]же то / [на]мѣ // възле еси Павльовъ 736а (NB охват сказуемого).

Выделение обстоятельства

§ 2.10. Чаще, чем другие члены предложения, вынесенным в начало и выделенным оказывается обстоятельство.

Как и в других подобных случаях, особенно склонны к выделению неодночленные начальные группы. Примеры:

то по Всеволожи животѣ // помогу ти про Киевъ [1142], 117;

а в Руськои земли // не велю ти быти [1172], 203;

язъ / переже всихъ // далъ есмь тобѣ волость сю [1195], 236 об.

Примеры более редких фраз без такого выделения:

одиномо ти мѣ(сте ... со Давы)жею сед(ет)(и) 227;

и себѣ ми зими и весны нѣ лѣзѣ на конь к тобѣ всѣсти [1150], 148.

Но и одночленные обстоятельства, которые обычно выражены наречиями, часто оказываются выделенными и, соответственно, порождают барьер. Ниже для ряда часто встречающихся наречий приведены характерные примеры фраз обоего рода — как без барьера, так и с барьером после начального слова.

Примеры клауз с начальным одночленным обстоятельством

Без барьера	С барьером
Нынѣ (с вариантами <i>нынѣча</i> , <i>нынѣче</i> , <i>нонѣче</i> и др.) ²⁶	
а ныне <u>ми</u> не пакости 638	что оу тебе было, а пошло к Онани,
а ныне <u>ма</u> въ томѣ ала кѣнагыни 109	Ѹ а нинеце // проноситсѧ ѿ Кюрья-
а ныне <u>са</u> дружина по ма поручи-	ка 538п
ла 109	а нынѣ // сѣдѣлъ <u>еси</u> в Киевѣ, а мнѣ еси
а нѣнѣ <u>ти</u> <u>са</u> съмѣльвивъ съ близокъ	части не оучинилъ в Роускои землѣ
⟨-кы⟩ 907 (с деепричастием)	[1195], 236
а нынѣча <u>еси</u> всѣлъ [1196], 241	а нѣнѣ // кланяю <u>ти</u> <u>са</u> [1154], 171
ны ^н <u>же</u> <u>ти</u> въ нѣнѣ ѿдаевѣ [1152],	а се нѣнѣ // заратиласѧ <u>есте</u> своим
163	бра ^м ъ и сѣмъ Изаславомъ [1149], 141
	а ныне // <u>ци</u> сего <u>еси</u> дозрѣлъ [1150], 144
	а нынѣ, ѿче, // <u>с</u> акого <u>ны</u> веремени не
	боудеть наky [1195], 238 об.

²⁶ В образцовых памятниках начальное *нынѣ* практически всегда выступает в сочетании с *а* или с *же* (*а нынѣ*, *нынѣ же*); единственный пример, где это не так: *ны^н // кланяю тѣ сѧ* [1150], 151 об.

Тогда

какъ ми вѣсть будетъ ѿ нихъ, ∇ тогда ти дамъ ѿвѣтъ [1172], 205 об.
а тогда са затворимъ в городѣ с тобою [1153], 168

и приемоу единъ власть Роускою и с братсю, ∇ и тогда // мыщюса Всеволодоу ѡбиды своѣ [1180], 216 об.
и ѡже са оуже поворотитъ ѿ насъ, ∇ а тогда // како ны Бѣ дастъ с нимъ [1151], 155
а тогда // како ми с нимъ Бѣ дастъ [1152], 162 об. (последние два в соединении с эффектом слова како, § 1.25, п. 4)

Уже

ци оуже ти есмь задѣла сълюци? 752
оуже есмь пошель [1159], 179
тоти^о оуже еси съступилъ крѣт-ного цѣлованиа [1152], 166
а оуже есмь с ними прошель Гору [1151], 157
намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ: ∇ оуже са есмь изнемогъ [1185], 225 об./226
а оуже еси, кнѣже, и волость свою погубилъ, держаса по Ростислава [1161], 184
поѣди в борзѣ, ∇ оуже есмь перешли Днѣпръ [1151], 154
оуже са имъ всако совокѣпити на ны с Галичаны и с Черными Клобуки [1172], 204 об.
оуже ли Киеву поѣха, гѣне? [1175], 209
оуже ми толико доехати с гостьми съ Оугры и с Лахы [1150], 146

оуже // ѡбывахомса Ростиславичемъ [1180], 216 об.
то оуже // состоупилъса еси радоу и крѣтнаго целованиа [1195], 238 об.
а то оуже // поворотиса прочь [1149], 138 об.
ѡже оуже // рѣкы са оустановать [1150], 147 об.
се оуже // Игоря есте оубили [1147], 129 об.

Паки²⁷

паки ли ма оусрацеть Гюрги [1150], 149
паки ли ти не дада мира, а всако поѣди за Днѣпръ [1161], 184 об.
паки ли са ты ѿ црѣа оуправиши [1151], 152 об.

а паки ли // не годно вы, а волни есте [1193], 233 об.
паки ли // что еси оумыслить, а того не бѣгаемъ же [1196], 240 (в соединении с эффектом слова что, § 1.25, п. 4)

²⁷ В образцовых памятниках начальное *паки* практически всегда выступает в сочетании с *ли* (см. об этом сочетании § 1.21); единственный пример, где это не так: *а паки ми кто повѣсть* [1170], 193 об.

Толико	
толико <u>бы</u> <u>бѣ</u> <u>бѣю</u> его помогъ [1149], 135 об. аже ми боудеть нынѣ поѣхати, то толико <u>ми</u> боудеть на дорозѣ ѡстати [1185], 224	толико // <u>възаль</u> <u>есмь</u> ж Проконъ 7366 но толико // <u>являю</u> <u>ти</u> [1152], 163 об. ни волости хочю, ни иного чего, ∇ развѣ толико // <u>поустите</u> <u>ми</u> брата [1146], 121 об.

Сходную картину дают и другие начальные наречия.

Примеры фраз без барьера:

топърво есмо пришь 222;

зде ти нѣ ѡ чемъ быти [1146], 123;

ажъ хочъши, ∇ во брозѣ жъ седь бѣди 731;

а и горъзно ми [бѣ]шь тоу[ж] (ьно) тѣгда 831;

издалеча есми поѣхати [1149], 138;

а ѡпять вы взовоу [1149], 136 об.;

право ти, ѡце, моляю [1152], 163;

а и еще ти ни оуста не ѡсхла [1169], 191 об.;

и еще есмь и Роускои земли приказать стеречи тобѣ [1149], 135 об.;

брате Володимире, // ци давно еси хрѣтъ цѣловаль ко мнѣ? [1170], 194.

Примеры фраз с барьером:

на перед[ѣ] // на мене се не на[дѣ]и 'впредь же на меня не рассчитывай' 25п;

а а / ноугене // пецалоуа цереицами 'а я сильно беспокоюсь о черницах' 717;

братъа моя, возмите оу мене с любовию, что вы даю, (<...>), ∇ боле // не
вою(и)теса (исправлено по Хлебн.) съ Мьстиславичи [1142], 115 об. («больше»
противопоставлено уже полученным дарам);

ѡбиды ти до него нѣтоуть, но же идеши на нь, ∇ топерво ти поити ты на
ма ('но ты идешь походом на него — теперь тебе придется пойти на меня')
[1178], 214 об.;

ѡже / добръ // надѣеши са на Кияны, то ты самъ вѣдаеши люди своим
[1150], 150 об.;

и ѣще // ваю есмь оустагиваль [1151], 155 об.;

достѣваите вси, ∇ доколѣ // рѣкы са оустановать [1147], 131 об.

Современный читатель не видит разницы в смысле между примерами из левого и из правого столбца приведенных выше таблиц. Между тем для древних авторов некоторая разница здесь все же была, хотя теперь мы уже далеко не всегда в состоянии ее с определенностью выявить.

Во фразе с барьером выделенная начальная часть приближается по смыслу к отдельному утверждению (≈ 'имеет место вот что'), тогда как во фразе без барьера начальная часть не сообщает ничего нового и в смысле целого составляет очень скромную часть. Так, в § 1.26 была отмечена разница между фразами оуже есмь пошелъ 'я уже выступил в поход' (в ситуации, когда адресат этого ожидал) и оуже // пошелъ есмь 'уже произошло вот что: я выступил в поход' (в ситуации, когда адресат не знал, как будут развиваться события).

Соотношение этого рода усматривается и во многих примерах, приведенных выше.

Особенно отчетливо различие между *накы ли* без барьера и *накы ли* // . Первое означает 'если же', второе — 'если же нет', 'если же не так', 'если же вопреки ожиданию'. Так, *накы ли ма оусрацеть Гюрги* означает 'если же меня встретит Юрий', а *накы ли // не годно вы, а волни есте* — 'если же вопреки ожиданию (вопреки нашему предложению) вам не угодно, то как хотите'. Еще ярче это проявляется в таких фразах, как *накы ли, да въсадио вы въ погрьбо* 'если же нет, то засадим вас в темницу' 952, где *накы ли* отчленяется еще сильнее, образуя самостоятельную клаузу (см. § 1.21).

Во фразе *а ныне ми не пакости слова а нынѣ* означают фактически не более чем 'так что', 'так вот', во фразе *а ныне са друужина по ма пороучила* — не более чем 'потом', 'тогда'. С другой стороны, во фразе *а се нѣѣ // заратиласа есте свои^м бра^тмѣ и сѣмѣ Изаславомъ* слова *а се нынѣ* означают 'а вот теперь случилось то, что ...'. Сходную смысловую структуру имеют также многочисленные фразы, где представлен отрезок с устойчивым отчленением (см. § 1.21) *нынѣ же*, например: *нынѣ же // ты^о сѣлъ еси, право ли криво ли, надѣли же мене* [1174], 204 об.; *нынѣ же // даи на и Бѣ, самого же имивѣ, а волость его възми-вѣ* [1152], 162 об. (при этом реально *же* может оказаться и левее *нынѣ*, например: *онѣ же нынѣ // ворогъ ми са оучинилъ* [1196], 241).

Фразы с *уже* без барьера выражают (по крайней мере в ясных случаях) события, вполне ожидаемые, естественные в данной ситуации. Примеры: *намѣ ли иноѣ рати искати, то не можемъ: ъ оуже са есмы изнемогѣ* (долго воевавшим естественно устать); *а оуже есмъ с ними прошелъ Гору* (если войско уже в походе, то оно непременно в какой-то момент должно пройти определенный участок своего маршрута); *а оуже еси, кѣже, и волость свою погубилъ, держаса по Ростислава* (с точки зрения автора, держаться Ростислава вообще губительно). С другой стороны, выделенное *уже* // вводит события неожиданные, не вытекающие из уже известной ситуации. Примеры: *се оуже // Игоря есте оубили* (убийство князя противоречит всем нормам жизни); *а то оуже // поворотиса прочь* (требование прямо противоречит намерениям адресата).

Рассмотренные примеры относятся к числу достаточно ясных. В ряде других случаев ситуация менее ясна, но мы можем судить о ней, опираясь на аналогию с ясными случаями, т.е. фактически строить свои заключения уже именно на основании положения энклитик.

Например, мы имеем основания заключить, что во фразе *онѣ / добръ // на-дѣеши^{са} на Кианы ...* наречие *добръ* несет на себе некоторую эмфазу: 'если ты прочно (сильно, полностью) надеешься на киевлян...'; что во фразе *а а / ноугене // пецалоуса цереницами* такую же эмфазу несет наречие *ноуг(ьнѣ)* 'сильно'.

Вот еще один пример такого рода: «... не велитъ ти братъ починати рати, ъ а всако // велитъ ти са воротити». Изаславъ же съ яростью ѡвѣща ему: «ѡбѡмо ти буди, брате, ъ всако // не ворочюса — оуже есмъ пошелъ» [1159], 179. За наречием *всако* 'в любом случае, непременно' здесь оба раза явно имеется барьер. Это позволяет нам предполагать, что в первой фразе *всако* несет на себе эмфазу, т.е. было произнесено с нажимом, а во второй Изяслав с не меньшей эмфазой повторяет это рассердившее его в приказе брата слово.

Можно ли предполагать, что использованная здесь схема объяснения применима ко всем без исключения фразам, где энклитика стоит правее главного вакарнагелевского места? Ответ на этот вопрос, по-видимому, все же должен быть отрицательным — по крайней мере если речь идет о месте энклитики *са*. Дело в том, что действие нового правила, требующего постпозиции *са* независимо от типа клаузы (§ 1.37), начинается довольно рано.

В частности, среди фраз с начальным наречием имеются и такие, где *са* стоит в постпозиции, хотя для постановки барьера не видно ясных семантических оснований, например (символ // не ставим):

мало перепочивше, ∇ ѡпять възвратимьса [1172], 196 об.;

ѡн же не възхотѣ того, ∇ но паче радуется ѡ пролитии крови [1155], 175 об.;

не крѣпко быютса дружина и половци [1152], 164 об.;

донелѣ же оуладиихса съ братьею, дотолѣ же не пуцаи полковъ моихъ ѡ^т себе [1172], 196 (с отчлененным же).

В этих случаях, возможно, мы уже имеем дело с ранними проявлениями нового правила о месте *са*.

Факультативные барьеры, зависящие от синтаксических факторов

§ 2.11. При разборе материала мы здесь непосредственно следуем классификации клауз, описанной в § 1.29.

Тривиальный случай — фразы с начальным сказуемым — можно не рассматривать. Полезно лишь обратить внимание на тот частный случай, когда перед сказуемым стоит одна или несколько проклитик. С просодической точки зрения это ничего не меняет; ср., например:

и кланяю ти са 809;

а не створи ми пакости [1155], 172 и т. п.;

то же с такими проклитиками, у которых есть полноударные омонимы:

се прислатьса еси к нама [1152], 163;

се изгнать ма Изславъ ис Киева [1150], 145;

хрѣтъ ѡбѡвавшие на томъ, ∇ яко имѣти ма кнѣземъ собѣ [1161], 182 об.

Специфика таких фраз состоит, однако, в том, что проклитика в принципе может также — по крайней мере, в некоторых случаях — послужить для формирования проклитико-энклитического комплекса, и тогда организация фразы уже меняется (и фраза переходит в другой класс). Примеры:

но на то^м ѡблуди хрѣтъ, ∇ яко ти в томъ въ всемъ оустояти [1151], 160;

а ци ти присъле къ тѣбѣ 794 (две проклитики и энклитика);

се же еси не пошелъ [1148], 132 об. (проклитика и две энклитики).

Другие примеры проклитико-энклитических комплексов, отмеченных в обзорных памятниках, см. в § 1.41.

Начнем разбор с простых клауз.²⁸

²⁸ При этом, однако, в числе примеров из Киев-Д могут быть и многоактантные клаузы, поскольку в этом памятнике они ведут себя в отношении энклитик так же, как простые (см. § 2.17).

Из подразделений общей классификации ниже не представлены клаузы с вспомогательным глаголом и клаузы с аористом и имперфектом, поскольку в образцовых памятниках вообще нет соответствующего материала.

Рассмотрим клаузы с личными формами глагола (но не аористом или имперфектом, которых в данном случае нет).

Начальное местоименное слово

§ 2.12. Это самый обширный класс клауз с энклитиками (около 300 в Киев-Д, около 130 в берестяных грамотах) и одновременно самый благоприятный для сохранения древнего состояния, то есть для действия закона Вакернагеля в его наиболее чистом виде. Приводим характерные примеры.

С энклиноменной местоименной словоформой:

да азъ ти тоу сѣжоу 902;

а а са имо потешоу 705;

ты же ма и потени, не зєра на Оедора 531;

то си хотя мѣлви 605;

се єме слы[шали] 870;

а цето ти са остало суца, то остави ести Ст. Р. 30;

а ци цето ти товара надобе, а то восолу 624 (а ци — две проклитики);

а изъ ти са кланяю [1150], 143 об.;

я же ємь Гюрга ис Кієва выгнать [1150], 147;

азъ оуже бородать, Ѹ а ты са еси родить [1151], 155 об.;

а вы са не внимаите ни во что же [1150], 149;

а вѣ са сама оурадивѣ [1151], 156;

кто ли не имѣть коня, а в лодѣ [1147], 128;

что са оудѣть, то вы виновати [1135], 110 об.;

то ва ємь изискаль [1146], 124;

се ми естѣ ближе, к тому поиду переже [1150], 145 об.;

како же ми еси самъ рекль [1150], 148 об.;

такѡ ти молвать вси [1175], 208 об.

С акцентно самостоятельной местоименной словоформой:

а мнѣ ти стати оу кнѣза и 8 влѣкѣ 155;

а чемоу са гнѣваеши? 605;

а вѣ томъ ми са не исправиль вѣ борзѣ 724;

тобѣ са оуже не ворочати, ни мнѣ [1152], 163 об.;

а ѿ мене са ему поклони [1152], 167;

чимъ ти са ємь ѡбѣцать, то ти исполню [1189], 230;

но сего ма довелъ брать мои [1151], 158.

Отклонения от идеальной вакернагелевской ситуации здесь возможны по двум причинам (не исключаящим одна другую): из-за использования некоторого факультативного барьера или из-за вторичной проклизы начального слова (второе здесь возможно только для словоформ-энклиноменов). Оба эти явления ведут к смещению энклитик вправо, в предельном случае — к их постпозиции при сказуемом.

Присутствие в клаузе начального местоимения является идеальным условием для реализации закона Вакернагеля и само по себе не даст вообще никакого стимула для появления барьера. Барьеры встречаются в этом классе довольно редко; они как правило легко объясняются рассмотренными выше семантическими факторами.

Сравнительно редко применяется и вторичная проклитизация энклитомасов. В результате здесь коэффициент препозиции оказывается выше, чем в любом другом классе: в ранних берестяных грамотах 96,3%, в Киев-Д 88%.

В ранних берестяных грамотах с постпозицией энклитики в данном классе представлены только:

мене игоумене не поустиле, ∇ а а // прашальса 605 (см. об этой фразе § 2.7);
а а / ноугене // пецалоус цереницами 717 (см. об этой фразе § 2.10).

В Киев-Д фраз с постпозицией энклитики существенно больше.

Пример без дополнительных усложнений:

*идаху слово рекоуче Олговичи, ∇ яко «вы («именно вы»)» // начали есте перво
 нась гоубити»* [1135], 110 об. (см. об этой фразе § 2.7).

Отдельную маленькую группу составляют фразы с *то, того* и т.п., рассмотренные в § 2.8, например:

*а про кого ми была и рать про зата своего, ∇ а того // далъ еси Арославоу
 радити* [1196], 241.

О фразе *а почнуть са с тобою бити, ты же к намъ вѣсть послѣ, ∇ а самъ
 // бииса заутра и до вѣбда* [1150], 150 об. (с барьером после слова *самъ*) см.
 § 1.31.

Примеры с барьером после нена начального обращения (ср. § 1.31):

право, брате, // гнѣвалса есмь на та [1159], 178 об.;

а нынѣ, вѣче, // сякого ны веремени не боудеть пакы [1195], 238 об.

Примеры с разделением энклитик:

про што ми // вбрекль еси Киевъ? [1142], 117;

тобѣ бы, брате, // любо ли, абыхомъ мы браг твоего держали? [1147], 127;

ты же ми еси ее // встоупилса по волѣ [1195], 236 об.

При соответствующем составе фразы наличие барьера приводит не к постпозиции энклитик, а к их смещенной препозиции, например:

а съ сими // како ми Бѣ дать [1146], 119 об. (барьер перед *како*, § 1.25, п. 4);

то же с разделением энклитик:

онъ же нынѣ // ворогъ ми са оучинилъ [1196], 241;

назъ же // тобѣ есмь далъ волость лѣньшую [1196], 240 об.;

ты же // како ми са еси вѣбчалъ вѣвести на коня и помочи ми ... [1196], 241.

Позиция энклитик может быть правее обычной также из-за вторичной проклитизации начального слова. Примеры:

а что° оумыслил еси, а тое дѣи [1172], 203 об. (если бы *что* не проклитизировалось, было бы *а что еси оумыслил*);

мы° гости есме твои [1150], 150 об.;

и вы° мнѣ есте рекли [1147].

В ряде случаев позиция энклитик может объясняться как наличием барьера, так и вторичной проклитизой начального союза (что отмечается знаком /, см. § 1.38). Примеры:

а азъ / не радуюсѧ ѿ погыбели его [1155], 175 об. (см. об этой фразе § 2.22);

а ја / старъ есмь [1151], 155;

а ја / готовъ есмь самъ полкъ своими [1149], 140;

то же со смещенной препозицией энклитики: *ты / нама еси тако оучинилъ* [1151], 152 об.

При таком же начале возможен также барьер после какой-то из следующих групп, например:

а назъ / самъ // хотѣлъ есмь ити к Володимероу [1196], 239 об.;

княже, // мы / не на та // востатъ есмы, но не хотимъ кланятиса попады [1187], 229 об. (см. об этой фразе также § 2.7);

то же со смещенной препозицией энклитики: *вы / того // до сыти есте молвили* [1152], 166 об.

Более сложный случай: *се вои ѿ насъ роуциса* [1172], 196 об. В принципе можно усматривать здесь просодическую структуру *се вои // ѿ насъ // роуциса*; но по смыслу барьер после *ѿ насъ* трудно оправдать, поэтому допустимо предполагать здесь уже просто действие нового правила постановки *са* (§ 1.37).

Начальный союз

§ 2.13. Напомним прежде всего, что в данный класс входят только фразы с непервообразным союзом; это *абыно, абы, аже, ако, акы, али, ано (анъ), ати (ать), аче, аще, дати (дать), ели, зане, зандо (занда), ибо, или, ино (инъ), любо, неже, нежели, оже, око, оли, ольна, оти (отъ), поне, тоти (тотъ), јако* (в значениях 'как', 'потому что') и некоторые другие. (Большинство из них — это бывшие проклитико-энклитические комплексы, подвергшиеся сращению.)

Первообразные союзы (т.е. как раз самые частые: *и, а, нъ, ци, да* и т.д., см. § 0.2) сюда не относятся. Как и любые другие проклитики, они представляют собой «просодический нуль» и при классификации клауз не учитываются — за исключением того случая, когда за такой проклитикой непосредственно следует энклитика и тем самым возникает проклитико-энклитический комплекс (см. § 1.41). То же верно и для сочетания из двух или более проклитик, например, *да и, и да, а ци* (= *аци*).

Коэффициент препозиции в этом классе обычно лишь ненамного ниже, чем при начальном местоименном слове. Как и там, здесь возможна вторичная проклитиза.

Характерные примеры соблюдения закона Вакернагеля в его чистом виде:

аже ми са поцьньши насмихати 752;

ать ти видѣло, како ти было а Ивана ать 502;

а[ч]е ли ти, брат[ъ]е, вины л[ю]дье на ма не иш[ъ]тъ 724;

или ти тажа, а поеди во городо 112;

оже еси забыле моего добродѣанна 627;

аже са оуже тако оучинило [1147], 130;

ажь ны еси вѣбнѣи Кыевъ [1195], 237 об.;
 кѣже, // ать же поидеми [1148], 135;
 и корола понудѣ, ∇ ать ма приме^т [1152], 162 об.;
 аче ти ма оубити, сѣоу, на семь мѣстѣ, а оубиш, а на не вѣдоу [1150], 144 об.;
 зане есте людие милии ѿцю моему [1155], 174 об.;
 доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ // любо са оуладимъ, любо са не оула-
 димъ [1195], 237 об. (с обязательным барьером после общего члена двух клауз);
 Бѣ вы помози, ∇ ѡже ми са есте яли помогати [1149], 140;
 но ѡже бы оуправитъ бра^т на^ш Стѣславъ [1149], 136 об.;
 яко ти есмь крѣтъ цѣловать [1189], 230;
 яко же еси цѣловать, буди со мною [1149], 137.

Как и начальное местоименис, начальный союз сам по себе не дает никаких стимулов к появлению барьера. Барьеры здесь могут возникать только по ка-ким-то иным причинам — прежде всего семантическим. Но союзы в большей степени, чем местоимения, склонны к вторичной проклizie.

Типы отклонений от идеальной вакарнагелевской ситуации в данном классе — те же, что в предыдущем. Случаи постановки энклитик не непосредственно после союза, а после следующего за ним слова возникают здесь в основном за счет того, что союз может подвергаться вторичной проклizie. Примеры:

брате, // аже^о зовоуть та съ честью, иди [1178], 214;
 аже^о паки ны сила [1150], 150 об.;
 но повели, княже, ∇ ать^о посѣкутъ и ('их') [1172], 200 об.;
 ту же и ты стани, ∇ ать^о добро на ѡ всѣмъ гадати [1152], 161 об.;
 зане^о боленъ есми велми [1152], 162;
 не буде^т Костантинъ въ митрополи, ∇ зане^о клал ми ѿца [1159], 180;
 доколѣ // любо^о оуладимса вси, или^о не оуладимса вси [1196], 239 (с обяза-
 тельным барьером после общего члена двух клауз).

Также с неначальным обращением: ажь, / брате, // жаловатса на мене про-
 волость [1195], 236 об.

Примеры фраз с разделением энклитик:

с постпозицией са — али ти // не пригодитса [с]е[ле]ма добра, а поло Торж. 8;
 аже есте // ко мнѣ прислалса мира дѣла [1148], 133 об.;
 и повѣдаю емоу, ∇ ажь есмы // состоупитса Витебска тобѣ [1195], 238 об.;
 ожь ли право // затираютса (а) 222;
 с постпозицией другой энклитики — яко вы // имѣти ма ѿцѣмъ собѣ въ
 правду [1159], 180.

Как и в классе местоимений, возможна также смещенная препозиция энкли-
 тики, например:

то же нынеча // радѣ быхъ послале [грам]о[тѣ] 724;
 а поѣди, кѣже, к городу, ∇ ать^о мы са бѣемъ сами съ Изславомъ [1153], 168;
 а што Олгово, а то нама даи, ∇ ать^о въ са тѣмъ подиливѣ [1151], 160 об.;
 сѣу, Бѣ ти помози, ∇ ѡже^о на мене еси чѣтъ възложитъ [1150], 151 об.;
 да аче стрыи придетъ на та Дюрги, ∇ поитѣ^о ты са с людми оутвердитъ бу-
 деши [1154], 170 об.
 ѡже^о ѿцѣ та приобидитъ [1149], 135 об./136.

Как и в случае с местоимениями, иногда позиция энклитик может объясняться как наличием барьера, так и вторичной проклизой начального союза, например: *али / чмо есемо виновата, а восоли отроко* 644 (см. об этой фразе § 1.38); *а Бѣ за мѣздою, ∇ или / ладивьса* 549.

Во фразе *[а]же то / [на]мъ // възале еси Павыловъ* 736а предбарьерная часть *[а]же то / [на]мъ* либо образует единое фонетическое слово, либо имеет внутри себя дополнительный барьер после *аже то*. Для фразы *зане азъ // виноватъ есмь* [1152], 162 об. не исключен также (хотя и менее вероятен) вариант с *зане° азъ°*.

Начальное знаменательное слово

§ 2.14. В этом классе следует различать клаузы с начальным именем (существительным, прилагательным, числительным, а также независимым инфинитивом) и клаузы с начальным наречием.

Начнем с подкласса с начальным именем.

Характерные примеры соблюдения закона Вакернагеля в его чистом виде:

а Поутилоу ти оубили 952;

а Давыдъ ти ми не въдалъ 664;

о св(а)то жь ти еѣ хо{ц}иць 731;

Матьеви еси молвить 550;

товарьць есемо посылалъ Смольньскоу 952;

а Мѣстата са вама поклана 422;

[а] поп[ъ] ти [са м]о[л]ить 950;

се оу Насила есмь възалъ 525 (се — проклитика);

поѣди, кѣже, Киеву: ∇ Гюрги ти оумерлъ [1158], 175 об.;

а Киевъ вы не надобѣ [1195], 237 об.;

и по городу ны даси по лепшему [1159], 179 об.;

но лиха ти есмь не хотѣлъ [1159], 178 об.;

ица ти есмы яли и приатели его [1172], 201;

крѣтъ еси к нама с королемъ ѡбловалъ [1152], 166;

и короля еси на ма възвелъ [1152], 166;

рѣкы са смерзываютъ, а поидемъ домови [1150], 147 об.;

а къ Гюргеви са послали [1147], 128;

молужьшему са не поклоню [1151], 155 об.;

снѣ ти са кланаетъ [1151], 157;

и Изслава ти са не ѡлучати до живота своеѣ [1152], 163 об.;

и с Лахы са есмь за нь билъ [1152], 162 об.

Вторичной проклизой в данном классе, в отличие от двух предыдущих, не бывает.

Как и во фразах с союзом, в ранних берестяных грамотах и Киев-Д коэффициент препозиции в этом классе лишь ненамного ниже, чем при начальном местоимении. В этих памятниках начальное имя само по себе, по-видимому, еще не даст стимулов к появлению барьера и постпозиции энклитик.

Случаев постпозиции энклитики из-за наличия барьера в данном классе немного.

В ранних берестяных грамотах отмечены только:

а въжники // творатеса въдавоше Собыславоу цетыри гривне 550; из ѣрмице ка // въсп(и)ши ми грамѣтцию о свѣлѣ стѣ[r](ѣ)вѣе и о дѣтъхъ 854;

кроме того, *то° гривною // кри(лѣ) есмь* 831 (где энклитика лишь реконструируется).

В Киев-Д из фраз такой структуры отмечены:

а крѣть со мною целоуи, ∇ а со Двѣ{в}омѣ // введи ма в любовь [1196], 239 (см. об этой фразе § 2.8);

брате Володимире, ци давно еси хрѣть цѣловаль ко мнѣ, ∇ и волость // възаль еси оу мене? [1170], 194;

ѡже ма перешбидила и первое и другое, ∇ и бещестье // на мене еста положила [1151], 155 об. (см. об этой фразе § 2.7).

Также с сильной энклитикой: *Гюрги вышелъ ис Киева, ∇ а Вачьславъ // сѣдитъ ти в Киевѣ* [1150], 144.

С разделением энклитик:

брате, // въ правду та // нарекли есмы ѡцѣмъ собѣ [1172], 202 об.;

и до сыти ми пересердина // оучинила еста [1148], 133 об.;

Стославъ ти // послатьса къ Гюргеви [1149], 136 об.

Такую же структуру можно предполагать и для фразы *со Ярославомъ еси оумирилса* [1196], 240 об.; но здесь уже не исключено и действие нового правила постановки са.

Особого замечания требует слово *Богъ*. В Киев-Д оно ведет себя необычно: если за ним следует глагол (не в императиве), то энклитика может стоять после этого глагола, а не после *Богъ*: *Бѣ посадилъ та и князь Андрѣи на ѡчѣнѣ своеи и на дѣдинѣ въ Киевѣ* [1172], 198; *аще Бѣ приведетъ ма сдорового (въ) дѣи сим* [1178], 214; *аще восхоиѣ, ∇ Бѣ избавить та* [1185], 226 об.; *се, брате, // Бѣ скупилъ на по мѣсту с твоимъ братомъ* [1151], 153; *се же нынѣ // Бѣ привелъ ма в Рускую землю* [1151], 153; *и тако Бѣ пом и* [1152], 167. Причина этого эффекта не вполне ясна. В некоторых из приведенных фраз (в частности, *Бѣ посадилъ та и князь Андрѣи*) допустимо предполагать барьер после слова *Богъ*. Но в ряде других для этого, по-видимому, нет семантических оснований. Возможно, данный порядок слов отражает влияние церковных формул, в которых, как известно, закон Вакернпегеля может и не соблюдаться; ср., например, в Усп. сб.: *и Бѣ покры ты* 4б; *како присно Бѣ печать са* ими 52в; *яко Бѣ покаж см о Ахавѣ* 181в; ср. также в речи игуменов в Киевской летописи ([1195], 238): *и рекоша игуумени блѣннии: ∇ се Бѣ проявилъ есть*.

Но встретилось все же и несколько фраз, где данного эффекта нет, например: *но Бѣ ма застоупилъ и хѣть чѣтнии* [1147], 128; *а Бѣ ти помочь* [1151], 155 об.

Подкласс с начальным наречием невелик по объему. От подкласса с начальным именем он отличается существенно более низким коэффициентом препозиции. Причины этого довольно прозрачны: наречие есть самая естественная форма выражения обстоятельства, а обстоятельство очень часто относится ко всему высказыванию в целом и, соответственно, ставится в начальную позицию и отделяется от остального барьером. Примеры клауз с начальным наречием и соответствующие комментарии см. в § 2.10.

Подчиненный инфинитив

§ 2.15. Для неличных форм древнее правило расстановки энклитик состоит в том, что относящиеся к неличной форме энклитики располагаются во фразе так же, как если бы они относились к сказуемому.

Этот принцип актуален в первую очередь для подчиненных инфинитивов, выступающих в роли дополнения при сказуемом (например, при *хочеши, можеши, почънеши, велиши, надобѣ, годѣно, не лъзѣ* и т. п.). Например, во фразе *ажѣ ми са поцьнъши насмяхати* 'если ты начнешь надо мной насмеяться' 752 энклитики *ми са*, относящиеся к инфинитиву *насмяхати*, располагаются во фразе так же, как если бы они относились к сказуемому *поцьнъши*; иначе говоря, они стоят просто в соответствии с законом Вакернагеля. Во фразах типа *оже ны са велите мирити* 'если вы нам велите мириться' [1149], 141 (где *ны* относится к *велите*, а *са* к *мирити*) энклитики, относящиеся к сказуемому и к подчиненному инфинитиву, образуют единый блок.

Однако энклитики, относящиеся к неличным формам, имеют заметную общую тенденцию подчиняться не древнему, а новому правилу расположения энклитик, т. е. располагаться в постпозиции к этим формам. Эта тенденция проявляется с разной силой в зависимости от неличной формы и от синтаксического контекста, а также и от конкретной энклитики. В наибольшей степени новое правило актуально для энклитики *са*.

Инфинитив в функции сказуемого ведет себя в отношении энклитик совершенно так же, как личные формы. Примеры:

тобѣ са оуже не ворочати, ни мнѣ [1152], 163 об.;

то ти все възворотити, и Изаслава ти са не ѿлучати до живота своеѣ [1152], 163 об.;

аче ны са и (с) дѣтьми бити за та, а рад(и) са бьемъ за та [1159], 177.

Во всех этих случаях размещение энклитик — такое же, каким бы оно было во фразах со сказуемыми в личной форме (например, *ворочаеши, възвратиши, ѿлучаеши, бьемъ*).

Иное положение с подчиненным инфинитивом (выступающим в роли дополнения при сказуемом). Здесь конкурируют указанные выше древнее и новое правила.

В образцовых памятниках безусловно превалирует древнее правило. В соответствии с этим правилом если одни энклитики по смыслу относятся к сказуемому (скажем, *ялиса есте*), а другие — к подчиненному инфинитиву (скажем, *помогати ми*), то во фразе они оказываются членами единого блока, например, *оже ми са есте яли помогати*.

Продемонстрируем вначале действие древнего правила.

1. Если ни сказуемое, ни подчиненный инфинитив не стоит в начале клаузы (или после барьера), блок энклитик оказывается левее как того, так и другого. Иллюстрации:

како та могу, ятры, пустити? [1171], 195 об.;

оже ва Мъстислав почнетъ звати на собѣдѣ, то ту вая ятьѣ будетъ [1170], 193 об.;

а что есми имъ зло створить, ∇ ѡже мѧ хотѣть ѣти? [1161], 182 об.;
 то же сѧ:
 поидите со мною, ∇ ать ми сѧ добро с ними ѡ^т силы мирити [1149], 137
 об./138;
 Бѣ вы помози, ∇ ѡже ми сѧ естѣ ѣли помогати [1149], 140;
 но ѡбаче // ѡже ны сѧ велите мирити, то не стоите на нашей земли
 [1149], 141;
 ѡтолѣ же сѧ хочу с тобою радити [1150], 144 об.;
 ѡже сѧ с нима начнемъ бити, то се намъ будутъ первии ворозѣ [1172], 199.

2. Если либо сказуемое, либо подчиненный инфинитив стоит в начале клаузы (или после барьера), блок энклитик оказывается между этими двумя единицами (а именно, непосредственно после первой из них). Иллюстрации для случая с начальным (или стоящим после барьера) сказуемым²⁹:

не моги же ми, матоко, согрѣшити 227;
 а хотѣть ны ѣти въ Омоу съ Вацьишкою 952;
 хотѣть тѧ людие ѣти [1161], 182 об.;
 того на мнѣ не проси, ∇ хотя мѧ заворожити [1149], 136;
 а хочемъ ю оубити [1187], 229 об.;
 а сѣмо мѧ повела лествю, ∇ оубити мѧ хотѣче [1147], 127 об.;
 то же сѧ:
 могоу сѧ съ тобою ѣти на водоу 238;
 не моги сѧ ослоушати 779;
 не на цеме сѧ кормити 765п (не на цеме — единая тактовая группа);
 а почнуть сѧ с тобою бити [1150], 150 об.;
 можете ли сѧ за наю бити? [1149], 139 об.;
 нѣ лзѣ ми сѧ с тобою радити [1150], 144 об.;
 ци боудеть ны сѧ соудити пре^д Бѣмъ [1151], 155;
 а самъ хочу поступити подѣ горы Галичьскаго кнѣзѧ, // не дати же сѧ ему
 двигнути [1149], 140.

То же с факультативными барьерами:

Изаславъ вчера со мною // хотѣлъ сѧ бити [1150], 151 об.;
 противоу молоджьшему // не могу сѧ поклонити [1151], 155 об.;
 а всако // велитъ ти сѧ воротити [1159], 179.

Примечание. Особо стоит фраза: не даи Бѣ // на поганѣмъ // ѣзда сѧ ѡрещи 'не дай Бог отказаться от наездов на язычников' [1185], 223. В этой фразе конструкция ѡрещисѧ ѣзда — такая же, как в творителѣ ѣздавоше 'утверждают, что отдали' 550. сказатисѧ нездраву 'сказаться нездоровым' и т.п. Нарушение общих правил в этой фразе состоит в том, что барьер поставлен внутри актантной группы на поганѣмъ ѣзда. Причина, вероятно, в переосмыслении ѡрещисѧ ѣзда как цельного предложения (= 'отъезжаться'), которому как целому подчинено на поганѣмъ. В этом случае между дополнением на поганѣмъ и целостным ѣзда сѧ ѡрещи уже в принципе становится возможным барьер.

²⁹ Случай с начальным (или стоящим после барьера) подчиненным инфинитивом не представляет для нас интереса, поскольку при таком инфинитиве энклитики практически всегда стоят в постпозиции.

Для обычных энклитик проблема этим исчерпывается. Но энклитика *са* в некотором числе фраз подчиняется не древнему, а новому правилу, то есть стоит в постпозиции к инфинитиву независимо от прочих условий:

но не хочемъ кланатисѧ попадьи [1187], 229 об.;

не могу с половиною ихъ миритисѧ [1193], 234;

то како можемъ молитисѧ къ създавшему насъ [1149], 142 об.;

а тѣло вы бы потрудитисѧ [1189], 230 (с разделением энклитик).

В ряде таких фраз можно с уверенностью или с высокой вероятностью предполагать наличие барьера — однако же не перед инфинитивом, а перед сказуемым (союз не в счет):

а Всеволодъ // ажъ восхочѣтъ с нами оуладитисѧ, а оуладитѣсѧ [1196], 239 (обязательный барьер);

а тобѣ // не достоить трудитисѧ [1152], 165 об.;

а нынѣ // безъ его доумы // хочемъ миритисѧ [1196], 240 об.;

да ни мы // начнемъ боитисѧ васъ, ни вы насъ [1172], 198.

Понятно, что показанные здесь барьеры не объясняют постпозиции *са*. Нельзя ли предположить, что в этих случаях имелся также барьер непосредственно перед инфинитивом? В самом деле, для части фраз (например, *а тобѣ не достоить трудитисѧ*) такое предположение в принципе допустимо, хотя и не очень естественно с точки зрения смысла. Но в большинстве случаев такой барьер решительно противоречил бы смысловому членению текста. Таким образом, причиной данного порядка единиц здесь уже можно признать только действие нового правила расположения энклитики *са*.

Прочие неличные формы

§ 2.16. Деепричастие.

В образцовых памятниках показательного материала в этом классе очень немного. Древняя модель расположения энклитик отмечена во фразах:

то [из] оуцѣ бы сѧ вытьрьго притьклѣ 'то, вырвавшись из-под [людских] глаз, прибежал бы' 752 (*са* относится к *витьрьго*, *бы* — к *притьклѣ*);

а нынѣ ти сѧ съмълѣвивъ съ близокѣ (-кы) ... 907;

Бѣга сѧ боаць 548 (+881);

добрѣ же створа ... 849 (+788);

того ва есмь борона и не править себе, ѡже ма перевобидила 'запрещая это вам двоим, я и сам не расквитывался за то, чем [вы] меня избодели' [1151], 155 об. (*ва* относится к *борона*, а *есмь* — к *не править*);

а како сѧ нагадавше вси, тако же с тобою оуладисѧ [1196], 239 об.;

накы ли, а заоутра, ∇ како сѧ нагадавше, поидемы же по ни^х [1151], 156 об.;

на вашего бѣа ида, ∇ а на ма сѧ ѡборочивана, лова сѧ бити со мною [1150], 151 об.

Пример с неавтоматической постпозицией *са*: *како еси послать сѣа свое^е ко королеви, ∇ а со мною не спрошавсѧ, состоути сѧ еси радоу* [1189], 230 (прочие примеры не вполне надежны).

Причастие (не в деепричастной функции).

В образцовых памятниках примеров нет. В памятниках, где такие примеры есть, почти всегда действует новое правило, т. е. постпозиция энклитик; см. § 4.4.

Супин.

В берестяных грамотах примеров нет. В Киев-Д всегда действует новое правило, например: *ѡже Изаславъ, ѡда битсѧ съ Игоремъ ...* [1151], 155 об.; *а ты пакы, брате, поѡда Переяславлю съ Изаславомъ битьсѧ ...* [1151], 155 об.; *и тоу ко мнѣ не възмогша выти битьсѧ полкомъ* [1148], 132 об. (не говоря о таких тривиальных примерах, как *а то ти молвить, битсѧ ѡда* [1151], 155 об.). Практически такова же ситуация в других памятниках, см. § 4.5.

Многоактантные клаузы

§ 2.17. В том, что касается многоактантных клауз, образцовые памятники малопоказательны. В берестяных грамотах таких клауз совсем мало. А в Киев-Д представлена редкая особенность, состоящая в том, что в многоактантных клаузах энклитики ведут себя практически так же, как в простых (см. об этом § 4.9). Вот характерные примеры с энклитиками в главной вакернагелевской позиции:

а ныне сѧ дружина по ма пороучила 109;
кже ми отьць дааь 9;
на мнѣ ти Домаславе възале 12 грѣнѣ 155;
азъ ти есмь съ бра(то)мъ твоимъ с Володимиромъ ѡсетѣ оуже пошетъ [1150], 147 об.;

мы та до сихъ мѣстъ акы ѡца имѣли по любви [1172], 203;
а ты еси оуже хрѣтное челоование переступить [1149], 137;
чему ми еси во ѡномъ днѣ не даь? [1150], 145;
того вы браѣ мои не велѣь [1147], 128;
аже еси съ сакыми рѣчьми прислать [1172], 203 об.;
но на томъ цѣлуи хрѣтъ, ∇ яко ти в томъ въ всемъ оустояти [1151], 160.

Возможна и смещенная препозиция, например:

ѡже оуже // рѣкы сѧ оустановать [1150], 147 об.;

также с разделением энклитик:

ѡнъ же нынѣ // ворогъ ми сѧ оучинить [1196], 241.

С другой стороны, в клаузах данного класса вполне возможна также постпозиция энклитик (при этом, естественно, используются барьеры). Примеры:

язъ / переже всихъ // даь есмь тобѣ волость сю [1195], 236 об.;
се половцѣ // сеѣ зимы // воуюють ны часто [1190], 232;
где оузримъ стагъ твои, ∇ тоу // и мы с тобою // готови есмь [1146], 119 об.;
а се нынѣ // брата нашего Романа // выветь еси ись Кыева [1172], 202 об.;
а нынѣ // я / ваь // во ѡцѣ мѣсто // ѡсталсѧ [1180], 217 об.;

также с разделением энклитик:

ны(нѣ) же // оу поужи сеи // боленъ есмь велми [1146], 124;
нынъ же, ѡце, // того всего // каюсѧ пре^д Бѣмъ и пре^д тобою [1150], 151 об.;
нынъ же, брате, // сеѣ весны // помози на ('нам двоим') [1151], 152 об.

Особо отметим изредка встречающиеся в многоактантном классе клаузы с неодночленной начальной группой.

С препозицией в образцовых памятниках представлены:

без барьера (и, следовательно, с нормальной препозицией и с непроективно-стью) — *а такого ти веремени тогда не боудеть* [1193], 234;

сего ти мира zde не оулюбить братъ мои Рюрикъ [1196], 240 об.;
лѣпшии ми того смѣрть и съ дружиною на своєи ѿѣинѣ и на дѣдинѣ взати [1140], 113;

одиномо ти мь(сте ... со Давы)жею сед[ет](и) 227;

с барьером (и со смещенной препозицией) — а в Роуской землѣ // кто ны са
ѡстанеть? [1193], 234 (с эффектом слова кто, § 1.25, п. 4).

С постпозицией встретилось: зане° в землѣ нашеи // жито // не родило~~са~~
нынѣ [1193], 234. Также при многочисленной начальной группе: снѡвецъ ваю
Стославъ, // акы ѿ ваю роженъ, // передъ вами // не творит~~са~~ правъ [1149],
142 об.

Тяжелые клаузы

§ 2.18. В тяжелых клаузах преобладает уже постпозиция энклитик.

При отсутствии барьера тяжелая клауза обязательно оказывается непроективной (см. § 1.2). В раннем древнерусском это обстоятельство лишь весьма незначительно затрудняет построение фразы — непроективные фразы возникают достаточно свободно. Но в ходе истории тенденции избегать непроективности усиливается. В Киев-Д и в ранних берестяных грамотах эта тенденция уже существует, хотя и в гораздо более слабой форме, чем позднее.

Примечание. При анализе клауз важно различать две разных конструкции со словом самъ: 1) истинное определение к существительному (самъ отецъ и т.п.) и 2) самъ, подчиненное непосредственно сказуемому, эквивалентное по смыслу наречию (≈ 'самостоятельно', 'лично') (отецъ самъ пришелъ и т.п.). В первом случае перед нами двучленная актантная группа, во втором — две отдельные одночленные актантные группы, порознь подчиненные сказуемому.

Без барьера после начальной актантной группы (и, следовательно, с препозицией энклитики и с непроективностью) отмечены следующие фразы.

А. С актантной группой из существительного (или местоимения) и прилагательного-определения (в любом порядке) или из существительного и приложения к нему:

а больши ти протера гоши(ти) 155;
Стославъ же ти Олговичъ не надоби [1151], 160;
Изаславъ ти Мьстислави⁴ пошелъ Киевоу [1146], 124 об.;
а вѣсть ны праваа естъ [1187], 227 об.;
и въ моемъ вы послушаныи ходити [1159], 180;
и того еси всего не оуправить [1152], 166 (+[1196], 241);
и свои еси радъ взялъ [1196], 241;
ѿ котораго есте становища поѣхали? [1149], 138;
брате, // хрѣтъ еси чѣтныи цѣловать ко лигѣ [1149], 137.
То же с энклитикой са³⁰.
затъ ти са король кланаетъ [1152], 161 об.;
а брата са Игоря лиши [1146], 121 об.

³⁰ Здесь и в ряде других случаев примеры с энклитикой са, которая нередко ведет себя не совсем так, как остальные, для наглядности отделяем от прочих.

Примечание. Внешне сходны с приведенными также такие примеры, как: *братъ ти Стѣславъ боленъ* [1160], 181; *братъ ти Изслава побѣди Стѣславъ и дружиноу ваию* [1146], 123 об./124. Но в действительности мы здесь уже имеем дело с локальным *ти* 'твой', см. § 1.9. Как уже отмечалось, некоторые из подобных примеров допускают двойную синтаксическую интерпретацию (с *ти* 'твой' и *ти* 'у тебя'): *брата ти Романа Бѣ помятъ* [1180], 217; *братъ ти Игоря оубили* [1147], 130.

Б. Прочие:

а жизнь есмь его взяли [1147], 127 об.;
а ворожеду еси про Игоря ѿложилъ [1149], 137;
а много ти лиха замысливають [1150], 144 об.;
брате и сѣноу, // много ти есмь добра творить [1180], 217 об.;
боле ми того не надобѣ Володимеръ [1187], 229 об.;
и много есмь имъ зла оучинить [1148], 132 об. (с более сложной структурой).

С барьером после начальной актантной группы (и, следовательно, с позицией энклитики) отмечены следующие фразы:

А. *а троке тво[е] // чистило есмь и даалъ дары* 831;
Б(ога) дѣла, // котореи любю // потрудиса до владычѣ 725;
и всю жизнь // погубила еста [1146], 122;
а в Руськои земли // не велю ти быти [1172], 203;
а со Ярославомъ с Черниговьскимъ // целоваль есмь крѣтъ [1196], 239.

Также с разделением энклитик: *а оу королева еси мужа // слышать ли ѿ томъ чѣтномъ крѣтъ?* [1152], 166 об.

Сходную структуру, по-видимому, имеет фраза: *изъ Витебьска стоупить тобѣ, ∇ и посоль былъ свои // послать есмь ко братоу Дѣдови* [1195], 238 об. (если верно, что *былъ* здесь является энклитикой, ср. § 1.12).

То же с энклитикой *са*:

а дружина моя // изнемогася [1187], 227 об.;
но лоучьшии коньници // перебероутьс(а) [1185], 224;
кѣже, // велико зло // дѣтсѣа в городѣ: хотать та людие нати [1161], 182 об.;
и своєю вины // каетьсѣа [1152], 162 об. (+ еще 3 раза);
не могу ити изъ ѿчны своѣ, ∇ и со братьею своєю // розоитисѣа [1178], 214.

Б. *землю ихъ // повоевалъ есмь* [1148], 132 об.;

вежѣ ихъ // поимали есмь, дѣти ихъ // поимали есмь, и стада и скотъ [1170], 193.

велими радѣ, гнѣ ѿче, // имѣю та ѿцѣмъ гнѣмъ [1154], 169 об. (с внутренним обращением).

С разделением энклитик: *и до сыти ми пересердиѣ // оучинила еста* [1148], 133 об.

Замечание. После группы подлежащего вероятность барьера несколько выше, чем в среднем, — по-видимому, просто потому, что тему естественнее всего выразить именно в форме подлежащего. Правда, в образцовых памятниках этот эффект проявляется довольно слабо, но он замечен в ряде других памятников.

Во всех приведенных выше примерах представлена двучленная начальная группа. Но возможны также, хотя реально намного более редки, также и многочленные начальные группы. В этом случае препозиция энклитик, формально

не запрещенная, реально уже почти не встречается. В образцовых памятниках отмечен лишь один полноценный пример: *и сеѣ ми зимы и весны нѣ лѣзъ на конь к тобѣ всѣсти* [1150], 148.³¹

Во всех остальных случаях представлена постпозиция. Примеры:

а с(ва)тѣ Варѣварь тылица // сторова ли? 657;

затѣ нашъ король // пустилъ ти 10 тысячь [1150], 148 об.;

король затѣ твои // пустилъ ти помочь [1151], 157;

с тобою могу быти, ∇ а с братомъ твоимъ Гюргемъ // не оуправити ми естъ [1150], 145;

и в Роуской землѣ части // просиль еси оу мене [1196], 240 об.;

въ сѣ браѣмъ своимъ // готова есѣвъ въ хрѣтьномъ ѹблованы [1149], 136 об.

Также с энклитикой сѧ: [д]а [и]н[е]х[о] д[е]в[а]те гривено // *осталосѧ* 436.

Характерный частный случай здесь составляет актантная группа, где имеются однородные члены (обычно они соединены сочинительным союзом). Примеры:

а волости Стѣславли и Игоревѣ // дасть ва есмь [1147], 127 об.;

брате и сватѣ, // ѿчиноу нашу и хлѣбъ нашъ // взаль еси [1196], 240;

Роускы дѣла земла и хрѣтьянъ дѣла // поѣди же оу свои Переяславъ и в Коурескѣ [1151], 156;

ѿѹю моему и своему брату // поклонишисѧ Изаславу [1150], 148 (охват сказуемого);

вы есте по мнѣ из Рускы земли вышли, ∇ своихъ селъ и своихъ жизни // лишишѧ [1150], 149.

Полезно отметить в этой связи совершенно так же построенные квази-клаузы (а именно, те, что начинаются в точке первого барьера) во фразах:

но ѡбаче, ѿѹе, // твои щить и мои // не розно еста [1150], 148;

ныѣ же, браѣ, // хрѣтьянъ дѣла и всекѣ Роуской земли // оумиришѧ [1148], 133 об.;

но здѣ пакы // моеи снось а твои женѣ // оудолжилосѧ [1150], 148.

Заключительные замечания о барьерах

§ 2.19. Как видно из предшествующего разбора, в образцовых памятниках в безусловном большинстве случаев, где позиция энклитики предполагает наличие ритмико-синтаксического барьера, появление этого барьера легко объясняется какими-то из названных выше семантических и/или синтаксических факторов, то есть понятно, почему именно отрезок перед данным барьером выделен. Довольно часто барьер возникает в силу одновременного действия нескольких факторов.

³¹ Эллиптическая фраза *сии ли крѣтиць малыи?* 'неужели этот маленький крестик?' ([1152], 166 об.) сюда не относится. Энклитика *ли* просто занимает здесь единственно возможное для нее место: ввиду отсутствия сказуемого (которое лишь подразумевается: 'имеет такую силу') позиция при сказуемом для нее исключена; а ни после *крѣтиць*, ни после *малыи* ее поместить нельзя, поскольку это потребовало бы барьеров внутри актантной группы, что запрещено.

Правда, как уже отмечалось выше, все же есть случаи, где выделение такого отрезка само по себе неочевидно; но свидетельство остального материала позволяет объяснять почти все такие случаи так же, т.е. позволяет предполагать и здесь имевшуюся у автора интенцию выделения.

Конечно, в образцовых памятниках имеются единичные фразы, нарушающие, по крайней мере на первый взгляд, правила о барьерах и месте энклитик. Однако в большинстве случаев при более детальном рассмотрении нарушение оказывается кажущимся. Здесь невозможно заниматься разбором всех трудных и сомнительных случаев; но в этом и нет нужды. См., например, § 1.42, где показано, почему нет никакого нарушения во фразе *брате, // что дѣла еси приѣхать?* Заметим, что нередко видимая неправильность — это просто результат порчи или переделки текста, в частности, ошибки переписчика (случайной или из-за непонимания текста). Например, аномальна фраза: *ты же нынѣ // ни мужа своего еси послать ко братоу своему Рюрикови, и ни своего прихода повѣдаеши емоу, ни моего* [1196], 240. Но слово *еси* переделано в рукописи из *си*, т.е. в тексте стояло *ни мужа своего си*, где никакого нарушения нет (притяжательное *си* постоянно ведет себя как локальная энклитика, см. § 1.9). Аномальна также фраза *продава да бы еси Климѣ* 528п; но в этом месте видны следы правки, и вообще данная грамота принадлежит к числу очень немногих, написанных с большим числом ошибок.

В итоге следует констатировать, что в ранних берестяных грамотах и Киев-Д механизм размещения энклитик, включая механизм барьеров, действует еще почти безупречно.

Вторичная проклиза

§ 2.20. Примеры вторичной проклизы (§ 0.2, 1.38) приводились выше при разборе фраз разных категорий; но при этом они, естественно, были распылены. Целесообразно рассмотреть эту проблему отдельно, учитывая всю совокупность таких примеров.

Перечень единиц, допускающих вторичную проклизу, т.е. полупроклитик, см. в § 1.38.

Частота случаев вторичной проклизы зависит от характера памятника и от хронологии. Ниже показано, каков в образцовых памятниках процент случаев вторичной проклизы у полупроклитик (от общего числа их употреблений в начальной позиции). Эта величина оценена нами по максимуму, т.е. включены в подсчет даже неоднозначные примеры. Слово *се* (в тех функциях, в которых оно является полупроклитикой, см. § 1.38) дает показатели, сходные с союзами, поэтому в данном подсчете оно присоединено к рубрике союзов.

Вторичная проклиза в образцовых памятниках

	Ранние берестяные грамоты	Киев-Д	Поздние берестяные грамоты
Местоименные слова	0%	13%	21%
Союзы и <i>се</i>	13%	29%	27%

Как ясно показывают берестяные грамоты, эта частота со временем растет, причем у союзов проклитическое употребление возникает раньше и представлено в целом существенно шире.

Рост частоты вторичной проклизы во времени есть не что иное как один из аспектов общей тенденции к постепенному увеличению числа случаев постпозиции энклитик. В самом деле, например, проклиза слова *ать* во фразе *ать са бьемъ* дает фразу *ать° бьемса*, т.е. порождает лишний пример постпозиции *са*.

В книжных памятниках общая тенденция к постпозиции энклитик проявляется в древнерусский период существенно сильнее, чем в не книжных.

Таким образом, разница показателей ранних и поздних берестяных грамот, демонстрируемая приведенной таблицей, объясняется просто хронологией. А разницу между Киев-Д и ранними берестяными грамотами, очевидно, следует объяснять тем, что в Киев-Д, в отличие от берестяных грамот, все же имеется некоторый (пусть небольшой) элемент книжности. (Какую-то роль здесь мог играть также эффект переписки в XV в., но скорее всего довольно незначительную.)

§ 2.21. Рассмотрим вначале материал ранних берестяных грамот.

Местоименные энклиномены. Все имеющиеся примеры (их более трех десятков) указывают на полноударный статус слов данной категории. Иллюстрации:

- а а са имо потешоу* 705;
- да азъ ти тоу съжоу* 902;
- а азо ти са отпачъ* 829;
- азо ти олово попродае* 439;
- а азо ти на поуту* 436;
- ты же ма и потени* 531;
- то еси ты повѣдалъ ...* 336;
- то си хота мѣльви* 605;
- кетъ ти бъръже поидеть въ гъръдъ* 891;
- кото ли на ма тажоу дьет[ъ]* 831;
- а цето ти са остало суца, то остави ести* Ст. Р. 30;
- а ци цето ти товара надобе, а то восолоу* 624;
- такое еси возложило то слово* 531;
- какое еси возложило пороукоу* 531;
- какое жь еста торговала, тако жь ...* 510;
- какое ти было а Ивана аль* 502;
- какое ти взмолвить* 502.

Союзы. Норму составляет полноударное употребление (28 примеров). Иллюстрации:

- аже ми са поцьньши насмихати* 752;
- аже бы ти годьнъ* 752;
- аже ти возмоллови Коснатино* 531;
- ажь ти хъта жьдати* 723;
- ажь бы ты д(о)бромъ жила (съ) братом...* 487;

оже еси забыле моего добродѣяния 627;

оже же еси продала Ст. Р. 8;

оже ли не присълѣши 915;

оже ма татьмо [н]оставили 222;

[оже] ны кси холопы нарек[т]а 400;

оже ти не возало Матее капи 439;

а[ч]е ли ти, брат[ь]е, вины л[ю]дѣ на ма не ищѣ[тъ] 724;

а ты, // атче еси не възаль коунъ техъ ... 109;

ако то есмы выдали Мѣзо... 872;

или ти тажа, а поеди во городо 112;

ать ти видѣло ... 502.

Проклитическое употребление встречается сравнительно редко, например: ако° ('как') ты си мловила емѣ 731. В ряде случаев (отмечаемых знаком /, см. § 1.38), например: а Бѣ за мѣздою, ∇ или / ладивь^са 549; али / чимо есемо виновата, а восоли отроко 644 — представлен либо такой же эффект, либо барьер.

В целом данные ранних берестяных грамот позволяют предполагать, что в древнейшем состоянии языка вторичной проклитизы еще просто не было.

§ 2.22. Обратимся к материалу Киев-Д.

Местоименные энклитомы.

Безусловной нормой является полноударное употребление (более 150 примеров).

Примеры фраз с личными местоимениями 1-го и 2-го лица в И. падеже:

а есмь не ратью пришелъ к вамъ [1155], 174 об.;

я же есмь Гюрга ис Киева выгнать [1150], 147;

а аз ти зде достѣваю [1152], 161;

и азъ ва, брата, являю [1147], 127;

я са тобѣ, брате, кланяю [1151], 156;

а азъ ти са кланяю [1150], 143 об.;

а ты еси нашъ кнѣзь [1159], 177 об.;

ты ма еси, снѣ, самъ позывалъ Киеву [1150], 144 об.;

ты же ми еси ее ѿстоупилъ по волѣ [1195], 236 об.;

азъ оуже бородасть, ∇ а ты са еси родилъ [1151], 155 об.;

ты са, ѿце, не труди [1150], 145;

то ты са прочь, а Изаславъ мою волость пожьжеть [1149], 143 (примечательный пример безглагольной конструкции);

а мы есме к тобѣ хрѣтъ целовали [1149], 136;

мы са в то не дамы [1190], 232;

вы есте людие дѣда моего и ѿца моегъ [1150], 149;

вы бы есте мнѣ повѣдалъ [1187], 228;

а вы ми выдаита, кто ны сваживаетъ [1170], 193 об.;

а вы са не внимаите ни во что же [1150], 149;

а къ са сама оурадивъ [1151], 156;

вы еста ко мнѣ хрѣтъ цѣловала [1148], 133 об.

Случаев проклитического употребления тех же слов гораздо меньше, причем для части примеров возможны и другие просодические интерпретации.

По крайней мере в части таких фраз вторичная проклiza начального слова дает эффект выделения следующего за ним слова, например: *азъ° Изаславъ есмь* *кнзъ вашъ* [1151], 158 об. (§ 1.38; см. там же другие примеры этого рода).

В ряде других фраз местоимение тоже почти наверняка употреблено проклитически, но выделено ли здесь следующее слово, неясно:

ты° мнѣ еси *яко ѿѣ* [1151], 156;

вы° намѣ есте *въ ѿца мѣсто* [1149], 141;

и вы° мнѣ есте *рекли* [1147], 128;

накы ли, // я° възму вы *на щитъ* [1150], 151 об.;

ты° надѣишася бѣжати *в половицѣ* [1139], 112;

се брате, снѣ мои, // вы° прислалиса есте *ко мнѣ* [1148], 135.

Есть также фразы, где позиция энклитик может объясняться либо наличием барьера, либо вторичной проклizой начального слова (что отмечается знаком /), причем для надежного выбора между этими двумя возможностями нет данных. Примеры:

а я / готовъ есмь *самъ полкы своими* [1149], 140;

а Гюрги мнѣ братъ есть, но *моложи мене*, ∇ *а я / старъ есмь* [1151], 155;

а азъ / не радуюсѧ ѿ погыбели его [1155], 175 об. (см. об этой фразе § 2.12);

а како ты вгадаеши, ∇ *а азъ / в томъ // готовъ есмь* [1148], 133 об.;

азъ / про тебе же // с нимъ есмь *не добръ* [1196], 241;

вы / того // до сыти есте *молвили* [1152], 166 об.;

и мы / без нѣх // коушаймса *на вежахъ ихъ оударити* [1183], 221 об.

У прочих местоименных энклитоменов: *то, что, кто, како, тако* — ударное употребление господствует еще прочнее. Примеры:

то ны собѣ *на спение* [1147], 127;

и то ми еси *молвить* [1151], 155 об.;

чего еста хотѣла волости, ∇ *то ва есмь* *изискаль* [1146], 124;

и кто та *позваль?* [1154], 169;

но кто ми *ворогъ, на того возю* [1150], 149;

кто ли *не имѣть коня, а в лодыи* [1147], 128;

и что есми *взали твоего, а то ти* *възворотимъ* [1147], 126;

что си *оусунуль за плече* [1152], 167;

аѣ вси видимъ по мѣсту, ∇ *што ны Бѣ* *явить* [1151], 153;

по што еси *приѣхаль?* [1154], 168 об./169;

како та *могу, ятры, пустити?* [1171], 195 об.;

а како са *с нимъ оулазю* [1148], 134 об.;

а како ны *с ними Бѣ* *росоудитъ* [1147], 131;

како бы ны *взати бродъ Зарубьскыи* [1151], 154;

да како ю *с нимъ оудержишь* [1195], 236;

како есѣ *рекла, тако же на и даи Бѣ* *быти по мѣсту* [1151], 152 об.;

такое ми *вошло во оуши* [1147], 127;

въ правдоу ли идеши, ∇ *а тако же ми* *яви* [1149], 136 об.

Случаев проклитического употребления тут совсем мало:

а что° оумыслилъ еси, *а тоє дѣи* [1172], 203 об.;

аѣ вси по мѣсту видимъ, ∇ *што° явить ны Бѣ* [1151], 153 (ср. другой порядок слов в аналогичном примере, приведенном выше):

так^о нарекли ма есте собѣ отцемъ [1172], 201 об.;
да како^о жаль ми башеть на Игоря [1185], 225.

Союзы.

Разные союзы ведут себя в Киев-Д неодинаково. Союзы *ать, зане, занеже, или, любо, поне* в полноударной роли встретились всего несколько раз:

ать ми са добро с ними ѿ^т силы мирити [1149], 137 об./138;

ать ми будетъ ту сѣдачи добро слати в Галичъ [1172], 201;

зане есте людие милии ѿцю моему [1157], 174 об.;

браѣ, Всеволода есми имѣлъ въ правду брата старишаго, ∇ занеже ми
братъ и зать [1146], 119 об.

В основном эти союзы употребляются проклитически. По-видимому, это определяется тем, что за союзами с данным кругом значений ('чтобы', 'потому что', 'или') обычно следует слово, выделенное по смыслу (что дает эффект, описанный в § 1.38), например:

но повели, княже, ∇ ать^о посѣкутъ ѿ ('их') [1172], 200 об.;

ту же и ты стани, ∇ ать^о добро на ѿ всѣмъ гадати [1152], 161 об.;

зане^о боленъ есми велии [1152], 162;

зане^о ты еси старѣи на^о Володимирихъ вноуцѣхъ [1148], 134;

не буде^т Костантинъ въ митропольи, ∇ зане^о клал ми ѿца [1159], 180;

тобѣ въздати слово ѿ томъ к Бу, ∇ занеже^о възборони ми ѿ постриженни
[1168], 189;

да или поѣдете борзо, ∇ или^о возворотиса домовъ [1185], 223 об.;

доколѣ // любо^о оуладимса вси, или^о не оуладимса вси [1196], 239.

Но есть и фразы, где трудно установить, есть ли эффект выделения второго слова, например:

ать^о мы са бьемъ сами съ Изаславомъ [1153], 168;

ать^о въ са тѣмъ подиливъ [1151], 160 об.;

понѣ^о ты са с людми оутвердилъ будещи [1154], 170 об.

Только в проклитическом употреблении в Киев-Д встретилось *тоти*, например: *тоти^о оуже еси* съступилъ крѣтного цѣлованиа [1152], 166;

тоти^о Изаславъ ма тѣмъ приобидилъ [1151], 155 об.

Напротив, у союзов *аже, оже, аче, нако* (не в изъяснительном значении) господствует полноударное употребление. Примеры:

аже са оуже тако оучинило [1147], 130;

ажь ми са оуже молить [1195], 237;

аже бы лиха хотѣлъ [1140], [113 об.];

аже еси съ сакыми рѣчьми прислать [1174], 203 об.;

ѡже ми, ѡче, того ѡдаси ты [1150], 151 об.;

но ѡже бы оуправиль бра^т на^ш Стѣславъ [1149], 136 об.;

Бѣ вы помози, ∇ ѡже ми са есте яли помогати [1149], 140;

а то ми былъ Бѣ далъ, ∇ ѡже *са есте* сами зажгли [1140], 113 об.;

аче ти ма оубити споу на семь мѣстѣ, а оубиш, а на не ѡдоу [1150], 144 об.;

аче ти са полки иструдать [1149], 140;

аче на буде^т которыи радъ [1151], 152;

аче ны са и (с) дѣтьми бити за та [1159], 177;
аче есмь тогды не былъ надѣ браѣмъ своимъ [1154], 169;
яко ('как') ти есмь крѣть цѣловаль [1189], 230;
яко ('как') же ны естъ любилъ ѿцѣ твои [1159], 179 об.

Проклитическое употребление встречается приблизительно в 10 раз реже. Оно представлено прежде всего в нескольких фразах с явным эффектом выделения следующего за союзом слова (§ 1.38), в частности:

ѡже° ѿцѣ та приѡбидить и волости ти не дать, ѡзь же та приахъ въ правду [1149], 135 об./136;

ны^н же, // аче° ѿцѣ ти волости не дать, а ѡзь ти даю [1148], 134.

Такой же эффект, возможно, присутствовал во фразе: *сѣу, Бѣ ти помози, ∇ ѡже° на мене еси чѣть възложилъ* [1150], 151 об. (если на мене здесь понималось как 'именно на меня').

Пример из числа прочих случаев: *brate, // аже° зовоуть та съ честию, иди* [1178], 214.

Отметим также фразу *нѣ^н же, ѡче, // ѡсе° даю ти Киевъ* [1150], 151 об., где, по-видимому, подобно союзам *оже, аже, аче* ведет себя частица *осе* 'вот' (надежно выявить ее акцентные свойства не удастся ввиду ее редкости).

ПАМЯТНИК КНИЖНОГО ТИПА — ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ

§ 2.23. Чтобы продемонстрировать контраст (в отношении энклитик) между двумя типами памятников, рассмотрим более подробно памятник, который можно считать образцом древнерусской книжной письменности, — Житие Феодосия (по Успенскому сборнику).

Этот памятник, созданный Нестором, очевидно, в начале XII в. и дошедший до нас в списке не позднее конца XII – начала XIII в., относится тем самым к той же эпохе, что ранние берестяные грамоты. Таким образом, все различия между ним и этими грамотами определяются только типом языка, но не хронологией.

Напомним, что при разборе как этого, так и других книжных памятников цитаты из Евангелия и Псалтири при анализе в расчет не принимаются.

Ссылки даются на листы Успенского сборника.

Повторять разбор семантических факторов возникновения барьеров в данном случае нет нужды, поскольку они везде одинаковы. Рассмотрим только синтаксическую сторону вопроса.

Тривиальный случай — фразы с начальным сказуемым — опускаем.

Набор свободных проклитико-энклитических комплексов, представленный в Житии Феодосия, имеет весьма характерный для книжных памятников вид: *не же, не бо, ни же, ни бо, ни ли, то же, се бо, да бы, да са, да си, да и;* примеры соответствующих фраз см. в § 1.41. К этому списку, возможно, следует отнести также *не бы* и *не быхъ*; но не исключено также, что здесь *бы* еще функционировало как полноударная словоформа, ср., например, *яко аще не бы Гѣ помогъ ми* 44а, где вполне допустима именно такая трактовка.

В памятнике отмечено несколько фраз с начальным вспомогательным глаголом. Никаких особенностей, которые отличали бы поведение энклитик в этих фразах от основного массива фраз, не наблюдается. Примеры:

не бѣ бо никомѣ же о томъ възвѣститъ 48б;
и нѣсть бо ти лѣно, отрокоу соущю, таковааго дѣла дѣлати 29в;
бѣ бо оуже лице кѣго // изменило са 32в.

Дальнейший разбор следует проводить отдельно для сильных и слабых энклитик.

Сильные энклитики ведут себя в Житии Феодосия практически так же, как в образцовых памятниках, т.е. стоят в главной вакернагелевской позиции.

Характерные примеры:

и отъ ярости же и гнѣва ... 28г;
по лѣтѣ же кдиноу ... 29г;
то бoudеть ли сице на оноу свѣтѣ? 60а;
кгда же ли пакы кого слышааше бесѣдоуща 38г;
тѣгда же бо слышавъ о блженѣмъ Антонии ... 31б;
прикосноу бо ся кѣмъ слово Гне 33в;
нѣ сице сътворишѣ, ∇ да азъ ти лѣгоу на возѣ 43б;
и кгда ти оумроу, ты же погребеши тѣло мое 32г;
сице бо ти бѣ тѣцаникъ къ Богу блаженааго и доуховнааго оца нашего Феодосия 42в (в трех последних примерах ти — частица).

Также с разделением энклитик:

онъ же // съверже ю долоу 34б;
и о семь же // молю вы и заклинаю 63в;
кто бо // не почюдитъ са оубо блженуоумоу семоу? 38а;
чѣрноризьче, // се бо ты по вса дни // пороздѣнь кси 43б;
аще бо и тѣлѣмъ // ѿлоучихъ са ѿ васъ 65б;
къ томоу бо поути // не приближають са зми лоукавыи 39в;
да бы ни кдинъ ѿ стада кѣго // ѿлоучилъ са 50б;
и акы^о о камыкѣ бо // приразивъше са, ѡскакахоу 61б.

Сильных энклитик в позиции правее факультативного барьера не отмечено вообще.

§ 2.24. Что касается слабых энклитик в Житии Феодосия, то здесь обнаруживается заметное различие между энклитиками ранга 6 (ми, ти и т.д.) и энклитиками рангов 7 и 8 (ма, та, са и т.д. и связками). Первые проявляют свой промежуточный по силе характер (см. § 1.20), а именно, ведут себя до некоторой степени сходно с сильными энклитиками, тогда как вторые отличаются от сильных энклитик очень резко.

Ниже примеры с аористом и имперфектом даются в общем ряду фраз с личными формами. Супин не упоминается, поскольку соответствующего материала в памятнике нет.

В приводимых примерах подчеркиваем только слабые энклитики.

Барьеров не обозначаем (за исключением некоторых особых случаев), поскольку для памятника данного типа проблема барьеров, по-видимому, решалась существенно иначе, чем для живой речи (см. об этом ниже, § 2.25).

Рассмотрим вначале энклитики ранга 6, т. е. местоимения Д. падежа. В простых клаузах преобладает препозиция энклитики (правда, материал здесь невелик). Примеры:

въроу ми ими чадо, яко мощьнъ ксть Бѣ 54г;
то истинноу ти глго 32г;
се бо сама сѧ погоублю предъ двѣрьми пещеры сѧ, ∇ аще ми не покажеши кго 32в;

яко аще быша ми възвѣстили оца въставша ѿ мъртвыхъ ... 60а;
еи, чадо, боудеть ти, ∇ яко же ти сѧ обѣща аплѣ 46б;
и сѧ ти приведохъ, съблюдохъ чисты и непорочны 27в;
много же си жалю кго ради 32б;
не рачить ми кго явити 32б.

Примеры болес редких фраз с постпозицией:

нъ се нынѣ глго ти 48а;
нъ обаче молю ти сѧ, владыко мои 62б;
тъкмо же да вижю си сѧ своего 32б;
яко же яви ми Гѣ въ постынокъ врѣма 62г;
ако же хотѣти ми бѣжати отъ мѣста того 44а;
се нынѣ посла ма извѣстити ти 46а;
оному съповѣдающую ми ... 33б.

В многоактантных клаузах, напротив, редкостью является препозиция, как во фразах:

тѣмъ же юлико ми велиши сътворити, сътворю 31в;
и ѿселѣ не имоуть ти никогѣ же пакости створити лоукавиши бѣси 44в.

В остальных случаях представлена постпозиция, например:

и кгда пакы Гѣ Бѣ повелить ми отъ свѣта сего преставити сѧ 46а;
и се пакы тѣ же чѣрньцѣ Иларионѣ съповѣда ми 44г;
яко же отъ того часа не боати ми сѧ ихъ 44б;
яко сѧ по прошению твоѣмоу боудеть ти 46а;
аще предъ очима моима являхоуть ми сѧ 44б.

Тяжелых клауз отмечено всего четыре, и во всех ми стоит в препозиции. Две из них построены вполне правильно:

яко многоу ми пакость творяхоу въ келии зѣли бѣси 44б;
тѣгда разоумѣите, ∇ яко далече ми Бѣ быти 64а.

Но в двух других ми в нарушение общего правила стоит после неодночленной актантной группы (см. § 1.42):

свършеникъ же глѣ ми оукажеть сѧ 33б (разделение энклитик того типа, о котором см. в § 5.4 по поводу фразы сему ли вкушению сѧ кси оудивитѣ);
вѣдите, яко близъ владыкы нбѣснаго ми соущю 63г.

Перейдем к энклитикам рангов 7 и 8, т. е. к местоимениям В. падежа и связкам. В Житии Феодосия они по своему поведению разительно отличаются не только от сильных энклитик, но даже и от энклитик ранга 6.

Приводимые ниже примеры подразделены на те же классы, что при разборе образцовых памятников. Но это делается лишь для удобства сравнения с этими памятниками. Никаких статистически значимых различий между этими клас-

сами в данном случае нет — везде представлено безусловное господство постпозиции энклитик при наличии лишь единичных случаев препозиции.

Обратимся прежде всего к простым клаузам.

Начальное местоименное слово. Примеры:

и ты съблюди ны 55в;

да азъ поставлю ц вамъ въ себе мѣсто игоумена 62г;

и тѣ избавить та ѿ печали тоа 61г;

да въ нки же ксмѣ одежи нынѣ, ∇ въ тои да положите ма тако въ пещерь 63в;

и тако ѿпусти я 63а;

се слышавъ, ∇ онъ оужасе са ѿ проповѣдани прѣбывааго 48б;

и того боите са 63б;

томуоу роугахоутъ са 61б;

сихъ възгноушаимъ са 39б;

и тако оустрьми ся къ Кыѣвоу городу 31а;

и кѣже обѣцалъ кси дати стѣи Бѣи ... 48б.

Также с разделением энклитик (со слабыми энклитиками в постпозиции), например:

онъ же съверже ю долоу 34б;

по сихъ же моляшети ц стѣи Θεодоси 41г;

и о семь же молю вы и заклинаю 63в;

се бо мьнитъ са намъ привидѣникъ бысть въ цркви 47а.

Препозиция энклитики представлена только в нескольких фразах со связкой, в частности:

въ свѣтѣ томъ, ∇ кѣже кси оуготовалъ правѣдникомъ 46а;

онъ же отвѣща, ∇ яко «азъ ксмѣ князь» 40в.

Что касается фразы *се бо // сама ся погоублю предъ двѣрьми пещеры сеа* 32в (с оборотом *самъ са* 'сам себя'), см. § 1.31.

Начальный союз. Примеры:

аще надѣмъ са на нь въсьмъ срдцьмъ 50в;

глы, яко «аще възвращаю са съдравъ въ домъ свои ...» 47г;

иди и съмотри истѣк, ∇ еда остало са или мало чѣто ѿ нкого боудеть 53г/54а;

дондеже трюднаше са 43б;

также с разделением энклитик, например:

и яко же изволи са кмоу о мнѣ, тако да сътворить 62в;

и кгда же въздрѣмаше ся 43б.

С препозицией встретились только:

боудеть ти, ∇ яко же ти ся обѣща ангѣль 46б;

яко же к лѣпо болгаромъ 34б;

яко же к лѣпо кылазю 59б.

Начальное знаменательное слово. Примеры:

и Гѣ оуслыша я 34г;

Бѣ да блгословить та, брате 48г;

и стадо разидеть ся 28г;
 и съ слъзми молаше ся Боу 65в;
 да съ мольбою възвратить ся възпять 34а;
 и съ пекоуцими веселяше ся дхъмь 42б;
 ни въ одежю облече ся 34г;
 нъ цркви оустрьмиша ся 46в;
 явлениємъ ѿкры ся 55г;
 и любьзно цѣлова я 28в;
 и малы просльзи си 60а;
 ѣла ки, яко «много молихы и ...» 32б;
 и тоу остризи ся 32г;
 ти тѣгда възвратиши ся въ пещероу сию 32г;
 аще тако ксть, ∇ то оуже не бою ся 64б;
 и абиѣ оустрьми ся по нъ 30а;
 николи же не отъчаи ся 45б.

Также с разделением энклитик:

стыи же молаше я 28в;
 Никонъ же възврати ся възпять 41г;
 отъ земля бо възать ся цркы 47б;
 зѣло же люблящети и богодѣхновеныи Феодосии 41г;
 обаче же надѣю ся на Бѣ 50б/в;
 тѣмко же да не отълоучаи ся мене 32г.

С препозицией энклитики не вызывающих сомнения примеров в этом классе просто нет. Отметим квази-клаузу в составе фразы: *се бо о семь // вельми ся радѣю, братиѣ* 58г.

Подчиненный инфинитив. Примеры:

то аще хоцещи видѣти мѧ по всѧ дѣи 32г;
 яко же соудиши то оувѣдѣвшю, ∇ большимъ начатъ любити и 30б;
 и повелѣ великому Никоноу острѣици и 31в;
 и отътолѣ нача оставати ся кго 29г;
 и хотѧща острѣици ся въ кдиноу ѿ монастыревъ 32а;
 ни въ одежю рачить облѣици ся 34г;
 и молахоуть и не соупротивити ся кмоу 58г.

С препозицией встретились только:

на заточениѣ хочетъ тѧ посълати 58г;
 яко на поточениѣ хочетъ тѧ посълати князь 65б.

Деспричастие. Примеры:

и много поучивъ ю 33б;
 и любьзно цѣловавъ и 35а;
 яко птица ис проугла истъргъши ся 35а;
 и зѣло дивѧще ся съмѣреню кго и покореню 36в;
 и мало просльзивъ ся томоу 46б;
 еда како гнѣваѧ ся на мѧ, и не въпоуститиши насъ въ монастырь 59б/в;
 и акы о камыкъ бо приразивъше ся, искакахоу 61б.

Чистых примеров с препозицией нет (см. фразы с участием деепричастия в числе многоактантных и тяжелых).

Собственно причастие. Примеры:

и то же врагоу наоучающую я 29б;

и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я 33б;

и тако многашъды молящую ся кмоу 28в;

оному же общавъшию ся ки не ѡтйти отъ нея 29а;

да бы ѡблудивъшее ся овъча ѿ стада кго възврати въспасть 49в;

никако же некихи ся о оутрѣнимъ дѣе 55б.

С препозицией встречается только фраза с усложненной структурой: *аще бо кѣ и не видѣвъ кѣ, ти слышааше ю бесѣдоющую, ∇ то начинъше мнѣти моужа ю соуца* ('то начинал думать, что это мужчина') 28б.

Многоактантные клаузы. Примеры:

и отътоуда наky пресели ся на инъ хѣлмъ Антонию 35г;

донъдеже наky Гѣ попечеть ся и нами 54г;

нача съ мольбою оувѣщавати и 29а;

также с разделением энклитик, например:

аще бо и тѣлѣмъ ѡлоучихъ ся ѿ вась 65б;

и мы же вельми радоуемъ ся о прихождении твоѣмъ 40г/41а;

яко же и выше рече ся 37в;

и ако же всѣмъ чюдити ся о премоудрости и разоумѣ дѣтища 28а;

яко же тѣмъ тоу прѣселити ся 55г;

и тако же вѣса слоужьба ихъ съ грѣхѣмъ сътворяють ся 49а;

то же аще тако боиши ся мене, то да сътвори волю мою 60б.

С препозицией слабой энклитики только:

и имъ же мѣ бѣ пастоуха створиль 27в;

и наky дѣлѣ ся своѣмъ кѣждо имашеть 36а/б;

самъ чистъ ся творя 39а (заметим, что в последних двух фразах несомненно наличествует барьер после первой тактовой группы: *и наky // дѣлѣ ся своѣмъ кѣждо имашеть; самъ // чистъ ся творя*).

Тяжелые клаузы. Примеры:

и своимъ ногама попираиеть ю въ катѣ 34б;

и ѿ всѣхъ печалии ихъ избавить я 34г;

раби и рабыни плакахоуть ся гѣа свогго 35а;

да проскоуры чисты приносятъ ся въ цркъвь Бжїю 29б;

много зѣла створи ся въ земли тои 34а;

всѣхъ благыхъ мира сего испълни ся домъ мои 48в;

о сеи одежи хоудѣ мнози несмыслѣнии роугахоу ся кмоу 43а;

также с разделением энклитик, например:

блжєныи же Θεωδοσιѣ на прѣвыи подвигъ възврати ся 29а;

къ томоу бо поутѣ не приближають ся змиѣ лоукавыи 39в.

С препозицией слабой энклитики только:

сѣмѣряше ся, ∇ послѣдънии ся всѣхъ творя и слоужьбъникъ 42г;

сѣмѣряше ся, ∇ мнѣши всѣхъ ся творя и всѣмъ слоужа 36г (мнѣши всѣхъ,

по-видимому, слилось в единую тактовую группу, см. § 1.42).

§ 2.25. Мы можем теперь непосредственно сопоставить коэффициенты препозиции энклитик двух древнерусских памятников, являющихся наиболее яркими представителями соответственно некнижного и книжного типа.

Сравнение коэффициентов препозиции энклитик в Киев-Д и Феод.

	Киев-Д	Феод.
Сильные энклитики: <i>же, ли, бо, ти₁, бы</i>	96,3%	100%
Энклитики ранга 6: <i>ми, ти₂</i> и прочие	91%	53%
Энклитики ранга 7: <i>ма, та</i> и прочие, кроме <i>са</i>	79%	12%
Энклитика ранга 7 <i>са</i>	64%	3%
Энклитики ранга 8: связки (1-го и 2-го лица)	84%	4/9

Как можно видеть, различие в поведении энклитик между некнижными и книжными памятниками проявляется только в сфере слабых энклитик.

Так, энклитики ранга 6 в Киев-Д выступают в препозиции почти столь же часто, как сильные, а в Феод. — вдвое реже.

Но особенно резкое различие проявляется в ранге 7: основная группа энклитик этого ранга в Феод. выступает в препозиции в шесть с половиной раз реже, чем в Киев-Д, а энклитика *са* — даже в 21 раз реже.

В ранге 8 различие тоже велико; правда, для точной оценки в Феод. недостаточно материала — всего 9 примеров (поэтому в таблице не выписана цифра процентов, так как здесь она малопоказательна). Но можно в данном случае использовать в качестве образца другой памятник ярко выраженного книжного характера — старославянскую Синайскую псалтирь. В ней коэффициент препозиции энклитик ранга 8 составляет 9%.

Чем же объяснить все эти массовые отклонения от закона Вакернагеля в Житии Феодосия и других книжных памятниках?

Некоторые из приведенных выше примеров можно было бы попытаться объяснить с помощью вторичной проклитизы; например, в принципе возможно просодически интерпретировать фразу *и ты съблуди ны* как *и ты° съблуди ны*; аналогично *и кже° общахъ кси* и некоторые другие. Но к большинству фраз такое решение неприменимо; так что этим способом можно объяснить лишь очень немногое.

С другой стороны, для объяснения позиции многих слабых энклитик можно было бы предположить наличие соответствующего барьера. В части случаев такой барьер действительно вполне возможен. Но есть и фразы, где он оказался бы крайне неправдоподобным с точки зрения смысла. Например, во фразе *и мы же вельми радуемъ ся о приходе твоемъ* пришлось бы предположить совершенно не оправданный смыслом барьер после *вельми*; во фразе *и тако же вса слоужьба ихъ съ грѣхъмъ сътворяхъ са* — столь же неоправданный барьер после *съ грѣхъмъ*; во фразе *и любзю цѣлова ю* — после *и любзю*.

Поэтому естественно предполагать, что в этих случаях перед нами не странные со смысловой точки зрения барьеры и не аномально частые проявления

вторичной проклизы, а просто несколько иная система устного воспроизведения текста, где слабые энклитики трактуются как полноударные слова и, соответственно, могут занимать во фразе любое место. Очевидно, эта система была в значительной мере искусственной; она не только не соответствовала обычной живой речи, но могла даже, напротив, отталкиваться от нее. При таком способе чтения письменного текста в предельном случае каждое слово произносится четко и отдельно от соседних и получает собственное ударение.

Следует полагать, впрочем, что реальная манера чтения все же не достигала этого предела: в противном случае не было бы уже никакой разницы в поведении сильных и слабых энклитик, тогда как в действительности эта разница сохраняется. Не стирается также разница между энклитиками «промежуточного» ранга 6 и «просто слабых» рангов 7 и 8. По-видимому, манера чтения клитик как полноударных единиц распространялась в первую очередь на «молодые» энклитики, т.е. такие, которые стали энклитиками в народном языке относительно поздно. Их народное произношение могло восприниматься книжником как вульгарная скороговорка, которой следовало противопоставить медленное и четкое «правильное» произношение. Подобным образом, например, ныне педант может подчеркнуто произносить [с'с҃ч'ас] и даже [здра́фствујт'с], отталкиваясь от привычных бытовых аллегровых форм этих слов.

Что касается индивидуально энклитики *са*, которая обнаруживает самый низкий коэффициент преемственности, то для нее следует предполагать, кроме того, книжную тенденцию к более тесному сцеплению ее с глаголом и постепенному закреплению за ней постоянного места непосредственно после глагола. Подробнее этот вопрос рассматривается в главе 4, посвященной именно этой энклитике.

Глава третья

ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИЧЕСКИХ И ПОЛНОУДАРНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ (КРОМЕ СА)

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ЭНКЛИТИЧЕСКИХ И ПОЛНОУДАРНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ

§ 3.1. Характерной особенностью древнерусской системы местоимений является наличие у ряда местоименных словоформ двух просодических вариантов: энклитического и акцентно самостоятельного (полноударного).

У личных местоимений в дательном падеже эта парность представлена только в 1-м и 2-м лицах и выглядит так (первым дается энклитический вариант, вторым — акцентно самостоятельный): *ми* — *мѣнѣ*; *ти* — *тобѣ* (*тебѣ*); *ны* — *намѣ*; *вы* — *вамѣ*; *на* — *нама*; *ва* — *вама*.

У личных местоимений в винительном падеже данное явление представлено во всех трех лицах: *ма* — *мене* (в более позднюю эпоху *мена*); *та* — *тебе* (в более позднюю эпоху *теба*); *ны* — *насъ*; *вы* — *васъ*; *на* — *наю*; *ва* — *ваю*; *и* — *его*; *ю* — *еѣ*; *е* — *его*; *ѣ*, *на* (В.мн.) — *ихъ*; *на*, *и* (В.дв.) — *ею*. Местоимения 3-го лица, входящие в этот список, после предлогов выступают в варианте с *н*-. *нь*, *него*, *ню*, *неѣ* и т. д.

В особом положении находится возвратное местоимение. В дательном падеже в принципе существует пара *си* — *собѣ* (*себѣ*), внешне сходная с *ти* — *тобѣ* (*тебѣ*), однако в древнерусском, в отличие от некоторых других славянских языков, энклитика *си* в своем прямом значении 'себе' употреблялась крайне редко (сохраняясь в основном лишь в своей вторично развившейся роли усилительной частицы, впрочем, тоже сравнительно редкой). Таким образом, в этой паре реально употребительным было только *собѣ* (*себѣ*).

В винительном падеже парность *са* — *себе* (в более позднюю эпоху *себа*) ограничена практически лишь позицией после предлога; например, *за са* и *за себе* значат одно и то же. Что же касается возвратных глаголов, т. е. основной сферы применения *са*, то здесь *са* не равнозначно *себе*. *Са* имеет гораздо более широкий круг функций, чем *себе*. В частности, оно может быть средством передачи пассивного значения (скажем, *посякати са*), может сочетаться с непереходными глаголами (*бѣлѣти са*, *загорѣти са*, *пасти са* 'упасть' и т. п.) или с глаголами, не употребляемыми в простой форме (*болати са*, *сминати са*, *сумыгати са* и т. п.) и др. Во всех этих случаях соответствующее сочетание с *себе* невозможно. Даже там, где, казалось бы, сочетания с *са* и с *себе* должны означать одно и то же, реально практически всегда имеется большее или меньшее различие в значениях; например, не равны по значению *хвалити себе* и *хвалити са*, *называти себе* и *называти са*, *слушати себе* и *слушати са* и т. д.

В вопросе о соотношении словоформ *са* и *себе* весьма показательна также та точка грамматической системы, где в позиции, требующей Р. падежа, уже в глубокой древности было невозможно заменить *са* на *себе* (в данном случае речь идет о *себе* в функции Р. падежа). Такую точку составляют возвратные суффиксы, например, *бить са*. Супин управляет Р., а не В. падежом, следовательно, ожидалось бы **бить себе*. Но реально сохраняется то же *са*, которое выступает при всех прочих формах глагола. Это значит, что пара «глагол + *са*» уже образует тесное единство, где элемент *са* утрачивает свой статус словоформы В. падежа и становится неизменяемым.

Как мы увидим ниже, указанное особое положение энклитики *са* в группе энклитических местоимений привело к тому, что ее эволюция в истории русского языка оказалась резко отличной от прочих местоимений. Поэтому данная энклитика рассматривается в настоящей книге отдельно от остальных — ей посвящена самостоятельная глава 4.

Для чего служит парность энклитического и полноударного вариантов?

Энклитики — это самый простой, обычный способ выразить соответствующее значение. Они употребляются везде, где какая-то особая причина этому не препятствует.

Препятствием здесь служит то, что из-за отсутствия собственного ударения и из-за обязательной постановки на строго определенное место во фразе энклитика в определенных случаях оказывается неудобным или даже просто непригодным средством выражения требуемого значения. Например, с помощью энклитик нельзя выразить смысл 'дал мне и тебе', поскольку сочетание **дать ми и ти* невозможно — оно нарушает закономерности расположения энклитик (а именно, энклитика [в данном случае *ти*] не может стоять после неначейной проклитики). Нельзя выразить смысл 'дал именно мне', так как слово со значением 'мне' в этом случае должно нести ударение, а энклитики безударны. Напротив, акцентно самостоятельные словоформы свободны от указанных ограничений, поэтому они пригодны для построения сколь угодно сложных синтаксических конструкций. Например, совершенно правильным является сочетание *дать мнѣ и тобѣ* или *дать мнѣ* (с фразовым ударением на *мнѣ*).

§ 3.2. Правила распределения энклитических и полноударных вариантов со временем меняются. Даже на протяжении древнерусского периода они не остаются неизменными. Исходя из показаний самых древних и самых консервативных памятников, можно составить картину предполагаемого первоначального состояния энклитических и полноударных местоимений, от которой реальные памятники отклоняются — одни в меньшей, другие в большей степени — в сторону позднейшего состояния.

Ниже излагаются правила для этого реконструируемого первоначального состояния.

В обычном (немаркированном) случае нормой является употребление энклитики. Полноударный вариант употребляется в особых случаях, которые определяются частью синтаксическими, частью семантическими факторами.

А. Синтаксическими причинами употребление полноударных местоимений диктуется в следующих случаях.

1. В начале клаузы или после обращения. Например, невозможно: **ми не надобѣ*; **а нынѣ, кѣнаже, ма пограбили*. Если не менять порядка слов, то возможно только: *мѣнѣ не надобѣ*; *а нынѣ, кѣнаже, мене пограбили*.

2. После предлога (только для местоимений в дательном падеже), например: *къ тобѣ, по мѣнѣ, къ намѣ* (невозможно **къ ти*, **по ми*, **къ ны*). Но для местоимений в винительном падеже такого ограничения нет — вполне нормальны сочетания *на ма, въ та, за са, за ны, на вы, про ма, предѣ та, за нь, по нь, на нѣ* и т. п. (хотя возможны также и *на мене, въ тебе, за него* и т. д.).

3. Когда местоимение соединено сочинительной связью (союзной или бессоюзной) с каким-то другим словом. Например: *дать мѣнѣ и Петру; дать мѣнѣ, тебѣ и имѣ* (невозможно: **дать ми и Петру*; **дать ми, ти и имѣ*).

4. После проклитик *а, и, но, то, не, ни* (понятно, что этот пункт часто совмещается с предыдущим). Например: *а мѣнѣ не надобѣ; виню не васѣ; насѣ найдеть и намѣ съкажеть* (невозможно: **а ми не надобѣ*; **виню не вы*; **насѣ найдеть и ны съкажеть*).

5. При наличии у данного местоимения определения или приложения. Например: *прости мѣнѣ грѣшному; даи намѣ въсѣмѣ* (невозможно: **прости ми грѣшному*; **даи ны въсѣмѣ*).

6. Когда употребление одних лишь энклитик привело бы к появлению в одной тактовой группе двух энклитик одного и того же ранга. Например, смысл 'я должен дать тебе рубль' не может быть выражен в виде **дати ми ти рубль*, поскольку *ми* и *ти* — энклитики одного ранга. По крайней мере одна из этих энклитик должна быть заменена полноударной словоформой, например: *дати ми тобѣ рубль*.

В перечисленных случаях употребление полноударных вариантов практически обязательно. Наблюдаемые отклонения (крайне редкие) почти всегда определяются не малой строгостью правила, а неполным переходом некоторых групп местоимений в статус энклитик. Таковы, например, *ма же приѣмѣ* в Синайской псалтири, *ѣко же и ма възлюбилъ еси* в Маринском ев., *а са его заприть* в ГВНП, № 28 и т. п. (см. § 1.10).

Из прочих случаев мы можем указать только: *а быти ми и мои^м дѣте^м с твоею кнагиною и с твоими дѣтми вездѣ за оди^н* (ДДГ, № 16, 1401–02 гг.); *того ми и мои^м дѣте^м под ними блюсти* (там же).³²

Имеются также случаи, когда замена энклитики на полноударный вариант предпочтительна, но все же не обязательна (продолжаем счет пунктов):

³² В этих двух фразах источник нарушения, по-видимому, лежит в том, что основная мысль здесь выражена в словосочетаниях *а быти ми, того ми* (построенных совершенно правильно), а затем к этой мысли автор добавляет уточнение 'а также и моим детям', выраженное просто словами *и мои^м дѣтми*. Иначе говоря, смысл этих фраз можно было отразить с помощью следующей пунктуации: *а быти ми, и мои^м дѣтми, с твоею кнагиною (...) за оди^н; того ми, и мои^м дѣтми, под ними блюсти*.

7. Когда местоимение стоит непосредственно перед обращением к тому лицу, которое обозначено данным местоимением, например: *въ же пакы тобѣ, брате, молвишь* [1151], 152 об. Возможны, правда, отклонения (как, например, во фразах *а в Ладозу ти, княже, слати осетрыника и медовара* [ГВНП, № 7, 1304–05 гг.], и *изъ ѡ, брата, навляю* [1147], 127); но они редки.

8. Когда местоимение подчинено не сказуемому (выраженному личной формой глагола, инфинитивом или деепричастием), а некоторому имени, собственно причастию или междометию, например: *тѣмъ же приими оуготованыи тебе <бѣ> вънъць* (Феод., 27в/г); *не предаи же звѣремъ дѣла мокна исповѣдающася тебе <бѣ>* (ЖАЮ, 56/в); *оѹе Гѣ нашего Гс Хѣ, прииди на помощь мнѣ* (Феод., 27а); и *биюще подобныи мнѣ лишеники* (ЖАЮ, 37а). Правило соблюдается не всегда, а лишь в большинстве случаев; но для местоимений, стоящих после слов *охъ, увы, горе*, оно действует практически всегда, например, *увы мнѣ, горе тебѣ*.

9. Когда замена энклитики полноударным вариантом позволяет разгрузить многочленный блок энклитик или избежать вклинивания энклитики внутрь тяжелой актантной группы. Например, во фразе *и что сельць тягнуло къ тѣмъ слободамъ, того всего тобѣ съступитися* (ГВНП, № 9, 1307–08 гг.) использование полноударного *тобѣ* позволяет сохранить единство актантной группы *того всего*; ср. фразы типа *а и-Суждальскои (и- = 'из') ти земле Новогорода не рядити* (ГВНП, № 1, 1264 г.), где энклитика *ти* в точном соответствии с законом Вакернагеля разрывает актантную группу *и-Суждальскои земле*. Правило носит отчетливо факультативный характер.

Существуют и некоторые более тонкие случаи, когда для автора оказывается удобной замена энклитики с ее фиксированным местом во фразе на полноударную словоформу, которая может занимать любую позицию, поскольку такая замена оставляет ему больше свободы в выражении его мысли. Но определить их в строгих терминах слишком сложно.

Б. Семантическими причинами употребление полноударных местоимений диктуется в следующих случаях.

1. Когда местоимение участвует в смысловом противопоставлении или сопоставлении, например: *а дала тобѣ, а Нѣжамъ не дала 'я дала тебе, а не Нежате'* 644; *а кодъ ти мнѣ хлѣбъ, тѣ и тобѣ 'а где мне хлеб, там и тебе'* 731; *кто тобѣ ворогъ, тоти и намъ* [1174], 203; *то ци мене еси почтѣть — Бода еси почтѣть* [1150], 152. В этом случае употребление полноударного местоимения обязательно.

2. Когда местоимение несет эмфазу, т.е. оно выделено, подчеркнуто. Пример: *а казни ихъ любо слѣпи, а даи намъ* [1177], 213 об.; здесь *намъ* явно подчеркнуто, именно на нем (а не на глаголе *даи*) лежит фразовое ударение. Когда такая эмфаза действительно есть, употребление полноударного местоимения столь же обязательно, как и в пункте 1. Но, к сожалению, во фразе из древнего памятника мы часто не можем установить наличие или отсутствие эмфазы с такой же надежностью, как в случае противопоставления.

Синтаксические и семантические факторы полноударности часто действуют совместно; например, условие А1 легко сочетается с условием Б2.

Следует отметить также еще один фактор, сверх синтаксических и семантических, который в некоторых случаях может приводить к замене энклитики на полноударный вариант, — стремление избежать опасной омонимии. Такова прежде всего омонимия местоимения *ти* 'тебе' и частицы *ти*. Пример: *ωже са тобѣ што оучишишь, то што намъ дѣяти?* 'если с тобой что-нибудь случится, то что нам делать?' [1153], 168. Если бы автор сказал *ωже ти са што оучишишь* (с энклитическим *ти*), то фразу было бы возможно (и даже более естественно) понять как 'если же что-нибудь случится, то что нам делать?' (где *ти* — частица), то есть важный для автора смысл 'с тобой' вообще пропал бы. Заменяв *ти* на *тобѣ*, автор устраняет эту опасность.

Другие варианты омонимии, которая иногда может оказаться нежелательной, — *ны* (Д.) и *ны* (В.); *вы* (Д.), *вы* (В.) и *вы* (И.).

§ 3.3. Реальные памятники, как уже указано, обычно в той или иной мере отклоняются от первоначальной картины. Но эти отклонения практически всегда направлены в одну сторону, а именно, состоят в том, что в каких-то точках мы находим полноударное местоимение вместо ожидаемой энклитики, но не наоборот. И это вполне логично, потому что таково общее направление эволюции, и памятники просто демонстрируют нам большее или меньшее продвижение по пути от первоначального состояния к современному.

Эта ситуация означает, что в ходе эволюции формируется и постепенно набирает силу новое правило употребления полноударных местоимений. Оно состоит в том, что для их употребления более не требуется никакой эфазы или иных особых условий: они могут теперь выступать в любом контексте.

Обнаруживаемые в памятниках примеры употребления полноударного местоимения за рамками приведенного выше списка случаев объясняются либо тем, что мы не уловили эффекта того или иного пункта основных правил (прежде всего B2 или A9), либо действием указанного нового правила.

Поскольку у нас нет средств надежно отличить первый случай от второго, мы не будем пытаться разделить их при подсчетах, а будем учитывать непосредственно их сумму.

Для дальнейшего нам потребуется выделить «зону обязательного употребления полноударных вариантов» (сокращенно — «зону полноударности»). Она включает прежде всего те употребления местоимений, которые удовлетворяют условию хотя бы одного из пунктов A1–A6, B1. Допуская небольшое огрубление, согласимся, кроме того, включать в нее также и те, которые удовлетворяют условию пункта A7 или A8.

Для характеристики поведения некоторой пары вариантов, например, *ми* – *мыѣ*, в конкретном памятнике необходимо указать:

- 1) общее число (*a*) примеров с *ми*³³;

³³ В это число попадут и те крайне редкие случаи, когда *ми* выступает в зоне полноударности, т.е. вместо ожидаемого *мыѣ*. Это те *ми*, которые в качестве исключения встречаются во фразах, подпадающих под пункты A7, A8 и B1 из § 3.2. Нет смысла пытаться исключить эти случаи из общего подсчета, поскольку точно учесть их чрезвычайно трудно, а в количественном отношении их влияние на итоговые цифры ничтожно.

2) число (*b*) примеров с *мѣнѣ*, не входящих в зону полноударности.

Отношение $a/(a+b)$ назовем коэффициентом энклитичности (данной пары вариантов местоимения).

Если позволить себе некоторое огрубление, то можно сказать, что коэффициент энклитичности — это процент примеров с энклитическим вариантом местоимения из общего числа примеров, где нет условий для обязательного употребления полноударного варианта.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ

Раннедревнерусские памятники

§ 3.4. Ниже в форме таблиц приведены количественные данные, относящиеся к изучаемой группе местоимений, по обследованным нами памятникам. Указан коэффициент энклитичности для форм разных чисел и падежей; в скобках даны соответствующие абсолютные цифры (косая черта равносильна слову «из»). В рубриках, где примеров менее десяти, проценты не выписываются.

Необходимо учитывать, однако, что для изучения местоимений 1-го и 2-го лица годятся лишь памятники со значительным количеством диалогов. Поэтому часть находящихся в поле нашего зрения памятников содержит показательный материал лишь по местоимениям 3-го лица, а по местоимениям 1-го и 2-го лица почти ничего не даст (и в соответствующие сводки просто не включается). Такова, в частности, НПЛ и авторская часть Киевской летописи.

Для раннедревнерусского периода в данном вопросе еще нет необходимости разделять народные и литературные памятники.

Берестяные грамоты там, где это полезно для наглядности, мы подразделяем не просто на ранние и поздние, а более подробно — по векам (XI–XII вв., XIII в. и XIV – 1-я пол. XV в.).

Особая непростая проблема, с которой сталкивается исследователь, подсчитывающий в тексте число словоформ В. падежа, состоит в том, чтобы правильно установить падеж у словоформ с омонимией В. и Р. падежей, а таковы все интересующие нас полноударные местоимения В. падежа: *мене* (*мена*), *тебе* (*теба*), *насъ*, *васъ*, *наю*, *ваю*, *его*, *еѣ*, *ихъ*. Необходимо учитывать, что в древнерусском (и в старославянском) Р., а не В. падеж выступал, в частности, в следующих случаях:

1. При наличии отрицания (обязательно), причем не только при непосредственно подчиняющем слове, но и в любом вышестоящем узле дерева подчинения. Например, во фразе *и не будѣтъ ми лѣтъ к тому въвести тебе съмо николиже* (ЖАЮ, 17а) словоформа *тебе* — это не В., а Р. падеж, поскольку в цепочке подчинения *не будетъ* → *лѣтъ* → *въвести* → *тебе* верхний член имеет при себе отрицание. Тем самым *тебе* не является здесь примером употребления полноударного местоимения вместо энклитики.

2. При супине (обязательно). Например, во фразе *оувидѣвъ, яко послани суть губить кго* (ПВЛ, 46) *кго* — это не В., а Р. падеж.

3. Факультативно при целом ряде глаголов, которые в современном языке уже управляют В. падежом, в частности: *слушати, послушати, слышати, видѣти, ненавидѣти, въпрашати, въспросити, поспѣтити, присѣтити, поманути, забыти*, — не говоря уже о тех, которые и ныне управляют Р. падежом, но допускают и В., в частности: *просити, трѣбовати, искати, жьдати, чапати*. Ср., например, управление в таких фразах, как: *овѣца моя гласа моего слоушашаждѣ, и азъ знаждѣ, и по мнѣ грядждѣ* (Мар., Ио. 10.27); *аще послушаси моего гласа* (Флав., 477в); *незлюбивъ правомъ, криваго ненавидѣ, любя правду* (ПВЛ, 68); *спраненъ бѣхъ и въвѣсте ма, нагъ и одѣсте ма, болѣхъ и поспѣстите мене* (Мар., Мт. 25.36; ср. *ма* при первых двух глаголах и *мене* при последнем); *тогда же Антигонъ прѣвое слѣвы акы забывѣ ...* (Флав., 360б); *в то же верема Ростиславъ Смоленский проси дщери оу Стѣслава оу Олгови* за Романа сѣа своего (Киев. лет. [1148], 134об.); *время бо требоваше слоугы своего* (Киев. лет. [1199], 243).

Правда, в большинстве таких случаев те же глаголы допускают и управление В. падежом. Но понятно, что это недостаточное основание для того, чтобы рассматривать как достоверные примеры новых форм В. падежа местоимений такие фразы, как, например: *жестокое есть слово се, кто можетъ его слоушати* (Мар., Ио. 6.60); *Ростиславъ же послушавъ ихъ, иде Бѣлугороду* (Киев. лет. [1161], 184об.); *Олѣксѣи [кѣ] въспроси 755п; и посла искать брата своего, [и] искавшие его, не обрѣтоша* (ПВЛ, 23 об.) и т.п. Попытки для каждой конкретной фразы такого рода решить в индивидуальном порядке, какой падеж (Р. или В.) здесь представлен, привели бы только к произволу и разнoboю. Поэтому условимся ради сопоставимости результатов разных подсчетов относить все двусмысленные формы местоимений, выступающие при глаголах приведенного списка, к Р. падежу, т.е. интерпретировать их по древней модели.

Практически это означает, что ниже такие фразы в наши подсчеты не включаются. Можно предполагать, что это создаст некоторый незначительный сдвиг всех показателей в сторону большей консервативности; но поскольку этот эффект одинаков для всех памятников, то соотношения между ними остаются неизменными.

Отметим, что, как и в пункте 1, эффект глаголов данного списка может проявляться не только при непосредственном, но и при опосредованном подчинении. Например, во фразе *что мене иштете оубити* (Мар., Ио. 7.19 et alibi), с цепочкой подчинения *иштете → оубити → мене*, Р. падеж словоформы *мене* определяется синтаксическими свойствами глагола *иштете*.

Первое и второе лицо

§ 3.5. Приводим сводную таблицу, демонстрирующую коэффициент энклитичности различных местоимений Д. и В. падежей. Она включает важнейшие древнерусские памятники XI–XIII вв., содержащие (по крайней мере в основных рубриках) удовлетворительное количество материала.

**Коэффициент энклитичности местоимений 1-го и 2-го лица
в памятниках XI–XIII вв.**

	Д. ед. <i>ми~мѣнѣ</i>	Д. ед. <i>ти~тебѣ</i>	В. ед. <i>ма~мене та~тебе</i>	Д. мн. <i>ны~намѣ вы~вамѣ</i>	В. мн. <i>ны~насъ вы~васѣ</i>	Д. дв. <i>на~нама ва~вама</i>	В. дв. <i>на~наю ва~ваю</i>
Бер. гр. XI–XII	98% (40/41)	91% (31/34)	92% (36/39)	0/2	5/6	4/6	0/1
Киев-Д	92% (140/152)	83% (150/181)	91% (174/191)	72% (96/134)	73% (27/37)	72% (23/32)	2/8
Гал.- Волын.	92% (65/71)	89% (48/54)	97% (59/61)	47% (9/19)	64% (14/22)	1/3	0/1
ПВЛ	84% (59/70)	96% (48/50)	98% (140/143)	46% (34/74)	78% (73/93)	0/6	0/4
НПЛ-1	7/7	6/6	7/8	46% (11/24)	25% (3/12)	1/2	—
Даниил	100% (29/29)	3/3	100% (21/21)	7/8	7/8	—	—
ЖАЮ	95% (176/185)	93% (177/190)	95% (148/155)	39% (13/33)	78% (14/18)	—	—
Феод.	98% (40/41)	100% (30/30)	100% (39/39)	0% (0/23)	(8/9)	—	—
Флавий	88% (57/65)	85% (35/41)	89% (78/88)	1% (1/96)	64% (37/58)	1/2	0/6

Из этих цифр видно, что экспансия полноударных местоимений происходила с разной интенсивностью в разных числах: во множественном и двойственном числах она была гораздо активнее, чем в единственном.

Единственное число

В единственном числе все памятники данной группы обнаруживают очень высокий коэффициент энклитичности — от 83 до 100%. Иначе говоря, нормой здесь везде является употребление энклитических вариантов; незначительная разница между памятниками состоит лишь в том, насколько заметна доля новых форм, т. е. полноударных вариантов. Приведем иллюстрации из памятников.

«Хождение» игумена Даниила.

В единственном числе древнее правило соблюдается здесь без единого отклонения (что в особенности примечательно, если учесть, что памятник дошел до нас лишь в списке конца XV в.). Примеры:

и тый ми мужь указѧ все по истинѣ;

тогда князѧ-етъ с радостию повелѣ ми поити с собою и приряди мя къ отрокомъ своимъ;

*и призва мя к себѣ с любовию, и рече ми: «что хоцещи, игумене русьскый?»,
познал мя бже добръ и любил мя велики;*

ни пригоди ми ся видѣти иного зла ничто же;

изми стѧтирѣ и вдай за мя и за сѧ;

молю ти сѧ Бога дѣля и князей дѣля русьскихъ.

Житие Феодосия.

Ситуация почти такая же, как в Дан. Примеры:

повѣсь ми, аще сде ксть снѣ мои 326;

се нынѣ посла ма извѣстити ти 46а;

на заточение хочетъ та послати 58г.

Единственная фраза с полноударным местоимением, не входящим в зону полноударности, — *и се пьсь чьрнь ста предъ мною*, *Ѹ тако же имѣ миѣ не лъзѣ ни поклонити сѧ* 44а. (Напомним, что фразы, где полноударное местоимение подчинено существительному или причастию, не в счет; см. примеры в § 3.2, п. А8.)

Ранние берестяные грамоты.

Примеры фраз, составляющих норму:

а соромѣ ми, оже ми лихо мѣлаше 605;

и покланю ти сѧ, братьче мои 605;

оставили ма были людье 724;

а а та передано святее Богородице 705.

Фраз с полноударными *мѣнѣ*, *тобѣ*, *мене*, *тебе* вместо ожидаемых энклитик совсем мало, причем все они относятся к конечной фазе раннедревнерусского периода. Из них простым результатом действия нового, а не старого правила можно признать только: *боле же за мѣне скота не поустѣ* 550 (посл. треть XII в.); *оуже мене не ехати во Соуждеде* 439 (рубеж XII и XIII вв.). В нескольких других случаях можно предполагать действие дополнительных факторов, способствующих появлению полноударных форм. Таковы, в частности: *только миѣ емати скота* 550 (возможно, что слово *миѣ* здесь следует понимать как подчеркнутое: 'только *мнѣ* должно собирать деньги'); *и позовало мене во погосту*, *и азо прехала* 531 (нач. XIII в.) (здесь имеется такая же возможность); *оце е тобе н[е] годена*, *а попроводи ко мене сестроу* 705 (нач. XIII в.); *ни тоу тобѣ тощѣны вѣкши одоное* 'нет тут тебе убытка ни единой векши' 222 (нач. XIII в.); в последних двух примерах употребление энклитики *ти* (*оце ти е ...*, *ни тоу ти ...*) дало бы фразы, где *ти* естественнее всего было бы понять как частицу, т.е. значение 'тебе' осталось бы невыраженным (см. об этом выше, § 3.2).

Таким образом, в берестяных грамотах XI–XII вв. древнее правило действует еще почти без нарушений.

Киев-Д.

Памятник чрезвычайно богат относящимся к данному вопросу материалом. Открывающаяся в нем картина в целом сходна с ранними берестяными грамотами, но степень продвижения в сторону нового правила несколько больше. Примеры фраз, составляющих норму:

ты ми еси ѿѣъ, а се ти Киевѣ [1150], 145;

идеть на ма Изаславѣ [1147], 132;

кнаже, хотать та нати [1140], 113 об.

Примеры отклонения от этой нормы в сторону нового правила:

ты миѣ еси яко ѿѣъ [1151], 156;

како миѣ сѣѣ брат твои Изаславѣ, тако ми ты [1151], 153 об. (NB употребление *миѣ* и *ми* в одинаковых контекстах);

да аще мене Бѣ поиметь, а сѣна моеѣ прими к собѣ [1152], 162/об.;
а жалоується на мене про тебе [1195], 236;
мы есмы тебе того дѣла позвали ... [1152], 167.

Как и выше, имеются фразы, где не исключена некоторая эмпфаза, например:
аже рать идеѣ из Галича, а друга ѿ Чернигова, ∇ то ты мнѣ Киевѣ даеши [1150], 145 ('то ты мне Киев отдаешь [вместо того, чтобы самому его защищать]);

и стоимъ въ крѣстьномъ цѣлованъи, хотяче добра тобѣ [1174], 202 об.;
а оубивъ мене, а тобѣ волость [1140], 113.

Особо отметим наличие заметного числа фраз, где употребление *тобѣ* вместо *ти* можно связывать с желанием избежать двусмысленности (*ти* 'тебе' или *ти* – частица), например:

поѣди, кѣже, не страпай, ∇ ради есмы тобѣ [1159], 177 (ради *ти* есмы было бы понято просто как 'мы ведь рады');

аналогично — кнаже, мы тобѣ добра хочемъ, за та головы свои съклады-
ваемъ [1178], 213 об.;

ако ни ѿѣѣ того вдаль, ∇ что я тобѣ вдаль [1149], 136 и ряд других.

Сходно с Киев-Д ведут себя и другие ранние летописи, см. таблицу выше.

Житие Андрея Юродивого.

Материал столь же богат, как в Киев-Д. Полноударных вариантов лишь немногим больше, чем в Феод. Примеры фраз, составляющих норму:

хощеши ли ми работати бв;

и възъ ма трепеть С21;

имѣю ти нѣчто добро повѣдати С13 об.;

того хощо послати на та 33г.

Примеры отклонений в сторону нового правила:

и чюдациюса бывшему, ∇ како се са ксть мнѣ створило 11б;

не мози прославити моего лишенья, // ни поставити мнѣ цркви ни иконы С170;

се ти ксмъ прииель к тебѣ, ∇ повѣдати тобѣ хотя ... 42в;

да стыдитиса бы было тобѣ видити женьскоѣ тѣло обнажено 30а;

насылѣ бо ми дѣють, ∇ муча мене лукавствомъ своимъ 58а;

към же образомъ можеша мене ѿвести ѿ свок(я) мысли 22а.

Флавий.

В единственном числе коэффициент энклитичности лишь незначительно ниже, чем в ЖАЮ. Примеры фраз, составляющих норму:

да вѣсть ми ѿвѣтъ за са и за ѿнѣхъ 368б;

Бгѣ ма посла к тобѣ, а ты ма посылаши къ Неронѣ 417б;

и самъ ти са вѣдмъ 362в;

что ли ма оустреми на та 378г.

Примеры отклонений в сторону старого правила:

и безпечалнос житие мнѣ подавање 378в;

и ѿнѣ тогда сего житія ѿхода и призва мене 376г;

да принесѣть на мене всако мѣчепос дѣло 379а;

ω кесарю, сѣ дне^с предаю главою свою тобѣ бóдро 451г;
велии въпиета на та хлѣца, и творѣца тебе нечѣкомъ 377а.

Множественное число

§ 3.6. Во множественном числе картина совсем иная: коэффициент энклитичности здесь практически везде существенно меньше, чем в единственном. При этом в дательном падеже множественного числа он в большинстве памятников намного ниже, чем в винительном.

Дательный падеж

Приводим примеры в виде табличек.

Даниил.

Старые формы — норма	Новые формы — исключение
и не даша <u>ны</u> ити тамо правовѣрнии человѣци, рекоша <u>ны</u> тако: «ничто же <u>вы</u> тамо видѣти добра ...» и ту угоди <u>ны</u> ся ночьюлѣгъ лежати на мѣстѣ том но сказаша <u>ны</u> добръ о горѣ той	но все добро показа <u>намъ</u> Богъ видѣти очима своима (единств. пример)

Киев-Д.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
то <u>ны</u> собѣ на спѣние [1147], 127 жалѣ бо <u>ны</u> естъ, бра ^т нашего держи- ши Игоря [1147], 127 а како <u>ны</u> с ними Бѣ дастъ [1147], 131 об. аже <u>ны</u> не даси, а намъ самѣмъ ω собѣ поискати [1142], 115 возмите оу мене с любовию, ∇ что <u>вы</u> даю [1142], 115 об. а се <u>вы</u> братъ мои Игорь [1146], 118 об. се же <u>вы</u> являю [1147], 128 того <u>вы</u> бра ^т мои не вѣлѣ [1147], 128	даи <u>намъ</u> сѣнь твою, а Стѣслава брата твоего не хотимъ [1140], 114 ωже са с нима начнемъ бити, ∇ то се <u>намъ</u> будутъ первии ворожѣ [1172], 199 азъ, бра ^{те} , моляю <u>вамъ</u> [1150], 150 а азъ <u>вамъ</u> свои княжичъ, а ѡтвори- теса [1157], 174 об.

Житие Андрея Юродивого.

Старые формы — более редкие	Новые формы — преобладающие
того дѣла въздал <u>ны</u> кстѣ Бѣ 86 то бо вѣстъ, что <u>ны</u> кстѣ на ползу 406 не даи <u>вы</u> Бѣ видити ни кѣдиному васъ свѣта 23в	велицанък наше се <u>намъ</u> кстѣ ство- рило 61в и кже нашего кстѣ, ∇ паки вдалъ бы <u>намъ</u> 656

Старые формы — более редкие	Новые формы — преобладающие
	<i>ничтоже оуже <u>намъ</u> не остало есть</i> <i>ѿ твоего лишения С51</i> <i>нъ аще се <u>вамъ</u> есть неоугодно С29</i> <i>он же <u>наже</u> <u>вамъ</u> ксмъ исповѣдаль,</i> <i>сѣдъ нача ми повѣдати 7г</i>

Флавий.

Старые формы — исключение	Новые формы — норма
<i>а великыи кесарь боудеть вы противъ-</i> <i>никъ 354в (единств. пример³⁴)</i>	<i>аще ли прибоуде <u>намъ</u> помощи 419б</i> <i>ничтоже пѣщи сѣхъ не сътворать</i> <i><u>намъ</u> 425а</i> <i>недостойно <u>вамъ</u> встѣвити мене</i> <i>358а</i> <i>Бъ ма посла, да покажю <u>вамъ</u> поуть</i> <i>законныи 383в</i>

Житие Феодосия.

Энклитики Д.мн. *ны* и *вы* здесь не встретились вообще — при 23 фразах, где вместо них выступают *намъ*, *вамъ*, как, например:

нъ се въ сии днь подасть намъ вина до избытька 51б/в;

нако не мощи намъ приблизити са кѣмъ 57в;

кого же постави намъ старѣишиноу и пастоуха 53а;

нъ се намъ подобаѣтъ обличити и глѣти вамъ кѣже на спсѣнии дѣи 59в;

и быти вамъ въ кѣдиномъ тѣлѣ и кѣдинѣмъ дѣхъмъ 63в;

и се вамъ игоумень, кого же сами изволите 63б.

В ранних берестяных грамотах материала слишком мало для каких-либо заключений общего характера. Здесь представлены только:

а не сестра а вами, оже тако дѣлаете, не исправитъ ми ничето же 644;

*се еси въдале землю н[а](мъ) 850 (церковная формула *много же в[ы] тѣта* в грамоте № 503, естественно, не в счет).*

Винительный падеж

В винительном падеже множественного числа новое правило в целом менее активно, чем в дательном.

Приводим примеры тем же способом, что выше.

Житие Феодосия.

Здесь разница между падежами особенно заметна. В отличие от Д.мн., где выступают уже только новые формы, в В.мн. здесь, напротив, новая форма встретилась только один раз (из 9).

³⁴ Пример с *ны* в 472б непадежен (возможно, писец понял это *ны* как В. или просто недописал слово *ныгѣ*).

Старые формы — норма	Новые формы — исключение
и ты съблуди <u>ны</u> и съхрани ѿ всакого съвѣта въселоукаваго врага 55в и съподобѣ <u>ны</u> полоучити въчыною жизнь 55в молю же <u>вы</u> , о възлюблении 26г	Бѣ же иже въса словѣмъ и прѣмудростию сътвори. ∇ тѣ <u>васъ</u> блгослови и сънабѣди ѿ пронирываго без бѣды 63б/в (единств. пример)

Даниил.

Старые формы — норма	Новые формы — исключение
и почестиша <u>ны</u> добръ в селѣ том христиане проводи <u>ны</u> оне до Вифлеема, и та мѣста вся тоже <u>ны</u> проводил	и почестиша <u>нас</u> добръ питием и ядениемъ и всѣм (единств. пример)

Флавий.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
поморилъ <u>ны</u> еси гладомъ 357г и хощетъ предати <u>ны</u> на ѡпоустѣнѣ и на пагоубѣ 361а Бѣгъ наведе на <u>ны</u> рѣмланы 453в онъ же мѣръ ѿ мене не выходитъ, но въ <u>вы</u> не влѣстѣтся 420а и азъ оумроу за <u>вы</u> 446а	тѣ смѣши ли оучити <u>наѣ</u> 383г но приведе на <u>наѣ</u> покрѣвъ нѣчь 474г котораа надежда въздвигаетъ <u>васъ</u> на рѣмланы 403г тѣмъ прѣидеть на <u>васъ</u> пагѣба неиз- реченнаа 384а

Киев-Д.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
а како <u>ны</u> с ними Бѣ росоудитъ [1148], 131 а вы ми выдаита, ∇ кто <u>ны</u> сваживаетъ [1170], 193 об. на <u>ны</u> будетъ тотъ грѣхъ [1128], 109 ѡже <u>ны</u> са не прѣдасте, ∇ дамы <u>вы</u> половцемъ на полонъ [1147], 130 об. ѡже <u>вы</u> ѡбидитъ стрѣи мои Гюрги [1148], 135 пойдите в товары своя, ∇ а ѡпять <u>вы</u> взовоу [1148], 136 об.	ты пересди на сю сторону, ∇ а сде <u>насъ</u> Бѣ росоудитъ [1180], 217 об. ѡко вы начали есте перво <u>насъ</u> гоубити [1135], 110 об. ти что помышляете на <u>насъ</u> [1175], 207 об. кнаже, мы есмы приставлены в Роуской землѣ ѿ Бѣ востагивати <u>васъ</u> ѿ кровопролитѣмъ [1195], 236

Житие Андрея Юродивого.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
не Гь ти осужаѣтъ <u>ны</u> 35а да бы <u>ны</u> избавитъ ѿтудѣ Гь Бѣ 40в да сего дѣла посланъ кѣтъ на <u>ны</u> змии 61в ѣще, яко много <u>вы</u> есмь оучитъ С165 об.	ѿлучаѣши <u>насъ</u> послушаниа Бѣихъ словесъ 26в погружаѣа <u>насъ</u> лѣнностивымъ сномъ 26в и разумъ сѣаго писаниа пролиа на <u>насъ</u> 56в

В ранних берестяных грамотах встретились:

а хотать ны ати въ Омоу съ Вацьшькою 952;

[оже] ны кси холопы нарек[л]а 400;

оправ[ь]и ны Бѣа дѣла 850;

накы ли, да въсадимо вы въ погрьбо 952;

а а за вы Бѣа молю 503.

Словоформа В. падежа *васъ* отмечена только в ненадежно читаемом фрагменте № 878.

Чем могла быть вызвана та значительная разница между Д. мн. и В. мн. в степени распространения новых форм, которая наблюдается во всех памятниках, фигурирующих в таблице из § 3.4, кроме Киев-Д, НПЛ-1 и Дан.?

Можно предполагать, что главным фактором здесь была уникальность того типа падежного синкретизма, который представлен в словоформах *ны*, *вы* (равно как в словоформах двойств. числа *на*, *ва*), а именно, омонимии Д. и В. падежей (осложненной в словоформах *вы* и *ва* еще и омонимией с И.). Нигде более в древнерусской морфологической системе Д. и В. не совпадают.

По-видимому, в этой ситуации возникала тенденция к устранению этой уникальной омонимии. Понятно, что для этого достаточно было заменить словоформы хотя бы одного из двух падежей (Д. или В.); в частности, можно было заменить *ны*, *вы* в функции Д. на *намъ*, *вамъ* и/или *ны*, *вы* в функции В. на *насъ*, *васъ*. Но положение Д. и В. падежей в этом случае было неодинаковым. Гласная *-ы*, на которую оканчиваются словоформы *ны*, *вы*, совпадает с самым частым окончанием словоформ В. мн., но не имеет решительно никаких аналогий среди словоформ Д. мн. (не говоря уже о том, что словоформы *намъ*, *вамъ*, используемые в качестве замены, однозначны, тогда как словоформы *насъ*, *васъ* омонимичны с Р.). Поэтому тенденция к устранению словоформ *ны*, *вы* в функции Д. должна была быть сильнее, чем тенденция к их устранению в функции В.

Таким образом, на общее историческое движение от энклитических *ны*, *вы* (Д. и В.) к полноударным *намъ*, *вамъ* и *насъ*, *васъ* должна была накладываться еще и тенденция к устранению словоформ *ны*, *вы* в функции Д. (более сильная, чем к их устранению в функции В.). Это обстоятельство, вероятно, и послужило к тому, что в Д. падеже данный процесс шел интенсивнее, чем в В.

Двойственное число

§ 3.7. Для двойственного числа материала немного; но ясно, что новое правило действует здесь не менее, а, возможно, даже более активно, чем во множественном.

Заметное количество примеров имеется только в Киев-Д, причем в основном это фразы с Д. дв.

Примеры с местоимениями Д. дв. из Киев-Д

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
<i>а видѣвъ ѡба по мѣстоу, что на Бѣ явить [1147], 130 об.</i>	<i>ако же ты <u>нама</u> еси створить [1151], 152 об.</i>
<i>въ съ брагмъ своимъ готова есѣвъ въ хрѣтномъ цѣлованьи, и того на не даи Бѣ стоупити [1149], 136</i>	<i>сего <u>нама</u> оуже не крѣсити [1151], 158 об.</i>
<i>аче кдѣ на будетъ мочно ѡбѣима ѣхати, а ѡба ѣдевъ [1151], 152</i>	<i>а се <u>нама</u> дать та былъ Бѣ и волость твою по твоеи винѣ [1152], 163</i>
<i>ны^н же, брате, сеѣ весны помози на [1151], 152 об.</i>	<i>азъ <u>вама</u> моляю [1152], 163</i>
<i>а кде на стану, ту же и ты стани, ать добро на ѡ всѣмъ гадати [1152], 161 об.</i>	<i>нынѣ же всако с вама хочю быти ∇ и приаю <u>вама</u> [1147], 132</i>
<i>чего еста хотѣла волости, то <u>ва</u> есмь изискать [1146], 124</i>	
<i>и нязъ <u>ва</u>, брата, являю [1147], 127</i>	
<i>того <u>ва</u> есмь борона и не править себе [1151], 155 об.</i>	

В. дв. в Киев-Д.

Здесь соотношение энклитических и полноударных вариантов внешне выглядит как противоположное тому, что в Д. дв.; но общее число примеров (8) слишком мало. Поскольку в Киев-Д в рубриках Д. мн., В. мн. и Д. дв., где материала существенно больше (см. таблицу в § 3.4), коэффициент энклитичности имеет устойчивый уровень 72–73%, естественно предполагать, что совсем другой показатель (2/8) в рубрике В. дв. есть простая случайность, связанная с недостаточностью материала.

Старые формы представлсны во фразах:

се на, брате, Бѣ искоупилъ оу мѣсто [1147], 131;

ѡже ва Мьстиславъ почнетъ звати на ѡбѣдѣ, то ту ваю натье будетъ [1170], 193 об.

Примеры новых форм:

брате, приятеливе ми повѣдаютъ, ∇ ѡже Мьстиславъ хочетъ наю нати [1170], 193 об.;

можете ли са за наю бити [1149], 139 об.;

бстоупита вы ѡ братоу моею, ∇ азъ ваю надѣлю [1142], 115 об.;

крѣтъ цѣлую к вама, ∇ јако лиха на ваю не замысливъ [1170], 193 об.

В ранних берестяных грамотах встретились:

Д. дв. — *аже ва цѣто надобе, а солита ко монѣ* 422;

и *молю ва сѧ* 725;

[по] *сторовою ва есмы* 950;

а *кето ва не водасте* Ст. Р. 12;

с другой стороны: *а Мѣстѧта сѧ вама поклѧна* 422 (также *ѿ тога ти нама хоце болого* ... 227, если *нама* здесь = 'нам двоим', а не 'процентов, лихвы').

В. дв. — имеется только двусмысленный пример [*се*] *мѣне въ[лоца] въ в[а]ю* 'вот за вас двоих таскают [в суд] меня' 237, где *ваю* — либо В. дв., либо М. дв.

В Флав. в единственном примере с видимостью старой формы (*подѧи же на выхѧд сѣ женѧми и сѣ дѣтѣми* 461в) *на* — это просто недописанное *на^м*, которое читается в других списках. В остальных 7 примерах представлены новые формы, в частности:

и *лоуѣше на́ма бѣжати* далече ѿ лютаго сего *сѣбри* 376а;

и *похвалѣша ва^с, зане избѣрасте на́ю* 465б;

чтѣ сътвористе сѣбѣ, ѡже поста́висте на́ю кесарьствовѧти 465б;

яко лжѡу рѣчь възложи на на́ю 370а.

В ПВЛ энклитических форм двойств. числа нет. Имеется 10 примеров с Д. *нама* и В. *наю*, *ваю*, в частности:

ѡна же рѣста: сице нама б(о)зи молвѧть 60;

ѧще ли на́ю погубиши, многѣ печѧль приимеши и зло 60;

ѧще ва́ю пу́ю, то зло ми будеѣ ѿ Бѧ 60;

Изѧславѣ свѧтитсѧ со Всеславомѣ, мысѧ на на́ю 61 об.

В Феод., Дан. и ЖАЮ примеров, удовлетворяющих требуемым условиям, нет.

Как можно видеть из приведенных выше (§ 3.5–7) примеров, в В. падеже (всех чисел) замена энклитических местоимений на полноударные наблюдается как при прямом подчинении глаголу, так и после предлогов. Насколько позволяет судить имеющийся ограниченный материал, сколько-нибудь заметных различий в скорости протекания данного процесса в этих двух позициях не было.

Третье лицо

§ 3.8. У местоимений третьего лица энклитические формы имелись только в винительном падеже.

Следует специально отметить, что *и*, *ю*, *ѣ*, *на*, входящие в состав словоформ относительного местоимения *иже* (*иже*, *нѣже*, *юже*, *нюже*, *ѣже*, *нѣже*, *наже*, *наже*) энклитиками уже не являются. Соответственно, словоформы местоимения *иже* (как названные здесь, так и прочие, например, *егоже*, *еѣже*, *ихѣже*) ниже в рассмотрении не входят и в подсчеты не включаются.

Картина замены энклитик на полноударные варианты в третьем лице несколько иная, чем в первом и втором.

**Коэффициент энклитичности местоимений 3-го лица
в памятниках XI–XIII вв.**

	В. ед. муж.		В. ед. жен.		В. мн. муж., жен.	
	<i>и-его</i>	<i>нѣ-него</i>	<i>ю-сь</i>	<i>ю-нѣсь</i>	<i>ѣ-ихъ</i>	<i>нѣ-нихъ</i>
<i>Основная группа</i>						
Ранн. бер. грам.	3/4	2/2	7/7		-	-
Киев-Д	77% (17/22)	100% (20/20)	3/3		4/5	3/3
Киев. лет. (автор.)	83% (172/208)	95% (54/57)	100% (26/26)	5/5	90% (109/121)	74% (31/42)
Гал.-Волын.	80% (≈95/119)	92% (35/38)	100% (24/24)	2/2	86% (60/70)	84% (49/58)
ПВЛ	93% (177/191)	100% (41/41)	100% (32/32)	3/3	96% (110/115)	92% (11/12)
НПЛ-1	84% (58/69)	100% (10/10)	100% (11/11)	1/1	89% (51/57)	7/7
Феод.	94% (96/102)	100% (12/12)	100% (17/17)	1/1	96% (26/27)	5/5
<i>Памятники с редким В. ед. муж. и</i>						
ЖАЮ	0% (0/≈230)	49% (19/39)	100% (27/27)	7/7	90% (35/39)	100% (10/10)
ЖФСуд	24% (6/25)	3/3	2/2		5/8	
Даниил	4/9	2/2	4/5	5/5	-	-
<i>Памятник с редким В. мн. ѣ, нѣ</i>						
Флавий	72% (189/261)	92% (72/78)	100% (40/40)	85% (11/13)	16% (21/132)	0% (0/21)

В. ед. мужского рода

Во всех перечисленных памятниках, кроме ЖАЮ, после предлога всегда или почти всегда выступает *нѣ* (а не *него*). Примеры:

али ти не дасть, а пристави на нѣ отроѣкъ Ст. Р. 15;

а Киевѣ твои, поѣди во нѣ [1150], 145;

а заоутрии дѣи приѣхаста надо нѣ браѣ два Борисѣ и Глѣбѣ (Киев. лет. [1147], 125);

и присла к нему Рюрикѣ сватѣ, жалуюа про нѣ (Киев. лет. [1192], 231 об.);

иже хощетъ вѣру нати волхву, то да идетъ за нѣ (ПВЛ [1071], 61);

и послаша по нѣ, и приведоша из Роусѣ (НПЛ [1193], 52);

и бѣхъ стѣи из млада вѣсели сѣ въ нѣ (Феод., 276).

Фразы с *него* в этих памятниках крайне редки; вот некоторые примеры:

Глѣбѣ же слышавъ, радѣ быѣ, аже на него чѣсть воскладывають (Киев. лет. [1175], 209 об.);

никто же възложи рѣкъ на него (Флав., 416г).

При беспредложном употреблении коэффициент энклитичности несколько ниже, но все же во всех памятниках основной группы он еще весьма высок (75–94%). Примеры:

постави и пьредѣ людѣми 502;

кѣже, ими и, дружиноу его изъеми [1150], 144 об.;

яко же легѣ, тако боле того не вѣсталь, ту и Бѣ пояль [1154], 170;

Блудъ же не възмогѣ, како бы погубити и (ПВЛ [980], 24 об.);

и искавшии, обрете и въ домоу презвутерове (Феод., 30а).

Гораздо реже вне зоны полноударности представлено *его*, например:

сѣу, аче Володимеръ оумреть, а Бѣ оубилъ его [1152], 162 об.;

аще кде пристанеть вы, то ѿрѣваште кго ѿ берега (ПВЛ [988], 40 об.);

то же блаженни съ радостію кго приимаше (Феод., 49г).

Имеется, однако, и небольшая подгруппа памятников, где энклитика *и* 'его' ведет себя совсем иначе, а именно, встречается редко или даже вообще отсутствует. Самый яркий представитель этой подгруппы — Житие Андрея Юродивого: энклитики *и* здесь нет вообще (и даже *нѣ* представлено лишь в половине случаев). Примеры:

оучаше кго, како сѧ бы кѣму противити кѣфиону 3 об.;

и оужи желѣзны привазати кго тамо 4 об.;

и потече на сѣаго, хотя оубити кго секирою 5б;

призва кго цѣрь полатъ тѣхъ 6б;

после предлога —

како сѧ бѣ грозилъ сотона на него С28 об.;

разгнѣваса на него 26в;

обычаи кѣтъ дѣволу первое прогонити блгодѣтъ Бж҃ію ѿ члѣкъ, и тогда входить в него небранимъ 44в;

с другой стороны, например:

тогда дѣноу на нѣ, и абие ищезе С168 об.;

ѿвали камень ѿ гроба и вниде во нѣ 29г.

В несколько менее яркой форме те же соотношения выступают в Житии Феодора Студита. Вероятно, таково же «Хождение» Даниила; но для решительных заключений материала здесь слишком мало. Не исключено, наконец, что сюда же относится СПИ, но это еще менее надежно: здесь нет В.ед. и, но показательных примеров В.ед. *его* всего два.

Источник данной особенности не совсем ясен. Можно предположить, что в живой речи вытеснение энклитического *и* полноударным *его* уже в XII веке зашло довольно далеко и часть пишущих (и редакторов) уже считала допустимым использовать это *его* вместо *и*. В пользу этого, по-видимому, говорит ситуация в ЖФСтуд, дошедшем в списке XII в. Данные ранних берестяных грамот, к сожалению, в этом пункте пока еще слишком скудны, чтобы подтвердить это или опровергнуть. Но та стопроцентная последовательность, с которой *кго* употребляется вместо *и* в ЖАЮ, может объясняться также и действиями некоего позднейшего редактора, жившего в эпоху, когда словоформа *и* 'его' в живой речи уже вообще исчезла, и считавшего ее неправильной.

В. ед. женского рода

В этой форме первоначальное состояние сохраняется наиболее устойчиво — как после предлога, так и в беспредложном употреблении. Примеры:
оже ти не возало Матее капи, воложи ю со Проусомо ко мне 439;
но не хочемъ кланатиса попады, а хочемъ ю оубити [1188], 229 об.;
и поя жену его, видѣвъ ю мыющуюся в бани (Дан.);
и видѣвъ ю красную соую, и въсхотѣвъ ю, и оуби сѣа и поятъ ю (Флав., 353г).

Инновационных форм здесь еще ничтожно мало. Вот они: *имя мѣсту тому Каламонии, еже ея протолкует «Доброе обителище»* (Дан.); *хота приложити бѣдоу на нѣс* (Флав., 372г); *многы вины имѣаше на нѣс* (Флав., 375в).

В. мн. мужского и женского родов

Во всех памятниках данной группы, кроме Флав., коэффициент энклитичности здесь весьма высок. Примеры фраз с энклитиками:

и повѣдаша Ользѣ, яко деревляне придоша, и возва є Ольга к собѣ (ПВЛ, 15);
и они стаха на воли его, и позва ѣ к собѣ Киевоу (Киев. лет. [1142], 115 об.);
на тоу же(е) зимоу ходи Мьстисла^в на половьце и победи є (НПЛ [1167], 35);
и любьзно цѣлова љ, и въпроси љ, отькоуду соутъ и камо идоутъ (Феод., 28в);
сѣвлекше же љ, биша љ много (ЖАЮ, 86);
заратишася ватичи, и иде на љ Володимиръ (ПВЛ, 26);
оувѣдавъ же Стѣславъ, ѡже пришли на нь, и посла на нѣ дикыа половцѣ (Киев. лет. [1146], 123 об.).

Лишь изредка встречаются *ихъ, нихъ*, например:

по обычаю цѣловавъ бра^тю всю, и побчивъ ихъ ... (ПВЛ, 61 об./62);
аже выбежати къ вамъ, а бише ихъ ѡтолѣ (НПЛ, 97 об.);
и кликнуша на нихъ, половци же оужасошася (ПВЛ, 95);
пролѣи на нихъ гнѣвъ свои (ЖАЮ, 26в).

Особо стоит только памятник Флав., где в В. мн. показатели совсем иные: энклитическое *я* представлено лишь в 16% случаев, а энклитическое *ни* отсутствует вообще. Нормой здесь являются такие фразы, как:

и почестивъ, цѣлова ихъ 395а;
и попусти ихъ писати къ Иродѣ хвалоу ѡ собѣ 377а;
влѣзъ в темницу и би ихъ, виноу възложивъ на нихъ 424а;
и стрѣлы на нихъ лѣтахоу акы дождь 429в.

И лишь изредка встречается энклитика *я*, например: *и възва љ съ вои своими и почести ихъ добре* 356г.

Эта особенность памятника Флав. похожа на ту особенность ЖАЮ, которая обсуждена выше, в разделе форм единственного числа. Возможно, и здесь проявилась деятельность некоего редактора, только в данном случае устранялось другое энклитическое местоимение.

В. дв. мужского рода

В тех памятниках, где такие формы еще встречаются в сколько-нибудь заметном количестве, хорошо сохраняется древнее состояние, т. е. всегда или

почти всегда употребляется *В. дв. муж. ѧ, ны* (Мар. — 9 раз из 9; Супр. — 14 из 15; ПВЛ — 16 из 17; Флав. 31 из 32), например:

мжжа и женж сътвориѡ ѿ естъ Бѣ (Мар., Мр. 10.6);

и въвъргоша ѧ въ огнь, и бѣаста въ огни пожита и хвалаиша Бога (Супр., 3);

Юнь же повелѣ бити ѧ и потергати брадѣ сѧ (ПВЛ, 60);

творѧса, ѧко ѡдѣстъ виноу сѧома, но помышляше на ѧ (Флав. 367г).

Из берестяных грамот: *али ти [не] дѣлаета, а наеми въ ѧ наимито* 'если же они (родители) [уже] не могут трудиться, то найми для них работника' 893.

Вот некоторые из редких примеров с новой формой:

в другую ноцѣ медвѣдѣ възлѣзѣ оугрызѣ сѧ и снѣсть, и тако погыбнуста нащенькѣмъ бѣсовскѣмъ (ПВЛ, 60);

... *Антипатрова мѣти, доумѧющи на нею лютииши мѧчехы и ненавидѧщи црѣвицю поущѣ насынкѣ* (Флав. 368г).

Замечание о «Слове о полку Игореве»

§ 3.9. В ряде памятников поведение местоимений вполне сходно с рассмотренными выше образцами, но для статистики слишком мало материала.

Одним из таких памятников оказывается «Слово о полку Игореве».

Сравним СПИ по поведению местоимений с несколькими важными древнерусскими памятниками (взяты только те рубрики, для которых в СПИ имеется материал).

Поведение местоимений в СПИ в сравнении с рядом других памятников

	<i>ми, ти ~ мгыѣ, тебѣ</i>	<i>ма, та ~ мене, тебе</i>	<i>ны, вы ~ намѣ, вамѣ</i>	<i>на, ва ~ наю, ваю</i>	<i>и ~ его</i>
СПИ	100% (10/10)	2/2	1/2	0/1	0/2
Дан.	100% (13/13)	100% (21/21)	7/8	—	4/9
ЖАЮ	95% (353/375)	95% (148/155)	39% (13/33)	—	0% (0/230)
Киев-Д	87% (290/333)	91% (174/191)	72% (96/134)	2/8	78% (18/23)

Приводим также сам материал.

В 1-м и 2-м лице в единственном числе совершенно последовательно выступают энклитики *ми, ти, мя*:

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предѣ зорями? 68;

чръпахуть ми синее вино съ трудомѣ смѣшено 95;

сыпахуть ми тѣщици тулы поганыхъ тѣковинѣ великий женчюгѣ на доно 96;

Нѣ се зло: ∇ княже ми непособіе 119;

Великий княже Всеволоде! Не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? 123;

Донѣ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду 138;

Мало ли ти бѧшетъ горѣѣ подѣ облакы вѣяти, дѣлючи корабли на синѣ морѣ? 175;

Княже Игорю! Немало ти величия, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа! 193;

О Донче! Немало ти величія, летѣявишу князя на вльнахъ ... 195;

Си ночь съ вечера // одѣвах(у)т(ь) мя, рече, чрьною наполюмоу, на кровати тисовѣ 94;

и нѣгують мя 97.

Ни одного примера полноударного местоимения за рамками зоны полноударности нет. Ср. точно такое же положение в Дан. и весьма близкое во всех прочих раннедревнерусских памятниках.

Между тем во множественном и двойственном числах 1-го лица в СПИ встречаются уже как старые, так и новые формы.

Фраза с энклитическим ны (Д.):

Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братіе, начяти старыми словесы ... 1.

Фразы с полноударными намъ, наю:

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни дуемоу сдумати, ни очима съглядати 83;

Аще его опутаеѣъ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, ∇ то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ 208.³⁵

Разумеется, при трех примерах говорить о каких-либо процентах бессмысленно; однако понятно, что это в общем такая же ситуация, как и в других старых памятниках, в частности, тех, которые включены в нашу табличку.

Для 3-го лица материала совсем мало:

Аще его опутаеѣъ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице 208;

стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ 196.

Что касается примера одѣвавишу его теплыми мѣглами подѣ сѣнію зелену древу 195, то он, согласно § 3.2 (п. А8), относится к зоне полноударности.

Форма В. мн. я ненадежна, так как представлена только в коньектуре, причем относящейся к очень темному месту: на болони бѣша дебрь(с)ки сан(и) и не сош(а) я къ сиему морю 99 (в издании дебрь Кисаню и не сошлю).

Таким образом, при всей ограниченности материала все же ясно, что в СПИ способ распределения старых и новых форм местоимений в общем сходен с основными раннедревнерусскими памятниками, более всего — с ЖАЮ и Дан.

Сравнение раннедревнерусских памятников со старославянскими

§ 3.10. Для более полного понимания истории местоимений в древнерусском существенны также показания старославянских памятников. Нами были обследованы с данной точки зрения Маринское евангелие и Супрасльский кодекс; оба весьма богаты соответствующим материалом.

³⁵ Интерпретация словоформы наю в этой фразе как Р., а не В. маловероятна.

В целом древнейшие памятники — старославянские и древнерусские — обнаруживают достаточно единообразную картину поведения местоимений. Каких-либо признаков, отделяющих все старославянские памятники от всех древнерусских, не обнаружено. Но в нескольких точках системы есть все же ощутимые расхождения между разными памятниками этой общей совокупности. С этой точки зрения можно выделить несколько групп, представленных следующими памятниками из числа наиболее крупных:

- 1) Мариинское евангелие (древнерусских памятников в этой группе нет);
- 2) Супрасльский кодекс, Житие Феодосия, Флавий;
- 3) Киев-Д, «Повесть временных лет»;
- 4) Житие Андрея Юродивого.

Приводим количественные данные в виде сводной таблицы.

Коэффициент энклитичности местоимений единств. и множеств. числа в старославянских и древнерусских памятниках

	1-е и 2-е лицо				3-е лицо			
	Д. ед. <i>ми, ти</i> ~ <i>мѣнѣ</i> , <i>тебѣ</i>	В. ед. <i>ма, та</i> ~ <i>мене</i> , <i>тебе</i>	Д. мн. <i>ны, вы</i> ~ <i>намѣ</i> , <i>вамѣ</i>	В. мн. <i>ны, вы</i> ~ <i>насъ</i> , <i>васѣ</i>	<i>и ~ его</i>	<i>нѣ ~ него</i>	<i>(н)ю ~ (н)еѣ</i>	<i>(н)ѣ ~ (н)ихѣ</i>
<i>Группа 1</i>								
Мар.	57% (124/218)	100% (231/231)	0,3% (1/350)	98% (93/95)	99,6% (260/261)	100% (53/53)	100% (54/54)	100% (117/117)
<i>Группа 2</i>								
Супр.	97% (347/357)	98% (183/186)	6% (8/126)	69% (45/65)	67% (140/210)	97% (57/59)	100% (35/35)	81% (54/67)
Феод.	99% (70/71)	100% (39/39)	0% (0/23)	8/9	82% (95/116)	100% (12/12)	100% (18/18)	86% (31/36)
Флав.	87% (92/106)	89% (78/88)	1% (1/96)	64% (37/58)	72% (189/261)	92% (72/78)	96% (51/53)	14% (21/153)
<i>Группа 3</i>								
Киев-Д	87% (290/333)	91% (174/191)	72% (96/134)	73% (27/37)	78% (18/23)	100% (20/20)	3/3	6/7
ПВЛ	89% (107/120)	98% (140/143)	46% (34/74)	78% (73/93)	93% (177/191)	100% (41/41)	100% (35/35)	96% (105/109)
<i>Группа 4</i>								
ЖАЮ	95% (353/375)	95% (148/155)	39% (13/33)	78% (14/18)	0% (0/230)	49% (19/39)	100% (34/34)	92% (45/49)

Что касается местоимений двойственного числа, то здесь материала сравнительно мало; в значительной части рассматриваемых нами памятников они не представлены вообще. Вот сводка имеющихся данных.

**Коэффициент энклитичности местоимений двойственного числа
в старославянских и древнерусских памятниках**

	Д. на, ва ~ нама, вама	В. на, ва ~ наю, ваю	В. (н)м ~ (н)ею
Мар.	0/6	—	9/9
Супр.	2/7	90% (9/10)	93% (14/15)
Киев-Д	72% (23/32)	2/8	0/1
ПВЛ	0/6	0/4	94% (16/17)
Флав.	1/2	0/6	97% (31/32)
Берест. гр. XI–XII	4/6	0/1	1/1

Сравнение двух таблиц показывает, что местоимения Д. дв. *на, ва* и В. дв. *(н)м* обычно ведут себя примерно так же, как соответствующие местоимения множественного числа (по крайней мере там, где материала не слишком мало). В отличие от них, местоимения В. дв. *на, ва* везде, кроме Супр., имеют более низкий коэффициент энклитичности, чем В. мн. *ны, вы* (правда материала здесь для серьезной статистики недостаточно).

Первоначально все местоимения, по-видимому, имели коэффициент энклитичности 100% (или очень близкий к этому). Как видно из приведенных сводок, в полном виде такое состояние не сохраняет ни одна из названных групп. Но отклонения от первоначального состояния в разных группах различны.

В группе 3, представленной в нашем разборе старшими летописями, удаление от первоначального состояния состоит только в некотором умеренном понижении коэффициента энклитичности, почти одинаковом для всех рубрик (если не считать рубрики Д. мн. *ны, вы* в ПВЛ, где понижение сильнее).

Несколько сложнее решается вопрос о том, в какую группу попадают ранние берестяные грамоты. Дело в том, что заметное количество материала здесь имеется только для единственного числа; для множественного и двойственного примеров мало. Чтобы несколько уменьшить эффект этой помехи, примем во внимание то, что почти во всех крупных памятниках коэффициент энклитичности в Д. мн. и Д. дв. примерно одинаков (см. об этом выше), и объединим данные по этим двум формам. Сравним теперь данные берестяных грамот XI–XII вв. и Киев-Д (в важнейших рубриках).

Коэффициент энклитичности местоимений в берестяных грамотах и Киев-Д

	1-е и 2-е лицо				3-е лицо	
	Д. ед.	В. ед.	Д. мн. + Д. дв.	В. мн.	и ~ его	ны ~ него
Берест. гр. XI–XII вв.	95% (71/75)	92% (36/39)	4/8	5/6	3/4	2/2
Киев-Д	87% (290/333)	91% (174/191)	72% (119/166)	73% (27/37)	78% (18/23)	100% (20/20)

Видно, что во всех рубриках порядок величин в этих двух памятниках сходен. Таким образом, берестяные грамоты XI–XII вв. должны быть отнесены к той же группе 3, что и старшие летописи.

В группах 1, 2 и 4 картина иная, чем в группе 3: в большинстве рубрик коэффициент энклитичности высок (в части случаев даже равен 100%), но в отдельных рубриках резко понижен.

Рассмотрим эти группы по отдельности.

В Маринском евангелии (группа 1) резко различаются В. и Д. падежи. Здесь в В. падеже коэффициент энклитичности составляет практически 100% (отмечено всего три отклонения на более чем 800 примеров). Напротив, в Д. падеже ситуация почти противоположная: во множ. и двойств. числах коэффициент энклитичности практически равен нулю, в единств. числе составляет 57%. Приводим иллюстрации:

В. падеж (даем примеры без адресов ввиду их массовости) —

что ма ѣлши блага; і сжди та прѣдаст слоубѣ; посѣли ны въ свиниѣ, да въ на выидеми; се азъ сѣлж вы ѣко овъца по срѣдѣ вѣлкѣ; приблѣжи са на вы црѣство Бѣіе; і емѣше ѹ, извѣса вонѣ из винограда і оубиша ѹ; і вѣроваша во нѣ оученици его; останѣте еѣ, по что ѹ троуждаете; възлагаѣ рѣцѣ на на; і вѣръгжѣ ѹ въ пешѣ огньнѣ; мжѣса и женѣ сѣтворилѣ ѣ (В. дв.) есть Бѣ.

Новые формы отмечены нами только во фразах: егда Лазара възва отъ гроба і выскрѣси его отъ мртвыхѣ (Ио. 12.17); оубо постиже на васѣ црѣство Бѣіе (Мт. 12.28); доколѣ сѣ вами бѣдѣ, доколѣ трѣплѣ васѣ (Мт. 17.17).

Д. падеж. Примеры словоформ единственного числа:

Старые формы — несколько чаще	Новые формы — несколько реже
<u>ѣко</u> <u>рече</u> <u>ми</u> <u>въсѣ</u> <u>елико</u> <u>сѣтворихѣ</u> Ио. 4.39	<u>ѣкоже</u> <u>рече</u> <u>мѣнѣ</u> <u>отѣцѣ</u> , <u>такѣ</u> <u>ѣлж</u> Ио. 12.50
<u>да</u> <u>въсѣко</u> , <u>еже</u> <u>дастѣ</u> <u>ми</u> , <u>не</u> <u>погоублѣ</u> <u>отъ</u> <u>него</u> Ио. 6.39	<u>чаши</u> , <u>і</u> <u>же</u> <u>дастѣ</u> <u>мѣнѣ</u> <u>отѣцѣ</u> , <u>не</u> <u>имаѣ</u> <u>ли</u> <u>пити</u> <u>еѣ</u> Ио. 18.11
<u>жєно</u> , <u>вѣрж</u> <u>ими</u> <u>ми</u> Ио. 4.21	<u>вѣрж</u> <u>имѣте</u> <u>мѣнѣ</u> Ио. 14.11
<u>повели</u> <u>ми</u> <u>прити</u> <u>къ</u> <u>тебѣ</u> <u>по</u> <u>водамѣ</u> Мт. 14.28	<u>повѣждѣ</u> <u>мѣнѣ</u> , <u>къде</u> <u>и</u> <u>еси</u> <u>положитѣ</u> Ио. 20.15
<u>егоже</u> <u>ради</u> <u>ѣлж</u> <u>ти</u> : <u>отѣпоуштаѣтѣ</u> <u>са</u> <u>еи</u> <u>грѣси</u> <u>мьнози</u> Лк. 7.47	<u>ѣлж</u> <u>тебѣ</u> : <u>не</u> <u>имаши</u> <u>изити</u> <u>отъ</u> <u>тоудѣ</u> ... Лк. 12.59
<u>ѣлаше</u> <u>бо</u> <u>емоу</u> <u>Иоанѣ</u> : <u>не</u> <u>достѣитѣ</u> <u>ти</u> <u>имѣти</u> <u>еѣ</u> Мт. 14.4	<u>не</u> <u>достѣитѣ</u> <u>тебѣ</u> <u>имѣти</u> <u>жены</u> <u>Филипа</u> <u>брѣтра</u> <u>своего</u> Мр. 6.18
<u>и</u> <u>бѣдетѣ</u> <u>ти</u> <u>въздаѣ</u> <u>не</u> Лк. 14.12	<u>і</u> <u>бѣдетѣ</u> <u>тебѣ</u> <u>радѣсть</u> <u>и</u> <u>веселѣ</u> Лк. 1.14
<u>проси</u> <u>оу</u> <u>мене</u> , <u>емоужє</u> <u>аште</u> <u>хѣщеши</u> , <u>и</u> <u>дамѣ</u> <u>ти</u> Мр. 6.22	<u>не</u> <u>мож</u> <u>въстѣти</u> <u>дати</u> <u>тебѣ</u> Лк. 11.7
<u>како</u> <u>ти</u> <u>есть</u> <u>іма</u> Мр. 5.9	

Как легко видеть, старые и новые формы часто встречаются в одинаковых контекстах, т. е. по крайней мере в части контекстов они находятся в отношении свободного варьирования. Только старые формы встретились при глаголах с *са*, например:

аште ми са ключитѣ сѣ тобож оумѣрѣти (Мт. 26.35);

что ти са мынитѣ, Симѣне (Мт. 17.25);

чадо, отѣпоуштаѣтѣ ти са грѣси твои (Мр. 2.5).

То же после союза *да*, например: *ръци оубо еи, да ми поможетъ* (Лк. 10.40); *что хоцещи, да ти сътвориж* (Лк. 18.41).

Такой ситуации с местоимениями Д. ед. *мнѣ*, *тебѣ*, как в Мариинском свангелии, в раннедревнерусских памятниках нет нигде. Она возникает на русской почве лишь существенно позднее — не ранее позднедревнерусского периода.

Во множественном и двойственном числах в Мар. представлены, за вычетом одного случая, только новые формы, например:

повѣждѣ намъ, когда си бждѣтъ (Мт. 24.3);

хлѣбъ нашъ наставѣшааго дѣне даждѣ намъ дѣнесь (Мт. 6.11);

писахомъ вамъ и не пласасте, плакахомъ вамъ и не рыдасте (Мт. 11.17);

оучителю, хоитевѣ, да егоже аще просишѣ, сътвориши нама (Мр. 10.35);

что хоитета, да сътвориж вама (Мр. 10.36).

Единственный пример старой формы: *отъпоуштаите, и отъпоустятъ вы* 'прощайте и простят вам' (Лк. 6.37); не исключено, впрочем, что *вы* здесь могло переосмысляться как В. падеж.

Памятники группы 2 существенно отличаются от первоначального состояния системы только в Д. мн. и Д. дв. В этих рубриках они, как и Мар., имеют очень низкий коэффициент энклитичности — от 0 до 6%. Но, в отличие от Мар., они очень хорошо сохраняют первоначальное состояние в Д. ед.: в Супр. и Феод. коэффициент энклитичности в этой рубрике близок к 100% (и в Флав. лишь ненамного ниже).

Иллюстрации из материала Феод. и Флав. уже приводились выше. Здесь мы приведем примеры только из Супрасльского кодекса.

В. падеж.

Здесь господствуют старые формы, например:

и покры ма оубогжѣ, яко оуп'вахъ на нѣ 3;

вѣдѣ та, кто та пламыѣ раждизаѣ на ма III-49 об.;

тъ ны строитъ и крѣпитъ въ рати 14;

виждѣ вы мжжи растомъ добры 38;

нѣ оубо и съде много молихъ са Богоу за ва, и се сътвори милость съ вама III-15;

повелѣша принести вратъ и въложити и въ нѣ III-1;

и рада бысть, и въсхвали ѡ 13 об.;

ослѣпи ѡ и не вѣдѣахъ камо идѣтъ 2;

слышавъ же то, князь повелѣ въсадити ѡ (В. дв.) *въ темницѣ* 91.

Намного реже встречаются новые формы, например:

из'ми насъ, Гї, отъ напасті 35 об.;

останѣте са отъ сихъ, и наоучъ васъ, кого бы чисти 14 об.;

они же шѣдше ѡша стааго Василиска, и съвазавше кго, сътвориша кмоу *оноушѣ* 9;

приведоша ихъ на срѣдѣ и приставиша имъ кыѣ отъ събора съ полемонамъ 66.

Особенно редки новые формы В. падежа *мене*, *тебе*, *ею*, *него*. Вот нескоторых из этих единичных примеров:

сътворите молитвѣ за мене III-48 об.;

оувѣстити са намъ, Пионикъ, яко тебе любимъ 66;

кнѧзь повелѣ въсадити ѧ въ темницѣ (...) и тако блюсти кю 91;
 кокѧ дѣлѧ вина, повѣдите ми, ѡ жидове, съвѣтъ сътвористе на него
 III–67 об.

А в В.ед. жен. новая форма (*кѧ*) не встречается вообще.

Д. падеж.

За рамками зоны полноударности в Д. ед. почти всегда выступают старые формы, например: *дадите же ми на нѣ власть* 14; *чѣто ти прибытка бысть* 33 об. Новые формы отмечены всего в нескольких фразах, в частности: *нѣ нынѣ исповѣждѣ мнѣ о влѣхвованіи своѣмъ* 12; *въдомо да бѣдетъ тебѣ* 53 об.

Замечание. На первый взгляд в этом памятнике подобных примеров словоформ *мнѣ* и *тебѣ* намного больше. Но при более внимательном рассмотрении они обычно оказываются принадлежащими к зоне полноударности; например: *како мѣ сѧ кѣтъ тебѣ покорити* 31 (*тебѣ* вместо *ти* во избежание двух энклитик одного ранга, § 3.2, п. А6); *исповѣмъ сѧ тебѣ, Господи, въсѣмъ срдцемъ моимъ* III–43 об. (*тебѣ* перед последующим обращением, § 3.2, п. А7); *якоже жрътва живѧ благопріѧтъна тебѣ* 47 (*тебѣ* при прилагательном); *послоушѧи въсѣхъ въ истинѣ работѧщихиѣхъ тебѣ* 11 (*тебѣ* при членной форме причастия); *оувѣ мнѣ, оувѣ мнѣ* 40 об. (*мнѣ* после *увѣ*; последние три примера — по § 3.2, п. А8).

Напротив, в Д. мн. и Д. дв. почти с такой же последовательностью выступают новые формы, например:

и покажи намѣ, да видимъ извѣстѣнѣкъ мѣсто то 109 об.;

они бо и прѣдаша намѣ сѧи обычаи 14;

да что много глаголю вамѣ? помните, кѣмъ слышасте 69 об.;

и благѣ яви сѧ нама оугасити силѣ оуѣнѣ и ярость мѣчителѣи Аврѣлиѧна 3 об.;

яже посылѧ вама Господь Богъ 91 об.

Старые формы крайне редки. Вот некоторые примеры:

да въсте же, како отъ днешняаго дѣне повелѣно ны кѣтъ вынѣ града
сѣбирати сѧ 100 об.;

кѣже повелѣно вы кѣтъ о мнѣ творити II–12;

то кѣже ва рекѣ акы отѣцъ, то послоушѧита 102.

Феод. и Флав. обнаруживают картину, вполне сходную с Супр., если не считать того, что в Флав. весьма редко встречается местоимение В. мн. *ѧ* (*ни*) (см. об этом § 3.8, конец).

Житие Андрея Юродивого (группа 4) сравнительно близко стоит к группе 3, т. е. к древнерусским летописям. С этой группой его в особенности сближает довольно значительный (39%) коэффициент энклитичности форм Д. мн. (в отличие от групп 1 и 2, где он близок к нулю); ср., в частности, ПВЛ, где этот коэффициент составляет 46%.

Существенное отличие группы 4 от группы 3 состоит в полном отсутствии старой формы В. ед. муж. *и* (и резко сниженном коэффициенте энклитичности формы *нѣ*). См. иллюстрации в § 3.5–8.

Памятники более позднего времени

§ 3.11. Для памятников позднерусского периода и еще более поздних, в отличие от ранних (см. § 3.4), необходимо уже различать книжный и некнижный типы. Разграничение может проходить как между разными памятниками, так и между разными частями или пассажами внутри одного памятника.

Памятники некнижной ориентации

Памятники некнижной ориентации (прежде всего берестяные грамоты) свидетельствуют о том, что в живом языке новое правило распространялось довольно быстро: уже в позднерусский период практически выходят из употребления все энклитические местоимения, кроме *ми*, *ти*, *ма*, *та*, а у этих оставшихся четырех резко снижается частотность.

Наиболее прямо эволюцию местоименных энклитик в живом языке отражают берестяные грамоты. Ниже показаны коэффициенты энклитичности в берестяных грамотах разных периодов. При этом в данном случае оказалось целесообразным подразделить их не просто на ранние и поздние, а более детально — по векам (поскольку здесь, частности, обнаруживается заметное различие между XIII в. и XIV–XV вв.). Двойственное число не приводим, так как в поздних берестяных грамотах его уже просто нет. В рубриках, где мало материала (меньше 10 примеров), цифры процентов не вполне показательны; они даны в квадратных скобках или не даны вообще.

Коэффициент энклитичности местоимений
в берестяных грамотах разных веков

	1-е и 2-е лицо					3-е лицо (все вместе)
	Д. ед. <i>ми ~ мнѣ</i>	Д. ед. <i>ти ~ тебѣ</i>	В. ед. <i>ма ~ мене та ~ тебе</i>	Д. мн. <i>ны ~ намъ вы ~ вамъ</i>	В. мн. <i>ны ~ насъ вы ~ васъ</i>	
XI–XII вв.	98% (40/41)	91% (31/34)	92% (36/39)	0/2	[83%] (5/6)	92% (11/12)
XIII в.	[63%] (5/8)	64% (9/14)	80% (4/5)	—	—	[67%] (4/6)
XIV–XV вв.	65% (24/37)	13% (2/15)	36% (9/25)	0% (0/13)	0/6	9% (1/11)

Из таблицы видно, что коэффициент энклитичности здесь во всех рубриках с ходом времени падает.³⁶ В результате у берестяных грамот XIV–XV вв. он уже очень резко отличается от грамот XI–XII вв. В эту эпоху за рамками единств. числа 1-го и 2-го лица энклитик здесь уже практически больше нет.

Только одна энклитика: *ми* — все еще употребляется в берестяных грамотах XIV–XV вв. чаще, чем соответствующая полноударная словоформа (*инѣ*).

³⁶ Небольшое отклонение от этого принципа в графе Д. ед. (98% — [63%] — 65%) не показательны, поскольку в среднем звене здесь просто мало материала.

Примеры фраз с *ми* и *мнѣ* из берестяных грамот XIV–XV вв.

Старые формы — более частые	Новые формы — более редкие
вывези <u>ми</u> 2 медведна 65п а ныне даі <u>ми</u> то мѣсто Быковици[н]у 477п давати <u>ми</u> доци, а сестри моі при- ставницати Ст. Р. 40п купи <u>ми</u> зънданцю добру 125п не рекъ <u>ми</u> Есифъ варити перевары ни на кого 3п како приде <i>са</i> грамота, тако пришли <u>ми</u> цоловѣкъ на жеретѣѣ, зане <u>ми</u> здѣсе дѣлъ много 43п	что есте <u>мнѣ</u> велѣли оу Путила конь взати, инѣ <u>мнѣ</u> не дастъ 697п аже возмोजеши, пособиаі <u>мнѣ</u> цимо 286п а ту <u>мнѣ</u> трѣть 519п а рождь, <i>О</i> сподине, велиши <u>мнѣ</u> моло- титъ, (ка)къ укажешъ 242п

Во всех прочих случаях энклитики уже составляют меньшинство или даже просто отсутствуют.

Примеры фраз с *ти* и *тобѣ* из поздних берестяных грамот (грамоты XIII в. отмечены)

Старые формы — более редкие	Новые формы — более частые
симо же <u>ти</u> соулити много хотына- номо 600п (XIII) и кланяю <u>ти</u> <i>са</i> 765п (XIII) хота бы <u>ти</u> истерати ... 489п да цо бѣ <u>ти</u> година ѿт[ѣ]правлять <i>отъцу</i> , ино бѣ добро 19п	а азо <u>тобе</u> кланяюся 147п (XIII) а поута <u>тобѣ</u> буде гѣже 147п (XIII) а азо <u>тобѣ</u> <i>са</i> кланяю 186п а азо <u>тобе</u> много кланяюся 414п а на томѣ <u>тобѣ</u> цоломѣ 370п буди <u>тоби</u> сведомо 178п только поцьне продавать <u>тобѣ</u> , и т[ѣ] у ки купи 129п

Примеры фраз с *ма* и *мене* (*меня*) из поздних берестяных грамот

Старые формы — более редкие	Новые формы — более частые
цему <u>ма</u> еси погубилъ 272п убиле <u>ма</u> пасынке и выгониле <u>ма</u> изо двора 415п что бы <u>ма</u> ксте жаловалъ про свок коунѣ 949	поиди за <u>мьне</u> 377п (XIII) аже застанеше <u>мене</u> , ти а <u>тѣбе</u> везу Твер. 2п позвале <u>мене</u> <i>О</i> лексъѣи на гумно 755п на перед[ѣ] на <u>мене</u> се не на[дѣ]и 25п чо бы <i>са</i> на <u>меня</u> не родила срамота бесуднаа 302п

В В. ед. 2-го лица отмечены уже только новые формы, например:

аже застанеше мене, ти а тѣбе везу Твер. 2п;

что позваль тебе Сава, здѣ су[ду] нѣтъ[ѣ] 14п;

поѣдь, *Онаныа тебе зове* 312п;

надемся, *всподине, на Бога и на тебе на своего восподна* 310п.

В 3-м лице, если не считать одного не вполне надежного примера (в № 102п), встретились тоже только новые формы, например:

а дае Кснатиныцу его, отъ блюдь до мнь 411п (XIII);

что бы ксь, Осподине, оуналь кго 446п;

цмь кго жалужшь 243п;

дать грамотъ не дать на него 5п;

аже ти ----- окупити ихъ 102п.

Следует отметить, впрочем, что форма В. ед. жен. (*ю – еѣ*), которая, судя по другим памятникам, дольше прочих сохраняла энклитический вариант, в поздних берестяных грамотах не представлена.

Из XV в. можно отметить не книжный компонент «Хожения» Афанасия Никитина (1470-е гг.) (Афан. Ник. I, см. § 2.1). К сожалению, в 1-м и 2-м лице в единств. числе здесь представлено всего несколько примеров, так что о статистике говорить не приходится. Примеры старых форм:

а стал ми во сто рублей 444 об.;

и они мя отпустили доброволно 442 об.

Новая форма — только один раз:

а что будет тебеѣ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли 443 об.

Во множ. числе и во всех формах 3-го лица отмечены уже только новые формы (в общей сложности 38 раз). Примеры:

и сказали нам ложивые вѣсти 442 об.;

и они нас тутю взяли 443;

а тот пошел, куды его очи понесли (Троицк. 370);

да руку правую поднѣя высоко да простеръ еѣ, аки Устенеянь царь цареградскый 448;

и ты бы их отпустил ко мнѣ доброволно 443 об.

В XVI–XVII вв. памятники не книжной ориентации уже почти совсем не знают энклитических вариантов местоимений. Приводим количественные данные по нескольким памятникам этого периода:

Ив. Грозн. I — послания Ивана Грозного к Василию Грязному и к королям (1570-е гг.);

Грязной — письма Василия Грязного к Ивану Грозному (1576 г.);

Аввакум I — не книжный компонент «Жития» Аввакума (1670-е гг.) (см. § 2.1);

Бова — «Повесть о Бове королевиче» (XVII в.).

При анализе источника Аввакум I было установлено, что в клаузах с аористом или имперфектом и в конструкции *dativus absolutus* (т. е. в церковнославянских грамматических контекстах) местоимения ведут себя не так, как в основной части текста, а именно, энклитики выступают здесь с повышенной частотой — как в источнике Аввакум II. Поэтому ниже при оценке источника Аввакум I местоимения, представленные в указанных контекстах, из подсчетов исключены. (Это равносильно тому, что в данном пункте мы провели границу между

Аввакум I и Аввакум II несколько иначе, чем в общем случае, перенеся указанный материал из I в II.)

Коэффициент энклитичности (Е) приводится только суммарный (по всем рассматриваемым местоимениям вместе); в остальных случаях указано только количество примеров.

Коэффициент энклитичности местоимений
в памятниках некнижной ориентации

	1-е и 2-е лицо					3-е лицо (все вместе)	Е по сумме
	Д.ед. <i>ми ~ мѣнѣ</i>	Д.ед. <i>ти ~ тебѣ</i>	В.ед. <i>ма ~ мене та ~ тебе</i>	Д.мн. <i>ны ~ намѣ вы ~ вамѣ</i>	В.мн. <i>ны ~ насѣ вы ~ васѣ</i>		
Ив. Грозн. I	—	0/30	0/21	0/38	0/6	0/42	0%
Грязной	0/15	0/4	0/9	—	—	0/1	0%
Аввакум I	4/69	0/15	7/164	0/16	0/26	0/133	2,6%
Бова	4/31	0/17	0/40	0/15	0/3	0/27	3%

Приводить примеры из этих памятников по всем пунктам нет необходимости — они вполне сходны с уже приведенными выше. Ограничимся иллюстрациями к форме В.ед. жен., которая не представлена в поздних берестяных грамотах и обнаруживает максимум консервативности во многих памятниках:

и почали называть Лифлянскую землю своею подданною и вослали в неѣ своих ротмистровъ баламутовъ (Ив. Грозн.);

а егда замужемъ была, по временамъ бѣсѣ мучилъ ея (Аввакум, 96 об.);

и я, свѣдавъ, осердился же на нея (Аввакум, 46 об.);

и поехала, куды еѣ очи несут (Бова).

Из старых форм отмечены лишь единичные *ми*, *ма* в некнижном компоненте «Жития» Аввакума (например, *онъ же не вѣмѣ, гдѣ скрылъ их, мнитъ ми ся* — Никону отдал 24) и в «Повести о Бове». Они явно представляют собой вкрапления книжного стиля.

Литературные произведения книжной ориентации

§ 3.12. В литературных произведениях книжной ориентации энклитические местоимения сохраняются намного полнее, чем в некнижных памятниках. По-видимому, примерно с XV в. они начинают восприниматься как элемент книжного стиля, противопоставленного живой речи. Приводим данные нескольких источников этой группы:

Афан. Ник. II — книжный компонент «Хожения» Афанасия Никитина (см. § 2.1);

Петр-Февр. — «Повесть о Петре и Февронии» (вероятно, I-я пол. XVI в.);

Ив. Грозн. II — послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.);

Аввакум II — книжный компонент «Жития» Аввакума (см. § 2.1); в подсчет включены также местоимения при церковнославянских формах и оборотах, исключенные из Аввакум I (см. выше).

Наличие двух компонентов в этих сочинениях показывает, что один и тот же автор в принципе умел писать как в книжном, так и в некнижном стиле, причем вполне мог переходить от одного стиля к другому даже в рамках одного и того же сочинения.

Коэффициент энклитичности местоимений
в памятниках книжной ориентации

	1-е и 2-е лицо					3-е лицо (все вместе)
	Д. ед. <i>ми ~ мѣнѣ</i>	Д. ед. <i>ти ~ тебѣ</i>	В. ед. <i>ма ~ мене та ~ тебе</i>	Д. мн. <i>ны ~ намъ вы ~ вамъ</i>	В. мн. <i>ны ~ насъ вы ~ васъ</i>	
Афан. Ник. II	4/4	—	100% (12/12)	0/2	0/4	—
Петр-Февр.	82% (9/11)	[63%] (5/8)	94% (15/16)	0/5	2/0	65% (13/20)
Ив. Грозн. II	45% (5/11)	—	2/6	0% (0/13)	0/7	0% (0/16)
Аввакум II	58% (7/12)	[100%] (9/9)	87% (33/38)	0/3	1/5	0% (0/10)

Как видно из таблицы, яркой чертой книжного стиля был высокий уровень сохранения энклитических местоимений *ми*, *ти*, *ма*, *та*. Во всех остальных формах употреблялись уже полноударные варианты. Отклоняется в этом отношении только «Повесть о Петре и Февронии», выделяющаяся среди всех названных здесь памятников наибольшей степенью книжности.

Примеры старых форм:

Афан. Ник. II — *бесерменин же Меликъ, тот мя много понуди в вѣру бесерменьскую стати 452;*

он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися» 452 об.;

Господи боже мой! На тя уповах спасти мя, Господи! 454.

Петр-Февр. — *глагола ей юноша: «Вижу тя, девице, мудру сущу. Повеждь ми имя свое»; она же рече: «Имя ми есть Феврония»;*

хотя вы на земли хвалами почтити, и не у хвалы коснухся;

и прииде на нѣ болезнь тяжка зело;

аще ли уврачует, имам пояти ю себе жену;

она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди своя, и дунув на ню, и рече.

Ив. Грозн. II — *и вы извѣстите ми о Божь крѣпостное житие;*

и сия малая изрекохъ вамъ, понеже вы мя понудисте.

Аввакум II — *сии быша ми духовныя дѣти 15 об.;*

всегда учаше мя страху Б(о)жю 13;

а се по мале времени, по писанному, объяша мя болязнь смертныя 16;

разумѣя же свое невѣжество, припадая молю ши ся 4.

Примеры новых форм:

Афан. Ник. II — *възврати нас къ Трапизону 458;*

и вътрѣ нас стрѣчает злый, не дасть нам по морю ходити 458.

Петр-Февр. — *да в сием лну учинит мне срачицу и порты и убрусецъ;*

хощем вси праведно служити тебе;

даждь нам, его же мы у тебе просим;

во един же от днии призва его к себе.

Ив. Грозн. II — *а Хабаровъ велит мнѣ себя переводити в ыной монастырь;*

и Богъ меня от нихъ укрыть;

Бога ради, господие и отцы, молю васъ, престаните от такового начинания.

Аввакум II — *и з женою быша мнѣ дѣти д(у)х(о)вные 20;*

аще меня задушатъ, причти мя с митрополитом Филиппомъ Московским 19 об.;

и на бѣса закричалъ: «Запрещаю ти именем Г(о)с(по)днимъ! Изыди из нея и к тому не вниди в нея!» 97.

Летописи

§ 3.13. Как и в других отношениях, летописи в данном случае сравнительно близки к литературным сочинениям книжной ориентации (ср. § 4.26).

Как и в случае с берестяными грамотами, в летописях, охватывающих ряд веков, обычно можно видеть эволюцию рассматриваемой группы местоимений во времени.

Особенно отчетливо такую картину обнаруживают разные хронологические части НПЛ (см. § 4.26). Данные этих частей НПЛ приведены ниже в виде таблицы. Для расширения обзора к ним присоединены также данные Уваровской летописи за XV в. (точнее, за 1400–1492 гг.).

Коэффициент энклитичности местоимений в летописях

	1-е и 2-е лицо			3-е лицо		
	ед. число	Д. мн. <i>ны ~ намъ</i> <i>вы ~ вамъ</i>	В. мн. <i>ны ~ насъ</i> <i>вы ~ васъ</i>	В. ед. м. <i>и, нѣ ~</i> <i>(н)его</i>	В. ед. ж. <i>ю, ню ~</i> <i>(н)еѣ</i>	В. мн. м. ж. <i>ѣ, нѣ ~</i> <i>(н)ихъ</i>
НПЛ-1 (до 1234)	95% (20/21)	46% (11/24)	25% (3/12)	86% (68/79)	100% (12/12)	91% (58/64)
НПЛ-2 (1235–1337)	4/10	1/6	43% (6/14)	67% (29/43)	100% (6/6)	44% (18/41)
НПЛ-3 (1333–1446)	71% (12/17)	20% (2/10)	19% (3/16)	12% (6/52)	100% (17/17)	18% (4/22)
Увар. лет. 1400–1492	83% (38/46)	4% (1/23)	17% (5/29)	3% (6/185)	28% (10/36)	2% (3/151)

Как можно видеть, в НПЛ, как и в берестяных грамотах, коэффициент энклитичности рассматриваемых местоимений на протяжении XI–XV вв. неуклонно падает.³⁷ При этом кривые падения в целом в значительной мере сходны. Но все же есть и некоторые различия, которые, очевидно, отражают разницу между состоянием живой речи (сравнительно верно представленным берестяными грамотами) и нормами языка летописцев.

Так, в летописях XIV–XV вв. (НПЛ-3 и Увар. лет. за XV в.) в 1-м и 2-м лицах единств. числа еще господствуют старые формы *ми*, *ти*, *ма*, *та*, тогда как в берестяных грамотах тех же веков *ми* уже почти в половине случаев вытеснено полноударным *миѣ*, а остальные три энклитики уже вообще почти не встречаются. Это значит, что в данном пункте летописцы придерживались консервативной ориентации, заметно отставая от эволюции живой речи.

Такой же тип соотношения между поздними летописями и поздними берестяными грамотами представлен и в прочих рубриках. Так, во множеств. числе 1-го и 2-го лица в летописях XIV–XV вв. коэффициент энклитичности местоимений — от 4 до 20%, тогда как в берестяных грамотах он уже равен нулю. В 3-м лице (обоих чисел) в НПЛ-3 этот коэффициент еще составляет 12–18% (а для В.ед. жен. — даже 100%), тогда как в берестяных грамотах соответствующих энклитик уже практически нет.

Можно видеть также, что в данном вопросе разные летописи ведут себя не вполне одинаково. Уваровская летопись за XV в. во множ. числе 1-го и 2-го лица и во всем 3-м лице имеет показатели, намного более близкие к берестяным грамотам, чем НПЛ-3. Правда, между этими источниками имеется примерно полувековое хронологическое различие (1333–1446 в НПЛ-3 и 1400–1492 в Увар. лет.). Но целиком отнести за этот счет различия в коэффициентах явно невозможно; ср., например, $Q = 100\%$ для В.ед. жен. в НПЛ и 28% в Увар. лет. Очевидно, установки авторов Уваровской летописи были несколько ближе к живой речи, чем у авторов НПЛ-3.

Как и в § 3.11, ограничиваемся иллюстрациями к форме В.ед. жен., которая здесь наиболее показательна, поскольку она дольше всех сохраняла древние энклитические варианты (*ю*, *ню*).

НПЛ-3 — только *ю*, например:

а на зиму свяща ю архиепископъ новгородчкыи Алексии [1364];

и добръ ю украси [1442];

и покры ю чешуею [1445].

Уваровская летопись за XV в. — в трех четвертях случаев *ее*, *нее*, например: *едина же бѣ пушка с ним велика велми, Галка именемъ, везяху ее на сороцѣ конех* [1428];

гдѣ ни придетъ царевна, стрѣчали бы ее, и читли и кормъ давали и подводы и проводники [1472];

свершил полату киртичу на своемъ дворѣ на четырехъ подкѣтѣхъ каменных, а вшел в нее поабра 13 [1475];

³⁷ Данные НПЛ-2 в первых двух столбцах с формальной точки зрения нарушают плавность этого падения, но они непоказательны из-за ограниченности материала.

и лишь в меньшинстве случаев *ю, ню*, например:

и ту изнимаша княгиню Семенову Александру, и ограбивше ю, приведоша на Москву и з дѣтми [1401];

а они безбожнии высекоша двери церковныя, и вшедше в ню, икону чудную святыя Богородица одраша [1410].

Общая схема эволюции

§ 3.14. Приводимые ниже диаграммы демонстрируют картину исторической эволюции энклитических местоимений.

В диаграммах отражены памятники, содержащие удовлетворительное количество материала.

Каждый памятник представлен линией (или точкой), соответствующей на хронологической шкале времени его сочинения или перевода (но не изготовления дошедшего до нас списка). Пунктирная линия означает, что это время известно лишь приблизительно.

Линия, символизирующая памятник, располагается на высоте, соответствующей величине коэффициента энклитичности соответствующих местоимений в данном памятнике.

Курсивом даны обозначения литературных произведений и пространных посланий, прямым шрифтом — обозначения грамот, летописей и церковных памятников.

Наряду с богатым материалом памятниками кое-где в диаграммы включены также такие памятники, где материала существенно меньше. В таких случаях указываются не проценты, а сами соответствующие количества примеров (в виде дроби).

Основной является диаграмма 1 (из двух частей: А — для памятников некнижной ориентации, Б — книжной ориентации). Она демонстрирует эволюцию местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа: *ми* — *мѣнѣ*, *ти* — *тобѣ* (*тебѣ*), *ма* — *мене* (позднее *мена*), *та* — *тебе* (позднее *теба*).

Данные по этим четырем парам словоформ оказалось целесообразным объединить, поскольку различия между отдельными парами в общем довольно незначительны, а суммирование материала четырех пар обеспечило повышение статистической надежности полученных показателей.

Заметное отклонение представлено только в Мариинском евангелии, где коэффициент энклитичности в парах *ма* — *мене*, *та* — *тебе* составляет 100%, а в парах *ми* — *мѣнѣ*, *ти* — *тебѣ* — только 57%. Поскольку в такой ситуации суммирование неуместно, мы просто исключили данный памятник из диаграммы.

Далее даны (уже без разделения памятников на группы) аналогичные диаграммы:

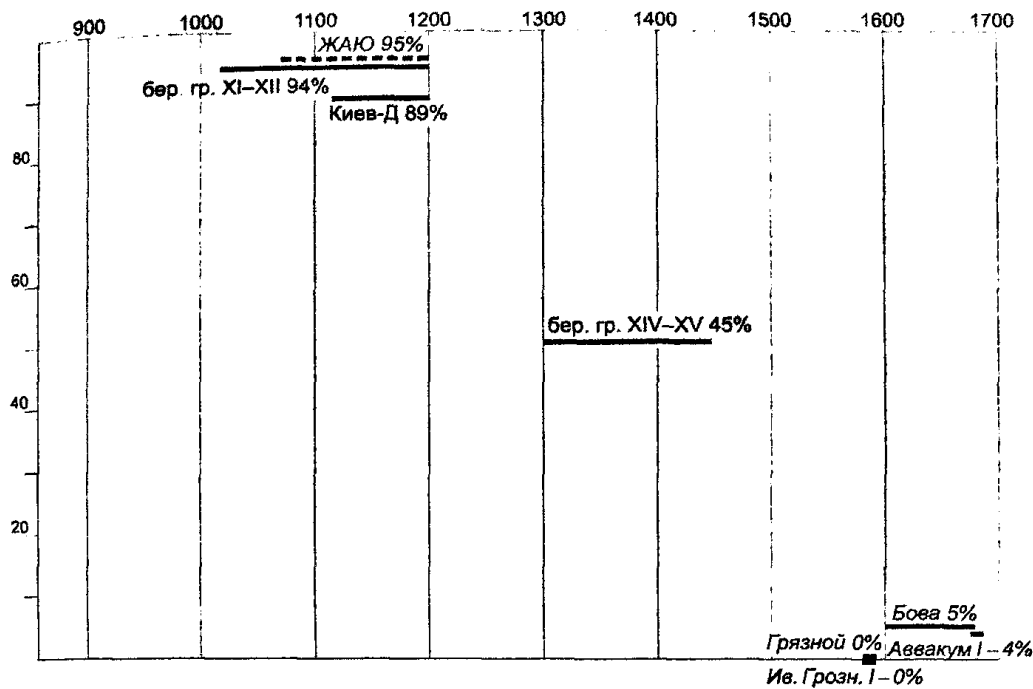
2 — для пар дательного падежа *ны* — *намѣ*, *вы* — *вамѣ*;

3 — для пар винительного падежа *ны* — *насѣ*, *вы* — *васѣ*;

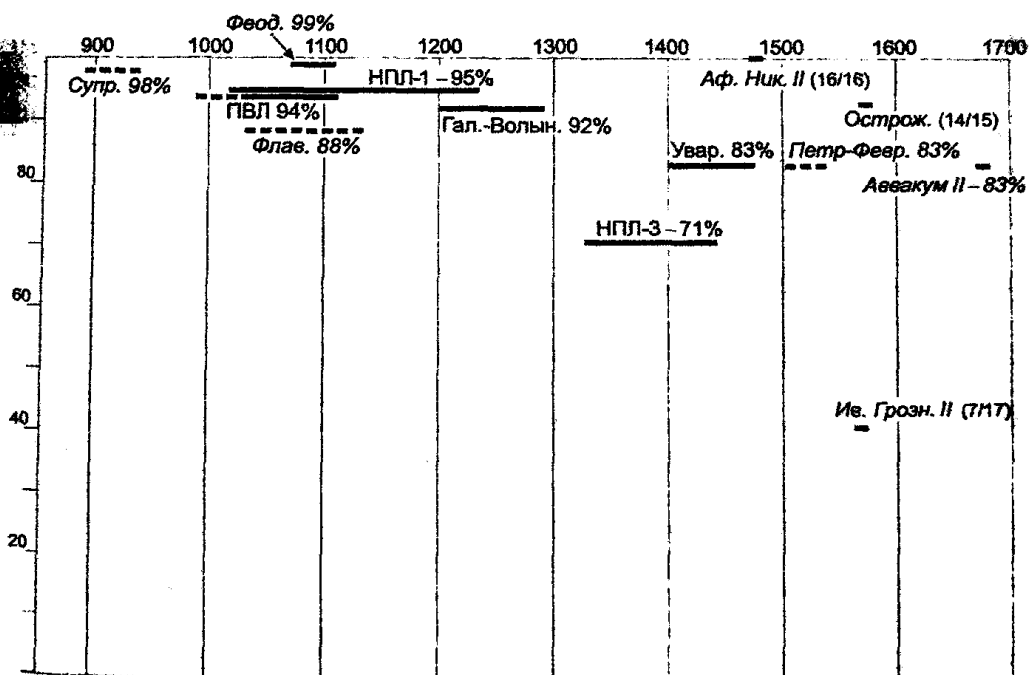
4 — для пары винительного падежа единств. числа мужского рода *и* — *его*.

1. КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРАХ *ми – мѣнѣ, ти – тобѣ*,
ма – мене, та – тебе: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

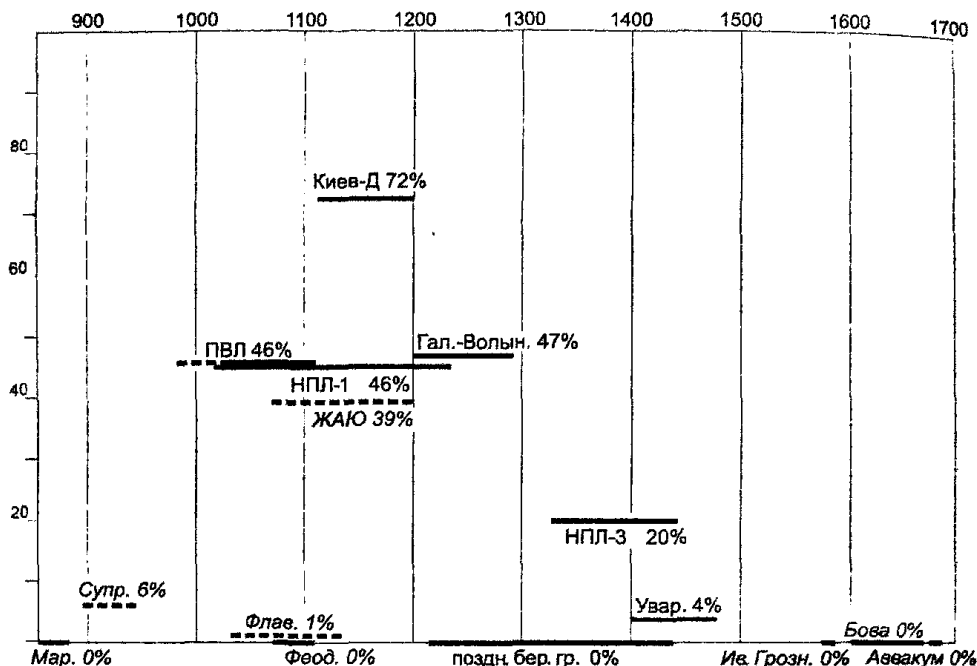
А. Памятники не книжной ориентации

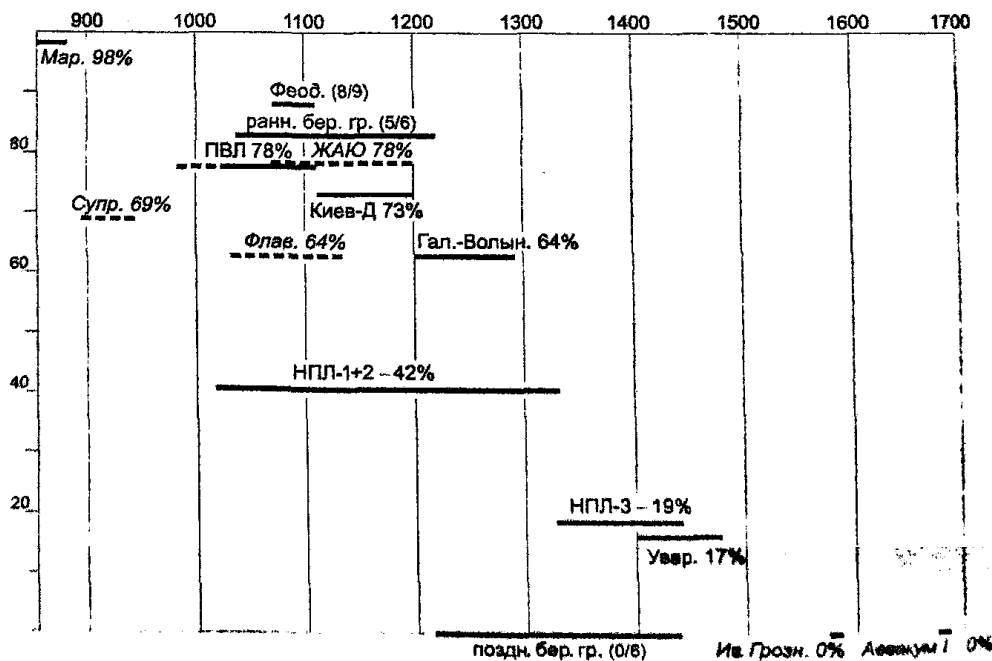
Б. Памятники книжной ориентации

2. КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРАХ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

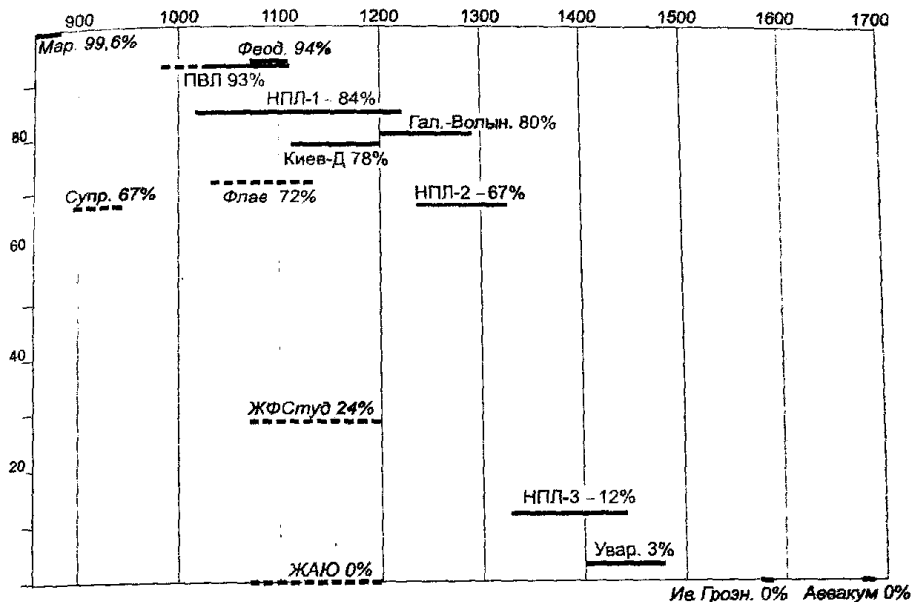
ны — *намъ*, *вы* — *вамъ*: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

3. КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРАХ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

ны — *насъ*, *вы* — *васъ*: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

4. КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРЕ ВИНИТ. ЕДИНСТВ. МУЖСКОГО РОДА

и — ego: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

§ 3.15. Подведем итоги наших наблюдений над местоимениями. Общая схема эволюции вырисовывается из них достаточно ясно.

Как показывают памятники, уже в X–XII вв. ни в южнославянской, ни в восточнославянской зоне не было полного единства в распределении энклитических и полноударных местоимений.

Для живого древнерусского языка основной была консервативная система, где удаление от первоначального состояния выражалось только в медленном возрастании доли полноударных местоимений, примерно одинаковом для всех звеньев системы. Ее отражают прежде всего старшие летописи и берестяные грамоты XI–XII вв. Наиболее полно демонстрирует свойства этой группы памятник Киев-Д.

Наряду с этим существовал иной вариант развития, при котором в Д.мн. и Д.дв. энклитические формы были почти целиком вытеснены полноударными уже в очень раннюю эпоху. Этот вариант характерен прежде всего для старославянских памятников, но представлен также и в части литературных древнерусских (Феод. и Флав.). См. об этом подробнее ниже, пункт 3.

В рамках старославянского существовал также еще один вариант развития, представленный в Евангелии, в частности, в обследованном нами Маринском евангелии. Здесь низкий коэффициент энклитичности мы видим не только в Д.мн. и Д.дв., но также и в Д.ед. Правда, в Д.ед. он все же не падает до близких к нулю значений, как в Д.мн. и Д.дв., а остается на некотором среднем уровне. В раннедревнерусских памятниках этот специфический вариант не встречается.

Среди древнерусских памятников следует особо отметить ЖАЮ, где полностью устранена старая форма В.ед. муж. и 'его' и резко снижен коэффициент энклитичности формы *нь*. Не исключено также, что этот же вариант развития представлен в СПИ, но здесь слишком мало материала для надежного заключения.

Общее направление исторической эволюции местоимений ясно: это постепенное исчезновение древних энклитических вариантов. Но скорость этого процесса в разных случаях различна. Факторы, от которых она зависит, таковы.

1. Книжный или некнижный характер памятника.

Механизм действия данного фактора ясен: некнижные памятники более прямо отражают развитие живого языка, тогда как книжные в той или иной степени сохраняют традиционные формы.

Особенно сильно этот фактор дает себя знать в эволюции главной группы местоимений, т.е. местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа (*ми, ти, ма, та*). Это непосредственно видно из сравнения двух частей диаграммы 1.

Из части А можно заключить, что в живом языке движение в сторону нового правила происходит довольно быстро: в некнижных памятниках на протяжении XI–XV веков коэффициент энклитичности в данной группе местоимений падает от 95% практически до нуля.

Из части Б видно, что в книжном языке этот процесс идет гораздо слабее. Здесь в основном сохраняется старое состояние: на протяжении X–XVII веков мы наблюдаем лишь довольно незначительное снижение коэффициента энклитичности от высших значений до 83% (памятник Ив. Грозн. II, где мало материала, не в счет).

В силу такого различия в скорости эволюции между живым языком и книжными памятниками древний тип употребления местоимений не позднее XIV века начинает восприниматься как стилистический признак книжности.

Примерно с XVII века живой язык уже достигает современного состояния. Между тем в книжных пассажах литературных сочинений (напр. у Аввакума) еще сохраняются некоторые элементы старой системы.

2. Различие между числами: единственное число консервативнее, чем множественное и двойственное.

Различие между единственным и множественным числом можно непосредственно наблюдать, сравнивая диаграмму 1 с диаграммами 2 и 3.

В XIV–XV вв. из энклитик сохраняются в основном лишь *ми, ти, ма, та*, в более позднее время — только они. В XVI в. уже даже в книжных памятниках энклитических вариантов во множественном (и тем более в двойственном) числе уже больше нет.

Причина здесь, по-видимому, лежит в общем типологическом принципе, согласно которому немаркированные формы сохраняют внутри себя большее число внешне выраженных грамматических противопоставлений, чем маркированные (ср., например, большее число различающихся падежей в единственном числе, чем во множественном и двойственном, и т.п.).

Следует заметить, что у местоимений множественного и двойственного числа во всех славянских языках — даже тех, где и поныне в единственном числе сохраняется парность полноударного и энклитического вариантов, — развитие пошло по тому же пути, что в русском, т.е. древние энклитические варианты утратились. Это значит, что указанный типологический принцип активно проявлял себя и там, где прочие факторы, приводившие к утрате энклитик, отсутствовали или не действовали.

3. Различие между падежами: в Д.мн. процесс начинается раньше, чем в В.мн. (правда заканчивается практически одновременно); ср. диаграммы 2 и 3.

Как уже отмечено выше, наряду с основным вариантом развития местоимений существовал и особый вариант, при котором в Д.мн. и Д.дв. энклитические формы были почти целиком вытеснены полноударными уже в очень раннюю эпоху. Допустимо предположение, что в литературных древнерусских памятниках (таких, как Феод. и Флав.) данный эффект есть следствие подражания старославянским образцам. Но следует учитывать, что пониженный (в той или иной степени) по сравнению с остальными рубриками коэффициент энклитичности в Д.мн. и Д.дв. представлен и во всех прочих раннедревнерусских памятниках, не исключая даже Киев-Д и ранних берестяных грамот. Поэтому, хотя подражание старославянским образцам могло играть здесь определенную роль, оно было не единственным фактором, определявшим данный эффект, — эволюция такого же типа началась и в живом древнерусском языке XI–XII вв.

Главной причиной раннего устранения словоформ Д.мн. *ны*, *вы*, по-видимому, была уникальность того типа падежного синкретизма (Д. = В.), который представлен в этих словоформах; см. об этом § 3.6 (конец).

4. Различие между лицами: подобно множественному числу ведет себя также 3-е лицо; см. диаграмму 4. В XIV–XV вв. энклитические формы местоимений 3-го лица представляют собой уже большую редкость; в XVI в. их уже вообще нет.

§ 3.16. К анализу истории энклитических местоимений следует добавить замечание о тенденции к превращению в энклитики, которая наблюдается у некоторых местоименных словоформ, с исторической точки зрения акцентно самостоятельных.

Данное явление хорошо известно в южно- и западнославянских языках. В частности, у полноударных местоименных словоформ *jego* и *jeti* практически во всех этих языках со временем развились вторичные варианты *go* и *ti* (с усечением начального слога), являющиеся энклитиками. (Заметим, что такое усечение, очевидно, было не предпосылкой энклитического употребления, а его следствием.)

В русском языке подобного усечения не было. Но сама тенденция использовать в определенных случаях эти и некоторые другие местоименные словоформы в качестве энклитик несомненно существует. Так, в современном русском языке в роли энклитик могут выступать, в частности, *его*, *ему*, *ее*, *ей*, *их*, *им*. Например, во фразе *Ведь я их не знаю* словоформа *их* полностью лишена

ударения. В ряде других случаев, скажем, во фразе *Кто его знает, где он* эти словоформы выступают с ослабленным ударением.

В древних источниках имеются единичные примеры, которые в принципе могут быть интерпретированы как ранние проявления именно такой просодической инновации. Вот фразы из ЖАЮ, где словоформы *ему* и *его* стоят между глаголом и энклитикой, то есть в позиции, которую могут занимать только энклитики: *и створиѡ ѡму кси срамъ великъ* 15г; *прѣвратиѡ его еси с высока долѣ въ срамъ* С25. (Ср. также § 1.2, примеч. 1, где обсуждается возможность аналогичной интерпретации для примера *и окрадоуи ѿ ного кси* 370п.)

Более многочисленны фразы (встречающиеся в основном в ЖАЮ), где справа от *его*, *ему*, *ихъ* стоит словоформа *есть* или *суть*, например: *взѧѡ кго ксть дѣяволъ себѣ* (ЖАЮ, 24а); см. эти примеры в § 5.8. Но такие фразы недостаточно показательны, поскольку словоформы *есть*, *суть* могли быть и полноударными (а в этом случае уже ничто не мешало свободному порядку слов). Во фразе *ты бо ѡму кси вдала власть* (ЖАЮ, 42в) словоформа *ему* стоит между энклитиками, то есть тоже в позиции, характерной для энклитик. Но здесь все же нельзя исключать возможность барьера после *бо* (с разделением энклитик), и тогда *ѡму* полноударно.

Таким образом, существенный материал по данному вопросу фактически ограничивается всего двумя фразами из ЖАЮ с *ѡму кси*, *кго кси* после глагола. Но даже и словоформа *еси* в единичных случаях могла функционировать как полноударная.

В этой ситуации следует признать, что, хотя в принципе тенденция к энклитическому употреблению словоформ *ему*, *его*, *еи*, *еѣ*, *имѣ*, *ихъ* вполне могла возникнуть в истории русского языка достаточно рано, мы все же не располагаем надежными свидетельствами того, что эти словоформы могли выступать в роли энклитик уже в древнерусский период.

Глава четвертая **ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИКИ СА**

ОСОБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СА В СИСТЕМЕ ЭНКЛИТИК

§ 4.1. Из всех энклитик наибольший интерес для историка русского языка представляет эволюция энклитики *са*. Эта энклитика прошла наиболее сложный путь развития: на протяжении десяти веков она радикально трансформировала свои синтаксические свойства, превратившись из отдельного слова в морфему. На ее примере мы имеем редкую возможность проследить эту интересную трансформацию непосредственно по памятникам, поскольку все этапы этой эволюции приходится на хорошо документированные памятниками периоды истории русского языка.

Трудность здесь только в том, что необходимо обозреть весьма значительные объемы материала — постепенные медленные сдвиги такого рода можно уловить лишь средствами статистики, которая, как известно, становится надежным орудием только при обработке достаточно большого материала.

Даже самое беглое сравнение древнерусского языка с современным позволяет понять, что основной вектор развития в данном случае — это переход от ситуации, когда возможна как постпозиция, так и препозиция *са*, к ситуации, когда допустима уже только его контактная постпозиция при глаголе.

Но для нас существенно не только констатировать эту очевидную истину, но и изучить те языковые механизмы, которые позволили осуществиться такой трансформации.

Нас будут интересовать только такие фразы, где сказуемое стоит не в начале: во фразах с начальным сказуемым в ходе истории в этом отношении ничего не менялось, поскольку здесь новые и древние правила требуют одного и того же — постановки энклитик непосредственно после глагола.

Как уже было показано выше, основной механизм, который позволял фразовым энклитикам уходить вправо от их главного вакарнагелевского места — конца первой тактовой группы клаузы, — это использование ритмико-синтаксических барьеров. Понятно, что чем больше барьеров реализовано во фразе, тем дальше энклитики, в частности *са*, отодвигаются вправо. В предельном случае самый правый барьер оказывается непосредственно перед сказуемым, и тогда *са* попадает именно в ту позицию, которая ныне для него стала единственно возможной.

Эволюция *са* выглядит тем самым так, как если бы со временем говорящие использовали все больше и больше барьеров и в конце концов стали с полной обязательностью ставить барьер непосредственно перед сказуемым.

Но такая версия приходит в противоречие с тем фактом, что барьеры в принципе применяются не случайно и не бесцельно, а в соответствии с жела-

нием говорящего придать некоторой части фразы дополнительный вес, выделить ее, несколько отделив от остальных частей. И было бы странно предполагать, что люди прошлого очень мало пользовались средствами выделения, а современные люди выделяют почти все звенья фразы. Непосредственное наблюдение над употреблением возвратных глаголов в современном русском языке не даст никаких оснований предполагать, что перед каждым из них в речи реализуется некий ритмико-синтаксический барьер.

Следует полагать, что эволюция здесь в действительности была двусторонней. С одной стороны, барьеры, диктуемые потребностью выделения, порождали фразы со сдвинутым вправо *са*. В некоторых типах фраз в силу их синтаксических или семантических особенностей благоприятные условия для постановки барьера возникали особенно часто; постепенно сдвиг энклитик здесь сам становился характерной особенностью таких фраз.

Но, с другой стороны, в чем большей степени сдвиг энклитик в таких фразах становился привычным и обычным, тем меньше он нуждался для своей реализации в выделении каких бы то ни было элементов фразы. Конечной фазой такого развития является обязательность некоторого порядка элементов, а, как известно, обязательное не может служить ни для какого выделения. Так, нынешнее обязательное положение *са* на конце глагольной словоформы уже ни в какой степени не может быть формой выражения того, что предглагольная часть фразы как-то выделена (как это было в древности).

§ 4.2. Наблюдения над памятниками действительно позволяют выделить определенные типы фраз, где сдвиг *са* слева направо по фразе происходил интенсивнее, чем в других типах.

Выясняется, что частота применения постпозиции *са* в некотором типе фраз того или иного памятника зависит от двух основных характеристик:

- 1) тип фразы, благоприятствующий или не благоприятствующий постпозиции *са*;
- 2) степень общей продвинутости памятника по пути эволюции от древнего состояния к новому.

Существенно, что второе, как мы увидим ниже, отнюдь не находится в прямом соответствии с тем, к какому хронологическому периоду относится памятник. Много важнее оказывается общая установка автора или переводчика, которая может предполагать большую или меньшую близость к живой речи.

Ниже рассматриваются более подробно те факторы, которые способствуют или не способствуют постпозиции *са*, а затем различные группы памятников (разных эпох), отражающие разные ступени указанной эволюции. Причин появления того или иного конкретного барьера мы уже более не обсуждаем, а ограничиваемся простой констатацией препозиции или постпозиции *са*.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что закон Вакернагеля — это один из автоматизмов живой разговорной речи. Письменная речь (равно как и ее устное воспроизведение при чтении написанного) может быть в большей или меньшей мере близка к живой речи, но все же никогда не совпадает с ней на сто процентов. Диапазон вариаций здесь весьма велик. Так, берестяные гра-

моты весьма близки к точной передаче устной речи. На противоположном полюсе находятся, например, богословские сочинения или художественные произведения, подчиненные эстетике «плетения словес». Последние не только не следуют устной речи, но совершенно сознательно от нее отталкиваются; успехом стиля здесь считается максимальная непохожесть на устную речь.

Письменная речь может, в частности, иметь существенно иной порядок слов, чем выражение той же мысли в живом разговоре. И при чтении вслух письменного текста возможны более частые и более ощутимые паузы между элементами фразы, чем в обычной речи; слова могут произноситься с более заметным отделением друг от друга. Особенно силен этот эффект в практике устного чтения сакральных текстов. Клитика, произнесенная отдельно, неизбежно получает самостоятельное ударение и тем самым уже перестает быть клитикой. В этих условиях, естественно, частично или даже полностью утрачивают силу и автоматизмы устной речи, касающиеся порядка слов, в частности, закон Вакернагеля.

Понятно, что этот эффект тем сильнее, чем активнее проявляется установка пишущего на удаление от устной речи. Имея дело с древнерусскими письменными текстами, приходится постоянно принимать во внимание этот фактор. Рассматривая конкретный памятник, необходимо прежде всего учитывать, какое место он занимает на шкале книжности.

Помимо общей оценки памятника с точки зрения его близости к живой речи или удаления от нее, нужно принимать во внимание и степень книжности отдельных грамматических форм или оборотов, представленных в конкретных фразах. Даже и в составе памятников, в основном ориентированных на живую речь, возможны отдельные грамматические формы или обороты книжного характера. В таких отрезках текста вакернагелевский механизм работает хуже, чем в основной части памятника.

Другое важное обстоятельство, которое необходимо учитывать, состоит в том, что закон Вакернагеля наиболее активно действует в самых простых типах клауз — прежде всего в таких, которые содержат, помимо энклитик, только глагол-предикат и небольшое число подчиненных глаголу слов. Всякое усложнение этой простейшей схемы — даже простое увеличение числа слов в клаузе — несколько затрудняет действие этого закона.

Наибольшее затруднение такого рода возникает в том случае, когда вместо глагола-предиката предикативным центром клаузы оказывается неличная форма. Так, причастие совмещает функции предиката и определения, деепричастие — функции предиката и обстоятельства, инфинитив — функции предиката и дополнения (или подлежащего). Между тем закон Вакернагеля — это в принципе механизм, связанный с предикатом (а именно, определяющий место энклитик, подчиненных предикату). Поэтому чем сильнее удаляется некоторая глагольная словоформа от собственно предикативной функции в сторону каких-то иных функций, тем слабее действует в отношении подчиненных ей энклитик автоматизм закона Вакернагеля. Соответственно, мы находим гораздо больше отклонений от закона Вакернагеля при неличных формах, чем при личных.

Дополнительные сведения о классификации клауз

§ 4.3. При изучении *са*, как и любых других энклитик, мы опираемся на классификацию клауз, описанную в § 1.29. Но с практической точки зрения оказывается полезно выделить в составе общей совокупности клауз некоторую центральную, наиболее существенную для нашего исследования часть и заниматься в первую очередь именно ею. Эту центральную часть можно обозначить как основной массив клауз.

Не входят в основной массив клаузы:

- а) где *са* относится к собственно причастию;
- б) где *са* относится к супину;
- в) начинающиеся с проклитико-энклитического комплекса (см. также § 4.11 относительно последствий, которые из этого вытекают для частицы *да*)³⁸;
- г) начинающиеся с вспомогательного глагола.

В этих периферийных категориях клауз поведение *са* подчиняется различным частным правилам, поэтому целесообразно не включать их в общие подсчеты, чтобы не затемнять те более общие механизмы, которые действуют в основном массиве клауз.

Для основного массива мы используем единую нумерацию классов (при этом для дальнейшего описания оказалось удобным поместить класс клауз с аористом и имперфектом в самый конец совокупности простых клауз). В результате получается следующая рабочая классификация (пояснения относительно всех выделяемых классов см. в § 1.29).

Классификация основного массива клауз

Простые клаузы						Осложненные	
Живые личные формы			Подч. инф.	Дее- прич.	Аор./ импф.	Много- актант.	Тя- жел.
Начальн. местоим.	Нач. союз	Нач. знамен.					
1	2	3	4	5	6	7	8

Точное наименование отдельного класса (в особенности классов 1–3), разумеется, было бы недопустимо громоздким. Например, класс 1 — это простые клаузы со сказуемым в личной форме, но не аористе или имперфекте, начинающиеся с местоименного слова. Поэтому ниже эти классы обозначаются просто номерами и/или условными ярлыками:

1 (с начальным местоимением [или просто: начальное местоимение; аналогично и далес в классах 2–6]);

2 (с начальным союзом);

3 (с начальным знаменательным словом);

³⁸ Изредка встречаются клаузы, где проклитико-энклитический комплекс стоит не в начале (например, *скоро да са сбудеть*). Их мы тоже условимся исключать из основного массива.

- 4 (с подчиненным инфинитивом);
- 5 (с деепричастием);
- 6 (с аористом/имперфектом);
- 7 (многоактантные);
- 8 (тяжелые).

Следует помнить, что это именно условные (сокращенные) наименования; например, ярлык «с начальным местоимением» реально покрывает не все клаузы с начальным местоимением, а только клаузы класса 1.

Там, где дается не только ярлык, но также и номер класса, ярлык может быть сокращен еще сильнее, например: 1 (мест.), 4 (инф.).

Коэффициент препозиции *са* (Q) может быть вычислен по отдельности для каждого из этих классов; мы обозначаем его соответственно $Q_{(1)}$, $Q_{(2)}$ и т. д. Но вместо номера может быть дано и сокращенное имя класса, например, $Q_{(мест.)} = Q_{(1)}$, $Q_{(союз)} = Q_{(2)}$. Коэффициент препозиции *са* по сумме классов 1–8 мы будем обозначать $Q_{(общ.)}$.

Наиболее общая зависимость между приведенной классификацией и препозицией *са* такова: благоприятны для препозиции *са* (хотя и в неравной степени) первые четыре класса, т. е. основная группа личных форм и инфинитив. Остальные классы в большей или меньшей степени неблагоприятны для препозиции *са*.

При классификации представленных в памятниках клауз неизбежно приходится сталкиваться в числе прочих также с неочевидными и спорными случаями, когда синтаксическая структура и/или значение клаузы могут быть истолкованы по-разному. Простейший пример: *ютро же възвращь са въ градъ възалка* (Мар., Матф. 21.18) — к чему относится *ютро* 'утром': к *възвращь са* или к *възалка*? Синтаксически допустимо как то, так и другое, а с семантической точки зрения здесь можно говорить только о предпочтениях, но не об однозначном решении.

Иногда такое различие версий оказывается существенным для интересующей нас проблемы размещения энклитик; но чаще это влияет (впрочем, весьма незначительно) только на подсчеты численности тех или иных групп клауз.

Разумеется, составить общие предписания для всех трудных случаев такого рода невозможно; и в рамках нашей основной задачи в этом и нет необходимости. Но полезны все же некоторые технические указания, повышающие уровень единообразия в описании разных памятников. Приводим их (частично повторяя указания, уже дававшиеся ранее).

К местоименным наречиям относим *тако*, *како*, *яко* (не как изъяснительный союз), *гдѣ*, *сѣдѣ*, *тамо*, *коли*, *когда*, *тогда* (тогда как, в частности, *нынѣ* квалифицируется как обычное наречие).

Полезно напомнить, что *яко* (в функции изъяснительного союза) и *се* 'вот' ведут себя как проклитики; соответственно, в сочетании с последующей энклитикой они образуют комплексы, т. е. полноударные единицы (например, *яко же*, *се же*).

Самъ са в значении 'сам себя' из подсчетов исключается: этот оборот превратился в устойчивое сочетание, которое уже не подчиняется общим правилам размещения энклитики *са* (см. о нем § 1.31) и может встретиться даже в памятниках, где препозиции *са* уже вообще нет. По той же причине из подсчетов исключается устойчивое сочетание *милъ са* *дѣю* 'умоляю'.

Исключаются из подсчетов также цитаты из Псалтири и Евангелия, поскольку по поведению с_а они могут совершенно не соответствовать собственным нормам памятника. (Возможно, впрочем, что кое-где цитата осталась неопознанной; но со статистической точки зрения этот факт ничтожен и никакого существенного искажения результатов дать не может.)

Словосочетание *крестъ ѡбловати* во многих случаях ведет себя в просодическом отношении подобно единому сложному слову. Условимся поэтому не относить клаузу к числу многоактантных, если от простой она отличается только наличием слова *крестъ* (из данного словосочетания).

Поведение с_а в зависимости от характера предикативной словоформы

§ 4.4. Рассмотрим последовательно разные классы клауз с точки зрения их воздействия на поведение с_а. Начнем с эффектов, которые зависят от грамматических характеристик предикативной словоформы.

Клаузы с собственно причастием

Клаузы, где с_а относится к собственно причастию (т. е. причастию в членной форме и/или в косвенном падеже), максимально неблагоприятны для препозиции с_а. Даже в памятниках с очень высоким общим коэффициентом препозиции с_а при собственно причастиях препозитивное с_а почти не встречается.

Во всем обследованном корпусе текстов отмечено всего несколько примеров такого рода, а именно:

ЖАЮ — а бѣ с_а рѣгающею прѣльсти моя ... С166;

вида же с_а сотона тако с_а исполнивъша сребролюбимъ, веселашеся 31б;

нѣсмъ бо видить николиже никогоже тако с_а плачуща о мертвѣцѣ 24а.

Флав. — гражаном же с_а съкоушимъ между собою безъ престани ... 43бв/г.

Супр. — тако же с_а оубо съкончавъшоу стѣпоуемоу Ионѣ ... III-1.

Безусловной нормой здесь является постпозиция с_а — даже в ситуации, когда перед причастием стоит подчиненное ему слово, в обычном случае легко притягивающее к себе энклитики, например:

и потомъ, никому же не противящуюся емѣ словомъ ... (Флав., 373б);

держим же Игорьъ, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася (Киев. лет. [1185], 224 об.).

Такой сильный эффект, очевидно, определяется соединением сразу двух главнейших факторов, затрудняющих действие закона Вакернагеля. Во-первых, собственно причастия носили, по крайней мере на древнерусской почве, сугубо книжный характер: в живой речи их просто не было. Во-вторых, собственно причастия по своей синтаксической функции сильно удалены от исходной роли предиката (см. об этом выше), и фразы с причастиями как правило обладают значительной степенью сложности.

Роль препозиции в этом классе клауз столь близка к нулю, что ниже мы уже просто не включаем данные по собственно причастиям в подсчеты, связанные с поведением с_а, чтобы не затемнять реальные количественные соотношения между памятниками балластом из нулей.

Клаузы с супином

§ 4.5. Эффект супина — практически такой же, как у собственно причастий. Отмечено всего несколько примеров препозиции *са* при супине. Чистый случай в сущности всего один: *идеѿ са сама бороть* (ПВЛ [1022], 60).

Кроме того, можно указать фразу с двойным *са* — *идоуцимъ же са иль битса, Андрѣи поча радити полкъ ѿца своего* (Киев. лет. [1151], 158) и несколько фраз с одним *са* на два глагола (подчиняющее *съступишася*, *съвкупнишася*, *творяхуться* и подчиненное *са битъ*):

и съступишас(а) битъ (ПВЛ [965], 19);

и сступиша са битъ (Сузд. лет. [1152], 113 об.);

и не совокупиша са битъ (Сузд. лет. [1177], 180);

быс же лествъ въ Берендичихъ, творяхуть бо са битъ приѣзде к городу (Киев. лет. [1159], 179 об.; здесь соединены конструкции *творяхуть са приѣзде* 'утверждали, что присекают' и *приѣзде са битъ* 'присекают биться'; *са битъ* — супин с новым окончанием).

Во всех остальных случаях *са* при супине стоит в постпозиции, например:

и поидоша битса (Киев. лет. [1151], 157);

и иде поклонитса къ стѣму Михаилу в манастирь (ПВЛ [1097], 87) и т. п.

Причины данного эффекта в значительной мере сходны с теми, которые указаны выше для собственно причастий. Во-первых, супин представлял собой отмирающую, уходящую в прошлое категорию, уже в основном чуждую живой речи. Во-вторых, действовал фактор удаления от собственно предикативной функции.

Как и собственно причастия, ниже супины из подсчетов исключаются.

Клаузы с деепричастием

§ 4.6. Здесь и в двух последующих параграфах (§ 4.7–8) мы рассматриваем только материал простых клауз (что в заголовках уже более не отмечается).

При деепричастиях препозиция *са* представлена заметно шире, чем при собственно причастиях. Но все же она встречается здесь реже, чем при личных формах, а в части памятников даже просто отсутствует.

Сравним в рамках простых клауз³⁹ $Q(5)$ (коэффициент препозиции *са* при деепричастиях) и $Q(1-3)$ (коэффициент препозиции *са* при личных формах, активно используемых в живой речи, — презенсе, императиве, перфекте, плюсквамперфекте).

Коэффициент препозиции *са* может быть выражен в процентах или непосредственно в виде дроби a/b , где a — численность примеров препозиции *са*, b — общая численность примеров с неавтоматической постановкой *са*. Для большей наглядности в наиболее важных рубриках использованы оба эти способа представления сразу.

³⁹ Подсчитывать то же самое на всем объеме, т. е. с включением осложненных клауз, не имеет смысла, поскольку осложненность действует сильнее, чем фактор деепричастия, и следовательно, итоги подсчетов будут сильно зависеть просто от того, много ли в памятнике осложненных клауз.

Ниже в виде таблицы приведены данные нескольких важных памятников. Поскольку материал по *са* при деепричастиях вообще довольно ограничен, здесь пришлось включить в таблицу также и некоторые памятники, где клауз класса 5 (с деепричастием) совсем мало. В таких случаях для $Q(5)$ проценты не выписываются, поскольку они создавали бы лишь иллюзию точности.

Здесь и в последующих таблицах в квадратных скобках указано общее количество представленных в памятнике примеров с неавтоматической постановкой *са* в классах 1–8. Эта цифра показывает «калибр» памятника и позволяет оценить степень показательности соответствующих статистических данных.

Поведение *са* в клаузах с деепричастием

	$Q(1-3)$	$Q(5)$ – дееприч.
<i>Небольшое различие коэффициентов</i>		
Ранн. бер. грам. [30]	85%	4/4
Киев-Д [188]	66%	3/5
Житие Мефодия [28]	82%	2/3
Мариинск. ев. [468]	11%	1/10
<i>Существенное различие коэффициентов</i>		
ЖАЮ [544]	64%	37% (14/38)
Супр. [689]	42%	17% (8/48)
Флавий [1115]	16%	7% (6/91)
<i>Резкое различие коэффициентов</i>		
Киев. лет. (автор.) [533]	30%	7% (3/43)
ПВЛ [422]	34%	0% (0/12)
Гал.-Волын. лет. [264]	26%	0% (0/18)

Как видно из таблицы, только в ранних берестяных грамотах, возможно, еще сохранилась предполагаемая первоначальная ситуация, когда деепричастия давали препозицию *са* без всяких ограничений. Но здесь представлено всего четыре примера, так что о серьезных статистических выводах говорить не приходится. Материал ранних берестяных грамот и Киев-Д см. в § 2.16.

К сожалению, крайне ограничен также и материал других памятников, где $Q(5)$ мало отличается от $Q(1-3)$ (Житие Мефодия, Мариинское ев.). Фразы с препозицией *са* здесь таковы:

въсьмъ бо са оуподобль (Мефод., 104в);

Бѣжи са навль (там же, 103б);

нѣ і оца своего гласше Бѣ, ∇ ра{ра}вень са твора Бѣу (Мар., Ио. 5.18).

Существенно больше интересующих нас примеров содержат некоторые из крупных памятников — Супрасльский кодекс, Житие Андрея Юродивого, Флавий. В частности:

Супр. — *и тѣмъ са примиривъ съ нами* 5б;

Богоу са на оучастиѣ въдаѣ III-6;

и зѣло са въздрадовавъ, рече 74 об.;
и оу чрьтога сѣдиши, ∇ издавна са троуда III-34.
ЖАЮ — *неистов са дѣм 4;*
завистию са ражъжегъ С49;
и видивъ кого, ∇ малы са пролыснувъ, реч(е) 466;
а в ризы са облача, литургисаше 486;
и издалеча са поклонивъ, мимоидохъ С22;
он же // велми са разъгнѣвавъ на на ... С49 об.;
дивно же се бѣаше Кифану (...), ∇ яко° кѣмуже са не оучивъ, глѣше 16г.
Флав. — *ни мене са стыдаще, ни своего шроужѣа 449б;*
и ѡда са ѡчютивъ, вопрошаше 356а;
проса прощѣнѣа, ∇ и с'квернѣ са възываа и ѡканень 371б.

Но, как видно из таблицы, во всех этих памятниках препозиция *са* при деепричастиях представлена все же гораздо реже, чем при личных формах.

В прочих памятниках отмечены лишь единичные примеры, в частности:
и томуо стояшеть быа са, ∇ с ними са перемагаша са (Киев. лет. [1140], 112 об.; двойное *са*);

смѣрти бо са, дѣти, не боючи, ни рати, ни ѡ звѣри, но мужьское дѣло творите (Мономах, 83);

сѣмѣрнѣше сѣ, ∇ постѣдѣнии сѣ въсѣхъ творѣа и слоужьбѣнникъ (Феод., 42г);
аще тебе хоулитъ кто оуноша, и ты, ∇ за сѣдиною са емъ, кажешь свою старость к немуо ... (Пчела, 433).

И имеется значительная группа памятников (прежде всего летописей), где препозиция *са* при деепричастиях не встречается вообще (застывший оборот *милъ са дѣм* 'умоляя', как уже было оговорено выше, не в счет).

Как понятно из таблицы, нормой для безусловного большинства памятников является постпозиция *са*. Примеры:

мало причастивса ѡ того, дивлашеса сласти тои (ЖАЮ, 14а);
ѡ кона спада са ... (Мономах, 83);
и за роукы смлющеса сѣчѣхъ (Флав., 442а);
азъ же, того оубоавъса, придохъ на нь (ПВЛ, 24);
и опать воротивъше са ... (НПЛ, 36) и т.п.

Представляет значительный интерес специфический показатель, характеризующий деепричастия, — величина разрыва между коэффициентами $Q_{(1-3)}$ и Q_5 , т.е. мера различия в частоте препозиции *са* при личных формах и при деепричастиях. Как можно видеть из таблицы, в древнейших памятниках — в старославянских Мариинском евангелии и Житии Мефодия, равно как в ранних берестяных грамотах и Киев-Д, — этого разрыва еще в сущности просто нет. Он появляется лишь во второй группе, где самым древним является Супрасльский кодекс. А максимальных значений этот разрыв достигает в последней группе, которая в нашей таблице представлена древнерусскими летописями. Сюда же относятся и многочисленные более поздние памятники, где препозиции при деепричастиях нет вообще.

В отличие от собственно причастий, деепричастия были вполне употребительны в живой речи. Очевидно, этим и объясняется намного более частая, чем

при собственно причастиях, препозиция *са*. А фактором, который в ходе истории начиная с какого-то момента уже ощутимо снижает эту частоту, здесь оказывается только синтаксическая функция деепричастий, уже существенно отличная от собственно предикативной функции личных форм.

Клаузы с аористом или имперфектом

§ 4.7. Практически во всех обследованных памятниках коэффициент препозиции *са* при сказуемом в аористе или имперфекте оказывается ниже, чем при сказуемом в других личных формах или инфинитиве.

Сравним в рамках простых клауз $Q_{(6)}$ (коэффициент препозиции *са* при сказуемом в аористе или имперфекте) с $Q_{(1-3)}$ (коэффициентом препозиции *са* при других личных формах (презенте, императиве, перфекте, плюсквамперфекте), т. е. при формах, активно используемых в живой речи.

Приводим данные нескольких памятников, содержащих удовлетворительное количество материала (а именно, не менее 20 клауз класса б).

Поведение *са* в клаузах с аористом и имперфектом

		$Q_{(1-3)}$	$Q_{(6)}$ — аор./импф.
<i>Умеренное различие коэффициентов</i>			
Супр.	[689]	42%	20% (23/113)
Мариинское ев.	[468]	11%	7% (7/105)
ЖАЮ	[544]	64%	43% (27/63)
НПЛ-1	[186]	50%	18% (8/45)
Флавий	[1115]	16%	6% (18/299)
<i>Резкое различие коэффициентов</i>			
ПВЛ	[422]	34%	8% (12/143)
Киев. лет. (автор.)	[533]	30%	3% (4/160)
Даниил	[149]	24%	3% (1/34)
НПЛ-3	[130]	19%	0% (0/22)

Как можно видеть, в части памятников присутствие аориста или имперфекта влияет на позицию *са* очень сильно.

Из числа крупных памятников только в ЖАЮ показатель $Q_{(6)}$ превышает 40%. Примеры фраз из ЖАЮ с препозицией *са*:

да яко же са обѣща 33г;

и срѣче ми са оужасе С12 об.;

размышляла, кдѣ ли ссмь быть, ∇ кдѣ ли са обрѣтохъ С24;

егда же ли са кому не хоташе ходити в нощи 8г.

В памятниках Мефод., Мономах, СПИ показатель $Q_{(6)}$ формально тоже высок, но материала в них слишком мало для статистических заключений (всего 3-6 клауз класса б). Примеры фраз с препозицией *са*:

поути са ѿтъ (Метод., 1056);
и то ми са вына (Мономах, 78);
и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, // тъмоу ся новолокоста
 (СПИ, 103).

Во всех прочих памятниках при аористе и имперфекте безусловно преобладает или даже полностью господствует препозиция *са*. Вот некоторые примеры:

Препозиция — редко	Постпозиция — норма
<i>и съврѣгъ ризы, ∇ къ нагымъ са примѣси</i> (Супр., 48) <i>да то са зваху ѿ Грекъ Великая Скуфь</i> (ПВЛ, 5) <i>и тако са оуправиша по воли</i> (НПЛ [1177], 41 об.)	<i>не отъ жены ли роди са</i> (Супр., 4 об.) <i>да ови обѣштаваахъ са, друзиѣ же не покораахъ са</i> (Супр., 17) <i>тъгда събѣраша са архиереи и кнѣжъници</i> (Мар., Мт. 26.3) <i>і егда испльниша са днье очищениѣ ею</i> (Мар., Лк. 2.22) <i>и тако разидеса словѣньский языкъ</i> (ПВЛ, 2 об.) <i>и ту створишася врата мѣдана</i> (ПВЛ, 85 об.) <i>и тамо прѣстависа</i> (НПЛ [1156], 29) <i>и они передашася</i> (НПЛ [1209], 74) <i>и мало не смерчеса</i> (Киев. лет. [1124], 107 об.) <i>Дюрги же възворотиса в Киевъ</i> (Киев. лет. [1155], 173) <i>и тогда раздрася церковная катанетазма, и камене распадеса</i> (Дан.) <i>и мноѹси прельстишася</i> (Флав., 3486)

Вот особенно наглядный пример, где в одной фразе мы находим в совершенно однотипных клаузах препозицию *са* при перфекте и постпозицию при аористе (того же глагола):

и дастъ ему оѣъ его Лучинъ городъ, въ нѣмже родиса, и поставиша на томъ мѣстѣ ирѣвъ стѣго Михаила, где са родилъ (Киев. лет. [1173], 201 об.).

Для русских памятников описанный эффект аориста и имперфекта естественно связывать с фактором книжности: аорист и имперфект отсутствуют в живой речи, соответственно фразы с этими временами возникают только в условиях, где автоматизмы устной речи частично или даже полностью теряют актуальность.

Правда, Мариинское евангелие и в особенности Супрасльский кодекс показывают, что и в старославянском препозиция *са* при аористе использовалась несколько реже, чем при презенсе или перфекте. Очевидно, здесь действовали какие-то факторы, специфические для старославянского. Но для их выявления того ограниченного старославянского материала, который привлекается к рассмотрению в настоящей книге, недостаточно.

Клаузы со сказуемым в личных формах (но не аористе или имперфекте)
и клаузы с подчиненным инфинитивом

§ 4.8. Клаузы названных категорий — это сфера, наиболее благоприятная для действия закона Вакернагеля. А внутри этой сферы максимально благоприятен для препозиции *са* класс клауз с начальным местоименным словом.

Приводим цифровые данные по наиболее показательным памятникам. За немногими исключениями взяты только относительно крупные памятники (т. е. содержащие статистически значимый материал).

Поведение *са* в разных классах простых клауз

	1 Мест.	2 Союз	3 Знамен.	4 Инф.
<i>Умеренные различия между классами</i>				
Житие Мефодия	2/3	4/4	3/4	1/1
Ранн. бер. грам.	92% (12/13)	2/3	2/3	2/2
Киев-Д	79% (52/66)	67% (22/33)	46% (19/41)	73% (22/30)
ЖАЮ	71% (82/115)	57% (12/21)	45% (18/40)	72% (44/61)
Поздн. бер. грам.	48% (16/33)	3/6	23% (3/13)	1/2
<i>Значительные различия между классами</i>				
Общий случай				
Супр.	63% (20/32)	72% (13/18)	16% (7/45)	19% (14/75)
ПВЛ	52% (16/31)	30% (8/27)	21% (7/34)	33% (13/39)
Киев. лет. (автор.)	50% (9/18)	27% (4/15)	0% (0/11)	43% (28/65)
Гал.-Волын.	15% (2/13)	4/9	24% (4/17)	35% (12/34)
Памятники с очень низкими Q(знам.) и Q(инф.)				
Мариинск. ев.	19% (15/80)	10% (4/39)	0% (0/47)	3% (1/39)
Изборник 1076	20% (9/44)	6% (1/16)	5% (3/61)	8% (2/26)
Флавий	23% (20/87)	25% (14/55)	6% (7/120)	4% (3/73)
Пчела	16% (19/118)	23% (9/39)	4% (5/115)	5% (2/41)
Памятники с препозицией почти исключительно при начальном местоимении				
Даниил	34% (11/32)	0/5	0/8	1/3
Домострой	18% (2/11)	0/4	1/11	0/4
Грязной	4/6	—	0/6	0/2

Примеры см. ниже в обзоре памятников.

Как видно из таблицы, примерно одинаковый коэффициент препозиции *са* во всех четырех рассматриваемых классах (если не считать некоторой склон-

ности к снижению этого коэффициента в классе 3) характерен для старших памятников, относительно близких к живой речи. Поскольку, судя по ряду признаков, именно эти памятники в наибольшей степени приближаются к предполагаемому исходному состоянию энклитик, можно думать, что первоначально никакого различия в поведении энклитик в этих четырех классах не было.

Но в большей части памятников представлено уже иное состояние, а именно, классы 2—4 уже менее благоприятны для препозиции *са*, чем класс 1.

При этом, правда, в ряде памятников класс 2 дает примерно такие же показатели, как класс 1 (иногда даже несколько большие).

Из частных особенностей можно отметить то, что ряд церковных и книжных памятников избегает препозиции *са* при подчиненном инфинитиве и при знаменательном слове. Между тем русские летописи используют препозицию *са* при подчиненном инфинитиве относительно активно.

В поздних памятниках препозиция *са* за рамками клауз с начальным местоимением уже вообще почти не встречается.

Поведение *са* в зависимости от степени сложности фразы

§ 4.9. Перейдем к другому параметру — степени сложности фразы. Рассмотрим более подробно, в чем именно может проявляться сложность фразы.

Многоактантные клаузы

По поведению многоактантных клауз можно подразделить памятники на три группы, в которых коэффициент препозиции *са* в многоактантных клаузах соответственно: 1) примерно такой же, как в простых (иногда даже немного выше); 2) заметно ниже, чем в простых; 3) в 5—10 раз ниже, чем в простых, или даже равен нулю. Самая большая из них — группа 3; в группу 1 из богатых материалом памятников входят только Киев-Д и Афан. Ник.

Приводим количественные данные для ряда важных памятников всех трех групп (в основном таких, где сравнительно много материала).

Поведение *са* в многоактантных клаузах

		Q(1-3)	Q(7) — многоакт.
<i>Слабое отличие многоактантных клауз от простых</i>			
Киев-Д	[188]	66%	70% (21/30)
Афан. Никитин	[58]	35%	43% (6/14)
<i>Заметное отличие многоактантных клауз от простых</i>			
Супр.	[689]	42%	12% (25/210)
ЖАЮ	[544]	64%	39% (48/124)
Александрия	[236]	47%	16% (9/55)
ПВЛ	[422]	34%	18% (10/56)
Киев. лет. (автор.)	[533]	30%	12% (10/85)
Флавий	[1115]	16%	6% (12/186)

<i>Резкое отличие многоактантных клауз от простых</i>			
Мариинск. ев.	[468]	11%	1,3% (1/77)
НПЛ-1	[186]	50%	10% (2/20)
Гал.-Волын. лет.	[264]	26%	2,6% (1/38)
Пчела	[685]	12%	2,7% (10/372)
Грязной	[27]	33%	0/11

Ситуация, представленная в Киев-Д, позволяет предполагать, что первоначально фактор многоактантности никакой роли в размещении энклитик не играл. Весьма показательно огромное различие в данном отношении между Киев-Д и авторской частью Киевской летописи: $Q_{\text{многоакт.}}$ соответственно 70% и 12%. Даже из одного этого факта уже можно заключить, что тенденция к постпозиции *са* в многоактантных клаузах — это книжная черта, тогда как в живой речи ее не было или она была гораздо слабее.

С этим выводом достаточно хорошо согласуются и показания ряда других памятников. Так, «Хождение» Афанасия Никитина, где многоактантность не влияет на поведение *са*, и Житие Андрея Юродивого, где она влияет слабо, — это памятники, отражающие значительное число черт живого языка.

Были бы, конечно, весьма существенны показания берестяных грамот, в особенности ранних. Но, к сожалению, многоактантных клауз в них совсем мало (3 в ранних и 9 в поздних), так что никакая статистика здесь невозможна.

Препозиция *са* в многоактантных клаузах бывает двух родов: обычная и смещенная. Обычная препозиция имеет место в клаузах без барьеров (скажем, *нынѣ са еси съ братомъ оумирилъ*), смещенная — в клаузах с барьером (скажем, *нынѣ // съ братомъ са еси оумирилъ*).

Вот некоторые примеры из памятников первых двух групп.

С обычной препозицией *са*:

Киев-Д — *а ты са еси еще с людьми Киевѣ не оутвердилъ* [1154], 170 об.;
а въ са своимъ братомъ и сѣмъ Изаславомъ сами въдаимы [1149], 141;
аче ти са полки иструдать, а на силнѣиши поущю другымъ [1149], 140;
а се ти са Романъ бродить, а ѿсуда Двѣ [1167], 188;
а сѣмо са за нами Днѣпръ росполиваетъ [1148], 132 об.

Супр. — *тѣмъ са ташныи подактъ даръ* III-35 об.

СПИ — *Нъ ро(з)ио ся имъ хоботы паишуть* 166;

И древо с(я) туюю къ земли прѣклонило 199;

На ниче ся години обратиша 120.

ЖАЮ — *комуже ихъ глѣше своимъ языкомъ, Ѳ в немже са ксть каждо ихъ родиль* 17в;

сдѣ са кончина оуставляетъ 656.

ПВЛ — *се бо ны са по дань яли* 22;

на горѣ, Ѳ еже са ныне зоветъ Оугорьскос 8.

Киев. лет. (автор.) — *про се са и Мьстиславъ разънѣваса на нѣ* [1140], 112 об.;
а иного кѣза не искати, Ѳ или са с нимъ смѣтью розлучити [1168], 189.

Со смещенной препозицией *са*:

Киев-Д — *достѣвайте вси, ∇ доколѣ // рѣкы са оустановати* [1147], 131 об.;
онѣ же нынѣ // ворогѣ ми са оучинилѣ [1196], 241.

Афан. Ник. — *а у жены // дитя ся родит, ино бабит муж* 448 об.;
Божиею благодатию // зло ся не учинило 457 об.
во Индѣиской же земли // кони ся у них не родят (Троицк. 373).

СПИ — *И съ нимѣ молодая мѣсяца, // Олегъ и Святѣславъ, // тѣмою ся поволокоста* 103.

ЖАЮ — *и о семь // наиболе са веселимѣ* С168 об.;
коимъ дѣла вины // се са ксть створило тебѣ 426;
но не своюю силою // члѣкомъ са створивѣ 666;
нѣ немѣтивѣ члѣкъ и лють // на мнѣ са кси навилѣ 30а.

ПВЛ — *а члѣкъ золь // ни крѣта са боить* 46 об.

Александрия — *изже бѣгомъ настѣлникъ бѣвъ, и съ сѣнцемъ въсходивъ, ∇ нынѣ оубѣ // бѣзунѣ са сътвори хъ поустѣ* 65.

Флав. — *и всѣ Галилеа // къ немоу са приложи* 357в.

Разумеется, как ясно из таблицы, в этих памятниках имеются также, причем в большом количестве, многоактантные клаузы с постпозицией *са*, скажем, *тамо аште и много плачемъ са за грѣхы* (Супр. III—55 об.); *и во мнѣ сила мола матетса* (ЖАЮ, 616); *но мы на предана възвратимса* (ПВЛ, часто); *Мъсти-славъ же крѣпко прашеса по Климѣ* (Киев. лет. [1160], 180); и т. п.

В памятниках третьей группы (куда входит, помимо указанных выше, также много других памятников) в многоактантных клаузах господствует постпозиция *са*. Ограничимся немногими примерами (знаки барьеров мы здесь во фразах с постпозицией *са* предпочитаем не ставить, поскольку в них барьеров в принципе могло уже и не быть):

Мар. — *азъ николиже не съблажнѣх са* (Мт. 26.33).

НПЛ — *и тако по грѣхомъ нашимъ разиде са власть наша и градъ нашъ* 81 об.

Клаузы с препозицией *са* здесь весьма редки. Приводим примеры.

С обычной препозицией *са*:

Мар. — *и не можѣт са кѣнигы разорити* (Ио. 10.35).

Мефод. — *о немъ же са никто же николи же попеклѣ* 1046;
оуже бо са есть яко и при печи оупотилѣ 107а.

Изборник 1076 — *еда бы са пакы къ грѣхоу обратилѣ* 218 об.

ГВНП — *а гдѣ са тажа родить* № 29 (1262 г.);
обы са просто не учинилоса № 44 (1373 г.) (двойное *са*).

Со смещенной препозицией *са*:

Мономах — *и в то же лѣт(о) // и дѣла са роди старѣшнее Новгородское* 81.

Феод. — *и пакы // дѣлѣ са своимъ кѣждо имашеть* 36а/б.

Шестоднев — *тии же разумнымъ друзи // на золь ся совратиша;*
и въ томъ часѣ // пакы // въ тѣлѣ са своимъ обряцеть.

Изборник 1076 — *посредѣ вельможъ // не равнѣ са твори* 404.

Даниил — *и благодѣтью божиею // та ся 3 кандила возжегоша тогда;*
и лвоуе мнози // ту ся ражают;

Пчела — *иже ѿ всакоа сладости // волею са воздержитъ, моудръ ксть* 435.
 Неизв. кн. — *или роусьскомоу гъсти // притъча са пригодитъ въ Ризѣ.*

Тяжелые клаузы

§ 4.10. Тяжелые клаузы сильнес всех прочих клауз склонны к постпозиции *са*.

Вот максимально наглядные примеры, где в одном и том же тексте соседствуют фразы, различающиеся только легким или тяжелым началом, и это немедленно отражается на позиции *са*:

Мономах, 79 об.: *и сему са по[див]усмы* — а чуть выше: *и сему чюду // диву-смьса.*

Киев-Д [1150], 151 об.: *сърѣшилъ есмь и первое, ∇ а того са каю* — а чуть ниже в том же монологе: *ны^н же, ѿѣ, // того всего // каюса.*

Приводим соответствующие цифровые данные для памятников, где имеется удовлетворительное количество материала (а именно, не менее 20 клауз класса 8 [но для Киев-Д сделано исключение]).

Поведение *са* в тяжелых клаузах

		Q(1-3)	Q(8) — тяжел.
<i>В тяжелых клаузах препозиция встречается лишь примерно вдвое реже, чем в простых</i>			
Киев-Д	[188]	66%	31% (4/13)
Даниил	[149]	24%	13% (7/52)
<i>В тяжелых клаузах препозиция встречается очень редко</i>			
Супр.	[689]	42%	0,7% (1/148)
ЖАЮ	[544]	64%	9% (7/82)
НПЛ-1	[186]	50%	2% (2/103)
ПВЛ	[422]	34%	2,5% (2/80)
Киев. лет. (автор.)	[533]	30%	0,7% (1/136)
<i>В тяжелых клаузах препозиция не встречается вообще</i>			
Мариинск. ев.	[468]	11%	0.71
Изборник 1076	[350]	11%	0.101
Флавий	[1115]	16%	0.204
Гал.-Волын. лет.	[264]	26%	0.36
ГВНП XIV-XV	[54]	35%	0.22

Из числа памятников с недостаточным количеством материала ко второй из этих групп примыкают, частности, Мефод., СПИ, Афан. Никитин, к третьей — берестяные грамоты обоих периодов и Мономах.

Как ясно из таблицы, в тяжелых клаузах во всех памятниках господствует позиция *са*. Примеры:

Киев-Д — *ѡйю моему и своему брату // поклониши(а) Изаславу* [1150], 148;
кѣже, // велико зло // дѣется в городѣ [1161], 182 об.

Даниил — *и тѣми оконци // видиться святой тѣ камень.*

Супр. — *и мжкѣ твоихъ // не боишѣ са* 6 об.

ЖАЮ — *ѡ сего всего // храниса* 356;

в паматъ стѣхъ // причащаиса С170;

о которыхъ грѣсѣхъ // ро^л ва^ш // веселитса наиболе С168.

НПЛ-1 — *въ се ж(е) лѣт(о) // прѣстависа Добрына посадникъ новгородскыи* 9 об.

ПВЛ — *ѡтроци Скѣньльжи // изодѣлиса суть ѡружьемъ и порты, а мы нази* 14 об.

Феод. — *много зѣла // створи са въ земли тои* 34а;

блжєныи же Ѧеодосии // на прѣвыи подвигъ // възврати са 29а.

СПИ — *Жєны Рускїя // въсплакашас(я)* 82;

По Руской земли // прострошася Половци 105;

Въ княжихъ крамолахъ // вѣци чловѣкомъ // скратишас(я) 64.

Берестяные грамоты — *[д]а [и]н[е]х[о] д[ев]ате гривено // осталоса* 436;

о всѣмъ томо // понаболисе 359п.

Мономах — *с братомъ твоимъ // радилиса есѣ* 84 об.

Мар. — *а оученици твои // не постанѣ са* (Мт. 9.14).

Флав. — *Алексѣндрова жена // грозѣтса на всѣ жены* 369г.

Обратимся теперь к тем редким случаям, где представлена препозиция *са*.

В тяжелых клаузах это могут быть:

1) правильные примеры, где *са* в прямом соответствии с законом Вакернагеля вклинивается внутрь тяжелой актантной группы (создавая тем самым непроективность);

2) примеры, где *са* стоит после тяжелой актантной группы (сохраняя проективность) — либо в силу просодического объединения членов тяжелой группы, либо как прямое нарушение закона Вакернагеля.

Примеры первого рода, т.е. с соблюдением закона Вакернагеля (почти полный список):

Киев-Д — *а брата са Игоря лиши* 121 об.;

затѣ ти са король кланаетъ 161 об.;

се съ симъ ны са полкомъ нѣ лѣѣ бити сею рѣкою [1148], 132 об.

Даниил — *и то са мѣсто зоветь Аримафѣй* (аналогично: *Магдалия, Агати-мина, Месопотамия*; таким образом, в этом памятнике из семи примеров препозиции *са* в тяжелых клаузах четыре — это фактически одна и та же фраза);

все са то дѣяло в дому Иосифовѣ обрученика Маршина.

ПВЛ — *си же са злѡба склѹчи въ днѣ Възнесєныа Г҃а нашего Г҃са Х҃а* 73 об.;

[бысть] знаменѣс в спл҃ци, ꙗко погыбнути їсѹ, ∇ и мало са кѡ ѡста 71 об.

НПЛ-1 — *и много са зла створи* 15 об. (в Комисс. и много са пакости издѣя);

кто са на^с Осталь живыхъ 122 об.

Метод. — *съ грубою са чадью пѣрѣхъ* 107а.

СПИ — *Вежи ся Половецкѣи подвизашася* 187 (двойное *са*).

Афан. Ник. — *что° «судно са мое разбило ...»* (Троицк. 370 об.).

О примерах второго рода (т.е. с *са* после неодночленной группы) см. § 1.42. Они представлены в основном в ЖАЮ (где примеров первого рода нет вообще).

Особые явления, связанные с *са*

Фактор наличия сильных энклитик

§ 4.11. Дополнительным фактором, который способствует переходу *са* в постпозицию, является наличие в той же клаузе сильных энклитик (прежде всего, *же*, *ли*, *бо*).

Для энклитик можно предполагать — с некоторой долей идеализации — такое первоначальное состояние, при котором они беспрепятственно соединялись в сколь угодно большие блоки. Но со временем мы обнаруживаем в памятниках некоторую тенденцию к тому, чтобы при наличии в клаузе сильной энклитики энклитика *са* уходила в постпозицию. Наиболее достоверно этот эффект зафиксирован для сильных энклитик *же* и *бо*.

Продemonстрируем эту тенденцию на материале крупного памятника ЖАЮ, где примеров данного класса несколько десятков. Разумеется, мы будем рассматривать только фразы с неначальным сказуемым, т.е. исключим такие, где позиция *са* автоматическая.

Количественные соотношения здесь таковы. Клауз, содержащих одновременно *же* (противительное, причинное или усилительное) и *са* или *бо* и *са*, в ЖАЮ 68; из них 22 содержат *са* в препозиции, т.е. коэффициент препозиции *са* здесь 32% (22/68). Между тем $Q_{(общ.)}$ (т.е. по сумме классов 1–8) для этого памятника — 46% (252/544). Если же вычесть из общей суммы клаузы с *же* + *са* и *бо* + *са*, то для остатка $Q_{(общ.)}$ составило бы 48% (230/476). Разница между 48% и 32% и есть мера того эффекта, который оказывает на позицию *са* присутствие сильной энклитики *же* или *бо*.

Примеры фраз с *са* из ЖАЮ, содержащих также сильные энклитики

Препозиция — редко	Постпозиция — часто
С сильной энклитикой <i>же</i>	
<i>како же ти са мнить быти сѣт- ныи миръ противѣ семѣ</i> С25 <i>много же са смѣ молихъ</i> С26	<i>азъ же // клахса смѣ ротоу страшноу</i> С14 об. <i>много же // и пощашеса и бѣаше</i> 45г <i>праведникъ же // только оумѣхашеса</i> 9в <i>постѣди же оутѣшивса, исповѣда все по праву</i> 30б

С сильной энклитикой <i>бо</i>	
<i>велми бо са пеку тобою 5г</i> <i>мнѣ бо са мнѣше, яко въ плоти</i> <i>хожю тамо 136/в</i>	<i>азъ бо // о тѣхъ не пекусѧ 65г</i> <i>азъ бо // молился кѣмъ своему вѣщѣ 60г</i> <i>ѿ того бо // раждаются любы 58б</i> <i>крѣпко бо // пратся с нами крѣтичкыя</i> <i>дѣти 59б</i> <i>не толико бо // радуемся о припошени</i> <i>вашемъ 62г</i>

Добавим к этому несколько примеров из Киев-Д, где эти две модели представлены в приблизительном равновесии:

с препозицией *са* —

ѿтолѣ же са хочу с тобою радити [1150], 144 об.;

можете ли са за наю бити? [1149], 139 об.;

с постпозицией *са* —

ныѣ же, ѿце, // того всего // каюса [1150], 151 об.;

ты же ми еси ея // ѿстоупилса по волѣ [1195], 236 об.

Частица *да* 'пусть'

§ 4.12. Особое место занимают клаузы с участием частицы *да* 'пусть'. Само это слово является книжным элементом, поэтому во многих из обследованных нами памятников (в частности, в берестяных грамотах) его просто нет.

При рассмотрении клауз с начальным *да* 'пусть' необходимо различать следующие случаи:

1) начальное *да* в составе проклитико-энклитического комплекса (в частности, *да са*), например: *да ми съкажетъ, да са събудетъ, да бы са избавить, да бы са отъ нихъ избавить, да бы избавить са*;

2) начальное *да* непосредственно перед сказуемым, например: *да будетъ, да отидеть прочь, да събудетъ са*;

3) начальное *да* в любом ином сочетании, например: *да прочь отидеть, да никому не достанетъ са*.

В случаях 2 и 3 частица *да* — проклитика, то есть «просодический нуль». Соответственно, в нашей классификации группа 2 не входит в основной массив, так как это модель с начальным сказуемым, а клаузы группы 3 попадают в тот или иной из обычных классов. Клаузы группы 1 не входят в основной массив в силу соглашения о проклитико-энклитических комплексах (§ 4.3).

Таким образом, класс клауз, состоящий из суммы групп 1 и 2, не входит в наши общие подсчеты. Для нас представляет, однако, интерес вопрос о поведении *са* в этом классе. Понятно, что в составе этого класса группа 2 всегда дает постпозицию *са*, группа 1 — почти всегда препозицию (исключение составляет только редкая модель *да бы избавить са*).

Пусть *a* — численность клауз группы 1 с препозицией *са* (реально это клаузы с начальным комплексом *да са, да же са, да бы са* и т. п.). Пусть *b* — численность клауз групп 1 и 2 с постпозицией *са* (т. е. сумма моделей *да събудетъ са* и *да бы избавить са*).

Обозначим через $Q_{(да)}$ коэффициент препозиции *са* в указанном классе клауз (т. е. в группах 1+2). Понятно, что $Q_{(да)} = a/(a+b)$.

Посмотрим, как выглядит коэффициент $Q_{(да)}$ в тех памятниках, где активно используется *да*.

В обследованных нами памятниках старославянского происхождения, за исключением Супрасльского кодекса, $Q_{(да)}$ обычно не очень сильно отличается от $Q_{(общ.)}$.

Поведение *са* в клаузах с *да*
в памятниках старославянского происхождения

		$Q_{(общ.)}$	$Q_{(да)}$
Житие Мефодия	[28]	68%	4/5
Супрасльский кодекс	[712]	16%	35% (13/37)
Мариинское ев.	[468]	6%	4% (2/49)
Изборник 1076	[350]	6%	8% (2/25)
Синайская псалтирь	[365]	2%	2% (1/62)

Эти данные позволяют предполагать, что поведение *са* в клаузах с *да* здесь в общем подчиняется тем же факторам, что и в других типах клауз. Но, конечно, особо благоприятным для препозиции *са* этот случай считать нельзя: $Q_{(да)}$ близко к средней величине Q , следовательно, оно ниже, чем значения этого параметра в благоприятных случаях. Действительно, $Q_{(да)}$ всегда заметно ниже, чем $Q_{(мест.)}$. Это верно даже и для Супр., с его относительно высоким $Q_{(да)}$ (35%): здесь $Q_{(мест.)} = 63\%$.

Примеры с препозицией *са* (во всех памятниках данной группы, кроме Жития Мефодия и Супрасльского кодекса, очень редкие):

Мефод. — *да са обращете истиньнии поклонителе* 106в.

Супр. — *да са събждетъ писанок* III-29 об.

Мар. — *приношаахъ же къ нему и младенъца, ∇ да би са ихъ коснхъ* (Лк. 18.15).

Изборник 1076 — *чадо, алчнь боуди, ∇ да са насытиши* 113.

Син. псалт. — *да са не подвижъ* (пс. 15.8).

Примеры с постпозицией *са* (во всех памятниках данной группы, кроме Жития Мефодия, господствующие):

Мефод. — *да бы прооучилъ са въсьмъ обычаемъ словѣньскимъ* 104в.

Супр. — *да съвршишь са реченок* 69;

Господи, // да отвръжтъ са небеса II-9 об.

Мар. — *да събждетъ са реченое пророкомъ Исаиель* (Мт. 8.17);

аще кто хочетъ по мыгъ ити, ∇ да отвръжетъ са себе (Мт. 16.24).

Изборник 1076 — *печалоуи и о падении свокъ, ∇ да очистиши са* 12 об.

Син. псалт. — *да не подвижатъ са стопы моя* (пс. 16.5).

Среди памятников древнерусского происхождения особое место в этом отношении занимает ЖАЮ. Здесь $Q_{(да)}$ составляет 91% (64/70) при $Q_{(общ.)} = 45\%$. Учитывая показания остальных памятников, это можно объяснить только тем,

что переводчик здесь руководствовался искусственной нормой, требовавшей постановки *са* сразу после *да*. Примеры:

абикъ же вда кго, ∇ да са наоучить стѣмъ книгамъ 2;

иди сѣмо, оучѣрнене, ∇ да са боревѣ оба 3 об.;

Гѣ кдинѣ // да са печеть тѣмъ 12г;

да бы са сбыла мысль къ 44г;

да быхомъ са блюли 63б и т.п. (при очень редких фразах типа *да борюся с ними 19а*).

Возможно, такой же нормой руководствовался составитель НПЛ-3 (4 случая препозиции *са* из 4 при $Q_{\text{общ.}} = 5\%$). Но ввиду малочисленности примеров это остается лишь предположением.

В Флав. в клаузах с *да* имеется 9 примеров с препозицией *са* (из 43), в «Пчеле» — 4 из 26. В прочих рукописях русского происхождения либо отмечены единичные примеры препозиции на фоне намного более частой постпозиции, либо препозиция *са* в таких клаузах не встречается вообще. К последним относятся, например, сочинения Мономаха, Галицко-Волынская летопись и др.

Таким образом, частица *да* 'пусть' выступает в качестве живого элемента, по-видимому, только в старославянских памятниках. В древнерусских книжных памятниках ее употребление не поддерживалось автоматизмами живой речи и потому было в значительной мере искусственным (и неодинаковым под пером разных редакторов). По этой причине данная группа клауз и не включена в основной массив.

Двойное *са*

§ 4.13. Представляют специальный интерес фразы с так наз. двойным *са*, т.е. такие, где *са* выступает дважды — в препозиции и в постпозиции.

В ранних рукописях такие примеры крайне редки. В обследованных нами источниках встретились только:

къто са прикоснѣ са мѣнѣ (Мар., Мр. 5.31);

къже отъ мене хошетъ са, ѿкоже глаголеши, родити са на земли (Супр., II-2);

много са покоушахомъ, да быхомъ са приближилиса къ нему (Чудеса Николы, 74а);

никъто же съмѣеть са прикосноути са ни (Усп. сб., 142а).

Добавим сюда из Др.-р. грамм. 1995 (с. 474): *да того ради тако са моу-чатьса на вѣкы* (Сборник Троицкий XII–XIII вв., 33).

Примечание. В сильно фрагментированной берестяной грамоте № 227 (2-я пол. XII в.) имеется отрезок (стоящий после обрыва) ...[м]оу со зем(т)е ти хоташи са не [и]ѣтиса, конец которого, по-видимому, означает: 'хотя бы не считайся'. Не исключено, что это ранний пример дублирования *са* (т.е. что оба *са* относятся к не <ѣти>); но это совершенно ненадежно. Более вероятно, что первое *са* относится к *хоташи*. Дело в том, что в древнерусском языке деепричастие *хота*, *хоташи* в значении современного 'хотя' часто сопровождалось частицей *си* или *ти*; ср., например: *то си хота мѣлѣви 605*; *хота си бодуи холопъ или роби* (ПР, ст. 17); *нама ти хота ти по 8 кучи и по мородоки 775*. Допустимо предполагать, что наряду с *си* и *ти* в такой же роли могло выступать и *са* или что в данном отрывке *са* просто поставлено вместо *си* в силу

предвосхищения последующего *са*. Таким образом, прямым свидетельством «двойного *са*» в живом языке XII века данный пример служить не может.

Основная масса таких примеров представлена в поздних рукописях — списках или оригиналах, относящихся не ранее чем к XIV веку. Нами отмечены:

Киев-Д — *и нѣльзѣ бы ны са с ними тою рѣкою битѣса полком* [1148], 132 об.;
и *пакы како са по нас ѡла* (было *ѡлась*, но съ соскоблено) *Руская земля вса*
и *Чернии Клобуци* [1151], 152 об.

Киев. лет. (автор.) — *идоущимъ же са имъ битса* ... [1151], 158;
и *про се са и Мьстиславъ разгнѣваса на нѣ* [1140], 112 об.;
и *томуо стояшетъ быаса, ∇ с ними са перемагася* [1140], 112 об.;
доколѣ же рѣкы са оустановатса [1152], 165;
начаша са слатиса к нему Чагровичи [1169], 191;
боудущю же смоу в половцехъ, ∇ тамо са налѣзеса моужь родомъ полов-
чинъ, именемъ Лаворъ [1185], 226 об.

Шестоднев — *но аще ся прилучитса ему и князь видѣти;*
како ся не имуть радоватиса и веселити.

ЖАЮ — *да не могу са остатиса, донелѣже правого судью испрашаю* 31г;
а Бѣ не любить, ∇ тако да са молимса 56г;
да са потишишса, да са избавиши ѿ первыхъ грѣхъ своихъ С133.

Флав. — *и велацию са предатиса вавилонаном* 445б.

СПИ — *Вези ся Половецкѣи подвизашася* 187;
а древо (ся) тугою къ земли преклонило(ся) 74.

Поздние берестяные грамоты — *мнѣ са не можетса* 124п;
како са, ѡсподине, нами своими христианы попецалишсе 310п;
а на вхыхъ се грозитье 359п;
а то са дѣялось 154п (все четыре примера — из грамот начала XV в.).

Гал.-Волын. — *но азъ хоцоу са остатис(а) самъ в матѣ др(оу)жинѣ* [1254], 275 об. / 276;
не смѣахоу бо са ѡлоучитис(а) его [1254], 276;
и начаша са причащатис(а) [1261], 284 об.;
и начаша са исповѣдатиса [1261], 284 об.

Радзивил. — *Г(оспод)и, что са оумножишаса стужающии мнѣ* [1015] (ср. то же место в Лавр.: *Г(оспод)и, что са оумножиша стужающии мнѣ*).

Комисс. НПЛ — *ему же са сии кланяютса, то азъ не кланяюса* [1245];
а и товара много поимаши, ∇ что са осталось от огня [1372];
и бысть на рѣцѣ на Овожи, ∇ и ту са обои полкы съступишаса [1379].⁴⁰

ГВНП — *обы ся просто не учинилося* (№ 44, 1373 г.);
что ся учинилось нелюбие (№ 18, 1375 г.);
а в то ся Матфѣю не вступатся (№ 122, 1460-е гг.).

ДДГ — *а что са бѣдетъ чинилоса* (№ 19, список с ориг. 1402 г.);
и чего са не оточтуса (№ 30, 1433 г.).

Задонщина (список И-1, XVI в.) — *тутю са погании разлучишася боръзо*.

⁴⁰ Г. Гуннарссон (1935) приводит много большее число примеров двойного *са* из летописей; но, к сожалению, им нельзя доверять: большинство из них — это просто результат ошибочной расшифровки того, как издатели приводят разночтения.

Как указано в § 1.22, двойные энклитики не могут рассматриваться лишь как особенность письменного текста — по крайней мере в части случаев это отражение соответствующей особенности устной речи. Поскольку двойное *са* представлено, за ничтожным числом исключений, лишь в рукописях не старше XIV века, естественно предполагать, что перед нами явление устной речи, возникшее лишь в позднерусский период. А единичные примеры из более ранних рукописей вполне могут быть просто погрешностями писцов.

В живой речи двойное *са* представляло собой результат конкуренции старого и нового правил расстановки энклитик, из которых первое требует препозиции, а второе — постпозиции *са* (см. об этом § 1.37). В оригинальных текстах XIV–XVI вв. мы, по-видимому, обычно имеем дело с письменным отражением именно этого живого явления. В списках со старых оригиналов оно могло возникать в силу того, что переписчик, хотя и копировал механически древнее препозитивное *са*, уже плохо понимал его роль и добавлял недостающее, по его ощущению, *са* после глагола.

Что касается высказывавшегося некоторыми славистами предположения о том, что двойное *са* служило средством «усиления рефлексивности», то тут несомненно следует согласиться с Г. Гуннарссоном (1935: 17) в том, что эта версия не находит никакого подтверждения в древнерусском материале.

Одно *са* на два глагола

§ 4.14. Изредка встречаются фразы с особенностью, которая внешне противоположна предыдущей. С синхронической точки зрения мы имеем здесь дело с трансформацией, состоящей в том, что устраняется одно из двух *са*, содержащихся в одной и той же фразе; например, *пооуштанѣ ѿ не боѣти са, нъ радовати* вместо *не боѣти са, нъ радовати са*. С исторической точки зрения это, напротив, не что иное, как реликт древнейшего самостоятельного *са* 'себя', которое еще могло заполнять сразу две валентности во фразе. Структура древней фразы такая же, как, например, в современной фразе *убеждая их не устрашать себя, а радовать*, где одиночное *себя* обслуживает два глагола.

Такие примеры обнаруживаются только в древнейших памятниках⁴¹, в частности (сохраняем в этих фразах раздельное написание *са*):

Супр. — *пооуштанѣ ѿ не боѣти са, нъ радовати* 50 об.;

нъ тѣчьѣ яко покаивше са обратимъ 'но только то, что покаившись обратимся' III–59 об.;

вел'ми мниши са мнѣ поржганѣ 25 (где участвуют глаголы *мнѣтисѣ* и *поржгатисѣ*).

Мсфод. — *да са тѣмъ подобаще, вси на доброе оустили* 'чтобы им уподобляясь, все поучались на добро' 103а.

Шестоднев — *не престаеши възыская повелѣний его и твари, ꙗко хотя са ими красити и славити* ('желая ими украшаться и прославляться').

⁴¹ О возможном присутствии примера этого рода также в тексте «Слова о полку Игореве» см. Зализняк 2007, с. 65–66.

Иларион — *нѣсть отъ насъ ни единого о небесныхъ тѣхъ ся и подвижающихся* (Срезн., II: 1035).

Мономах — *то никтоже ва^с не можетъ вредити са и оубити, понеже не будетъ ѿ Ба повелѣно* 83.

Феод. — *аще быша ми възвѣстили оца въставша ѿ мѣртвыхъ, не быхъ са тако радовалъ яко о приходѣ твоємъ, ∇ и не быхъ са того тако болять или соумнѣль, яко же приобѣныа твоѣа дѣа* 60а/б (где участвуют глаголы *боитиса* и *сумнѣтиса*);

по вса дѣи съ братиею подвижана са и троужана 60г;

имѣа оубо присно на памяти слово гѣе, ∇ и тѣмъ оутѣшаа веселаше ся ('и тем утешаясь, радовался') 43а.

Нифонт — *и по томъ часѣ ѡставляша члѣка дѣло свое, начаста са которати и бити* 11/об.

Флав. — *стыдаще с(а) и срамляюще* 421в (чтение Виленского хронографа).

ПВЛ — *и при семь нача вѣра х^сыаньска плодити са и раширати* 51 об.; *и съступиша с(а) битъ 'и сошлись биться'* 19 (см. также подобные примеры с супином из других памятников в § 4.5).

Киев. лет. (автор.) — *Сѣослав же оутависа Рюрика, оуохота са твораше* ('делал вид, что обрадовался' — с глаголами *уохотитиса* 'обрадоваться' и *творитиса* 'притворяться'), *яко же дадать емоу Галичъ* [1191], 230.

Изменение места *са* в блоке энклитик

§ 4.15. Как ясно из изложенного выше, историческая эволюция энклитики *са* сводится прежде всего к переходу *са* в постоянную постпозицию к глагольной словоформе. Однако сам по себе этот переход еще не обеспечивает сращения этих двух словоформ воедино, поскольку *са* — это энклитика ранга 7 и, следовательно, между глагольной словоформой и *са* могут стоять еще и любые энклитики рангов 1–6, как, например: *боите же са, не хвалю бо са, молю ти са, молю же вы са*.

Но в истории русского языка наряду с процессом перехода *са* в постоянную постпозицию шел также и процесс ломки древнего порядка энклитик в случае скопления энклитик после глагольной словоформы, а именно, *са* постепенно приобретало способность стоять непосредственно после глагола даже при наличии других энклитик. Например, вместо *боите же са* постепенно все чаще употреблялось *боите са же*, вместо *не хвалю бо са* — *не хвалю са бо* и т.д. В конечном счете в современном языке не осталось никаких древних сочетаний, где *са* было чем бы то ни было отделено от глагола. Именно этим обеспечен полный переход прежней энклитики *са* в статус морфемы в составе глагольной словоформы.

Интересно проследить данное изменение на примере Евангелия — текста, в основе своей устойчиво сохраняющегося на протяжении многих веков.

В Мариинском свангелии представлены, например: *молите же са* (Мт. 24.20); *и оубошша же са* (Лк. 9.34); *ѣви же са емоу айѣ Гѣъ* (Лк. 1.11); *отвръсѣ же са оуста его абие* (Лк. 1.64); *въззакхѣ бо са* (Мт. 25.42); *боѣахъ бо са люди* (Лк. 22.2); *ли мышишь ти са* (Мт. 26.53); *моля ти са, не мжи мене*

(Лк. 8.28). Во всех этих случаях порядок энклитик точно соответствует правилу рангов. И такой же порядок представлен в этих фразах в евангелиях XI–XVI вв., переписанных на Руси, вплоть до Острожской библии 1581 г.

Но в Синодальной библии мы находим уже в тех же самых фразах: *моли́теса же; оубо́ишася же; навѣса же емѣ; ѿверзѡишася же оуста егѡ ѡбне; възлѡ́хса бо; бо́ххса бо людѣи; или́ мнѣтса ти; молю́са ти*. Следует, правда, указать, что такая перестановка произведена здесь не во всех случаях — иногда еще сохраняется старый порядок энклитик, например: *бо́хх бо са* (Мр. 11.18); *дасть бо са вамъ* (Мт. 10.19); *вставлѡють ти са* (Лк. 5.20).

Мы видим, таким образом, что в русском изводе церковнославянского языка реализовано то же изменение, что и в живом русском языке, только все еще не совсем последовательно.

Что же касается собственно русских текстов, то в XVI–XVII вв. нами отмечен уже только новый порядок энклитик. Ср., например, у Аввакума: *и я, свѣдавъ, осердился же на нея* 46 об.; *бѣси ево давили, а онъ спрашивал их, удастся ли поход* 48; и т. п.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ

§ 4.16. Ниже рассматривается поведение *са* в разных группах памятников. Как мы уже знаем, различия между памятниками определяются в первую очередь степенью их близости к народному (некнижному) или к книжному типу.

Соответственно, мы различаем ниже два класса памятников, условно обозначаемые как памятники некнижной ориентации и памятники книжной ориентации. Было бы ближе к истине обозначить первые как памятники отсутствующей или слабой книжной ориентации, вторые — как памятники сильной книжной ориентации. Но, конечно, практически пользоваться такими громоздкими обозначениями было бы невозможно.

В первый класс попадают бытовые и деловые документы, а также те из литературных памятников, где книжные черты выражены лишь частично и наряду с ними присутствует значительное число черт живого языка.

Во второй класс попадают церковные тексты, литературные произведения с достаточно последовательными книжными чертами и летописи.

Как уже указывалось в § 2.1, разделение на эти два класса может быть не вполне одинаковым при разборе разных аспектов памятников; в частности, в некоторых литературных произведениях одни элементы системы носят книжный характер, другие — народный. Ниже используется тот вариант разделения, который соответствует именно поведению *са*.

Памятники некнижной ориентации

Грамоты, акты, письма

Эту группу можно подразделить на две подгруппы: раннюю и позднюю. Границу естественно провести приблизительно по моменту монгольского на-

шествия, т. е. в конце первой трети XIII в. (Но некоторые документы, в частности, грамоты XIII в. из ГВНП, обладают свойствами ранней подгруппы, хотя они и составлены несколько позднее этого рубежа.)

В обеих подгруппах наиболее близки к живой речи берестяные грамоты.

Ранняя подгруппа

Представителями этой подгруппы являются прежде всего образцовые памятники — ранние берестяные грамоты и Киев-Д. Сюда же можно отнести Русскую Правду, а также грамоты XII и XIII вв. из ГВНП⁴²; к сожалению, материал последних двух источников очень ограничен. В памятниках этой подгруппы представлены самые высокие коэффициенты препозиции *са*.

В приводимой ниже и последующих таблицах показан коэффициент препозиции *са* (Q) — общий (т. е. по сумме типов 1–8) и отдельно по типам клауз.

Таблица разделена на две неравные части — основную (левую) и дополнительную (правую). Основная часть содержит наиболее важные обобщающие показатели. В дополнительной части (нужной лишь для тех или иных справок) приведены (мелким шрифтом) данные по каждому из восьми классов клауз.

В графе, обозначенной $Q(1-4) \sim Q(5-8)$, показан коэффициент препозиции *са* в сумме первых четырех классов (т. е. благоприятных для препозиции) и через тильду — коэффициент в сумме последних четырех классов (т. е. неблагоприятных). Эта пара показателей дает более адекватное представление о поведении *са* в памятнике, чем один лишь общий коэффициент. В самом деле, общий коэффициент препозиции зависит не только от степени продвижения памятника от древнего состояния к современному, но и от ряда малосущественных для нашей основной проблематики факторов, например, от количества громоздких фраз в тексте, от того, часто или редко употребляется аорист и т. п. Раздельные показатели позволяют отличить влияние основных факторов от влияния второстепенных.⁴³

Как уже отмечено, в некоторых памятниках фактор многоактантности не играет роли — в многоактантных клаузах коэффициент здесь не ниже, чем в соответствующих простых. В этом случае мы не отделяем многоактантные клаузы от простых (т. е. подсчитываем их вместе с простыми), а в графе «Многоакт.» даем помету «не отделено». В рубрике « $Q(1-4) \sim Q(5-8)$ » для такого памятника реально показано соотношение $Q(1,4,6) \sim Q(5,7,8)$.

⁴² Здесь и в прочих случаях из ГВНП берутся только подлинные грамоты и списки, сделанные не позднее XV века.

⁴³ В приводимых здесь и ниже числовых данных внимательный читатель может в отдельных рубриках заметить маленькие расхождения с данными, содержащимися в Зализняк 2007, с. 64. Они определяются некоторыми уточнениями в методике подсчета, изредка также новой оценкой отдельных сложных случаев. Общего характера обсуждаемых количественных соотношений они нигде не меняют.

Коэффициент препозиции *са* в ранних не книжных памятниках

	Q(общ.)	Q(1-4)- Q(5-8)	1 Мест.	2 Союз.	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Лор- импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
Ранн. бер. гр.	77% (23/30)	86~36%	12/13 = 92%	2/3	2/3	2/2	4/4		1/3	0/2
ГВНП XII-XIII	67% (14/21)	81~20%	12/14 = 86%	0/1		1/1			1/3	0/2
Киев-Д	65% (122/188)	68~39%	52/66 = 79%	22/33 = 67%	19/41 = 46%	22/30 = 73%	3/5		не отде- лено	4/13
Рус. Правда	53% (8/15)	64~25%	5/6 = 83%	0/2	0/1	2/2			1/4	

Выше уже говорилось о необходимости рассматривать по отдельности два компонента Киевской летописи по Ипат. — прямую речь нецерковных персонажей (Киев-Д) и авторскую речь летописца. Теперь мы имеем возможность показать в цифрах, сколь сильно они различаются в интересующем нас отношении (ограничиваемся демонстрацией процентных соотношений).

Поведение *са* в двух компонентах Киевской летописи

	Q(общ.)	Q(1-4)- Q(5-8)	1 Мест.	2 Союз.	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Лор- импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
Киев-Д	65%	68~39%	79%	67%	46%	73%	3/5	—	не отде- лено	4/13
Киев. лет. (автор.)	11%	38 ~ 4%	50%	27%	0%	43%	7%	3%	12%	1%

§ 4.17. Показания ранних не книжных памятников уместно ввиду их важности проиллюстрировать полнее, чем для прочих источников.

Ниже в § 4.17-26 во всех таблицах, содержащих примеры, в левом столбце даются примеры с препозицией *са*, в правом — с постпозицией. Часто встречающиеся модели обычно иллюстрируются большим числом примеров, чем редкие; но, разумеется, о приведении всего материала речи не идет (кроме специально оговариваемых случаев).

В примерах правого столбца для большей наглядности может быть проставлен знак барьеры (/); но это не обязательно. Дело в том, что во многих случаях невозможно надежно установить, имелся ли во фразе барьер или уже просто действовало новое правило, которое требует постпозиции *са* независимо от наличия или отсутствия барьера.

Простые клаузы

С начальным местоименным словом

Этот тип клауз представляет собой зону самого активного действия закона Вакернагеля: почти во всех памятниках в этом типе коэффициент препозиции *са* принимает наивысшее (для данного памятника) значение.

Препозиция — норма	Постпозиция — редко
<i>а а са имо потешоу</i> 705 <i>а тебе са кланая</i> 175 <i>а чемоу са гнѣваеши</i> 605 <i>а въ [т]омъ ми са не исправитъ въ борзѣ</i> 724 <i>а съмо са не надѣи</i> 943 <i>на са тобѣ, брате, кланая</i> [1151], 156 <i>ты са, ѿце, не труди</i> [1150], 145 <i>кѣже, ты са на нас не гнѣваи</i> [1147], 126 об. <i>что са оудѣть, то вы виновати</i> [1135], 110 об. <i>а мнѣ са воротити</i> [1161], 184 об. <i>а ѿ мене са ему поклони</i> [1152], 167 <i>чимъ ти са есмь ѡбѣщать, то ти исполню</i> [1189], 230 <i>а тогда са затворимъ в городѣ с тобою</i> [1153], 168 <i>а ту са сождемъ</i> [1150], 149 об. <i>кто са изѡстанеть въ монастыри</i> (Мстисл. гр.) <i>како са боудеть радиль</i> (ПР, ст. 50)	<i>а а // прашалься</i> 605 <i>а азъ // не радуюся ѡ погыбели его</i> [1155], 175 об.

С начальным союзом

Этот тип клауз удовлетворительно документирован только в Киев-Д; в прочих памятниках этой подгруппы слишком мало материала. Примеры из Киев-Д.

Препозиция — часто	Постпозиция — редко
<i>оже са не отворите</i> [1123], 107 <i>аже са оуже тако оучинило</i> [1147], 130 <i>а то ми быть Бѣ дать, ∇ ѡже са есте сами зажгли</i> [1140], 113 об. <i>любо с нимъ миръ створимъ, ∇ любо са с нимъ бьемъ</i> [1147], 126	<i>аже° совокоупитиса оу Чернигова всимъ</i> [1196], 240 <i>доколь // любо оуладимса вси, или не оуладимса вси</i> [1196], 239

С начальным знаменательным словом

Коэффициент препозиции *са* в этом случае ниже, чем при местоименном начале.

В ранних берестяных грамотах и в Русской Правде мало материала, а в Киев-Д наблюдается следующая особенность: в отличие от клауз с начальным существительным, в клаузах с начальным наречием здесь преобладает постпозиция *са*. При начальном существительном коэффициент препозиции *са* здесь 73% (16/22), а при начальном наречии — только 16% (3/19). (В других памятниках такого резкого различия между эффектом начального существительного и начального наречия не замечено.)

Примеры препозиции <i>са</i>	Примеры постпозиции <i>са</i>
Существительные	
<i>а Мѣста са вама поклана</i> 422 <i>[а] пои[ѣ] ти [са м]о[л]ить</i> 950 <i>сѣѣ ти са кланаетъ</i> [1151], 157 <i>рѣкы са смерзываютъ</i> [1150], 147 об. <i>а къ Гюргеви са послали</i> [1147], 128 <i>и с Лахы са есмь за нь билъ</i> [1152], 162 об. <i>моложьшему са не поклоню</i> [1151], 155 об.	<i>а въжники // творатеса въдавоше</i> <i>Собыславоу цетыри гривне</i> 550 <i>Стославъ ти // послалъса къ</i> <i>Гюргеви</i> [1149], 136 об.
Наречия	
<i>оуже са есмы изнемоглъ</i> [1185], 226	<i>а нѣѣ кланю ти са</i> [1154], 171 <i>оуже ѡбъавихомса Ростиславичемъ</i> [1180], 216 об. <i>мало перепочивше, Ѳ ѡпять възвратимъса</i> [1172], 196 об. <i>не крѣпко бьются дружина и половци</i> [1152], 164 об.

С подчиненным инфинитивом

В этом типе клауз в данной подгруппе коэффициент препозиции *са* исключительно высок: в Киев-Д он немногим ниже, чем при начальном местоименном слове, а в прочих памятниках данной подгруппы он формально даже равен 100% (но при ничтожном количестве материала).

Препозиция — норма	Постпозиция — редко
а) <i>са</i> левее подчиняющего слова: <i>ѡже са с нима начнемъ бити</i> [1172], 199 <i>ѡтолъ же са хочю с тобою радити</i> [1150], 144 об. <i>тѣмъ са естъ кушати к Бѣлугороду поѣхати</i> [1151], 156 об. <i>а ѡнъ са начнетъ запирати</i> (ПР, ст. 47) б) <i>са</i> между подчиняющим словом и инфинитивом: <i>могоу са съ тобою ати на водоу</i> 238 <i>не моги са ослоушати</i> 779 <i>а хочем са с вами коньчати</i> [1175], 207 об. <i>можете ли са за наю бити?</i> [1149], 139 об. <i>ци боудеть ны са соудити пре^д Бѣѣ</i> [1151], 155 <i>а почнуть са с тобою бити, ты же к намъ въстъ послѣ</i> [1150], 150 об. <i>или кто почнетъ ся запирати того</i> (ГВНП, № 105, ок. 1270 г.)	<i>но не хочемъ кланатиса</i> <i>попадъи</i> [1187], 229 об. <i>а тобѣ не достоить трудитиса</i> [1152], 165 об.

С деепричастием

В данной подгруппе, в отличие от всех остальных памятников, даже в клаузах с деепричастием коэффициент препозиции *са* весьма высок.

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>а нѣнѣ ти са съмѣльви въ съ близокъ (-кы) 907</i> <i>аже бы ти годѣнѣ, ∇ то [из] оцѣю бы са вытьрьго</i> <i>притьклѣ 752</i> <i>како са нагадаше, поидеми же по ни^х [1151], 156 об.</i> <i>а на ма са ѡборочиваѣ [1150], 151 об.</i>	<i>а со мною не спрошав-</i> <i>са [1189], 230</i>

С аористом и имперфектом

Графа, посвященная аористу и имперфекту, здесь пуста: в данной группе памятников этих грамматических форм, характерных для книжной письменности, просто нет. (Заметим, что это здесь одна из причин высокого общего коэффициента препозиции *са*.)

Многоактантные клаузы

Эффект многоактантности замечен в берестяных грамотах, ГВНП и Русской Правде (ниже приведен весь имеющийся материал):

Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
<i>а ныне са дружина по ма пороучила 109</i> <i>а не дѣи са боудоуть сами собою печаловати (ПР, ст. 99)</i> <i>а гдѣ са тажа родить (ГВНП, № 29, 1262 г.)</i>	<i>а а нугене печалосуа цереницами 717</i> <i>ожѣ ли право запираютьс(а) 222</i> <i>аже челадинѣ съкрыѣтьс(а) (ПР, ст. 32)</i> <i>аже братьѣ растаѣжютьс(а) передѣ князем (ПР, ст. 108)</i> <i>аже кто свогго холопа самѣ досочитьс(а) (ПР, ст. 114)</i> <i>оже тажа родитс(а) (ГВНП, № 28, 1190-е гг.; 2х)</i>

Что же касается Киев-Д, то здесь данный фактор никак себя не проявляет, т.е. соотношение препозиции и постпозиции *са* в многоактантных клаузах примерно такое же, как в простых:

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>аче ти са полки иструдать [1149], 140</i> <i>ать ми са добро с ними ѡ^(т) силы мирити [1149], 138</i> <i>а вѣ са своимъ братомъ и сѣмъ Изяславомъ сами вѣдаимы [1149], 141</i>	<i>ѡже добръ надѣвѣшиѣ на Кияны [1150], 150 об.</i> <i>зане в землѣ нашей жито не родилоѣ нынѣ [1193], 234</i> <i>а нынѣ на вамъ во ѡцѣмъсто ѡсталс(а) [1180], 217 об.</i>

а ты са еси еще с людьми Киевѣ не оутвердиль [1154], 170 об. а нама са тобѣ нѣчимъ ѡкупити сему [1151], 152 об. то к чему са шпать воротить? [1139], 112	
---	--

Тяжелые клаузы

Этот тип клауз во всех памятниках дает наименьший коэффициент препозиции *са*. Даже и в данной подгруппе препозиция здесь встречается лишь в качестве редкого варианта.

Препозиция — редко	Постпозиция — норма
затѣ ти са король кла- наетъ [1152], 161 об.	·Б· дѣла, котореи любо потрудиса до владычѣ 725 по лоучыши коньници перебероутъса [1185], 224 и своєю вины каетъса [1152], 162 об. (см. также примеры в § 2.9)

Поздняя подгруппа

§ 4.18. В качестве представителей данной подгруппы ниже выбраны поздние берестяные грамоты, а также смоленские грамоты XIII в. (а именно, Неизв. кн. и Смол. гр. 1229) и грамоты XIV–XV вв. из ГВНП. Из более поздних памятников взяты письма Василия Грязного Ивану Грозному (1576 г.).

По сравнению с ранней подгруппой все коэффициенты здесь заметно ниже. Но все же переход от одной подгруппы к другой не носит характера скачка; например, показания смоленских грамот XIII в. и Русской Правды (см. выше) довольно близки.

Коэффициент препозиции *са* в поздних не книжных памятниках

	Q(общ.)	Q(1–4)– Q(5–8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Лор- нимф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
Смол. гр. XIII	48% (10/21)	62~25%	5/6	0/4	—	3/3	—	—	2/6	0/2
Поздн. бер. грам.	35% (25/71)	43~12%	16/33 =48%	3/6	3/13	1/2	—	0/2	2/9	0/6
ГВНП XIV–XV	17% (9/54)	32~6%	6/15 =40%	0/2	—	1/5	0/1	—	2/9	0/22
Грязной	15% (4/27)	29~0%	4/6	—	0/6	0/2	—	—	0/11	0/2

К этой таблице можно добавить еще данные ДДГ (грамоты XIV–XV вв., в основном завещания). При местоименном начале здесь фиксируется чрезвычайно высокий для XIV–XV вв. коэффициент препозиции *са*: 73% (113/154)

(для прочих типов начала здесь материала мало). Такой высокий коэффициент явно определяется здесь стереотипностью формул, используемых в завещаниях. Эти формулы остаются неизменными в течение столетий и тем самым фактически отражают состояние языка на несколько веков более древнее, чем сами документы.

Снижение коэффициентов препозиции *са* при переходе от ранней подгруппы к поздней явно представляет собой не что иное, как отражение эволюции живого языка на протяжении соответствующих веков: энклитика *са* медленно дрейфует от чистого вакернагелевского статуса в сторону более частой постпозиции.

Яснее всего это видно в тех случаях, когда имеется возможность сравнить документы одного и того же типа, относящиеся к разным периодам. Приводим показания ранних (XI – нач. XIII в.) и поздних (XIII – 1-я пол. XV в.) берестяных грамот, а также грамот из ГВНП, относящихся к разным векам.⁴⁴

Поведение *са* в раннедревнерусских и позднедревнерусских грамотах

	Q(общ.)	Q(1-4) ~ Q(5-8)		Q(общ.)	Q(1-4) ~ Q(5-8)
Ранние бер. гр.	77% (23/30)	86-36%	Поздние бер. гр.	35% (25/71)	43-12%
ГВНП XII-XIII	67% (14/21)	81-20%	ГВНП XIV-XV	17% (9/54)	32-6%

Для наглядности приводим примеры, иллюстрирующие смену преобладающих моделей в важнейших классах клауз за время между эпохой ранних и эпохой поздних берестяных грамот.

Модель, преобладающая в ранних берестяных грамотах, — препозиция <i>са</i>	Модель, преобладающая в поздних берестяных грамотах, — постпозиция <i>са</i>
С начальным местоимением	
<i>а азо ти са отоплач</i> 829 <i>а тобе са кланая</i> 175 <i>а цето ти са остало суца</i> Ст. Р. 30 <i>а во томо са соросло ...</i> 654 <i>тако са поеть обедена</i> 727 <i>а ѿтоселе са не надеи</i> Ст. Р. 30	<i>а азо тобе кланая</i> 147п <i>а вамъ кланая</i> 708п <i>кто изгодидце тамо</i> 281п <i>а то делось ...</i> 496п <i>како ли ты венилса</i> 30п <i>а сдисе не надиса</i> 354п
С начальным знаменательным словом	
<i>а Мьстата са вама поклана</i> 422	<i>и Терохъ возилесь быле</i> 300п
С подчиненным инфинитивом	
<i>могоу са съ тобою ати на водоу</i> 238	<i>Мькѣфорко хъцять оу тьбе проиш- тѣса на Луньну</i> 314п

⁴⁴ Разумеется, ничто не мешало бы нам разделить материал берестяных грамот и грамот из ГВНП не на два периода, а более подробно — скажем, по векам. Но, к сожалению, общий объем материала здесь недостаточен для того, чтобы такой «дробный» анализ принес статистически удовлетворительные результаты.

На протяжении XVI в. в живом языке препозиция *са* постепенно почти полностью исчезает. Но все же единичные ее примеры встречаются и в деловых документах более позднего времени. Приведем в качестве иллюстрации некоторые примеры XVII века из Пам. Влад.:

и тѣ гдси // ѿ нево ся очютили (№ 185, 1682 г.);

и что ся стане въпредъ делаѣ (№ 265);

а чем ся ты збѣлаеши, сам в том пострадаеши (№ 276);

и ѿ нас не скоро ся всякое дѣло делаеѣ (№ 257);

и ѿнѣ, гдѣрни, почал ся на дворенко мое лопиѣ (№ 152, 1649 г.).

Но коэффициенты здесь уже можно не подсчитывать: ясно, что это совершенно ничтожная доля представленных в памятнике *са*.

А. И. Соболевский (1907: 256) приводит пример *съ воры ся ему не водити* из грамоты 1615 г. (а также указывает пример пословицы с препозитивным *ся* из сборника 1758 г.).

Г. Гуннарссон (1935: 62–84) подробно изучил вопрос о поведении *са* в документах русско-польской дипломатической переписки XVI – начала XVII века и установил, что в переводах с польского препозитивное *са* используется намного чаще, чем в обычных русских текстах того же времени; в большинстве случаев это результат прямого копирования переводимой польской фразы.

В обширном сочинении Григория Котошихина (1660-е гг.), близком по языку к деловым документам, Анна Пеннингтон (1980: 244) отмечает ровно один пример препозитивного *ся*: *а княжествомъ ся не пишеть* (л. 187) (причем она допускает, что он мог возникнуть под польским влиянием).

Литературные произведения некнижной ориентации древнерусского происхождения

§ 4.19. Сюда относится часть созданных на Руси оригинальных произведений или переводов. Как уже указывалось, эпитет «некнижной ориентации» в данном случае следует понимать лишь как условный. Будучи литературными сочинениями, эти произведения имеют, конечно, определенную степень книжности (например, книжной чертой является активное употребление аориста и имперфекта, наличие конструкций с *да* 'пусть' и с *да бы* и др.). Просто количество и степень последовательности книжных черт здесь существенно меньше, чем в сочинениях, которые квалифицируются ниже как тексты книжной ориентации.

Коэффициент препозиции *са* в этой группе ниже, чем в предыдущей (т. е. в деловых и бытовых текстах соответствующего периода), что естественно объяснять именно элементом книжности. Но он все же еще относительно высок.

Ниже из числа произведений этой группы, возникших в домонгольский период, выбраны Житие Андрея Юродивого (перевод XI – I пол. XII в.) и «Слово о полку Игореве». С некоторой долей условности к ним присоединены также сочинения Владимира Мономаха, которые фактически занимают промежуточное положение между данной группой и литературными текстами книжной ориентации (но все же ближе к данной группе).

Наибольшую статистическую значимость здесь имеет крупный памятник ЖАЮ; материал двух других памятников, к сожалению, весьма ограничен.

Среди более поздних памятников следует различать сочинения XV века и XVI–XVII ввек. Ниже из первых взяты «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (1470-е гг.) и Житие Михаила Клопского (2-я пол. XV в.), из вторых — Домострой (XVI в.), «Житие» Аввакума (по Пустозерскому сборнику, 1670-е гг.) и «Повесть о Бове королевиче» (XVII в.).

В графе «Жития» Аввакума никаких клеток, кроме Q(общ.), не заполняем, поскольку препозиция *са* встретилась здесь всего один раз, — ограничиваемся пометой (1×) в соответствующей клетке. И так же мы поступаем ниже и с другими памятниками, где общий коэффициент препозиции *са* близок к нулю.

**Коэффициент препозиции *са*
в литературных произведениях исконной ориентации**

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Лор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж
XII–XIII вв.										
ЖАЮ	46% (252/544)	66~31 %	82/115 = 71%	12/21 = 57%	18/40 = 45%	44/61 = 72%	14/38 = 37%	27/63 = 43%	48/124 = 39%	7/82 = 9%
СПИ	52% (11/21)	88~31 %	2/2	—	4/5	1/1	0/2	3/7	не от- делено	¼
Мономах	34% (14/41)	46~18 %	7/9	2/3	0/4	2/8	1/4	1/4	1/2	0 7
XV в.										
Афан. Никитин	34% (20/58)	40~9%	6/12	4/4	8/30	1/1	1/1	0/2	не от- делено	0/8
Мих. Клопск.	20% (4/20)	33~9%	2/3	0/1	0/3	1/2	—	—	1 8	0/3
XVI–XVII вв.										
Домо- строй	5% (3/62)	10~ 0%	2/11	0/4	1/11	0/4	0/1	0/1	0 17	0 13
Аввакум	0,2% (1/473)		(1×)							
Бова	0% (0/96)									

Из таблицы непосредственно видно, что на протяжении XI–XVII вв. коэффициент препозиции *са* в памятниках данной группы неуклонно понижается и в конце концов становится нулевым.

В сочинениях XV века еще видна преемственность с памятниками раннедревнерусского периода. Наиболее отчетливо это проявляется у Афанасия Никитина. А сочинения XVI–XVII ввек явно отражают такое состояние языка, когда препозиция *са* уже в основном исчезла.

Интересно отметить, что по абсолютной величине коэффициентов Афанасий Никитин мало отличается от Мономаха, — при том, что между этими сочинениями пролегают три с половиной века. Но сочинения Мономаха, как уже указано, до некоторой степени сближаются с памятниками книжного характера, так что показатели здесь несколько ниже, чем у других ранних сочинений этой группы. А в XV веке такие же показатели уже должны расцениваться, напротив, как очень высокие; здесь они оказываются признаками консервативного стиля.

§ 4.20. Проиллюстрируем отраженную в таблице эволюцию на примерах.

Самый богатый материалом памятник данной категории — Житие Андрея Юродивого; его данные имеют существенную статистическую значимость. Поэтому полезно представить картину поведения *са* в этом памятнике в целом.

Приводим примеры из классов 1–4 (т. е. из числа простых клауз со сказуемым не в аористе или имперфекте).

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
С начальным местоименным словом	
<i>мнѣ са покарають и мнѣ работають</i> 31в <i>что ти са ксть створило, гдѣне мои дружѣ?</i> 15в <i>да что са не плачешѣ?</i> С27 об. <i>почто са кси осрамилѣ?</i> 15в <i>на се ли са бѣховѣ тѣчала ...?</i> 39а <i>того са не прю, право бо се ксть</i> 55а <i>иже са ругають</i> 10а <i>кже са ксть дѣяло</i> 20г <i>и все, ∇ кму же са прикоснетѣ</i> 54а <i>видите ли, ∇ како са смѣють с демономъ своимъ</i> 10а <i>так са молите</i> 56г (императив) <i>сдѣ са помоли</i> С134 (императив) <i>да гдѣ са ему слобить, ту шедѣ, видеть</i> 55а <i>и не вѣдѣхъ, ∇ камо са естѣ дѣль</i> С13	<i>да иже причащаются ко трѣбованию ихъ ...</i> С175 <i>и азъ о семь помолюся творцю и Богу</i> 62 об.
С начальным союзом	
<i>аще са сбудетѣ</i> 41г <i>и аще са не останешѣ татѣбы</i> С50 об. <i>аще ти са семѣ хочеть, да азъ се тебе створю</i> С11 <i>егда са оумножатѣ грѣси наши</i> 54г	<i>аще не обратитѣся въ рече(н)ую годину</i> 38б
С начальным знаменательным словом	
<i>Бѣ са о немъ не печетѣ</i> 8в <i>добро ми са ксть створило ѿ Бѣ</i> 11б <i>неистовъ са дѣють</i> 4 <i>не вѣсте ли, ∇ яко с бѣахъ са прѣмѣсиль ксмъ</i> 19а <i>и люто са разгнѣвать</i> Гѣ Бѣ 64г	<i>ѿ оубогахъ нечеса всегда</i> С171 об. <i>и неприязни противишася и мужьскы терпѣнии</i> 46г

С подчиненным инфинитивом	
а) <i>са</i> левее подчиняющего слова: (простые и многоактантные) <i>нѣ помнѣ, ∇ что ти са</i> <i>ѣму хочеть створити въскорѣ</i> 38а <i>кто са можеть ѿричати добраго</i> 6б <i>и тако са нача кормити</i> 30б <i>да гдѣ са хотать оукрити</i> 52в <i>много бо са начнетъ каѣти</i> 38б б) <i>са</i> между подчиняющим словом и инфинитивом: <i>нача са смѣяти</i> 5г <i>да не можеть са покаѣти</i> 38б <i>нѣ ты не мози са оужаснути</i> 3 об. <i>яко Б(о)гу нѣ лѣѣ са поругати</i> 60б	<i>и нача дивитиса о</i> <i>бывшихъ ѣму</i> 3 об. <i>и не мози послушатиса</i> <i>словесъ моихъ</i> 33в

В клаузах с деепричастием коэффициент препозиции *са* в ЖАЮ (37%) уже не столь высок, как в классах 1–4. Но он намного выше, чем во всех прочих памятниках данной категории; примеры см. в § 4.6.

В клаузах с аористом и имперфектом коэффициент препозиции *са* в ЖАЮ (43%) выше, чем во всех прочих крупных памятниках; примеры см. в § 4.7.

Относительно высок в ЖАЮ также коэффициент препозиции *са* в многоактантных клаузах (39%); см. § 4.9.

В тяжелых клаузах этот коэффициент резко падает (до 9%). При этом ЖАЮ обнаруживает примечательную индивидуальную особенность: *са* здесь вообще никогда не создает непроективности (охват сказуемого не в счет), т.е. оно никогда не внедряется внутрь неодночленной актантной группы. Вместо этого в обычных тяжелых клаузах в нарушение общего правила *са* помещается непосредственно после двучленного начального сочетания, например: *и в болюю печаль са сси вложиль* С172. (При этом в одном случае мы находим разделение энклитик: *сему ли вкушению са кси оудивиль?* 7б.) Подробнее об этой особенности см. § 1.42.

В ЖАЮ ярко проявляется эффект сильных энклитик, выступающих в комбинации с энклитикой *са*: в этих случаях заметна отчетливая тенденция разединить такие энклитики, в результате чего *са* переходит в постпозицию к глаголу. См. об этом § 4.11.

Уникальной особенностью ЖАЮ является почти последовательная постановка *са* после *да* и *да бы*. См. об этом § 4.12.

В целом памятник ЖАЮ в том, что касается поведения *са*, оказывается самым консервативным из всех крупных литературных памятников раннедревнерусского периода.

В сочинениях Мономаха, которые, как уже указано, отчасти сходны с памятниками книжного характера, препозиция *са* преобладает только в первых двух классах клауз:

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
С начальным местоименным словом	
<i>и сему са по(див)усмы ... 79 об.</i> <i>а кгоже не оумбючи, ∇ а тому са оучите 80 об.</i> <i>а ѿ се са ради 84</i>	<i>а назъ оутбшюса ѿ Бзъ 84</i>
С начальным союзом	
<i>трудъ свои, ∇ ѿже са есмь тружалъ, пути дѣи и ловы 81</i> <i>идохом на Ѡлга, ∇ зане са баше приложилъ к половце^м 82</i>	<i>сли к брату, ∇ дондеже кладим^са 84 об.</i>

В прочих классах преобладает постпозиция *са*. Примеры препозиции единичны; вот основные из них:

али вы са начнеть не мочи, а трижды 80;

добрѣ же твораще, ∇ не мозите са лѣнити ни на что же доброе 80 об.;

и в то же лѣ^т // и дѣта са роди старѣшее новгородское 81;

смрти бо са дѣти не боячи, ни рати ни ѿ звѣри, но мужьское дѣло творите 83.

§ 4.21. Особо стоит «Слово о полку Игореве», время создания которого, как известно, является предметом длительной дискуссии. В работе Зализняк 2007 (с. 51–66) в связи с этой дискуссией специально рассмотрен вопрос о поведении энклитики *са* в этом памятнике, и установлено, что это поведение в принципе одинаково с тем, которое наблюдается в домонгольских памятниках не книжной ориентации. Сделанные в этой работе выводы позволяют нам рассматривать «Слово о полку Игореве» в составе именно этой группы памятников.

Поскольку материал этого памятника весьма невелик, мы имеем возможность привести его здесь целиком.

Многоактантные клаузы не отделяем от простых (ср. § 4.9); заметим, что особенностью данного памятника является то, что многоактантных клауз здесь больше, чем простых.

Препозиция <i>са</i>	Постпозиция <i>са</i>
С начальным местоименным словом	
<i>Ту са копѣмъ приламати 46</i> <i>Ту са саблямъ потручати 46</i>	—
С начальным знаменательным словом	
<i>И древо с(я) тугою къ земли прѣклонило 199</i> <i>А древо с(я) тугою къ земли преклонилос(я) 74 (двойное ся)</i> <i>А задною ся сами подѣлимъ 116</i> <i>Нъ ро(з)ио ся имъ хоботы пашутъ 166</i>	<i>Солнце свѣтитсѣ на небесѣ 211</i>

С подчиненным инфинитивом	
<i>А чи диво ся, братіє, стару помоло- диту 117</i>	—
С деепричастием	
—	<i>Тъй клюками подпрѣся ... 154</i> <i>Яко соколъ на вѣтрехъ ширѣся 134</i>
С аористом	
<i>Ту ся брата разлучиста ... 71</i> <i>На ниче ся години обратиша 120</i> <i>И съ нимъ молодая мѣсяца, // Олегъ и</i> <i>Святъславъ, // тѣмою ся поволокоста</i> <i>103</i>	<i>Тоска разліяся по Руской земли 85</i> <i>Уже снесеса хула на хвалу 106</i> <i>Уже врѣжеса Дивъ на землю 108</i> <i>Тогда при Олзѣ Гориславличи //</i> <i>сѣяшеться и растяшеть</i> <i>усобицами 64</i>
Тяжелые	
<i>Вежи ся Половецкѣи подвижашася 187</i> <i>(двойное ся)</i>	<i>Жены Рускія // въсплакашася 82</i> <i>По Руской земли // прострошася</i> <i>Половци 105</i> <i>Въ княжихъ крамолахъ // въци</i> <i>человѣкомъ // скратишася 64</i>

Из этой таблицы непосредственно видно, что в классах клауз, благоприятных для препозиции *са* (1 мест., 3 знам., 4 инф.) в СПИ почти всегда представлена именно препозиция. Имеющиеся примеры постпозиции сосредоточены в классах, неблагоприятных для препозиции *са* (5 деепр., 6 аор., 8 тяжел.).

§ 4.22. Как пример памятника XV в. можно взять «Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Памятник принадлежит к числу тех, где многоактантность не снижает коэффициента препозиции *са*, поэтому мы, как и в случае с СПИ, не отделяем многоактантных клауз от простых. В основных группах клауз картина здесь такова:

С начальным местоименным словом или союзом (простые и многоактантные)	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>и они ся жалууют князю 446 об.</i> <i>какъ ся имъ являль многыми образы</i> <i>(Троицк. 377 об.)</i> <i>а тут ся родит краска да лекъ 444</i> <i>гдѣ ся жемчюг родит 453 об.</i> <i>что бы ся о мнѣ печаловал 445 об.</i> <i>что° «судно ся мое розбило ...»</i> <i>(Троицк. 370 об.)</i>	<i>а с ним садятся три возыри 454 об.</i> <i>а в нем мускус родится 451 об.</i> <i>а кто в нем женится хоросанецъ</i> <i>450 об.</i> <i>истинну, ∇ ты не бесермениш</i> <i>кажешися 452 об.</i>

С начальным знаменательным словом (простые и многоактантные)	
Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
и вѣры ся да лишають кристьянские 452	а дѣти родятся на всякъи год 444
и земля ся не окретила 454	да слоны родятся 450 об.
да фота по плечем, ∇ да другою ся опояшет 445	и султан ополѣлся на индѣян 456
а у жены // дитя ся родит, ино бабит муж 448 об.	а от бесермен крыются 448 об.
в Блндѣской земли // гости ся ставят по подворьем 445	к бутхану же съезжается вся страна Индийская 447 об.
Божиею благодатию // зло ся не учинило 457 об.	а лѣвою не примется ни за что 448 об.
	а у которые жены // от гостя зачнется дитя 451
	да всякого коренья // в нем родится много 450 об.

Отметим препозицию *ся* при подчиненном инфинитиве и при деепричастии: и они же не учили ся от меня крыти ни о чѣмъ (Троицк. 377); и у игумена ся благословив у Макария и у святыа братьи 442 об. (других примеров этих двух классов не встретилось).

В тяжелых клаузах встречается только постпозиция, например:

а попелом тѣмъ мажутся по лицу 449;
день и ночь бился з городом 20 дни 456 об.

В более поздних памятниках данной группы препозиция *ся* уже почти не встречается. Так, в «Житии» Аввакума она отмечена (если не считать цитаты: «... и всяк мняися стояти да блюдется, да ся не падет» 31) всего один раз:

не велики были, да, однако, дѣтки; пускай их, не гдѣ ся дѣнуть 41.

Безусловной нормой здесь является постпозиция *ся*, например:

и ко мнѣ поклонился до земли 26;
тогда добръ был, а н(ь)нѣ учинился отступникъ 28;
и смѣх и горе, как помянутся дние оны 39 об.;
сказали ему, что я молюся такъ 49.

Только постпозиция представлена в «Повести о Бове», например:

а Богу ты не помолился и со мною не простился;
и самъ яз тому дивлюся.

Литературные произведения не книжной ориентации старославянского происхождения

§ 4.23. Как мы увидим ниже, классические старославянские памятники имеют гораздо более низкий коэффициент препозиции *ся*, чем основные древнерусские памятники.

Можно было бы предположить, что мы имеем здесь дело со старым диалектным различием между древнерусским и старославянским. Но такой непроводной текст, как Житие Мефодия (по Усп. сб.), решительно свидетельству-

ст против этого предположения: из него видно, что в живом старославянском языке ситуация не отличалась от древнерусской. Такие же показатели дает обследованный нами отрывок из Шестоднева Иоанна экзарха болгарского.

Коэффициент препозиции са в памятниках не книжной ориентации
старославянского происхождения

	Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
Житие Методия	68% (19/28)	83~56%	2/3	4/4	3/4	1/1	2/3	3/5	3/5	1/3
Шесто- днев	70% (14/20)	73~60%	6/6	1/1	1/2	3/6	—	0/1	3/4	—

Поскольку Житие Методия в том, что касается поведения энклитик, резко отличается от основных старославянских памятников, полезно непосредственно продемонстрировать его материал. Он невелик, и мы приводим его целиком.

Препозиция са	Постпозиция са
С начальным местоименным словом	
<i>что са потиши?</i> 107а <i>иже са мьнать Ба знающе</i> 106а	<i>иже нарицаеть са Поли- хронъ</i> 105а
С начальным союзом	
<i>яко са соуть събывала многа</i> 107б <i>яко са съкончати на немъ <...> словеси</i> 108б <i>яко° «аще ми са общаеши ...»</i> 107в <i>донде са исправить</i> 106в	—
С начальным знаменательным словом	
<i>яко° црь са на нь гнѣваетъ</i> 108а <i>а дѣлы са его отъмѣтають</i> 106а <i>добро ти са крѣсти, сѣоу</i> 107в (императив)	<i>Ба боите са, цѣра чьтѣте</i> 105б
С подчиненным инфинитивом	
<i>тѣгда не смаста са ѿрещи</i> 105б	—
С деепричастием	
<i>вьсѣмъ бо са оуподобль</i> 104в <i>Иосифъ въ Егуптъ люди прѣлпѣтъ, ∇ Бѣши са</i> <i>явль</i> 103б	<i>начать же пакы, ∇ съ</i> <i>покорѣмъ повинова са,</i> <i>служи</i> 105б
С аористом или имперфектом	
<i>и другъ са емоу нарече</i> 103а <i>на молитвоу са наложиста</i> 105б <i>поути са ятъ</i> 105б	<i>людие же, яко же есть</i> <i>обычай чловѣкомъ,</i> <i>∇ вьси печатовахоу са и</i> <i>жалашоу си</i> 108а

	<i>въ Цѣриградѣ потвърди са стѣи соуMBOLъ 104а</i>
Многоактантные	
<i>о нѣмъ же са никто же николи же поеклъ 104б оуже бо са есть яко и при пеци оупотилъ 107а</i> Также со смещенной препозицией: <i>Нои правдѣнь са обрѣте 103а</i>	<i>яко же и тѣлесньни его образъ явлаше са 104в сихъ оугодницѣхъ по едино- му не постыдимъ са 104б</i>
Тяжелые	
<i>съ грубою са чадью пѣрьхъ 107а</i>	<i>Моиси съ Арономъ въ цѣрь- ихъ Бжїиныхъ Бѣ фаравсовѣ нарече са 103б ини бо, ∇ Бжїи раби твора- ще са, таи развращахоу я 107в</i>

Как можно видеть, картина распределения примеров здесь довольно похожа на ту, которую дает СПИ.

В дополнение к этой таблице приведем материал клауз с *да*:

да са обращете истиньнии поклонители 106в;

да са бы пакы земля напълнила 103а (с акцентно самостоятельным *бы*);

да са тѣмъ подобаще вѣси на доброе оустили 103а (с одним *са* на два глагола);

таче словѣньскы да са испълнить 106б (со смещенной препозицией).

Этому противостоит всего один пример с постпозицией *са*: *да бы прооучить са вѣсьмъ обычаемъ словѣньскимъ 104в*.

Памятники книжной ориентации

§ 4.24. Безусловное большинство дошедших до нас церковных, литературных и летописных памятников можно квалифицировать как «памятники книжной ориентации».

Среди них следует различать прежде всего тексты старославянского происхождения (значительная часть которых известна только в церковнославянских списках) и тексты древнерусского происхождения (в число которых включаются и переводы, сделанные на Руси). Кроме того, для нас существенно деление текстов на литературные и летописные.

Рассмотрим последовательно эти группы.

Произведения книжной ориентации старославянского происхождения

Приводим данные о поведении *са* в нескольких важных памятниках этой группы.

**Коэффициент препозиции са в памятниках книжной ориентации
старославянского происхождения**

	Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Лор. импф.	7 Мно- говкт.	8 Тяж.
Супр.	16% (111/689)	32 ~11%	20/32 =63%	13/18 =72%	7/45 =16%	14/75 =19%	8/48 =17%	23/113 =20%	25/210 =12%	1/148 =1%
Мар.	6% (29/468)	10 ~ 3%	15/80 =19%	4/39 =10%	0/47	1/39	1/10	7/105 =7%	1/77	0/71
Изборник 1076	6% (22/350)	10 ~ 3%	9/44 =20%	1/16 =6%	3/61 =5%	2/26 =8%	1/14	0/8	6/80 =8%	0/101
Синайская псалтирь	2% (7/365)		(3х)	(2х)				(2х)		

В качестве наиболее показательного представителя данной группы можно взять Мариинское евангелие.

Вот некоторые примеры из него.

Препозиция — очень редко	Постпозиция — почти всегда
С начальным местоименным словом	
<i>кого са оубоите</i> Лк. 12.5 <i>что са ваьмь мьнить</i> Мт. 18.12	<i>жено, // что плачещи са</i> Ио. 20.13 <i>а иже възнесетъ са, съмьритъ са</i> Мт. 23.12 <i>и како оудръжж са</i> Лк. 12.50 <i>тоу събержтъ са орлы</i> Мт. 24.28 <i>и тогда авить са знамение</i> Мт. 24.30
С начальным союзом	
<i>добръ би было емоу, ∇ аште са би не родить чкъ ть</i> Мт. 26.24	<i>добро би емоу было, ∇ аште не би родить са члѣвко ть</i> Мр. 14.21 <i>и аще въпадеть са въ ѡмж въ соботж</i> Мт. 12.11 <i>и егда молиши са, не бжди ѡко и лицемьри</i> Мт. 6.5
С начальным знаменательным словом	
<i>юже бо са бѡахж съложили шодьби</i> Ио. 9.22 (единств. пример)	<i>и вино прольетъ са</i> Мт. 9.17 <i>не въ лѡжж клѣнещи са</i> Мт. 5.33 <i>и тлѣкжирюмоу отьвързаетъ са</i> Мт. 7.8 <i>абые съблажнѣвать са</i> Мт. 13.21
С подчиненным инфинитивом	
<i>и бѣ слжжа и не можити са въсклонити отьнждь</i> Лк. 13.11 (единств. пример)	<i>и не може оутати са</i> Мр. 7.24 <i>наченъию же емоу сътазати са о словеси</i> Мт. 18.24 <i>тогда начать ротити са и клати са</i> Мт. 26.74

С деепричастием	
<i>и ѿ оца своего глаголаше Бѣ, Ѹ ра{ра}вень са твора Боу Ио. 5.18 (единств. пример)</i>	<i>и мно́го прѣжавъ са изиде Мр. 9.26 Бѣ не боѣ са и чѣъ не срамѣѣ са Лк. 18.1–2 и иде, Ѹ въ себѣ дива са бывѣшюмоу Лк. 24.12</i>
С аористом или имперфектом	
<i>егоже вы глѣте, Ѹ бѣо^о слѣтъ са роди Ио. 9.19</i>	<i>кто прикоснѣ са ризахъ моихъ? Мр. 5.30 онъ же отъверже са прѣдъ вѣсѣми Мт. 26.70 и абие ищисти са отъ проказы Мт. 8.3 и землѣ потрясе са, и камене распаде са, и гроби отворѣса са Мт. 27.52</i>
Многоактантные	
<i>и не можѣтъ са кѣнигы разо- рити Ио. 10.35 (единств. пример)</i>	<i>азъ николиже не съблажнѣ са Мт. 26.33 оба въ бѣмѣ вѣпадете са Мт. 15.14 како же оубо събѣждѣтъ са кѣнигы Мт. 26.54</i>
Тяжелые	
—	<i>ни главоѣ своеѣ клѣни са Мт. 5.36 оученици же его вѣзаалкаша са Мт. 12.1 и си вѣсѣ приложатъ са вамъ Мт. 6.33</i>

Наглядно видно, что в вопросе о поведении *са* эта группа памятников образует как бы противоположный полюс по сравнению с древнерусскими грамотами и актами: коэффициенты препозиции *са* здесь минимальны, а в части памятников просто приближаются к нулю.

Поскольку, как показывает, в частности, Житие Мефодия, такое положение никоим образом нельзя приписывать живой южнославянской речи, необходимо признать, что мы имеем здесь дело с особым правилом старославянского книжного синтаксиса, которое резко расходилось с народным синтаксисом. Это правило не получило, однако, полной обязательности, иначе не было бы такого произведения, как Житие Мефодия. Поскольку все произведения настоящей группы переводные, а Житие Мефодия — оригинальное славянское, следует полагать, что первоначальной зоной формирования книжного правила о постпозиции *са* были именно переводы, а на оригинальные сочинения это правило распространялось лишь постепенно и без полной обязательности.

Отдельного замечания заслуживает Супрасльский кодекс. Коэффициенты препозиции *са* (как общий, так и отдельные по классам) здесь заметно выше, чем в остальных текстах данной категории. С другой стороны, от такого памятника, как Житие Мефодия, его все-таки отделяет еще большая дистанция. Тем самым Супрасльский кодекс должен расцениваться как памятник книжной ориентации, но выдержанной несколько менее последовательно, чем в других аналогичных текстах.

Чтобы дать представление о поведении *са* в поздних церковнославянских версиях произведений этого круга, можно привести, в частности, некоторые

данные Острожской библии 1581 г. Из этого памятника была обследована книга Экклезиаста. В классах 1–8 здесь на 64 примера *са* в неавтоматической постпозиции приходится 3 примера *са* в препозиции, т. е. $Q_{\text{(общ.)}} = 4\%$.

И только в Синодальной библии, редактировавшейся в начале XVIII в., устраняются почти все примеры препозитивного *са*.

Таким образом, в церковнославянской традиции к концу XVII в. коэффициент препозиции *са*, как и в живом языке, опускается практически до нуля. Но ввиду того, что он был весьма низок и в начальной точке развития, здесь это движение едва заметно.

Литературные произведения книжной ориентации древнерусского происхождения

§ 4.25. Эта группа весьма многочисленна. Ниже приводятся цифровые данные по нескольким из них, относящимся к разным векам с XI по XVI.

К XI–XIII вв. относятся:

«Хождение» игумена Даниила (конец XI – нач. XII в.; по списку 1495 г.);

Житие Бориса и Глеба (по Усп. сб.);

Житие Феодосия (по Усп. сб.);

«Александрия» в переводе предположительно XI в.;

«Чудеса Николы» в переводе предположительно XI в.;

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия в переводе XI–XII вв.;

«Пчела» в переводе XII–XIII вв.;

Девгенисво деяние в переводе XII–XIII вв.

Кроме того, чтобы не дробить слишком сильно нашу рубрикацию, мы включили в ту же таблицу несколько памятников, близких к рассматриваемой категории, но все же, строго говоря, в нее не входящих.

Это, во-первых, собственно церковный памятник — Устав Студийский в переводе 60-х гг. XI в. (по списку конца XII в.);

во-вторых, два памятника, о происхождении которых — древнерусском или южнославянском — нет единого мнения:

Житие Нифонта (краткая редакция; по Выг. сб. конца XII в.);

Житие Феодора Студита (тоже по Выг. сб.).

Из более поздних произведений в качестве представителей этой группы выбраны:

Задонщина (кон. XIV – сер. XV в.; взято четыре основных списка, т. е. подсчеты отражают суммарный материал этих списков, чем отчасти компенсируется краткость этого памятника);

Повесть о взятии Царьграда турками (2-я пол. XV в.);

Повесть о Петре и Февронии (1-я пол. XVI в.).

В XI–XIII вв. в данной группе памятников можно различить две подгруппы: основную, где коэффициент препозиции *са* очень низок (не выше 7%), и подгруппу с несколько более частой препозицией *са* (до 21%). В последнюю вхо-

дят отдельные литературные произведения, книжная ориентация которых (по крайней мере в данном пункте) немного слабее, чем у остальных.

Коэффициент препозиции *са* в памятниках книжной ориентации древнерусского происхождения

	Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
XI-XIII вв.										
Подгруппа с несколько более частой препозицией <i>са</i>										
Александрия	21% (49/236)	43~12%	19/28 =68%	3/10	3/15	4/15	5/16	4/39	9/55	2/58
Чудеса Николы	21% (12/57)	40~11%	4/8	2/5	1/2	1/5	0/6	3/11	1/11	0/9
Житие Нифонта	21% (14/66)	44~13%	5/6	1/4	0/5	2/3	1/4	4/15	1/19	0/10
Даниил	14% (21/149)	25~9%	11/32 =34%	0/5	0/8	1/3	0/4	1/34	1/11	7/52
Основная подгруппа										
Борис и Глеб	5% (5/102)	10~3%	1/10	2/7	0/4	0/10	0/5	1/21	1/30	0/15
Житие Феодосия	3% (6/213)							(1×)	(3×)	(2×)
Житие Ф. Студита	1% (4/≈400)		(1×)						(3×)	
Устав Студ.	0,6% (1/166)			(1×)						
Флавий	7% (80/1115)	13~5%	20/87 =23%	14/55 =25%	7/120 =6%	3/73 =4%	6/91 =7%	18/29 9=6%	12/18 6=6%	0/20 4
Пчела	7% (45/685)	11~3%	19/118 =16%	9/39 =23%	5/115 =4%	2/41 =5%	2/14 =14%	1/25 =4%	7/227 =3%	0/106
Девген. деяние	5% (5/103)	10~0%	0/13	0/7	2/11	3/19	0/1	0/17	0/15	0/20
XIV-XVI вв.										
Задон- щина	2% (1/54)		(1×)							
Взятие Царьграда	2% (2/103)		(2×)							
Петр и Феврония	3% (1/33)		(1×)							

Наиболее выразительным представителем этой группы памятников является Житие Феодосия. В этом сравнительно большом тексте (213 примеров неавтоматического *са*) препозиция *са* встретилась всего в 6 случаях, а именно:

*еи чадо, боудеть ти, ∇ яко же ти са обща аи҃ль живиѣ са въ образъ мо-
къ 466;*

се бо о семь // вельми са радѣю, братик 58г;

и пакы // дѣлѣ са своѣмъ къждо имашеть 36а/б;
самъ // чистъ са творя 39а;
сѣмѣряше са, ∇ постѣдѣнии са въсѣхъ творя и слоужьбѣнникъ 42г;
тѣмъ же сѣмѣряше са, ∇ мѣнии всѣхъ са творя и всѣмъ слоужа 36г (по-
 видимому, *мѣнии всѣхъ* здесь было единой тактовой группой, см. § 1.42).

Можно присоединить сюда также один пример с возвратным *си*:
много же си жалю кѣго ради 32б.

В остальном поведение *са* здесь практически такое же, как в современном языке. Пытаться делать какие-то статистические заключения по отдельным рубрикам нет смысла — слишком низок общий коэффициент препозиции. Ясно, что постпозиция *са* была для автора просто нормой.

Житие Феодосия создано не позднее начала XII века. Ранние берестяные грамоты ясно говорят нам о том, что в эту эпоху в живом древнерусском языке закон Вакернагеля еще действовал практически безукоризненно. Это значит, что Нестор сознательно писал не так, как то же самое звучало в живой речи. Он явно ориентировался в синтаксическом отношении на старославянские образцы — прежде всего на Евангелие и Псалтирь. И как нередко бывает с усердными подражателями, он оказался здесь «большим католиком, чем папа»: в своем отталивании от живой речи он достиг более низкого коэффициента препозиции *са*, чем в Евангелии (не говоря уже о таком памятнике, как Супр.).

Ввиду искусственного, книжного характера такого синтаксиса не приходится удивляться тому, что коэффициент препозиции *са* не обнаруживает в памятниках этой категории строгой зависимости от хронологии. Разумеется, линия эволюции и в этой категории в общем ведет к тому, чтобы данный коэффициент постепенно упал до нуля. Однако в конкретном памятнике он все же в гораздо большей степени зависит от стилистических установок и предпочтений автора, чем от точной датировки памятника. Например, «Хождение» игумена Даниила, где $Q_{(общ.)} = 14\%$, примерно синхронно Житию Феодосия, с его $Q_{(общ.)} = 3\%$; просто игумен Даниил несколько меньше заботился о том, чтобы выразиться по-книжному, а не по-народному.

Как мы знаем, ныне живой русский язык пришел к $Q_{(общ.)} = 0\%$. Поэтому парадоксальным образом Житие Феодосия, резко оттапливавшееся в данном пункте от живого языка, теперь нам ближе и понятнее (по крайней мере в этом отношении), чем, скажем, берестяные грамоты.

Еще более яркий образец такого рода представляет собой Устав Студийский. Это церковный памятник, переведенный в XI веке, где встретился всего один пример препозиции *са*: *вънѣгда же са икошь поють* 212 (не считая выпадающего из всех норм примера *и въспоминатиа сего са остающемъ* 215 [с собственно причастием]). Таким образом, степень прикрепления *са* к глаголу здесь уже по существу такая же, как в современном языке.

Летописи

§ 4.26. Летописи образуют в интересующем нас отношении довольно единообразную группу памятников, близкую к литературным сочинениям книжной ориентации, но все же менее удаленную от живой речи.

Летописи целесообразно подразделять не по времени списка, а по времени отражаемых событий (т. е. по времени составления соответствующих погодных записей).

В связи с этим мы различаем в НПЛ три части, а именно:

НПЛ-1 — первый почерк Синод. НПЛ (события 1016–1234 гг.);

НПЛ-2 — второй почерк Синод. НПЛ (события 1235–1337 гг.);

НПЛ-3 — Комисс. НПЛ, часть, охватывающая события 1333–1446 гг.

Из Строевского списка Псковской 3-й летописи обследованы записи за XV и XVI вв., причем оказалось целесообразно рассматривать отдельно записи этих двух веков (точнее, записи до 1478 г. и после него).

Напомним, что ПВЛ берется без сочинений Мономаха, а Киев. лет. (автор.) — это Киевская летопись без прямой речи.

Для большей наглядности при всех летописях указаны охватываемые ими хронологические интервалы.

Коэффициент препозиции *са* в летописях

	Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)	1 Мест.	2 Со- юз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
ПВЛ (до 1110)	16% (68/422)	34 ~ 8%	16/31 =52%	8/27 =30%	7/34 =21%	13/39 =33%	0/12	12/143 =8%	10/56 =18%	2/80
Киев. лет. (автор.) XII	11% (59/533)	38 ~ 4%	9/18 =50%	4/15 =27%	0/11	28/65 =43%	3/43 =7%	4/160 =3%	10/85 =12%	1/136
Гал.-Волын. XIII	10% (27/264)	30 ~ 3%	2/13	4/9	4/17 =24%	12/34= 35%	0/18	4/99	1/38	0/36
НПЛ-1 (до 1234)	10% (19/186)	41 ~ 7%	5/9	—	0/1	2/7	0/1	8/45 =18%	2/20	2/103
НПЛ-2 (1235–1337)	7% (7/98)	14 ~ 5%	1/7	0/5	0/5	2/5	0/2	0/24	2/14	2/36
НПЛ-3 (1333–1446)	5% (7/130)	17 ~ 1%	4/18	0/3	1/6	1/9	0/2	0/22	1/23	0/47
Строев. 1400–1478	6% (10/158)	16 ~ 3%	2/13	3/7	1/12	1/12	0/10	0/18	3/27	0/59
Строев. 1479–1567	0% (0/82)									

Как можно видеть, на протяжении XI–XV вв. коэффициент препозиции *са* в летописях (как общий, так и по классам) постепенно понижается, причем очень плавно. Понятно, что в этом отражается эволюция живой речи. Но это не прямое ее отражение (при котором коэффициенты препозиции *са* были бы существенно выше), а косвенное, как бы пропущенное через фильтр общей установки (хотя и не слишком жесткой) на книжность. Отсутствие в этой кривой каких-то всплесков или провалов говорит о том, что стилистические установки летописцев были довольно единообразны, т. е. существовало достаточно устой-

чивое традиционное представление о том, как должны выглядеть летописные записи.

Полная утрата препозиции са отмечается в некоторых летописях лишь с XVI в.

Как частные черты летописного стиля следует отметить, во-первых, очень резкое различие между Q(1-4) и Q(5-8); во-вторых, относительно высокий коэффициент Q(инф.).

В качестве характерного представителя этой категории памятников (точнее, ее болсс древней разновидности) можно взять авторскую часть Киевской летописи по Ипат.

Приводим из нее некоторые примеры.

Приблизительное равновесие двух моделей	
С начальным местоименным словом	
<i>а вси^М са снати оу Смоленьскѣ</i> 134 об. <i>а кто са ѡсталъ в городѣ, а тѣ вси</i> <i>взати быша</i> 226	<i>а всимъ снатиса на Волзѣ</i> 134/об. <i>Изморагдѣ, ∇ еже наречеться</i> <i>дорогый камень</i> 242 об.
С подчиненным инфинитивом	
<i>и тако са начаша ладити</i> 141 <i>и начаша са бити ѡ рѣку</i> 188 <i>подоша по немъ на верхъ ѡзера,</i> <i>∇ хотаче са бити с ни^М</i> 157 об. <i>и повелѣ са постричи Ефимью еп^споу</i> 124 об.	<i>а Изаславци почаша битиса</i> 109 <i>и нача молитиса ѡцю</i> 142 об. <i>Изаславъ же не хоташе миритиса с</i> <i>ни^М</i> 165 об. <i>и половцемъ не дадущимъ миритиса</i> 157

Препозиция — редко	Постпозиция — часто
С начальным союзом	
<i>блюда того, ∇ абы са не сналъ с</i> <i>Володимеромъ Галичьскимъ</i> 157	<i>абы оутишилса матежъ</i> 213 об. <i>зане бѣ ѡсталса с матомъ дружины на</i> <i>полчици</i> 168 <i>и слышавъ, ∇ ѡже билиса Ѡлговичи оу</i> <i>Переяслава</i> 115

Препозиция — очень редко	Постпозиция — почти всегда
С начальным знаменательным словом	
—	<i>Стародубци бо прислалиса бѣху ко Ѡлгови</i> 187 об. <i>в городѣ бо затворилъса бѣше съ княгинею</i> 181 об.

С деепричастием	
<i>и тако са оуладивше, и разъѣхаша 140</i>	<i>и тако ѡборотачеса полкы своими 158 и тако испросивъса оу Изаслава 123 об. и ту оуладивъса с нима, иде въ свои Киевъ 173 по зори исполчивъса 138</i>
С аористом или имперфектом	
<i>и ту са ѡбѣловаша не съсѣда- юще с конии 146 об. но стрѣлци са ѡ ню бѣа- хоуть ѿ ѡбоихъ 132 об.</i>	<i>а самъ възвортиса в Суждаль 168 об. и про то заратишася Олговичи 110 и тако разъѣхашася 176 а стрѣлци бѣахоуся межи полкома 138</i>
Многоактантные	
<i>и повѣда ему, ∇ како са с королемъ видить въ здоровьи 164 ѡже юже // рѣкы са роушають 135 об.</i>	<i>и тако наро^д двигнушася 129 мы же на преднее възвратимся 112 об. Дюргии же не хоташе и еще битиса 157 об. того дѣла и с братьею совокоупитьса блшеть 232</i>
Тяжелые	
<i>то же все са створи, оже выгна Гюрги Всеволода ис Переяслава 110 об. (единств. пример)</i>	<i>того же лѣта потрасеса земля 108 об. в то же время половци напилися бахоуть коумыза 226 об. но злое невѣръствие в нихъ вкоренилося 200 и многы крови проливахутся межи ими 175</i>

Общая схема эволюции

§ 4.27. Приводимая ниже диаграмма 5 (из двух частей: А — для памятников не книжной ориентации, Б — книжной ориентации) демонстрирует в наглядном виде общую картину исторической эволюции энклитики *са*.

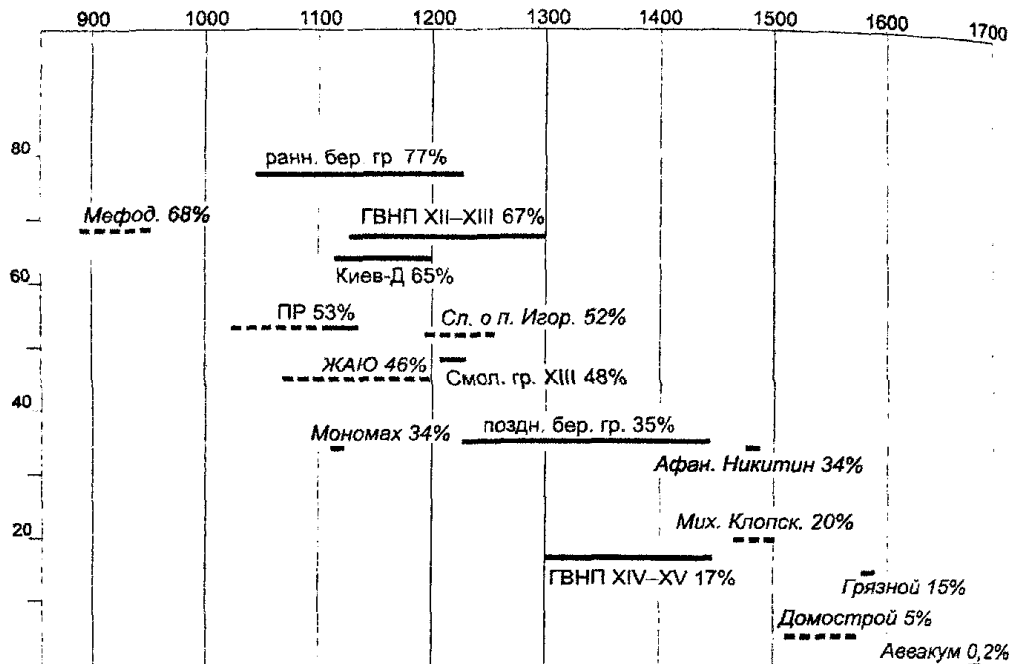
Способ построения диаграммы — такой же, как для прочих местоимений (см. § 3.14).

Для библейских текстов и «Домостроя» отражено время составления соответствующей редакции. Как Строев.-1 обозначена часть Строевского списка Псковской 3-й летописи, охватывающая 1400–1478 гг., как Строев.-2 — часть, охватывающая 1479–1567 гг. За пометой Острож. реально стоит не вся Острожская библия, а только книга Экклезиаста (см. § 4.24).

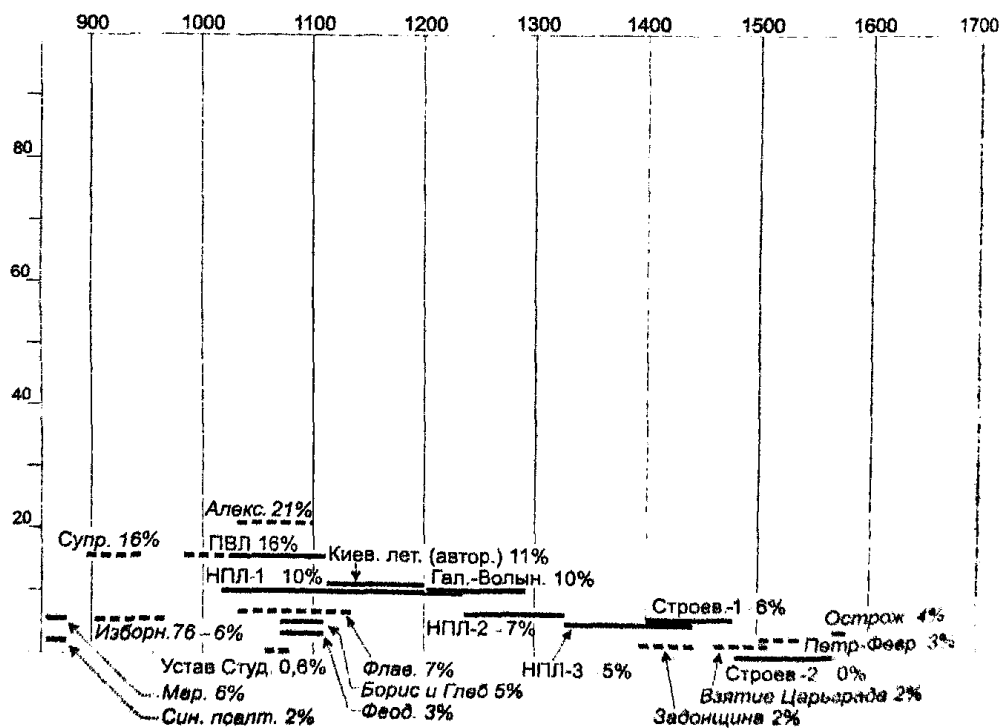
Раздельная демонстрация памятников не книжной и книжной ориентации позволяет непосредственно увидеть, что историческая эволюция энклитики *са* в этих двух группах памятников совершенно различна. В не книжных памятниках коэффициент препозиции *са* плавно повышается от очень высоких значений в XI–XII вв. до нуля в XVII в. Между тем в книжных памятниках этот коэффициент даже в древнейшие века весьма низок и его движение к нулю представляет собой лишь весьма медленное и незначительное изменение.

5. КОЭФФИЦИЕНТ ПРЕПОЗИЦИИ СА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

А. Памятники не книжной ориентации

Б. Памятники книжной ориентации

§ 4.28. Подведем итоги проведенного разбора поведения *са* в древнерусских и позднейших памятниках.

В живом древнерусском языке XI–XII вв. энклитика *са* по своему поведению еще практически ничем не отличалась от других фразовых энклитик: вместе с ними она подчинялась закону Вакернагеля и правилам, связанным с ритмико-синтаксическими барьерами. Соответственно, в зависимости от структуры фразы она оказывалась либо в постпозиции к глаголу, либо в препозиции (контактной или дистантной).

В ходе эволюции местоименные энклитики (*ми*, *ти*, *ма*, *та* и т. д.) исчезли, уступив свое место своим полноударным синонимам (*мѣнѣ*, *тебѣ*, *мене*, *тебе* и т. д.). То же произошло и с *са* в сочетаниях с предлогом: *за са*, *на са* и т. д. уступили место сочетаниям *за себе*, *на себе* (позднее *за себа*, *на себа*) и т. д.

Но *са* как показатель возвратности глагола пойти по тому же пути не могло, поскольку полноударное *себе* не имело большинства тех функций, которые были свойственны энклитике *са* (см. об этом подробно выше, § 3.1). Поэтому здесь эволюция оказалась иной — *са* постепенно слилось с глагольной словоформой.

Таким образом, на протяжении XI–XVII веков *са* претерпело радикальную трансформацию: из самостоятельного слова, а именно, энклитики, подчиненной закону Вакернагеля, оно превратилось в морфему, входящую в состав глагольной словоформы.

В этой ситуации казалось бы естественным, чтобы письменные памятники демонстрировали все более сильное продвижение от века к веку по этому пути. В действительности, однако, историческая картина оказалась намного сложнее.

Обнаружилось, что с самого начала письменной истории русского языка существуют две отчетливо различающиеся традиции в трактовке элемента *са*: народная и книжная. В первой *са* представляет собой нормальную фразовую энклитику, способную стоять как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к глаголу — в соответствии с тем, чего требует закон Вакернагеля и правила о барьерах. Во второй она уже в XI–XII веках предстает как единица, весьма близкая к морфеме *-ся* современного русского языка, а именно, лишь в весьма редких случаях выступает во фразе в какой-либо иной позиции, кроме положения непосредственно после глагольной словоформы.

В рамках народной традиции мы наблюдаем именно то, что ожидается на основе общих соображений: коэффициент препозиции *са* плавно понижается с ходом времени и к XVII в. достигает современного состояния, при котором он равен нулю (т. е. *са* уже не бывает в препозиции никогда, являясь неотделимой частью глагольной словоформы).

Совершенно иной была ситуация в книжных памятниках. Здесь уже в XI–XII веках коэффициент препозиции *са* был очень низким (не выше 21%, а в большинстве случаев даже не выше 10%) — это была традиция, идущая из старославянского. В дальнейшем это положение изменялось довольно незначительно. В XVI в. этот коэффициент оказался в книжных памятниках даже несколько выше, чем в народных текстах (т. е. в этот момент соотношение двух

типов текста в данном пункте фактически сменилось на противоположное тому, что было в древности). Позднее, однако, как в живом русском языке, так и в церковнославянском препозиция *са* исчезает полностью.

Выявленная нами картина исторического развития *са* резко отличается от той, которую предложил в свое время Г. Гуннарссон (1935). Основных причин этого отличия две: 1) работа Г. Гуннарссона написана до открытия берестяных грамот; 2) в числе инструментов анализа у Г. Гуннарссона не было понятия ритмико-синтаксического барьера.

В силу первого из этих обстоятельств Г. Гуннарссон не имел возможности оценить истинное соотношение между живым древнерусским языком и языком традиционных древнерусских памятников. Он исходил из того, что такой памятник, как обследованный им Изборник 1073, отражает первоначальное состояние древнерусского языка, тогда как, например, летописи отражают уже более поздний этап эволюции (в частности, эволюции *са*).

В силу второго обстоятельства Г. Гуннарссон считал энклитическим только такое *са*, которое стоит во фразе в главной вакернагелевской позиции; *са* в любой другой позиции (кроме постпозиции при глаголе) он трактовал как полноударное (т. е. объяснял его удаление от начала фразы просто тем, что полноударное слово может стоять в любой точке фразы).

На основе этих двух ошибочных положений он сделал вывод, что в древнерусском языке *са* лишь в весьма незначительной степени подчинялось закону Вакернагеля, причем эта ситуация была прямым наследием глубокой древности. Он пишет: «Контактное положение *са* было, таким образом, осуществлено (*durchgeführt*) уже в доисторическое время, а свободное его расположение, соответственно, должно рассматриваться в древнейших текстах как исключение» (Гуннарссон 1935: 103). Даже и в отношении летописей и грамот (официальных) он полагал, что свободное (т. е. не находящееся в контактной постпозиции к глаголу) *са* здесь лишь изредка выступало в роли энклитики, а в основной части случаев представляло собой полноударную словоформу.

Из материалов настоящей главы понятно, сколь далек этот вывод от того, что мы теперь знаем о древнерусских энклитиках.

Глава пятая

ЭВОЛЮЦИЯ СВЯЗОК

§ 5.1. Особую группу древнерусских энклитик составляют словоформы настоящего времени глагола *быти*: *есмь*, *есмы* (*есме* и др.), *есѣѣ*; *еси*, *есте*, *еста* (2 дв.); *есть*, *суть*, *еста* (3 дв.).

Важное для нашего разбора обстоятельство состоит в том, что, как уже указывалось выше, эти словоформы имеют статус энклитик только в функции связок. В неслужебном значении ('существовать, иметься', 'пребывать, находиться') они ведут себя как акцентно самостоятельные.

Например, во фразе *есть градъ межу нобомъ и землею* 10п словоформа *есть* означает 'существует, имеется' и ее начальное положение ясно показывает, что это не энклитика, а акцентно самостоятельная словоформа. Вот некоторые другие подобные примеры:

3-е лицо —

а есть мѣжъ, съ нимъ 'а если есть человек, с ним [пошли]' 296;

но есть ми вѣсть, ажь Всеволодъ сватъ мои всѣлъ на коня [1193], 239 об./240;

есть ми поуть на Литвоу [1193], 234;

не есть того в законѣ, яко ставити еп^спомъ митрополита безъ патриарха [1147], 125 об.;

си же вѣдѣти ѿсть же 'а это тоже должно знать' (Феод., 65а);

кѣже, поѣди к намъ, ꙗко суть ны с тобою рѣчи [1159], 177 об.;

суть ми ороудитъ въ Роуси, а вы вольни въ кѣзѣхъ (НПЛ, 80).

1-е и 2-е лица —

ты по Бѣѣ тамо оу Смоленскѣ и в Новѣгородѣ оу Велицимъ еси [1152], 165;

да се есмы оуже на се^м мѣстѣ [1151], 158;

сѣну, се оуже въ старости есмь [1154], 169;

а во твоей волѣ есмь всегда [1190], 231.

К сожалению, разграничение между служебным и полнозначным употреблением словоформ *есмь*, *еси*, *есть* и т. д. далеко не всегда очевидно. Например, фразу *се оуже въ старости есмь* в принципе можно понимать и как 'вот я уже пребываю в старости' (где *есмь* = 'пребываю'), и просто как 'вот я уже стар' (где *в старости* понимается как эквивалент для *тот, кто в старости* = *старый*, и тогда *есмь* — это связка). В данном случае позиция словоформы *есмь* показывает, что здесь реализован первый из этих вариантов: а именно, *есмь* стоит здесь после неодночленной актантной группы, т. е. на месте, которое энклитика занимать не может. Но во многих случаях столь простых оснований для выбора нет. Например, фразу *а а вѣде, ожь ж васъ есте тѣварь Олѣскы(нь)* 548 можно понимать как 'а я знаю, что Олескин товар у вас' (где *естѣ*) —

связка); но можно понимать и иначе: 'а я знаю, что у вас есть (имеется) Олеськин товар' (где *есть* — полнозначное). Аналогичным образом фраза *чѣа ти есть корова* 8 может пониматься как 'чѣя [это] корова' (где *ти* — частица, *есть* — связка) или как 'чѣя у тебя корова', 'чѣя у тебя находится корова' (где *ти* — 'у тебя', *есть* — 'имеется, находится'). И в этих примерах позиция словоформы *есть* во фразе при выборе нужного понимания не помогает.

Чтобы избежать неопределенности этого рода, мы будем ниже при изучении просодического поведения связок рассматривать только те случаи, где словоформы *есмь*, *еси*, *есть* и т.д. бесспорно являются связками. Для этого условимся исключить из нашего разбора фразы, где именной частью сказуемого является наречие (например, *а ты ны еси близъ* [1195], 237 об.) или сочетание существительного с предлогом или со словом *нако* (например, *се оуже въ старости есмь* [1154], 169), иначе говоря, относить такие фразы к той же категории, что фразы с заведомо полнозначными *есмь*, *еси*, *есть*.

Но трудности этим не ограничиваются. Верно то, что рассматриваемые словоформы имеют статус энклитик только в функции связок. Но обратное неверно, а именно, связки не всегда являются энклитиками. Так, например, во фразе *и не ими, кнаже, вѣры брати наю, ∇ соуѣ на та съвѣтали съ чърниговьскими кнази* (НПЛ, 73 об.) словоформа *соуѣ* — явно связка (в составе перфекта), но это не энклитика, что видно из ее начального положения в клаузе. Аналогично: *късть бо си повѣсть накоже медвена* (ЖАЮ, 1 об.); *срациниѣ онъ <...> сътнѣкъ дѣмономъ бѣаше, ∇ естъ же дерзъ братиса с подвизающимиса* (ЖАЮ, С31); здесь связка *есть* стоит в начале клаузы, да еще и перед энклитиками начальных рангов *же* и *бо*.

Таким образом, в вопросе о древнерусских связках необходимо различать два аспекта:

- 1) просодический статус связок, т.е. проблема соотношения их энклитических и полноударных вариантов;
- 2) конкуренция конструкций со связками (в любом из их двух просодических статусов) и конструкций с местоимениями.

В каждом из этих двух аспектов имеется собственный вектор эволюции.

С просодической точки зрения связки эволюционируют от первоначального полноударного статуса к статусу энклитик. Разные старославянские и древнерусские письменные источники демонстрируют нам различные степени продвижения по этому пути.

С синтаксической точки зрения эволюция состоит в том, что связки постепенно уступают свои функции личным местоимениям. (Отметим, что в главных чертах этот процесс ясно обрисован в Соболевский 1907: 239–242.) Со временем достигается конечная точка этого движения — связки полностью исчезают.

Дальнейший разбор состоит из двух разделов, соответствующих этим двум аспектам проблемы.

Внутри каждого раздела вначале рассматриваются связки первого и второго лица, затем отдельно связки третьего лица, поскольку эти две группы связок в ряде случаев ведут себя неодинаково.

Примечание. Отрицательные формы связок — *нѣсмь, нѣси, нѣсть, нѣсмы* и т.д. — всегда полноударны. Поэтому при изучении просодического статуса связок их уже незачем подробно рассматривать и ни в какие подсчеты они не включаются. Напротив, при изучении конкуренции связок с местоимениями они учитываются наравне с обычными формами связок.

ПРОСОДИЧЕСКИЙ СТАТУС СВЯЗОК

Связки первого и второго лица

Данные акцентуированных памятников

§ 5.2. Для выявления просодического статуса древнерусских связок служат два инструмента: 1) прямые показания акцентуированных памятников; 2) наблюдения над размещением связок во фразах (возможное в любых памятниках, а не только в акцентуированных).

Первый из этих источников информации в сущности ограничен показаниями Чудовского Нового Завета XIV века (см. § 0.4).

В этом памятнике в большом числе случаев мы находим над связкой знак ударения. Примеры:

а) во фразах, где связка стоит в позиции, недопустимой для энклитики:

вы ѣ́сите ма́ 8чѣ́ть и Гѣ́, і добръ ѣ́те: ѽ е́смь бо 48г;

ре́ч же к нима: что су́т словеса́ си, о ни́х же ста́заета́ к собѣ́) иду́ще, и е́ста драхлѧ́ (2 дв.) 40г;

на́к моужѣ́ грѣ́ше^н е́смь 28в;

сѣ́нь мои́ е́си ты 144б;

сѣ́ма Авраа́мле е́смь 45г;

вѣ́м, на́к сѣ́ма Авраа́мле е́сте 45г;

б) во фразах, где связка находится в главной вакернагелевской позиции:

азъ е́смь мужѣ́ іудѣ́и 74г;

не мо́гъ ли́ е́си е́дино^г чѣ́са побѣ́ди 24а;

того́ бо е́смы тва́рь 125в;

сѣ́ве е́сте избивши́хъ нѣ́ркы 13а;

в) в прочих случаях (т.е. там, где позиция энклитики в принципе может определяться как наличием тех или иных барьеров, так и ее полноударностью):

и азъ са́м члѣ́вкъ е́смь 65в;

і вѣ́рова^ш, на́к ты ма́ посла^н е́си 50б;

ни ли се^г члѣ́ е́сте? 29а.

Наряду с этим в Чуд. имеется также и много случаев, когда над связкой нет знака ударения. Но, к сожалению, они не могут служить свидетельством безударности связки, поскольку в Чуд. акцентные знаки выставляются без обязательности.

В примерах группы «а» полноударность связки находится в полном соответствии со свободой ее расположения во фразе.

В примерах группы «б» положение иное: связка стоит в позиции, естественной для энклитики (это особенно ясно видно в примерах типа *того̀ бо есмь́ тварь́*, где связка оказывается внутри группы *того тварь́*), но тем не менее она несет знак ударения.

В принципе это может объясняться тем, что связки представляли собой то, что в § 0.2 было названо синтаксическими энклитиками, т.е. единицы, обладающие только синтаксическими свойствами энклитик, но не фонетическими.

Другая возможность состоит в том, что расстановка знаков ударения в Чуд. соответствует книжной манере чтения текстов, при которой почти каждое слово произносится без всякого просодического объединения с соседними словами. Но даже и в этом случае придется признать, что связки отличались от остальных энклитик более сильной тенденцией к полноударности, поскольку в Чуд. другие энклитики (в т.ч. слабые) почти никогда не получают знаков ударения за рамками тех случаев, когда они оказываются ударными в силу общих правил из § 0.4.

Что касается акцентуированных памятников XV века Флав. и Алекс., то они, к сожалению, практически никакой информации в данном пункте не дают. Дело в том, что в этих рукописях (писанных одной и той же рукой) словоформы *есмь́*, *еси́*, *есть́*, *есмь́* (*есмо́*, *есмы́*), *есте́*, *еста́* никогда не получают знака ударения — даже и в тех случаях, где они заведомо были ударными, например: *богат'ства же не хотать, нѣ естъ в нѣхъ именѣа никоегоже* 384г. Напротив, словоформа *соуть́* почти всегда несет знак ударения: *соу́ть*. Отсюда понятно, что в этих словоформах писец выставлял или не выставлял знак ударения не в соответствии с их реальным произношением в записываемой фразе, а в силу выработанного устойчивого навыка одни из них всегда писать со знаком ударения, а другие всегда без него.

Такого рода устойчивые орфограммы, включающие (или, напротив, исключаящие) знак ударения, — не редкость в акцентуированных рукописях XV–XVII вв. И довольно часто это касается как раз клитик; например, во многих рукописях всегда или почти всегда пишется *бѡ́* (а не просто *бо*), хотя несомненно в какой-то части случаев это *бо* было безударным. Такой же характер нередко носят орфограммы *нѣ́* (*ндѣ́*), *лѣ́* и др. С другой стороны, плотность акцентовки ни в какой рукописи не достигает 100% (ср. § 0.4, примеч.) и даже редко приближается к этому идеалу. В этих условиях изучать проблему ударности или безударности каких-то словоформ (в особенности служебных) в различных контекстах по показаниям акцентуированных рукописей XV–XVII вв. оказывается занятием крайне сложным и малонадежным. В настоящей работе мы таких попыток не делаем.

Следует полагать, что неполная утрата ударения у связок определяется в значительной мере тем, что те же словоформы употребляются также в качестве полнозначных (и, соответственно, полноударных). Кроме того, играет роль и то, что связки *еси́*, *есмо́*, *есмы́*, *есте́*, *еста́* двусложны, а двусложные словоформы вообще склонны к тому, чтобы даже в позициях, где они утрачивают нормальное ударение, все же сохранять некоторое ослабленное ударение (как это происходит, например, с современными *ему́*, *его́*, *было́*).

Расположение связок во фразе

§ 5.3. При анализе расположения связок во фразе для выявления того, в какой степени в конкретном памятнике связки играют роль энклитик, могут быть использованы:

- 1) оценка количества случаев, где связка стоит в позиции, в которую никогда (или почти никогда) не попадают слова, не являющиеся энклитиками;
- 2) оценка количества случаев, где связка стоит в позиции, недопустимой для энклитики;
- 3) коэффициент препозиции (§ 1.35) связок — общий или с подразделением по тем или иным позициям.

Связки в позициях, характерных для энклитик

Обратимся к вопросу о том, в какой степени связки способны выступать в позициях, допустимых исключительно (или почти исключительно) для энклитик.

Главная из таких позиций — положение внутри тяжелой (т.е. неодночленной) актантной группы. Если такая группа стоит в начале фразы или непосредственно после барьера, то в силу закона Вакернагеля энклитика должна вклиниться внутрь такой группы.

Наблюдается, однако, некоторая тенденция к тому, чтобы тем или иным способом избежать такого вклинивания, т.е. сохранить актантную группу в неразорванном виде. Тяжелые группы разной структуры проявляют эту тенденцию в разной степени. Наибольшее сопротивление разрыву обнаруживают тяжелые группы из существительного (или местоимения) и согласованного с ним прилагательного (в любом порядке), не являющиеся именным сказуемым (ср. § 2.18).

Соответственно, фразы, где связка разрывает даже такую группу, — это наиболее весомое свидетельство ее энклитического характера. Таких примеров немного, но все же они есть. Единственный памятник из обследованных нами, где имеется целая группа таких фраз, — это Киев-Д:

брате, хрѣтъ еси чѣтьными ѡбловать ко мнѣ [1149], 137;

ѡ котораго есте становища поѡхали [1149], 138;

и свои еси радѣ възать [1196], 241;

а оу королева еси мужа слышать ли ѡ томъ чѣтномъ крѣтъ? [1152], 166 об.;

и того еси всего не оуправиль [1152], 166;

того еси всего не исправиль [1196], 241;

а вы есте вси хрѣтъ ѡбловали [1148], 134.

Единичные примеры из других памятников:

ни ли сихъ есте кѣнигъ чьли? (Мар., Мр. 12.10).

оа въ нки же ксмъ одежи нынѣ, въ тои да положите ма тако въ пещерѣ (Фсод., 63в).

Присоединим сюда аналогичный пример с приложением, а не определением: *брат(а) моя ксте 2 княза повесили вы въ Галици яко злодѣи* (НПЛ, 78 об.).

словосочетание *брата моя* здесь, вероятно, подверглось просодическому объединению, см. § 1.42).

Имеется также ряд других синтаксических контекстов, где связка разрывает неодночленную группу, в силу чего оказывается именно в той позиции, которая ожидается для энклитики. Но в этих случаях в той же позиции все же изредка оказываются и полноударные словоформы; поэтому такие фразы служат лишь вероятным, а не бесспорным свидетельством энклитичности связки. Вот некоторые примеры.

Фразы с разрывом группы из именного сказуемого и согласованного с ним прилагательного:

Киев-Д — *брата еста моя* [1150], 143 об.;

свои ми еси сестричиць [1146], 121.

ЖАЮ — *яко оугодникъ кси Бии* 416;

понеже // другъ ми кси добрыи 496;

ѿселъ оуже // нашъ кси другъ и братъ 3 об.

Мар. — *нъ ꙗко самъ рече: ∇ ꙗѣрь есмь иудейскъ* (Ио. 19.21);

ты оученикъ еси того, ∇ мы же Мосеови есмь оученици (Ио. 9.28).

Супр. — *яко Хсѡви ксмъ воини* 51 об.

Флав. — *но сѣве есмы прѣстѣи* ('персидские') 365в.

Фразы с разрывом других групп с участием именного сказуемого: берестяные грамоты — *не виновать есмь Кузмѣ* 697п.

Киев-Д — *ранень есмь велми* [1152], 162;

поѣди, кнѣже, не страпаш, ∇ ради есме тобѣ [1159], 177;

а жизнь есмы его взяли [1147], 127 об.;

и зла есмь Ѡлговичемъ много створиль [1147], 130 об.;

и много есмь имъ зла оучиниль [1148], 132 об.;

брате и сѡу, // много ти есмь добра твориль [1180], 217 об.;

а ворожду еси про Игоря ѡложилъ [1149], 137.

ЖАЮ — *яко велми кси мерзѣкъ* 38а;

понеже, возлюблене мои, // дѣмономъ ксмъ смѣхъ 24в;

овца ксмъ словеснаго твоѣго стада 46б.

Мар. — *егда въ мирѣ есмь, ∇ свѣтъ есмь миру* (Ио. 9.5);

еда ты // болеи еси отъца нашего Йѣкова (Ио. 4.12).

Супр. — *якоже бо мѣѣж, ∇ то рабъ кси богыня Артемиды* 113 об.;

кшите ли пакы дрѣзаѣши, ∇ и жестокъ кси срьдѣцемъ, Савине 76 об.

и съпричастникъ кси отъцоу твоѣмоу диваѡлоу 6 об.

Флав. — *яко гнѣсенъ еси Бѡу и члкомъ* 373в;

яко подобни есте звавшимъ васъ 426а.

В большей части случаев, однако, во фразе, начинающейся с тяжелой группы, представлено некоторое синтаксическое решение, позволяющее избежать разрыва этой группы. Таких синтаксических решений три.

а) Самое обычное из этих решений — постановка барьера после начальной группы с вытекающей отсюда постпозицией связки, например:

берестяные грамоты — *а троке тво[е // ч]истило есмь и дасть дары* 831;

а рождь Петровоу // повелело ксемо измолотиво Кривѣ дати 196п;

оу Сменка оу Савина // взаль ксемь поло коробию Овса 689п;
 а до мокого живота // пособ[ь]никъ ксмь тобѣ [з](а) твою [д]об[р]о 749п;
 Киев-Д — и всю жизнь // погоубила еста [1146], 122;
 а со Юрославомъ с Черниговьскымъ // целоваль есмь крѣтъ [1196], 239;
 брате и сватоу, // ѿчиноу нашу и хлѣбъ нашъ // взаль еси [1196], 240;
 ЖАЮ — и къ своємѣ Бѣ // привель еси С40 об.;
 истинное възданіе праведныхъ // позналь еси С25;
 Мар. — мнозѣхъ пѣтиць // соулѣиши есте (Лк. 12.7);
 Супр. — окаане, // зѣлоу бѣсоу // прѣдодѣль кси 58;
 и многа ради // достоинъ кси живѣ быти 66;
 Флав. — и чины воиньскыя // измѣнилъ еси 381г;
 и всю вѣзнь // преводилъ еси на римляны 416а.

б) При наличии после начального словосочетания еще одной актантной группы возможна также смещенная препозиция связки. Эта модель встречается гораздо реже. Примеры:

чад(о), онои ноци // кдѣ же ксѣѣ ходила оба в темныя храмы адовы (ЖАЮ, 40в);
 и ѿже сватыя црѣкви // съ ратиж ксте прѣяли, то и ты оставивъше, вынѣ град(а) прѣбываите (Супр., 100 об.).

в) Наконец, изредка встречается постановка связки непосредственно после тяжелой актантной группы. Это уже прямое нарушение закона Вакернагеля (если только члены тяжелой актантной группы не подверглись просодическому объединению). Этот случай относится уже к следующему параграфу.

Связки в позициях, недопустимых для энклитик

§ 5.4. Рассмотрим теперь случаи, когда связка оказывается в позиции, недопустимой для энклитик.

Прежде всего это фразы — чрезвычайно редкие, — где связка стоит в начале клаузы или после начальных проклитик.

В начальной позиции стоит словоформа *есмь* во фразе: *в(ы) гл҃ашите ма оучителѣ и Г҃а, і добрѣ гл҃ете: ∇ есмь бо* (Мар., Ио. 13.13) (ср. ту же фразу в Чуд. — § 5.2, пункт «а»). Но для связок эта фраза непоказательна, поскольку *есмь* здесь нельзя признать обычной связкой: при ней нет никакой именной части — эта именная часть (*учитель и Господь*) лишь подразумевается. В этой эллиптической фразе полноударность *есмь* как бы вынужденная и *есмь* здесь фактически приобретает значение 'да, я являюсь этим', т.е. становится полнозначным.

Со связкой после начальных проклитик мы можем указать:

что сжѣт словеса си, о нихъже сътааата са, къ себѣ идѣща, ∇ і ести драхла (2 дв. — Мар., Лк. 24.17; ср. ту же фразу в Чуд. — § 5.2, пункт «а»);
и хошетъ Богъ, ∇ да кси въ плѣти на оувѣтъ (Супр., III-14);
можеши и кдѣмъ добро сътворити, ∇ не бо кси оноу вдову оубожи (Супр., III-55 об.).

Можно было бы предположить, что мы имеем здесь дело с проклитико-энклитическими комплексами. Но это маловероятно, так как связи — это поздние энклитики, а достоверные проклитико-энклитические комплексы — это как раз очень старые сложения. Против такого предположения говорит и исключительная редкость таких примеров. Поэтому более правдоподобно то, что здесь отразилась книжная реализация связей как полноударных словоформ.

Особо стоят две фразы: *рекуще тако: ∇ а есте послушали половъчь* (НПЛ, 97 об.); *а еси посоромить коньць въхъ Людинъ* 954. Здесь весьма вероятным является предположение о простой ошибке писца. В первом случае оно подкрепляется тем, что в младшем изводе НПЛ стоит не *а есте*, а *аще есте*. Для второго случая можно предполагать пропуск *се* в *а се еси*.

Другая позиция, недопустимая для энклитик, представлена во фразах, подпадающих под пункт «в» предыдущего параграфа, т.е. таких, где связь стоит непосредственно после тяжелой актантной группы (любой структуры).

Правда, для части таких фраз, например, *брате, // что дѣла еси приѣхаль?* [1169], 191, можно предполагать просодическое объединение членов начальной актантной группы. Там, где это так, никакого нарушения закона Вакернагеля нет. См. об этом § 1.42.

Следует отметить также особый частный случай, где для постановки связи после тяжелой группы имеется некоторый дополнительный стимул. Таковы фразы, где эта группа уже разорвана сильной энклитикой, например: *сему ли вкушению са кси оудивиль?* (ЖАЮ, 76). Здесь мы имеем дело с реализацией отмеченной в § 1.21 тенденции к разделению блока энклитик, куда входят одновременно сильные и слабые энклитики. Из-за разрыва тяжелой группы сильной энклитикой (в данном случае *ли*) второй член группы (*вкушению*) получает большую, чем обычно, самостоятельность, и в данной фразе слабые энклитики присоединены прямо к нему, как если бы он составлял отдельную актантную группу.

Как видно из разбора в § 1.42, остается тем не менее некоторое число фраз, где связи стоят после неодночленной актантной группы, причем такой, где нет оснований для просодического объединения, например: *отъвѣшаташа емоу иудеи: сѣма Аврамле есмь* (Мар., Ио. 8.33). Такие примеры представлены в старославянских памятниках и в древнерусских памятниках книжного характера.

По крайней мере в части таких случаев связи, по-видимому, могли восприниматься как близкие по значению к полнозначному *быти* 'пребывать, находиться' и тогда уже вести себя как полноударные словоформы. Единичные случаи такого рода можно указать и не только в чисто книжных памятниках: ср., например: *на не Оугригъ ни Лахъ, ∇ по ѿдиного дѣда есмы внуци* [1172], 205 (и то же в чуть ином варианте: *то мы есмы не Оугре ни Лахове, ∇ по единого дѣда есмы внуци* [1195], 237 об.).

Об аномальной фразе *и окрадоуи ѿ него кси* 370п (где не исключена какая-то ошибка писавшего) см. § 1.2, примеч. 1. О фразах типа *и створить еси срамъ великъ* см. § 3.16.

Коэффициент препозиции связок

§ 5.5. Важную информацию о просодическом статусе связок может дать коэффициент их препозиции в различных типах фраз.

Наиболее показательно здесь поведение связок в перфекте и при именном сказуемом, которое выражено прилагательным. Именно к этим двум группам относятся приводимые ниже подсчеты.

Что касается биноминативных фраз, т.е. фраз с именным сказуемым, которое выражено существительным (или личным местоимением), то для них почти невозможно достичь полной объективности в подсчетах, поскольку для замстой их части вопрос о том, какое из двух существительных (или из существительного и местоимения) является подлежащим, а какое сказуемым, решается неоднозначно. Например, фраза *ты еси защититель мои* может пониматься двояко: 1) 'ты мой защитник (а не враг и не равнодушный)', 'tu es mon défenseur'; 2) 'мой защитник — это ты', 'mon défenseur, c'est toi'. В первом случае сказуемое — *защититель мои* и связка *еси* стоит в препозиции; во втором случае сказуемое — *ты* и связка *еси* стоит в постпозиции. Для многих фраз такого типа с надежностью определить, какое из двух значений имеется в виду в древнем тексте, невозможно или по крайней мере очень непросто (например, во фразе *оувѣдите, яко Господь есть Богъ нашъ* из псалма 99 для ответа на такой вопрос необходим целый богословский анализ). Поэтому при разборе вопроса о препозиции и постпозиции связок мы не включаем биноминативные фразы в подсчеты.

Ниже в форме таблицы показан коэффициент препозиции связок 1-го и 2-го лица в ряде древнерусских и старославянских памятников, содержащих удовлетворительное количество материала (ПВЛ, как и в других случаях, взята без сочинений Мономаха). В скобках указаны количества примеров. Пометой «С прилагат(ельными)» обозначены клаузы с именным сказуемым, которое выражено прилагательным. Некоторые рубрики, где мало материала, объединены.

Коэффициент препозиции связок 1-го и 2-го лица

	Простые клаузы		Многоактан- ные клаузы	Тяжелые клаузы
	С перфектом	С прилагат.		
Син. псалт.	21% (5/24)	0/9	0% (0/21)	
Мар.	32% (8/25)	33% (5/15)	38% (8/21)	
Супр.	64% (7/11)	30% (3/10)	5% (2/38)	
Флав.	59% (20/34)	58% (7/12)	8% (2/25)	
ПВЛ	67% (22/33)	22% (2/9)	27% (3/11)	
ЖАЮ	85% (115/136)	57% (8/14)	73% (11/15)	61% (11/18)
Киев-Д	91% (200/220)*	43% (10/23)*	[см. простые]	58% (15/26)
Берестяные грамоты	ранн. 98% (41/42), поздн. 87% (34/39)	3/3	71% (12/17)	ранн. 0/1, поздн. 0/4

* Вместе с многоактантными, поскольку в Киев-Д в таких клаузах коэффициент препозиции энклитик не ниже, чем в простых (см. § 2.17).

Из таблицы видно, что в поведении связей во фразе имеется как бы два полюса, представленных, с одной стороны, Синайской псалтирью и Мариинским евангелием, с другой — берестяными грамотами, Киев-Д и Житием Андря Юродивого. На одном краю этой шкалы отчетливо преобладает постпозиция связей, на другом господствует их препозиция.

Супрасльский кодекс, перевод Флавия и «Повесть временных лет» занимают промежуточное положение между этими полюсами.

§ 5.6. Приведем иллюстрации (многоактантные клаузы помечены символом М, тяжелые — символом Т).

Синайская псалтирь (в примерах из старославянских памятников знак // не ставим, поскольку вопрос о том, были ли в этих случаях барьеры, решается неоднозначно).

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — редко	Постпозиция — норма
<i>много еси створить ты, Гї Бжє мои, чудеса твоє (пс. 39.6)</i>	<i>вєсѣ покорилъ еси подѣ ногѣ его (пс. 8.7) гора Сионъ сі, ∇ въ нѣже вєселїлъ сѧ еси (пс. 73.2) і ты оставїлъ еси нечѣстї срьдѣца моего (пс. 31.5)</i>
Любые иные клаузы	
Препозиция — отсутствует	Постпозиция — всегда
—	<i>вєскжѣ печѣтна еси, дїе моѣ (пс. 41.6) се бо рѣснотѣ възлюбилъ еси (пс. 41.6) (М) ѣко брїтва изоштрена сѣтворїлъ еси лестѣ (пс. 51.4) (Т)</i>

Мариинское евангелие.

Препозиция — намного реже	Постпозиция — намного чаще
<i>і Аврама ли еси видѣлѣ? Ио. 8.57 азѣ бо есмѣ старѣ Лк. 1.18 чесо есмѣ еште не доконѣчѣлѣ Мт. 19.20 (М) ни ли сихѣ есте кѣнигѣ чѣли Мр. 12.10 (Т)</i>	<i>правѣ сѣдилъ еси Лк. 7.43 о семѣ вѣроуемѣ, ∇ ѣко отѣ Бѧ ишѣлѣ еси Ио. 16.30 Гї, сѣ тобож готовѣ есмѣ и въ темьницѣ и въ сѣмрѣть ити Лк. 22.33 і мьнѣ николиже не далѣ еси козѣлатѣ Лк. 15.29 (М) ты же колиѣбѣмѣ длѣженѣ еси? Лк. 16.7 (М) мьногѣхѣ пытиѣ соудѣиши есте Лк. 12.7 (Т)</i>

Супрасльский кодекс.

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>нъ оумъ ли кста погоубила 106 об. къгда кси видѣль господина робомъ продакма III-79</i>	<i>пойсже съгрѣшилъ ксмъ III-9 об.</i>
Простые клаузы с прилагательными	
Препозиция — намного реже	Постпозиция — намного чаще
<i>мы бо ксмъ повиньци, съблазнивше са на пѣти 17</i>	<i>аште върынь кси III-30 об. и нагъ видимъ ксмъ отъ селика народа 76 об.</i>
Многоактантные и тяжелые клаузы	
Препозиция — крайне редко	Постпозиция — почти всегда
<i>не бо кси оноѧ въдовы оубожаси III-55 об. (М)</i>	<i>яко не тѣчѣж богы прѣбодѣль кси 84 (М) и многа ради достоинъ кси живѣ быти 66 (Т)</i>

Флавий.

Простые клаузы	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>ты бо ма еси привель ѿ поточенѧ 378г помощники ли есте чѣлаи? 460г и нынѣ еси рѣтенъ на ма 375б</i>	<i>процѣнѣ же // подѣль еси 373в и тѣмъ // съхраненъ еси ѿ злодоумѧ 372б</i>
Многоактантные и тяжелые клаузы	
Препозиция — крайне редко	Постпозиция — почти всегда
<i>зане живѣ еси ратными ѧтъ 462а (М)</i>	<i>и народомъ всю волю // рѣкъ еси сътвори́ти 381г (М) тѣ почто беспрестани // искушени смы 418в (М) и чѣны воиньскыя // измѣнилъ еси 381г (Т) ѿ мно́жества добра // сътворитъ ма еси въ за́висть всѣмъ 378г (Т)</i>

«Повесть временных лет».

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — намного чаще	Постпозиция — намного реже
<i>а с четырьми ксмъ вышелъ 42 об. сего ксмъ не молвилъ 89 об. на что ма есте привабилъ 92</i>	<i>бѹ послужить кси в тишинѣ 71</i>

Любые иные клаузы	
Препозиция — редко	Постпозиция — часто
да оуже поманиса, ∇ колико кси зла створить 90 (Т)	азъ / погана есмь 17 об. мы оуже зло // створили ксмы 58 об. (М) всако собѣ принесеень бж҃ственос // принеслъ кси 71 (Т)

Житие Андрея Юродивого.

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — норма	Постпозиция — редко
види ли, ∇ како ти са ксмь оураниль 5в мнаци, ∇ како к пастуху ксмь шла 42г крытъ кси имѣлъ, какоже соуть оу серафимъ 32г тако ли са кси ѿвергъ мира 33б накы ли еси пришеъ на боющихса Бѣ С51 и многы кси ѿ бѣды избавиль 41б прѣльсти мося, ∇ сюже са есте прѣльстили С166	и азъ, з҃же, // вѣдѣлъ ксмь 5а нъ отиндѣ // пог҃бился еси 133 об.
Любые иные клаузы	
Препозиция — несколько чаще	Постпозиция — несколько реже
обици ма, ∇ аче ти ксмь невѣренъ 27в томѣ бо та есмь съ многими слезами предать стѣмѣ ексархѣ С172 об. (М) и в болюю печаль са еси вложиль С172 (Т)*	да и азъ // грѣшенъ есмь С157 да ты добра дѣла // не створилса кси похабомъ 10а (М) всю не(дѣ)лю // пострадать еси, браш- на и питья лишаьса С32 об. (Т)

* С неправильной позицией энклитик при двучленной актантной группе (§ 1.42).

Киев-Д.

Простые и многоактантные клаузы с перфектом	
Препозиция — норма	Постпозиция — редко
то ци мене еси поч҃тить, Бѣ еси поч҃тить [1150], 152 Мьстислава есмь ялъ, и полкъ его побѣдиль [1195], 238 об. чего еста хотѣла волости, то ва есмь изискать [1146], 124 се есѣ оугадала тако [1149], 137 об. издалеча еси поѣхали [1149], 138 я же есмь Гюрга ис Киева выгнать [1150], 147 (М) азъ ти есмь съ бра(то)мъ твоимъ с Володимеромъ ѿселъ оуже пошелъ [1150], 147 об. (М)	про што ми // ѿбрекъ еси Киевъ [1142], 117 язъ переже всихъ // дать есмь тобѣ волость сю [1195], 236 об. (М)

Простые и многоактантные клаузы с прилагательным	
Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
<i>в томъ еси воленъ</i> [1146], 124 <i>а мы есмь въ хрѣтѣномъ цѣлованыи прави</i> [1148], 133 (М)	<i>а ѿ / старъ есмь</i> [1151], 155 <i>а ѿ / готовъ есмь самъ полкъ своими</i> [1149], 140 <i>ны(нѣ) же // оу ноужси сеи // боленъ есмь велми</i> [1146], 124 (М)
Тяжелые клаузы	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>ѿ котораго есте становища повѣхали</i> [1149], 138 (Т)	<i>и всю жизнь // погубила еста</i> [1146], 122 (Т)

Берестяные грамоты (не отделяем ранние грамоты от поздних, поскольку различия между ними в данном случае невелики).

Препозиция — почти всегда	Постпозиция — очень редко
<i>чемоу не восолеши, Ѹ что ти есемо водада ковати?</i> 644 <i>Матѣви еси молвилъ</i> 550 <i>товарѣць есѣмо посѣлалъ Смольньскоу</i> 952 <i>ѹи оуже ти есмь задѣла сълюци</i> 752 <i>что бы късь, Осподине, оуналь къо</i> 446п <i>зандо есмь пуста</i> 692п <i>да же еси тими коунами не исполнила</i> 711п (М) <i>а нине есемо к тобѣ рибоко послале</i> 131п (М)	<i>толико // възаль есмь ж Проконѣ</i> 736б <i>а ныне оу Даньши // зааль есмь ...</i> 336 (М) <i>а рожь Петровоу // повелело ксемо измолотиво Кривѣ дати</i> 196п (Т)

В отношении биноминативных фраз (о которых см. выше) отметим лишь, что практически во всех памятниках преобладают те их модели, где связка помещается между подлежащим и сказуемым (в каком бы порядке они ни стояли), например: *азъ есмь пастырь добры* (Мар., Ио. 10.11); *ты ли еси ѿць* [1150], 145. Существенно реже встречаются модели, где связка стоит правее обоих именных членов, например: *и азъ крѣстьянъ ксѣмъ* (Супр., 40 об.).

Выводы

§ 5.7. Рассмотренные факты достаточно ясно показывают, что с синтаксической точки зрения связки 1-го и 2-го лица в древнерусских и старославянских текстах в большинстве случаев ведут себя как энклитики. С другой стороны, не подлежит сомнению и то, что в старославянских текстах и в древнерусских текстах книжного характера они все же в части случаев сохраняют свой первоначальный полноударный статус.

Что касается степени фонетической ударности или безударности связей, то в отношении живой древнерусской речи наши источники, к сожалению, не дают в этом пункте надежных сведений. Можно допустить как то, что в живой речи связки несли ослабленное ударение или даже просто были безударны, так и то, что мы имеем здесь дело с синтаксическими энклитиками (§ 0.2), т. е. единицами, обладавшими только синтаксическими, но не фонетическими свойствами энклитик.

При устном воспроизведении книжных текстов связки почти наверное произносились с нормальным ударением — особенно при медленном или торжественном чтении. Иначе говоря, знаки ударения над связками, которые мы находим в Чуд., по-видимому, прямо соответствуют принятой у книжников манере чтения.

Следует полагать, что в живой древнерусской речи связки всегда размещались во фразе в соответствии с правилами, действующими для энклитик. Наиболее убедительным свидетельством этого являются показания берестяных грамот.

Отклонения от этого принципа, которые обнаруживаются в древнерусских книжных текстах, вероятно, объясняются прежде всего тем, что сочинитель или переводчик мысленно представлял себе, как будет звучать сочиняемая им фраза (может быть, даже проговаривал ее), исходя именно из принятой манеры книжного чтения. Отсюда известная степень свободы от автоматизмов живой речи в расстановке слов. Определенную роль могло играть также прямое отталкивание от живой речи (ср. § 2.25). Еще одним стимулом, действовавшим в том же направлении, могло быть подражание старославянским образцам (о которых см. ниже).

Что касается старославянских текстов, то, по-видимому, в них отразился более ранний этап движения от полноударного статуса связей к энклитическому, чем в древнерусских текстах. Если в живом древнерусском языке XI–XII веков это движение уже фактически достигло своей конечной точки, то для старославянского языка IX–X веков следует предполагать лишь некоторое промежуточное состояние.

Кроме того, на синтаксис переводных старославянских текстов могло оказывать некоторое влияние и то обстоятельство, что славянским формам перфекта (скажем, *рекль еси, пришьль есмь*) в греческом оригинале соответствовали единые глагольные словоформы. При общей тенденции к пословному переводу это, по-видимому, вело к тому, что, например, *рекль еси* и *εἶπας* воспринимались переводчиками как эквиваленты; а тогда уже *рекль еси* могло вставляться во фразу как единое целое — даже там, где по правилам живой славянской речи *еси* как энклитика должно было бы уйти от *рекль* влево. Например, фраза *пáντα ὑπέταξας ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτοῦ* (пс. 8.7) переведена пословно: *вѣсѣ покориль еси подѣ ногѣ его* (Син. псалт.). Между тем в живой речи ожидалось бы *вѣсѣ еси покориль*. Очевидно, переводчик либо мысленно произносил каждую тактовую группу по отдельности (сперва *вѣсѣ*, затем *покориль еси* и т. д.), либо мысленно произносил *еси* как обычную полноударную словоформу.

Если для старославянских текстов восприятие словосочетаний типа *рекль еси* как устойчивых цельных единиц представляет собой правдоподобную гипотезу (но позволяющую объяснить всё же не все случаи, а лишь их большинство), то для позднейших церковнославянских текстов это становится очевидностью. Как известно, церковнославянские грамматики расценивают *рекль еси* просто как 2-е лицо при формах 1-го лица *рекохъ* (или *рѣхъ*) и 3-го лица *рече*. И, в частности, в церковнославянской Псалтири с течением времени практически все древние формы 2 ед. аориста (совпадающие с 3 ед.) заменяются моделью *рекль еси* (причем именно с таким порядком членов). Ср., например:

ѣже сътвори величествѣ в Синайской псалтири (пс. 70.19) — *яже stworил ми еси величѣя* в Киевской псалтири XIV в.;

аналогично: *і ненавидѣющаѣ мя потрѣби* (пс. 17.41) — *и ненавидѣщаѣ мя потрѣбили еси*; и т. п.

В Киевской псалтири таким способом заменена только некоторая часть старых форм 2 ед. аориста. А в Синодальной библии такие замены осуществлены уже вполне последовательно.

Как можно видеть, во фразах из Киевской псалтири связки стоят не на тех местах, которые ожидалось бы для энклитик. Редакторы текста явно механически вставляли здесь привычную модель *рекль еси*.

Их отношение к этой модели как к правильной особенно ясно видно из того, что они заменяли на нее не только аористы, но и перфекты модели *еси рекль*. Ср., например:

сі еси створиъ в Синайской псалтири (пс. 49.21) — *сиа створить еси* в Киевской псалтири;

многа еси створиъ ты, Гї Бже мои, чудеса твоѣ (пс. 39.6) — *многа створиъ еси ты, Гї Бѣ мои, чудеса твоѣ*.

И, наконец, самым ярким свидетельством восприятия сочетаний типа *рекль еси* как некоего нераздельного единства с фиксированным порядком элементов являются фразы из поздних церковнославянских редакций, где механическая замена таким сочетанием стоявшего в прежних переводах аориста ведет к нарушению правила рангов для энклитик. Примеры:

и насади і в Синайской псалтири (пс. 79.9) — *и насадить еси ѱ* в Острожской библии;

и изведе ны в покои в Киевской псалтири (пс. 65.12) — *и извѣль еси ны въ покои* в Синодальной библии;

озлоби люди и изгна ѱ в Острожской библии (пс. 43.3) — *озлобиль еси люди и изгналь еси ѱ* в Синодальной библии;

ты созда ма в Острожской библии (пс. 138.5) — *ты создаъ еси ма* в Синодальной библии.

И даже с прямой заменой правильного порядка энклитик, представленного в прежнем переводе, на неправильный ради непосредственного примыкания связки к л-причастию:

и ты, Гї, створиъ ѱ еси в Киевской псалтири (пс. 108.27) — *и ты, Гї, створиъ еси ѱ* в Острожской библии.

Ср. аналогичные замены, связанные с энклитикой *са* (§ 4.15).

Из приведенных фактов можно заключить, что в книжной традиции сформировалась тенденция к тому, чтобы закрепить за связкой место непосредственно после л-причастия (или прилагательного), — подобно тому, как это произошло с местоимением *са*. Просто в живом языке в данном случае развитие пошло по иному пути, чем для *са*.

Связки третьего лица

§ 5.8. Главное отличие связок 3-го лица от связок 1-го и 2-го лица — это то, что в живом древнерусском языке они встречались очень редко, а именно, в перфекте их не было вообще, а при именном сказуемом они употреблялись лишь в очень узком круге случаев.

Таким образом, связки 3-го лица — это в основном элементы книжного языка, и этим в значительной мере и определяется их просодическое и синтаксическое поведение.

Укажем кратко, как ведут себя связки 3-го лица в тех пунктах, которые рассмотрены выше в § 5.1–6, в чем их сходство со связками 1-го и 2-го лица и отличие от них.

Существенное отличие словоформ *есть*, *суть*, *еста* (3 дв.) от соответствующих словоформ 1-го и 2-го лица состоит в том, что они несравненно чаще употребляются в неслужебном значении ('существовать, иметься', 'пребывать, находиться') и в этом случае ведут себя как акцентно самостоятельные. См. примеры в § 5.1.

В Чудовском Новом Завете связки 3-го лица, как и прочие связки (ср. § 5.2), часто выступают со знаком ударения, например:

и что есть створишь 74в;

Бъ же еди^н есть 123а;

аще же бра^т ли сестра нага еста 81г.

Связки 3-го лица, как и прочие, мы иногда находим в позициях, характерных в первую очередь для энклитик. Правда, таких случаев в 3-м лице намного меньше, чем в 1-м и 2-м. Примеры:

а тобѣ есть, кѣже, король явлалъ того чѣтиго X^а [1152], 166 об.;

ти бо соуть не мене ѡдиного хотѣли оубити, но и ва^с искоренити [1147], 128.

Также с разрывом именной группы, включающей именное сказуемое:

или возворотиса домовъ, ꙗко не наше есть верема [1185], 223 об.;

яко прелицѣнис есть Диѡфа(н)тово (Флав., 372в)

яко Бѡжїе късть съмотреник се (Феод., 53б);

хота видѣти, ꙗко то късть цркы (Феод., 47в);

се бо глааше, ꙗко «не моужьскыя есть дѣа (Р. ед.) кже раслабѣти нечальными сими напастѣми» (Феод., 49в/г).

С другой стороны, связки 3-го лица, как и прочие, могут выступать в позициях, недопустимых для энклитик, причем в 3-м лице это случается гораздо чаще, чем в 1-м и 2-м.

Примеры начальной позиции:

ПВЛ — и есть ми любо въра ваша и служенье 38;
и инѣмъ приходящи^м странни^м с върою даста ищѣленъ, (...) напасты^м из-
бавленъ, ∇ и еста (3 дв.) заступника Русьстѣи земли 47.

НПЛ — и не ими, княже, въры бра'и наю, ∇ соут на та съвѣтали съ чьрни-
говьскими князи 73 об.

ЖАЮ — ни подобенъ никожиже твари, ∇ ни ксть кого видѣти никтоже 51б;
срациниъ оиъ, възлюблене мои, сътпикъ дѣмономъ бѣаше, ∇ ссть же дерзъ
братиса с подвижающимися С31;

якоже и постится и кланактсѧ, ∇ и ксть незлобия и смиренъ и кротокъ
и молчаливъ 31в;

каменьк бо и злат(о) и серебро, ∇ ни ксть было живо 59в.

Флав. — и ѿвѣщаша смѧ: ссть писано: въсимствъ свѣсда ѿ Иакова 366а;

и не ссть крѣпко тако блго 347в;

ниѣ же та велми есть ми свободна 416 б/в (ссть стоит перед ми).

Примеры позиции после двучленной актантной группы:

ЖАЮ — заповѣди твоѧ пооученик моѧ суть 47а;

како губитель и разбоиникъ и книгамъ гордъ ксть 32б;

разумѣхъ поистинѣ, ∇ яко велми сладокъ ксть путь службы твоѧ 7б;

якоже иже творить правдѧ, ∇ слѣга добра правды есть ('хороший слуга
правды') С 31 об.;

но гадаю, ∇ яко великъ грѣхъ ксть створилъ 48а;

да и первоѧ слово ксть рекъ 49в.

Флав. — рѣкше, яко Бѣ побѣрникъ нашъ есть 428а;

намъ смръть лѣпши живота ссть 346в;

зѣино сѣло ссть мѣсто то 430в;

и въпроша Антонѣи, ∇ котѣри моужу соутъ годни владѣти 356б.

Мар. — да оувѣстъ, ∇ какъ коуплж сжтъ сътворили (Лк. 19.15).

Чуд. — яко аще ктѧ послоушнѣ словау есть 81б.

Особую группу составляют фразы, где между л-причастием и словоформа-
ми есть, суть вклинено местоимение (в нормальном случае полноударное)
его, ему, еѣ, еи, ихъ, имъ, насъ, намъ, васъ, вамъ. Примеры:

ЖАЮ — взѧтъ кого ксть дьяволъ себѣ 24а;

испроситъ же кого ксть анѣлъ, иже хранитъ дѣю кого 38а;

да сего дѣла Бѣ свергъ кого ксть с горы долу со всеми тѣми 50г;

яко явилъ кму ксть безвѣстная и таина великая премѣсти 28а;

и сегоже дѣла показать смѧ есть прежереч^{на} чюдеса сѣтъ С49;

и тогда лѣтъ имъ ссть мазати и добрѧ вою подавати С158 об.;

мнози же ѿ праведникъ видили кого суть 55а.

ПВЛ — поистинѣ прельстѣ васъ есть бѣсъ 59 об.

Понятно, что во фразах такого строения либо словоформы есть, суть пол-
ноударны, либо словоформы васъ, его, ему, имъ (исконно полноударные) уже
стали энклитиками (либо и то, и другое вместе). В § 3.16 было показано, что
для предположения о раннем превращении словоформ его, ему, имъ, ихъ в

энклитики нет достаточно надежных оснований. Соответственно, в этих случаях более вероятной следует признать полноударность словоформ *есть*, *суть*.

Аналогичную структуру имеют также некоторые фразы с прилагательными, страдательными причастиями или существительными, например:

Флав. — *въдоуще же, яко ѿложена имъ есть смръть с мѣками* 444а;

разоумѣ, яко не любо имъ есть 453в;

нынѣ же извѣстно намъ ссть ... 474в;

сългавъ смоу, яко Архелаи дрѣгъ смоу есть 371г.

Что касается коэффициента препозиции связок 3-го лица, то анализировать его столь же подробно, как для 1-го и 2-го лица (см. § 5.5–6), нет необходимости. Удовлетворительное количество материала здесь имется только в литературных памятниках ЖАЮ и Флав. Их данные подтверждают то, что естественно ожидать на основании всех прочих указаний на сильную склонность связок 3-го лица к полноударности. Так, в ЖАЮ коэффициент препозиции в простых клаузах с перфектом составляет для связок 1-го и 2-го лица 85%, а для связок 3-го лица — 69%. В Флав. в простых клаузах с перфектом или с именным сказуемым — прилагательным это соответственно 59% и 31%.

Общий вывод очевиден: связки 3-го лица в значительной части случаев выступают в роли акцентно самостоятельных словоформ, а не энклитик.

Это четкое отличие связок 3-го лица от связок 1-го и 2-го лица, которые практически всегда энклитичны, явно связано с тем, что в живом языке в большинстве синтаксических позиций, в принципе допускавших связки, в 3-м лице связки реально отсутствовали. Широкое использование словоформ *есть*, *суть* в функции связок есть черта книжного языка. Ср. приведенные выше примеры: почти все они происходят из книжных памятников или из книжных пассажей в составе иных памятников. Но просодические автоматизмы, требующие перевода тех или иных словоформ в категорию энклитик, принадлежат как раз живому, а не книжному языку. Книжный язык, как уже указывалось, может, напротив, даже отталкиваться от таких автоматизмов, требуя от каждого слова отдельного и просодически самостоятельного чтения.

Ввиду наличия бесспорных примеров полноударных связок *есть*, *суть*, продемонстрированных выше, необходимо признать, что и в ряде других случаев, менее очевидных, эти связки могли быть полноударными. Тем самым в большом числе случаев, когда в книжных памятниках связки *есть*, *суть* стоят намного правее главного вакернагелевского места, мы вправе предполагать не серию барьеров, которая отодвинула эти словоформы вправо, а просто использование этих словоформ в качестве полноударных.

Понятно, однако, что с достоверностью определить, в каких из фраз подобной структуры связка действительно была полноударной, невозможно. Поэтому производить здесь какие-либо подсчеты бессмысленно. Следует просто ограничиться констатацией того, что при устном воспроизведении книжных текстов связки *есть*, *суть* могли реализоваться как полноударные, а это давало возможность составителям таких текстов при желании ставить их в позиции, не соответствующие закону Вакернагеля.

ПРОЦЕСС УТРАТЫ СВЯЗОК

Общие положения

§ 5.9. Теоретически возможные сочетания именной части сказуемого (считая таковой также л-причастие) с местоимением и/или связкой таковы (как образцы взяты местоимения *ты*, связка *еси*, л-причастие *далъ*, прилагательное *старъ*, существительное *кѣназь*):

- а) трехчленная конструкция — *ты еси далъ, ты еси старъ, ты еси кѣназь*;
- б) двучленные конструкции — *ты далъ, ты старъ, ты кѣназь* (с местоимением); *далъ еси, старъ еси, кѣназь еси* (со связкой);
- в) одночленная конструкция — *далъ, старъ, кѣназь*.

Уточним сразу же, что порядок членов может быть и не такой, как в этих формулах: он определяется общими правилами для энклитик (скажем, в *далъ еси* порядок членов автоматически меняется при добавлении какого-нибудь слова спереди, например, *кому еси далъ*) и другими правилами порядка слов. Возможно также дистантное расположение членов такого словосочетания. Сущность конструкции от всех этих модификаций не меняется.

Особый случай составляет непервый член в серии однородных сказуемых (например, *слышалъ* во фразе *видѣлъ еси и слышалъ*): поскольку как местоимение, так и связка в этом случае обычно не повторяются, он внешне выглядит как одночленная конструкция. Ниже мы такие непервые члены просто не рассматриваем и при подсчетах не учитываем.

Реальную ситуацию со связками в живом древнерусском языке можно в основных чертах представить так.

В этой сфере действуют следующие общие принципы.

1. В предикативной синтагме грамматические значения лица и числа не дублируются: достаточно, чтобы они содержались в каком-то одном члене этой синтагмы — подлежащем или сказуемом. Например, достаточно конструкции *далъ еси* или *ты далъ* — в обоих случаях грамматические значения 2-го лица и единственного числа выражены; трехчленная конструкция *ты еси далъ* (где эти значения продублированы) — не требуется.

2. Местоимения-подлежащие в немаркированном случае отсутствуют. Они используются только в особых случаях, где они несут дополнительную смысловую нагрузку или где без них возникли бы синтаксические трудности.

3. Перфектные причастия (л-причастия) уже приобрели (в своей нечленной форме) предикативный статус, т.е. они уже выделились из общей категории прилагательных/причастий, практически утратив функцию определения к существительному и частично усвоив функции личных форм.

В соответствии с этими принципами в живом древнерусском языке нормальными оказываются следующие синтаксические модели:

для 1-го и 2-го лица: *далъ еси, старъ еси, кѣназь еси* (а в тех особых случаях, где требуются местоимения-подлежащие, — *ты далъ, ты старъ, ты кѣназь*);

для 3-го лица: при отсутствии выраженного отдельным словом подлежащего — *далъ 'он дал', старъ есть 'он стар', кѣназь есть 'он князь'*; при наличии

такого подлежащего — *Иванъ даль, Иванъ старъ, Иванъ кѣназь*. Наряду с *Иванъ даль* (и т. д.) в принципе возможен также вариант *онъ даль*; но реально такая возможность здесь используется очень редко.

В 3-м лице присутствие подлежащего (существительного или местоимения) дает в отношении связок такой же эффект, как присутствие местоимения-подлежащего в 1-м и 2-м лице.

Отсутствие связки *есть* в модели *даль* отражает третий из сформулированных выше принципов.

Таким образом, в живом древнерусском языке для фраз с перфектом или именным сказуемым действует следующее правило употребления связки:

если во фразе есть выраженное отдельным словом подлежащее, то связка отсутствует; если такого подлежащего нет, то связка присутствует, за исключением 3-го лица перфекта (где ее нет).

От этой картины очень сильно отличается та, которую мы находим в книжных памятниках. Из указанных общих принципов здесь сохраняет силу (и то не всегда) только принцип 2. Принципы 1 и 3 не действуют вообще (или действуют очень слабо). Из этого, в частности, следует, что связка здесь никогда (или почти никогда) не опускается.

Соответственно, здесь представлен существенно иной набор основных синтаксических моделей:

для 1-го и 2-го лица: *даль еси, старъ еси, кѣназь еси* (а в тех особых случаях, где требуются местоимения-подлежащие, — *ты еси даль, ты еси старъ, ты еси кѣназь*);

для 3-го лица: при отсутствии внешне выраженного подлежащего — *даль есть, старъ есть, кѣназь есть*; при наличии такого подлежащего — *Иванъ есть даль, Иванъ есть старъ, Иванъ есть кѣназь* (или: *онъ есть даль* и т. д.).

Как следствие описанных соотношений, в древнерусском языке связки и личные местоимения (в И. падеже), например, *есмь* и *язь* (*я*), *еси* и *ты* оказываются в ряде контекстов в роли функциональных синонимов, несмотря на свою принадлежность к совершенно разным грамматическим классам (см. о существовании таких пар и их свойствах Хабургаев 1978).

Поскольку связки — это в нормальном случае энклитики, а личные местоимения — акцентно самостоятельные словоформы, противопоставление связок и местоимений в парах *есмь* — *язь*, *еси* — *ты* и т. д. получает характер просодического противопоставления энклитических и полноударных вариантов одних и тех же функциональных единиц.

В древнерусском языке уже имелись два ряда единиц с аналогичным соотношением вариантов: личные местоимения Д. падежа (*ми* — *мѣнѣ*, *ти* — *тобѣ* и т. д.) и личные местоимения В. падежа (*ма* — *мене*, *та* — *тебе* и т. д.). Ряд из связок и личных местоимений И. падежа (*есмь* — *язь*, *еси* — *ты* и т. д.) стал третьим членом в этой системе просодических вариантов.

Как мы увидим ниже, фундаментальное единство этих трех рядов подтвердилось в ходе их дальнейшей эволюции: во всех трех рядах со временем энклитические варианты исчезли, будучи полностью вытеснены полноударными.

*Правила употребления личных местоимений
в роли подлежащего*

§ 5.10. Поскольку употребление связок непосредственно зависит от употребления местоимений-подлежащих, необходимо подробнее рассмотреть правила употребления этих местоимений.

Эти правила (наилучшим образом соблюдаемые в части ранних памятников, менее последовательно в других категориях памятников) таковы.

В обычном (немаркированном) случае подлежащее *я* (*ты, мы, вы*) опускается, т. е. реально отсутствует. Это одинаково верно как для предложений со сказуемым, не предполагающим связки в настоящем времени (например, *иди, молю ти са, рекохъ, събирахомъ*), так и для фраз с перфектом (*даль еси*) или именным сказуемым (*старъ еси, кънзъ еси*). Для последних двух категорий отсутствие местоимения означает, что связка в нормальном случае не может быть опущена.

Указанному обычному случаю противостоит серия особых случаев, где личное местоимение всё же присутствует.

Что касается фраз с перфектом или именным сказуемым, которые составляют основной предмет нашего дальнейшего разбора, то в книжных памятниках для таких фраз добавление личного местоимения означает появление трехчленной конструкции. В некнижных памятниках при добавлении личного местоимения связка становится излишней и в нормальном случае опускается.

Излагаемые правила в принципе действительны для всех трех лиц. Но 3-е лицо имеет ту особенность, что в древнейших текстах местоимения 3-го лица (*онъ, она, они* и т. д.; *тъ, та, ти* и т. д.) в роли подлежащего (а не определения) вообще избегаются. Они встречаются почти исключительно в сочетании с *же* (*онъ же, они же* и т. д.), с *а* (*а онъ, а они*) или с *и* (*и онъ, и они*). В частности, в берестяных грамотах XI–XII веков они не встретились вообще.⁴⁵

§ 5.11. С точки зрения употребления или неупотребления личного местоимения все контексты можно разделить на: а) такие, где личное местоимение должно быть употреблено обязательно; б) такие, где это необязательно.

Первую категорию контекстов мы будем называть зоной обязательных местоимений, вторую — нейтральной зоной.

Местоимение-подлежащее обязательно употребляется в следующих случаях (перечисляемые условия в принципе совместимы друг с другом).

1. Если подлежащее несет на себе эмфазу (подчеркивание), например: *идаху слово рекоуче Олговичи, ∇ яко «вы» ('именно вы') начали есте первую гоубити»* [1135], 110 об.;

а ты мене старъи, ∇ а ты ма с ни^М и соуди ('и вот именно ты меня с ним и суди') [1149], 136;

Саватии (...) запраша братья свои и всѣхъ новгородѣцъ: «изберете собѣ игумена»; они же рекоша: ∇ «кого ты благъиши» (НПЛ, 102 об.).

⁴⁵ Словоформа *то* во фразе *кже ми отъць даятъ и роди съдади, а то за нимъ ѣ сюда* не относится: она означает 'это, то' (а не 'он/о').

К сожалению, этот пункт, при всей его реальной важности для механизма употребления местоимений, не поддается формальной проверке; некоторая доля предположительности в оценке значения древнего текста здесь неизбежна.

2. Если подлежащее находится в смысловом противопоставлении (или сопоставлении) с подлежащим (или иным членом) предшествующей клаузы. Примеры:

пойди за мене: азъ тѣбе хоцю, ∇ а ты мене 377;
мене игоумене не поустиле, ∇ а а прашалъся 605;
не ходи ты, ∇ но поидемъ мы [1145], 117 об.;
азъ оуже бородатъ, ∇ а ты сѧ еси родиль 'я [был] уже бородат, а ты [только еще] родился' [1151], 155 об.;
но ать Изаславъ поидеть въ свои Володимиръ, ∇ а вы въ свою землю поидите [1149], 141.

3. Если подлежащее входит в состав сочиненной группы (соединенной союзами или бессоюзно) или если к нему относятся частицы *и* (усилительное), *не*, *ни*. Примеры:

вълѣзи ты и жена твоѧ (ПВЛ, 30);
братъ твои кнѣзь и ты [1146], 119;
яко же и браѣ твои Изаславъ чѣтилъ Вячеслава, ∇ тако же и ты чѣти [1154], 169 об.;
и кѣже ксмѣ и азъ дѣялъ, все ми исповѣда (ЖАЮ, 18а);
не мы его оубили, но Ѡлгови^ч Двѣвича и Всеволодичъ [1147], 129 об.;
да ни мы начнемъ боитисѧ васъ, ни вы насъ [1172], 198.

4. Во фразах с обращением и сказуемым во 2-м лице, вводимых союзом *а*, *и*, *но* или частицей *же*. Примеры:

а ты, Нестере, про чицѧкъ пришли ко мни грамоту 358п;
ты же, браце господине, молови емоу) тако 531.

5. После союзов *и*, *ти*, выступающих в значении 'то', 'тогда', 'в таком случае', если в предыдущей клаузе содержится условие или объявление темы ('а что касается ...'). Примеры:

а что рубль дать Игнату, ∇ и ты даи 363п;
ажже застанеше мене, ∇ ти а тѣбе везу Твер. 2п;
толико яви^ш стагы, ∇ и мы ѡступимъ ѡ Юрослава а ко Изаславу [1159], 178 об.;

а коли б ты хотѣлъ правдою жити, и ты б прислать ко мнѣ пословъ (Ив. Грозн.; отметим, что здесь подлежащие обеих клауз совпадают).

6. Если местоимение представляет собой общий член двух или более клауз (главного и придаточного предложений; предложения и деепричастного оборота; сочиненных предложений, соединенных союзами *и*... *и*... или *ни*... *ни*...). Примеры:

а ты, атче еси не възалъ коунъ техъ, а не емли ничѣто же оу него 109;
како ты оу мене и чѣстное дрѣво възалъ, и веверицѣ ми не присълещи, то
девятое лето 246;

а ты ни к на^м еси пошель, ни на Ростислава еси настоупиль [1148], 133 (второе ни из Хлебн.).

Совокупность контекстов, где имеет место хотя бы одно из перечисленных условий, и составляет зону обязательных местоимений.

С диахронической точки зрения важнейшая характеристика зоны обязательных местоимений состоит в том, что поведение местоимений в этой зоне не меняется от времени: оно практически такое же и в современном языке.

§ 5.12. Остальные контексты образуют нейтральную зону. В этой зоне употребление местоимений-подлежащих факультативно. Теоретически они могут здесь вообще отсутствовать. Реально, однако, в памятниках — в одних реже, в других чаще — местоимения-подлежащие встречаются и в этой зоне, причем в разных категориях контекстов вероятность этого очень различна.

Не претендуя на полноту перечисления, отметим ряд ситуаций, где в большей или меньшей степени проявляется тенденция ставить местоимение.

1. Если подлежащее находится в смысловом противопоставлении (или сопоставлении) с подлежащим следующей клаузы, то в большинстве случаев местоимение реально присутствует. Примеры:

азъ тебе хою, а ты мене 377п;

вы, гñе, промежю собою исправы не учините, а мъ (= мы) промежю вами погibli 361п;

азъ оуже бородатъ, а ты ся еси родиль [1151], 155 об.;

вы нѣста княза, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа (ПВЛ, 8).

Реже встречаются фразы такого же типа, где местоимения нет, например:

а звало ксмъ васо в городо, и вы монго слова нь послушали 345п.

2. Местоимение обычно присутствует вообще в тех случаях, когда подлежащее отличается от подлежащего предыдущей клаузы и является темой, — даже если нет условий для действия какого-либо из обязательных пунктов. Появлению личного местоимения в этом случае особенно благоприятствует наличие союзов или частиц, уточняющих характер связи с предыдущей клаузой; чаще всего это *а*, но возможны также *но*, *же*, *бо*, *ти* и др. Примеры:

оте побоуде сыно у мене, ∇ а а са имо потешюу 705;

*пришли, осподине, цлвкъ с проста, ∇ а мы не смикмъ иматъ ржи безъ тво-
его слова* 17п;

што кси ѡдода деревенеку Климецу Ѡпарину, ∇ а мы кго не хътимо 311п;

а поцта тобъ буде гъже, ∇ а азо тебе кланяюся 147п;

а како ты вгадаеши, ∇ а азъ в томъ готовъ есмь [1148] 133 об.;

*лоуче того ѡстаниса высокооумья своего и проси си мира, ∇ мы бо въда-
емъ млрцдие Юрополче* [1139], 112;

а вы боудите до вечера в Киевѣ, ∇ и мы боудемъ [1151], 154 об.

Редкий пример без союза: *а целовало кси ко мнѣ, а не прислало кси ∇ асо
погibli* 445п.

Но вполне возможны также (особенно в древнейших памятниках) фразы, где при смене подлежащего местоимение отсутствует, например:

а не присълеци ми полоу паты гривны, ∇ а хоцоу ти выроути въ та лоуць-шаго новъгѡрожанина 246;

пойди же въ горо(дѣ), ∇ [мо]гоу са съ тобою ати на водоу 238;

нѣ посылалъ съ Асафѣмъ къ посадникоу медоу дѣла, ∇ а пришьла есѣвъ, оли звонили, ∇ а чемоу са гнѣваеши? 605;

паки ли не идеши, ∇ а послоу н(а) та абытникъ 421;

да пришли сороцицю, ∇ сороцицѣ забыле ('я рубашку забыл') 43п;

се брата нашего Бѣ поналъ, ∇ а стоишь ли въ хрѣтьномъ целованьи? [1146], 119;

чего еста хотѣла волости, ∇ то ва есмь изискалъ [1146], 124;

пойдите в товары свои, ∇ а ѡпять вы взовоу [1149], 136 об.

Отметим, что в Киев-Д в 1-м лице множ. и двойств. чисел в подобных фразах местоимение (*мы*, *вѣ*) отсутствует несколько чаще, чем в других формах. Примеры:

кнѣже, ты са на нас не гнѣваи, ∇ не можемъ на Володимире плема роуки въздавати [1147], 126 об.;

поѣди в борзѣ, ∇ оуже есмь переишли Днѣпръ [1151], 154;

поѣди брате ис Киева, идетъ ти Дюрги, ∇ а позвалъ есѣвъ ѡба [1155], 171 об.

Примечание. Действие настоящего пункта лишь в очень ограниченной степени распространяется на клаузы с императивом. Вот некоторые из сравнительно редких примеров, где присутствует местоимение:

ци ти пѣцѣ]не князь кѣпѣцѣ надѣливати, аци ти присъле къ тѣбѣ, а ты емѣ мѣльви 794;

брате, тобѣ Бѣ даль верхнюю землю, ∇ а ты тамо пойди противоу Гюргеви [1147], 131 об.

Гораздо чаще в подобных случаях местоимение отсутствует, например:

аже то лодиа присълана кыанина, обѣсти ж кѣназоу 745;

али чимо есемо виновата, а восоли отроко 644;

пришьл(е) искоунник(е) ис Полоцька, а рать поведеа великоу, а водаит(е) пошѣни-цѣ(ѣ) во засадоу 636п;

како приде са грамота, тако пришли ми цоловѣкъ на жерепѣ 43п;

се оуже Изаславъ в Киевѣ, а поидита ми в помощь [1151], 153.

3. Местоимение часто присутствует там, где сказуемое допускает омонимию лиц, например:

вы ведаета, оже а таже не добыле 603 (без местоимения была бы омонимия 2 дв. и 3 дв.; то же и ниже);

поедита въ свои волости, ∇ а вы вѣдаета, ѡже намъ съ Гюргемъ не оужити [1149], 139 об.;

ѡстоупита вы ѡ братоу моею, азъ ваю надѣлю [1142], 115 об.

ажъ бы ты д(о)бромъ жила (съ) братом... 487 (без местоимения была бы омонимия 2 ед. и 3 ед.).

Но обязательности здесь все же нет, ср. пример без местоимения:

аже бы ты годѣи, то [из] оцью бы са вытьрьго притьклѣ 'если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался' 952.

4. Местоимение часто присутствует там, где оно имеет при себе определенное или приложение (чаще всего это слово *самъ*). Примеры:

а азѡ са самѣ с нимо [8]ведаю 142п;
и тѣ (= ты) самѣ ѡпразновавъ да пождѣ сѣмѣ 19п;
ѡже добръ надѣши на Кианы, ∇ то ты самѣ вѣдаеши люди своѣ
 [1150], 150 об.;
кѣже, ты самѣ вѣдаеши, что есмы издѣяли Кианомѣ [1171], 195 об.
 Но обязательности и в этом случае нет, ср., например:
а про села сама веси 944;
а то ми былѣ Бѣ далѣ, ∇ ѡже са есте сами зажгли [1140], 113 об.
сѣу, потрудиса к нама сѣмо, ∇ ать вси видимѣ по мѣсту што ны Бѣ навить
 [1151], 153.

5. В ряде случаев местоимение присутствует в начале периода, как бы указывая основную тему периода, т.е. объявляя, о ком будет идти речь. Примеры:

ты есѣ намѣ хрѣтъ цѣловалѣ, ако ти поити с нами Изаслава; се же еси не
пошелѣ [1148], 132 об.;
вы намѣ есте въ ѡца мѣсто, а се нѣтъ заратилася есте своиѣмъ браѣмѣ и сѣмѣ
Изаславомѣ [1149], 141.

Этими частными случаями, однако, не исчерпываются возможности употребления местоимений-подлежащих в нейтральной зоне.

Дело в том, что, в отличие от зоны обязательных местоимений, в нейтральной зоне поведение местоимений со временем меняется, а именно, они начинают употребляться все шире (а связи — соответственно, все уже), пока, наконец, не достигают современного состояния, при котором связок уже нет вообще.

Это означает, что древнее правило, ограничивавшее употребление местоимений-подлежащих лишь обязательными случаями (§ 5.11), со временем начинает уступать место новому правилу, которое позволяет употреблять личное местоимение в роли подлежащего независимо от наличия требовавшихся для этого прежде особых условий — в конечном счете при любом сказуемом в любом синтаксическом контексте.

Фразы с местоимениями-подлежащими, приведенные выше в настоящем параграфе, — это не что иное, как примеры действия нового правила уже в раннедревнерусский период. Можно указать и немало других подобных примеров, которые уже не укладываются в рамки очерченных выше частных случаев, а просто должны быть признаны реализацией нового правила в его наиболее общем виде.

Например, во фразе *послалѣ азѡ к тоби беросто написавѡ ... 27п* (грамота конца XIV в.) представлено *послалѣ азѣ*, тогда как в других берестяных грамотах (в том числе всех более ранних) совершенно такое же по типу начало послания всегда имеет вид *посѣлалѣ есмѣ, вѣдалѣ есмѣ, продаѣ есмѣ, купиѣ еси, велѣѣ ми еси* и т.д. Следует полагать, что перед нами просто эффект нового правила употребления местоимений.

Вот некоторые ранние примеры такого же рода:

а река тако: азѡ солю 4 дворяно ... 531;
шли мы на Мѣлевѣ 885;
а не вѣдеѣ по тобѣ, ∇ мы того не вѣдали [1169], 191 об.

Таким образом, для фраз с перфектом и именным сказуемым, которые мы изучаем в настоящей главе, схема эволюции на протяжении XI–XVII веков проста: в живом языке связки к концу этого периода полностью выходят из употребления, а функция обозначения лиц глагола переходит от связок к местоимениям-подлежащим, которые со временем употребляются все шире. И если вначале местоимения-подлежащие употребляются лишь в особых, маркированных случаях, а в нормальном случае отсутствуют, то в конечной точке эволюции они уже оказываются вполне нейтральными членами фразы и никакого выделения или подчеркивания больше не передают.

Соответственно, историческая эволюция фраз с перфектом и именным сказуемым включает две линии изменения:

- 1) постепенное увеличение доли фраз с местоимением-подлежащим, т.е. расширение первоначальной сферы употребления местоимений;
- 2) постепенное увеличение доли фраз, где отсутствует связка.

Эти две линии теснейшим образом связаны между собой, подобно сообщающимся сосудам, поскольку почти всякий раз, когда фраза без внешне выраженного подлежащего строится уже без связки, в этой фразе появляется местоимение-подлежащее.

Ниже рассматривается поведение связок и местоимений в ряде конкретных памятников.

Показания памятников

Связки первого и второго лица

§ 5.13. Рассмотрим вначале связки первого и второго лица, поскольку связки третьего лица ведут себя несколько иначе.

Назовем коэффициентом сохранения связок (в некотором памятнике или некотором классе фраз из него) отношение числа фраз со связкой к совокупности всех фраз со сказуемым, выраженным именем или причастием (включая *л*-причастие).

Предполагаемое первоначальное состояние (разумеется, несколько идеализированное) характеризуется тем, что коэффициент сохранения связок первого и второго лица равен 100% (а местоимения-подлежащие в нейтральной зоне вообще не употребляются). Иначе говоря, можно предполагать, что связки первого и второго лица первоначально употреблялись при сказуемом, выраженном именем или причастием (включая *л*-причастие), практически всегда.⁴⁶

Как мы видели выше, в действительности уже в древний период намечается некоторое удаление от этого первоначального состояния. Разные памятники отражают различные варианты такого удаления.

⁴⁶ Естественное исключение составляет серия однородных сказуемых, где в соответствии с § 1.2 допускается использование одной связки на всю серию, например, *принести есмь и принести дары*.

Так, старославянское Маринское евангелие еще чрезвычайно близко к первоначальному состоянию: тенденция к добавлению местоимений проявляется здесь лишь очень слабо, а тенденция к утрате связей не проявляется еще никак, т. е. связка 1-го или 2-го лица еще систематически сохраняется. И почти то же самое мы видим в древнерусском памятнике ЖАЮ.

Противоположный полюс в раннюю эпоху составляют берестяные грамоты. Здесь ясно проявляются обе названные тенденции и уже отчетливо сформировалось правило их взаимосвязи: «если употреблено местоимение-подлежащее, связка 1-го или 2-го лица опускается». Следствием этого оказывается исчезновение трехчленной конструкции.

Как и в других отношениях, берестяные грамоты здесь следует признать наиболее достоверным отражением живой древнерусской речи. И это значит, в частности, что состояние связей, представленное в таких памятниках, как ЖАЮ, есть не что иное, как черта книжного стиля. Эта черта, противопоставленная живой речи, очевидно, была подобна, например, такой книжной черте, как употребление аористов и имперфектов, которых живая речь уже не знает или почти не знает.

Летопись обнаруживает компромиссное состояние: с одной стороны, здесь, как и в берестяных грамотах, связка 1-го или 2-го лица может опускаться; в другой стороны, это происходит далеко не так последовательно, как в берестяных грамотах, а именно, здесь еще в значительном числе случаев сохраняется трехчленная конструкция, характерная для книжных памятников. В данном случае эту общую черту летописей разделяет и такой особый летописный источник, как Киев-Д.⁴⁷

Уже в раннедревнерусский период выявляется также неравномерность в ходе эволюции в разных категориях фраз, первоначально имевших связи.

Медленнее всего эта эволюция протекает во фразах с перфектом. Несколько быстрее она во фразах с прилагательным или причастием в роли именной части сказуемого, еще быстрее — в аналогичных фразах с существительным.

Ниже мы рассматриваем материал памятников раздельно по этим группам.

Перфект

§ 5.14. Наиболее полно документирована эволюция связей и местоимений-подлежащих во фразах с перфектом.⁴⁸ Ниже в виде таблицы приведены количественные данные, характеризующие поведение связей и местоимений 1-го и 2-го лица в таких фразах.

Формулами *даль еси*, *ты даль*, *ты еси даль* обозначены соответствующие синтаксические модели (см. § 5.9). Клаузы, где опущена как связка, так и мес-

⁴⁷ Заметим, что тем самым лишний раз подтверждается, что Киев-Д — это все же не прямая запись реальных грамот. (Предположение о том, что в этом пункте было некоторое диалектное различие между Киевом и Новгородом, представляется маловероятным.)

⁴⁸ Помимо обычного перфекта, в подсчеты включается также безлевиый перфект (см. ДНД₂, § 3.29 и 3.39) и плюсквамперфект с вспомогательным *быть* (но сослагательное наклонение не включается).

тоимение-подлежащее, в подсчеты не входят (таковы в основном непервые члены в ряду однородных сказуемых, сверх этого лишь крайне редкие эллиптические клаузы).

В настоящем параграфе при подсчетах учитывались только данные нейтральной зоны (§ 5.11) — с тем, чтобы результат подсчетов не зависел от того не имеющего отношения к исследуемому процессу обстоятельства, много или мало местоимений представлено в зоне обязательных местоимений.

Коэффициент сохранения связей, приводимый в последнем столбце, с технической точки зрения есть не что иное, как отношение суммы столбцов «*дашь еси*» и «*ты еси дашь*» к общей сумме учтенных клауз.

Выбран ряд памятников разных веков, в основном из числа крупных. Берестяные грамоты даны без разделения на ранние и поздние, поскольку в данном пункте существенных различий между ними нет.

Памятники подразделены на группы в зависимости от того, какие синтаксические модели в них представлены (в нейтральной зоне):

- 1) памятники без модели *ты дашь* (т. е. имеющие только модели со связкой);
- 2) памятники, имеющие все три модели перфекта;
- 3) памятники без модели *ты еси дашь*;
- 4) памятники, имеющие исключительно (или почти исключительно) модель *ты дашь*.

Поведение связей и местоимений 1-го и 2-го лица в перфекте

	Модель <i>дашь еси</i>	Модель <i>ты дашь</i>	Модель <i>ты еси дашь</i>	Коэффициент сохранения связок
Памятники без модели <i>ты дашь</i>				
Мариинское ев.	61	0	3	100%
Житие Андрея Юродивого	205	0	14	100%
Памятники с тремя моделями				
Киев-Д (XII в.)	213	20	58	93%
НПЛ-1 (1016–1234 гг.)	21	2	3	92%
Памятники без модели <i>ты еси дашь</i>				
Берестяные грамоты (XI–XV вв.)	143	26	0	85%
Афан. Ник. I (1470-е гг.)	54	9	0	86%
Уваровская летопись за XV в.	52	10	0	84%
Ив. Грозн. I (1568–74 гг.)	63	20	0	76%
Грязной (1576 г.)	8	18	0	31%
Памятники, имеющие (почти) исключительно модель <i>ты дашь</i>				
Аввакум I (1670-е гг.)	1	116	0	1%
Бова (XVII в.)	0	27	0	0%

§ 5.15. Приводим иллюстрации (слово «модель» в заголовках таблиц опущено).

Примеры из памятников, где связка 1-го или 2-го лица в перфекте присутствует всегда

дать еси — норма	ты еси дать — очень редко
Мариинское евангелие	
чесо есмь еште не доконьчаль? Мт. 19.20 і Аврама ли еси видѣль? Ио. 8.57 правъ сждить еси Лк. 7.43 ли нѣсте чѣли въ законѣ Мт. 12.5	въ грѣсѣхъ ты родиль сѧ еси Ио. 9.34
Житие Андрея Юродивого	
много вы есмь оучиль С165 об. ци облѣнила ти сѧ есмь С151 и будетъ ти, ∇ такоже ти ксмь рекль 61г тако ли кси забыль заповѣдь 21г но не боуса, похабе, ∇ попраля бо еси врагы своѧ С24 об.	яко ты еси попраля дѣявола С30 об.

Примеры из памятников, где встречаются все три модели

дать еси — чаще всего	ты дать — очень редко	ты еси дать — редко
Киев-Д		
прислатьсѧ еси к нама [1152], 163 об. избезумильсѧ есмь [1155], 171 об. хрѣтъ есме ѡблѡвали [1147], 127 и волость ти есмь дать [1149], 136 издалеча есми поѣхали [1149], 138 и корола еси на ма възвелъ [1152], 166 оуже есмь пошелъ [1159], 179 ѡже есте на ма пришли [1154], 170 об. то ва есмь изискаль [1146], 124 и свои еси радъ взаль [1196], 241 а чему есте не молвили ко мнѣ? [1159], 177 об.	а Игоревѡ я взаль [1147], 127 об. мы того не въ- дали [1169], 191 об.	а есмь не ратью при- шелъ к вамъ [1155], 174 об. мы есме хрѣтъ целовали [1149], 136 об. ты ми еси самъ рекль [1150], 147
НПЛ-1		
а далече кѣсте шли, и вышли кѣсте акы рыбы на соухѡ 85 а зла до васъ ксмь не мыслиль никотораго же 105 а с рижаны ксеме миръ взяли 105	язъ яль врага вашего Иса- ковица 67 об.	ты кси мои дворъ хо- тель зажечи 110 об.

Примеры из памятников, где в нейтральной зоне встречаются только двучленные модели *даль еси* и *ты даль*

<i>даль еси</i> — намного чаще	<i>ты даль</i> — намного реже
Берестяные грамоты	
<i>а водале ми еси хамече</i> 644 <i>ѡцель ты есмь ѡ пожарѣ и целѣю та</i> 710 <i>а пришьла есѣѡ, оли звонили</i> 605 <i>оже еси забыле моего доброделания</i> 627 <i>покосиле есмь пожню</i> 53п <i>а нынеца ксеме, гѣе, погибли</i> 361п <i>что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати</i> 697п	<i>[а] азо не едино былѣ</i> 548 <i>азо ти олово попродаде и свине-</i> <i>це и клепание вохо</i> 439 <i>а куны назѣ дала Дѣду Прибышѣ</i> 125п
Афанасий Никитин I	
<i>и приѣхал есми в Новгород в Нижней</i> 442 об. <i>и Казань есмя проѣхали доброволно</i> 442 об. <i>а золотой есми взял на харчѣ</i> 458	<i>и яз свое судно покинул</i> 442 об. <i>а мы того не слыхали ничего</i> 443
Уваровская летопись за XV в.	
<i>неправду еси учинилѣ, а меня еси ввел въ</i> <i>грѣх и в сором</i> 373 <i>целовал есми крестѣ к великому князю</i> 435 об.	<i>а мы пришли ис Черкас</i> 375
Иван Грозный I	
<i>а и такѣ еси одного для слова жены своей</i> <i>крови много пролилѣ напрасно</i> <i>а то есмя тебѣ из грамоты выписали</i> <i>подлинно</i>	<i>и ныне ты къ нам отпустила</i> <i>нашего посла</i>
<i>даль еси</i> — реже	<i>ты даль</i> — чаще
Василий Грязной	
<i>и царю есми сказывал: «яз молодой</i> <i>человек»</i>	<i>ты деи коли жил у своего госу-</i> <i>даря, и ты тогды слыхал у</i> <i>государя ...</i> <i>а Дивея, государь, яз за себя не</i> <i>суливал</i>

О двух примерах трехчленной конструкции в берестяных грамотах, представленных в зоне обязательных местоимений, см. ниже.

Примеры из памятников, имеющих (почти) исключительно модель *ты даль*:
 Аввакум I — *сидѣль я тутѣ четыре н(е)дѣли* 26;
постригъ я ево и поскимил 44;

попал ты в руки мнѣ! 91;

оправся, мы паки поехали вперед 32;

окинула нас на море погода, и мы гребми перегреблися 54.

Единственный пример модели *далъ еси* — *немоцнии есте стали 71 об.*⁴⁹

Бова — воистинну яз тебя забыла с кручины;

о злодей Бова, ты у меня убил сына Лукопера и 100000 войска побить;

дали вы мнѣ ладо поноровное, и не дали вы мни с нею пожить от младости и до старости.

§ 5.16. Укажем также некоторые элементы поведения связок при перфекте за рамками простейших случаев, проиллюстрированных выше.

В зоне обязательных местоимений поведение связки в конкретном памятнике обычно такое же, как и в нейтральной зоне. Например, в Киев-Д в зоне обязательных местоимений приблизительно такое же соотношение моделей *ты далъ* и *ты еси далъ*, как и в нейтральной зоне.

Но в берестяных грамотах в зоне обязательных местоимений встретилось два примера трехчленной конструкции (которой в нейтральной зоне здесь нет): *то еси ты повѣдалъ къ Рожънѣтови на Нустуе емати 2 сročька 336* (здесь ты, вероятно, несло эмфазу: 'именно ты'); *а въ сю недѣлю цѣтъ до мнь зѣла имееши, оже е[с]и къ мнѣ н[ѣ] приходишь? Ѹ а азъ та есмѣла* (вместо *есмѣ имѣла*) *аки братъ собѣ 752* (здесь *а азъ* противопоставлено тому 'ты', которое подразумевается первой частью периода).

Представляет интерес поведение связок при однородных сказуемых; здесь необходима некоторая детализация того, что сказано на этот счет в § 1.2.

Чаще всего в древнейших текстах встречаются следующие две схемы: а) *видѣлъ еси* и *слышалъ еси* (с повторением связки); б) *видѣлъ еси* и *слышалъ* (с одной связкой на весь ряд сказуемых). Вот некоторые примеры:

а) *а нынѣ сѣдѣлъ еси в Києвѣ, а мнѣ еси части не оучинилъ в Роускои землѣ, но раздалъ еси инѣмъ, молодѣющимъ брати своеи [1195], 236;*

ажъ еси поѣхалъ брата моего оубить, и ѡбродовался еси сему, то оуже состоупилъся еси радюу и крѣтнаго целованиа [1195], 238 об.;

а целовало кси ко мнѣ, а не прислало кси 445п;

б) *виделе ксмѣ и цюле 154п;*

Мьстислава есмѣ нѣлъ, и полкъ его побѣдилъ [1195], 238 об.

Более сложный пример: *на Олгови^ч есми ходилъ, к Черниговоу ходилъ, и на Олгови есми стоялъ, и много есмѣ имѣ зла оучинилъ, землю и^х повоевалъ есмѣ [1148], 132 об.* (второе из пяти звеньев цепочки не имеет связки).

Но возможны также и схемы с участием местоимений: в) *ты видѣлъ и слышалъ еси*⁵⁰; г) *ты видѣлъ и слышалъ*. Схема с повторением местоимения практически не встречается. Схема «г» со временем полностью победила в совре-

⁴⁹ Отметим, что в памятнике имеется также один пример сослагательного наклонения со связкой: *еще же и трема перьсты бы есте крѣстилис(ѣ) 23 об.*

⁵⁰ В принципе возможен также (но реально весьма редок) вариант с трехчленной конструкцией в первом звене, например: *а есмѣ к тобѣ слалъ, а Києвъ тобѣ далъ, и то ти есмѣ налалъ ... [1150], 145.*

менном языке; но в древнерусский период она была очень редка. Вот единичные примеры из берестяных грамот:

а дала тобѣ, а Нѣжастѣ не дала 644;

а а безѣ другого кона животь пометаль, а иное розрональ 272п.

В течение длительного времени для цепочек с первым членом по модели ты даль нормой была схема «в». Примеры:

то вѣдаю, а иного не вѣдаю, Ѳ како ли ты венилеса, како ли что дале кси рубль на собѣ 30п;

ако ни ѿѣ того вдалъ, что я тобѣ вдалъ, и еще есмь и Роуской земли приказалъ стеречи тобѣ, а то ти есмь реклъ [1149], 136;

а ты ма тако переѡбидилъ, а мнѣ еси Вышегородѣ ѡдинъ далъ [1151], 155 об.;

а ѡзъ ѡѣю твоему, досыти послужилъ свои^м копиемъ и своими полкы за его ѡбиду, и с Лахы са есмь за нѣ билъ [1152], 162.

ѡзъ Витебьска стоупилъ тобѣ, и посолъ былъ свои послать есмь ко братоу Дѡдѣви [1195], 238 об.

Особенно часто эта схема выступает у Афанасия Никитина, например:

и яз свое судно покинул, да полѣз есми на судно на послово 442 об.;

а мы того не слыхали ничего, а бежали есмя парусом 443;

а мы поѣхали к ширѣванше <...>, и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловалъ (Троицк. 371);

а яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ <...>; а изъ Баки пошелъ есми за море к Чебокару (Троицк. 371);

а яз жеребца своего продал в Бедери; да наложил есми у него шестдесят да осмь футонов, а кормил есми его год 447 об.;

и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми мѣсяцъ, мяса есми не ѣлъ и ничего скоромнаго 449 об.

То же в посланиях Ивана Грозного:

и ныне ты къ нам отпустила нашего посла, а с нимъ еси к намъ своего посла не прислала;

а лихорадство почаль ты, какъ сълъ еси на государство.

Но в письмах Василия Грязного нормой уже является такая же конструкция, как в современном языке, например:

а яз стал в долу с полком, а Василью приказал ...;

да после того, государь, яз посылал ко царю челобитную, а написал так в челобитной ...;

а яз, холоп твои, не у браги увечья добыл, ни с печи убился.

И лишь один раз встретилась схема «в»: и яз, холоп твои, Кудеяру ничево не сказал, ни грамоты, ни слова, а говорил есми ...

Только современная конструкция представлена у Аввакума, например:

и я подъял, и положил ево на постѣлю, и исповѣдал, и маслом свѣщ(е)нным помазал 20;

я по обычаю сам постился и илѣ не давал есть, молебствовать и маслом мазалъ, и какъ знаю ѡбѣствовал 43;

такъ мы с робяты огородилис(ь), балаганецъ здѣлавъ, огонь курили 39 об.

Именное сказуемое

§ 5.17. Материала здесь существенно меньше, чем для фраз с перфектом. Поэтому, чтобы не сужать сверх меры базу для нашей статистики, мы в данном случае включаем в подсчеты данные не только нейтральной зоны, но и зоны обязательных местоимений. В результате коэффициент сохранения связей (там, где он не равен 100%) оказывается несколько ниже, чем для одной лишь нейтральной зоны, но эта разница очень невелика и не меняет общей картины исторической эволюции.

В отличие от вопроса о препозиции или постпозиции связки, где биноминативные фразы пришлось исключить из-за трудностей в определении подлежащего и сказуемого (см. § 5.5), в вопросе о наличии или отсутствии связки эти трудности роли не играют. Поэтому здесь уже нет препятствий для включения таких фраз в общие подсчеты. (Но фразы, где именной частью сказуемого является наречие или сочетание с предлогом, в подсчеты, как и выше, не входят; см. § 5.1.)

Приводим количественные данные по нескольким важным памятникам. Пометами «С прилагательными», «С существительными» обозначены соответственно фразы с прилагательными (или причастиями) и существительными (или местоимениями) в качестве именной части сказуемого. Модели с *еси*, *ты* и *ты еси* обозначены соответствующими условными формулами.

Связки во фразах с именным сказуемым

	С прилагательными				С существительными			
	<i>старь еси</i>	<i>ты старь</i>	<i>ты еси старь</i>	Коеф. сохран. связей	<i>кназь еси</i>	<i>ты кназь</i>	<i>ты еси кназь</i>	Коеф. сохран. связей
Мар.	30	0	15	100%	23	0	64	100%
ЖАЮ	18	0	9	100%	12	0	15	100%
Киев-Д	9	9	21	77%	4	20	17	51%
Берест. гр.	9	3	1	77%	2	12	0	14%

Иллюстрации.

Мариинское евангелие.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие	
<i>старь еси</i> — чаще	<i>ты еси старь</i> — реже
<i>неповинень есмь отъ крове сего праведнааго</i> Мт. 27.24 <i>нъ посыланъ есмь прѣдъ нимъ</i> Ио. 3.28 <i>даждь ми, ∇ имъже еси длъженъ</i> Мт. 18.28 <i>і ѿа имъ: ∇ что страшиви есте, маловѣри?</i> Мт. 8.26	<i>еда и мы // слѣпи есмь</i> Ио. 9.40 <i>азъ бо есмь старь</i> Лк. 1.18 <i>ты же // колиѣмъ длъженъ еси?</i> Лк. 16.7

Именное сказуемое — существительное или местоимение	
кнѧзь еси — редко	ты еси кнѧзь — часто
егда въ мирѣ есмь, ∇ свѣтъ есмь мироу Ио. 9.5 ібо галилѣанинъ еси Мр. 14.70	азъ есмь свѣтъ мироу Ио. 8.12 отъвѣща Пилатъ: ∇ еда азъ // жидо- винъ есмь Ио. 18.35 ты ли еси црѣрь иудейскъ? Мт. 27.11 ты еси снѣ мои възлюблены Мр. 1.11 Гїѣ, виждѣ, ∇ ѣко прѣкъ еси ты Ио. 4.19 мы же // Мосеови есмь оученици Ио. 9.28

Житие Андрея Юродивого.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие	
старъ еси — чаще	ты еси старъ — реже
ѣлише к неѣ сѣиоу, ∇ ꙗко «моѧ еси, а не Хѣва» С98 об. еще выше // должни есмы взити С21 об. ꙗко велми кси мерзѣкъ 38а видиши ли, ∇ кольми еси грѣшенъ С15 но ꙗкоже ксте наоуцени, тако са молите 56г	чѣтнѣ еси ты С149 да ты, друже, // младъ кси 35б и азъ бо // веселъ ксмъ 27г а ты кси толстъ и тученъ велми 45а
Именное сказуемое — существительное или местоимение	
кнѧзь еси — чуть реже	ты еси кнѧзь — чуть чаще
члѣцы бо есмь С24 овца ксмъ словеснаго твоѣго стада 46б ꙗко оугодникъ кси Бїи 41б ѡсетъ оуже // нашъ кси другъ и братъ 3 об.	а мы // члѣцы ксмъ грѣшнии 44б азъ // страница есмь сдѣ С27 ты еси чернецъ Епифанъ, дрѣгъ моѣ С11 горе мнѣ, ∇ кто есмь азъ, гїѣ С34 похвала бо стѣмъ // ты еси С148 об.

Киев-Д.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие		
старъ еси — редко	ты старъ — редко	ты еси старъ — часто
в томъ еси воленъ [1146], 124 раненъ есмь велми [1152], 162	ты починаѣ, ∇ а азъ готовъ с то- бою [1196], 239 ѧзъ въ всемъ вино- вать передъ Бгїѣ и предъ нимъ [1149], 142 об.	все ѧ, брате, // готовъ есмь [1151], 156 об. зане азъ / виноватъ есмь [1152], 162 об. азъ есмь велми болѣнъ [1146], 118 об. ты еси мене старѣи [1148], 133 об. ты еси молодъ [1153], 167 об./168

Именное сказуемое — существительное или местоимение		
<i>кнѣзь еси</i> — редко	<i>ты кнѣзь</i> — часто	<i>ты еси кнѣзь</i> — часто
<i>Изаславъ же рече:</i> <i>кнѣзь есмь</i> 158 об. <i>свои ми еси</i> <i>сестричичь</i> 121	<i>ты нашъ кнѣзь</i> 119 об. <i>ако мнѣ Георги ѿць, та-</i> <i>ко мнѣ и ты ѿць</i> 143 об. <i>а ты, брате, Дедвичь, а</i> <i>и Олговичь</i> 160 об.	<i>а ты еси нашъ кнѣзь</i> 177 об. <i>ты ми еси ѿць</i> 145 <i>вы есте людие дѣда моего и</i> <i>ѿца моего</i> 149

Берестяные грамоты.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие		
<i>старь еси</i> — часто	<i>ты еси старь</i> — крайне редко	<i>ты старь</i> — редко
<i>свободне еси</i> 421 <i>зандо ксмъ пуста</i> 692п <i>не виновать есмь Кузмѣ</i> 697п <i>приблѣжени ксмъ с нимечкой</i> <i>половинѣ</i> 248п	<i>ты еси мои, а а</i> <i>твои</i> в 605 (единств. при- мер)	<i>а а емоу не дѣлѣжне</i> <i>ничимъ же</i> 725 <i>а на Арослави добръ</i> <i>здоровъ</i> 69п
Именное сказуемое — существительное или местоимение		
<i>кнѣзь еси</i> — крайне редко	<i>ты кнѣзь</i> — норма	
<i>а до моего живота // посо[бъ]никъ</i> <i>ксмъ тобѣ</i> 749п	<i>а не сестра а вамо, оже тако дѣлаете</i> 644 <i>исправи слово то – ты мои брат[ъ]</i> 749п <i>а зѣбре</i> 199п	

Выводы

§ 5.18. Эволюцию связей в живом языке наиболее достоверно отражает нижняя половина таблицы «Поведение связей и местоимений 1-го и 2-го лица в перфекте» (§ 5.14), т. е. показания памятников без модели *ты еси дати* и с единственной моделью *ты дати*.

Состояние живого раннедревнерусского языка лучше всего отражают, как и в других отношениях, берестяные грамоты. На протяжении XI–XV вв. оно меняется довольно незначительно. Резкое продвижение в сторону современного состояния приходится на XVI век, причем даже во второй его половине мы еще видим в посланиях Ивана Грозного картину, близкую к древней, тогда как в письмах Василия Грязного (того же времени) картина уже совсем иная. В XVII веке ситуация уже практически не отличается от современной.

Для фраз с именным сказуемым картина в принципе такая же, как в перфекте, но эволюция идет заметно быстрее и достигает современного состояния раньше.

В особенности интенсивен этот процесс во фразах с существительным в роли именной части сказуемого. В этой категории уже в берестяных грамотах почти достигнуто современное состояние, а именно, в 10 случаях из 11 представлены фразы типа *а не сестра а вама* (а не типа *а не сестра есмь вама*).

При этом, однако, столь четкая картина постепенного исчезновения связок характерна только для текстов, близких к живой речи. В книжном стиле связки могут сохраняться (хотя бы изредка) и в XVII в. и позднее. В одном и том же памятнике в текст не книжного характера могут быть вклинены отдельные книжные пассажи; поведение связок в этих двух «слоях» текста оказывается различным.

Характерным примером может служить «Житие» Аввакума.

В части Аввакум II (см. § 2.1) связки иногда встречаются, например:

их же Соломан воспѣтъ, зря на м(а)т(е)рь Вирсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая!» 82 об.;

и последнее рек слово: «Чистъ есмъ аз и прах притѣпшии от ногъ своих оттрясаю предъ вами ...» 72 об.;

ч(е)л(о)вѣцы бо есмы 52 об.

В основной части памятника (т.е. Аввакум I) связок почти нет. Но в отдельных выражениях церковного стиля несколько связок все же отмечено, в частности:

а я ничтоже есмъ; рекох и паки реку: аз есмъ грѣшникъ, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытаремъ и грѣшникамъ ... 83;

и мняся нѣчто быти, а калъ и зной есмъ, окаянной ... 88;

да не опалиши мя приобщением, но очисти мя от всякия скверны, огонь бо, реклъ еси, недостойных опаляя ... 101;

и я отвѣщал: «Аз есмъ Аввакумъ, протопон; что тебѣ дѣло до меня?» 33 об.

Связки третьего лица

§ 5.19. Как уже указано в § 5.8, основная особенность связок третьего лица состоит в том, что в живом древнерусском языке в перфекте их не было вообще и даже при именном сказуемом они употреблялись весьма редко.

Сложный вопрос о том, является ли такое положение новшеством (возникшим лишь в восточнославянском) или архаизмом (прямым наследием индоевропейского состояния), мы обсуждать и решать не будем. Это вопрос, относящийся к предистории древнерусского языка, т.е. он выходит за рамки проблематики настоящей книги.

Рассмотрим поведение связок третьего лица в разных типах фраз.

Перфект

Начнем с некнижных памятников.

Для берестяных грамот общим правилом является просто отсутствие связки 3-го лица в перфекте, т.е. употребление моделей *Иванъ далъ* и *дать* 'он дал', но не *Иванъ естъ далъ* и *далъ естъ*. Примеры.

Модель *Иванъ далъ* —

оже ти Иване не дале 430;

мене игомене не поустиле 605;

кже ми отъць далъ и роди съдали 9;

по томъ приили смерди, ѿ Аньдрѣа мѣжъ приали, и дане ѿали людье, и осьмь выслагла что о Тѣodore 724;

а Поутила пришьле, а товаро продале 165;
оуслищане замерьзѣли на Арославли 69п;
убиле ма пасынке и выгониле ма изо двора 415п;
і онь прислалъ къ Федосѣ 3п.

(Понятно, что в таких случаях при однородных сказуемых подлежащее не повторяется, например: *убиле ма пасынке и выгониле ма.*)

Модель *далъ* 'он дал' (т.е. без подлежащего) —

а мѣнѣ не въдасть ничьто же, избивъ роуки, поустилъ же ма, а иноую поалъ 9;
а оу него ти крадено, атъ ти възалъ оу Иванькова съмърѣда 3 гривны), а татѣбоу кѣнажсоу потаилъ 907;
оу Воислава възьли 10 коунъ истинь, а 5 коунъ намомъ: не въдале дѣвоихъ намъ 509;
посадьникоу 30 да(н)[и] а за са(н)[и] по 5 коуно за довое, а [тре]теге возале 601.

Во всем массиве берестяных грамот встретился только один пример перфекта с *есть*: [и]и *есть* *самѣ* в[ъ]хоу [ли]хв[оу] въд[але] 736а 'отдал ли он сам всю лихву' (см. об этом уникальном примере также ДНД₂, § 3.20).

Близкую картину мы находим и в Киев-Д: безусловной нормой здесь являются такие фразы, как:

оуцѣ мои Коурьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли [1140], 113;
се брата нашего Бѣ поналъ [1146], 119; и т. п.

Но все же здесь встречаются, хотя и весьма редко, также фразы с сохранением связки, например:

а оуже есть вшелъ в нашѣ ватичѣ [1149], 136.

У Афанасия Никитина, в некнижных посланиях Ивана Грозного, в письмах Василия Грязного связки 3-го лица в перфекте отсутствуют полностью.

§ 5.20. Совершенно иную картину дают памятники книжного характера.

В основной группе таких памятников употребление связки 3-го лица при перфекте представляет собой норму. В памятниках, где число примеров перфекта невелико, эта норма может соблюдаться стопроцентно. Таково, в частности, положение в Мариинском евангелии, Житии Мефодия, Житии Фсодосия.

Там, где перфектов много, встречаются и отдельные отклонения, но их доля невелика. Таково, в частности, Житие Андрея Юродивого. Связки 3-го лица присутствуют здесь в перфекте почти всегда; связка опущена лишь в 10 случаях из 247, т.е. в 4% случаев.⁵¹

Примеры:

да страх ма приалъ есть С21;
да лице ти са ксть зардѣло 15в;
нѣ трогалъ ми есть сѣдины, и оутробѣ ми есть розоп'халъ ногама, да вредил' ма есть, ветхыа моя зѣбы пастию м(и) есть избилъ С27 об.;

⁵¹ Из непрерывных членов в ряду однородных сказуемых включены в подсчет только те, которые имеют при себе связку.

и иже на мори са суть истоплѣ 15а.

Некоторые из редких примеров без связки:

Гѣ бо вдалѣ имѣ живють 49г;

исповѣда же смѣ Епифанѣ, како са смѣ оутѣкнулѣ на пѣти сотона 30 об.

Другие книжные памятники обнаруживают примерно такую же картину, хотя доля перфектов 3-го лица без связки может быть и несколько большей. Так, например, в «Александрии» это 7 случаев из 52 (= 13%).

Заметно более высокой, чем в других книжных памятниках, эта доля оказалась в Супрасльском кодексе: 20 случаев из 59 (=34%).

§ 5.21. Летописи занимают промежуточное положение между книжными памятниками и берестяными грамотами, но в данном пункте ближе к последним. Показательно, например, что авторская часть Киевской летописи почти не отличается в этом отношении от Киев-Д. Ситуацию в летописях можно охарактеризовать так: в основном соблюдается тот же принцип, что в берестяных грамотах (т.е. отсутствие связки в 3-м лице перфекта), но имеется некоторое число отклонений в сторону книжного принципа (т.е. сохранения связки).

Например, в Синодальном списке НПЛ 57 примеров перфекта (о способе подсчета см. сноску 51), из них 51 (= 89%) — без связки; т.е. соотношение здесь противоположное тому, что в основных книжных памятниках. Сходные соотношения представлены и в других старших летописях. Перфекты 3-го лица со связкой встречаются здесь лишь в качестве редких отклонений от нормы.

Примеры фраз со связкой 3-го лица и без нее из летописей

Без связки — норма	Со связкой — очень редко
<i>сего доужа слѣпилъ Мануилъ цѣрь</i> (НПЛ, 71 об.)	<i>а Нифонтъ тако мѣлваше: ∇ не достоинъ есть стать</i> (НПЛ, 26)
<i>выдалѣ Твърдиславъ кѣзю Матѣя</i> (НПЛ, 90)	<i>ими же не свѣдуще рекоша, ∇ яко Киѣ състь перевозникъ былъ</i> (ПВЛ, 4)
<i>и разгнѣвася на ты, ∇ оже то грабили Даньслава и Ноздрѣчу</i> (НПЛ, 9 об./10)	<i>ако же есть и переже было</i> (Ипат., 141)
<i>не ходи, но возьми дань, ∇ юже ималъ Олегъ</i> (ПВЛ, 10 об.)	
<i>ибо заповѣдала Ольга: не творите трызны на^л собою</i> (ПВЛ, 20 об.)	
<i>повѣда ему Стѣславлю рѣчь и что ему Володимиръ сказалъ</i> (Ипат., 136 об.)	
<i>а того не вѣдаше, оже оуже Изславъ вшелъ в Чернии Клобоуки</i> (Ипат., 143 об.)	

Следует отметить, что в летописях сохранению связок *есть, суть* в перфекте способствовал такой фактор, как отсутствие во фразе выраженного отдельным словом подлежащего (тогда как в живом древнерусском языке его

действие на фразы с 3-м лицом перфекта не распространялось, см. § 5.9). В НПЛ из шести перфектов 3-го лица со связкой таковы пять, в частности:

- а Нифонтъ тако мълвлаше: ∇ не достоинъ есть стать* 26;
- и рекоша фрагомъ: ∇ оумърль ксть, придете и видите* 68;
- и не съвѣдаемъ, ∇ ѿкоудоу соуть пришли и кѣмъ са дѣша опять* 99 об.

В ПВЛ находим, например, с одной стороны: *и призва старѣишину конюхомъ, рка: где есть конь мои (...)? онъ же рече: оумерль есть* (ПВЛ по Ипат., 15 об.) — с другой стороны: *и посла Ярославъ к Глѣбу, глѣ: не ходи, ѿць ти оумерль* (ПВЛ по Лавр., 46 об.). Но жесткого правила здесь нет: в ПВЛ связка вполне может присутствовать и при наличии подлежащего.

Присутствие связок *есть, суть* в перфекте явно воспринималось уже в древнерусскую эпоху как одна из примет книжности. Во многих памятниках эта черта в основном тексте отсутствует, однако сохраняется в цитатах, а также в пассажах церковного или возвышенного стиля. Так, например, в Уваровской летописи за XV век отмечено всего два таких случая — один в речи некоего святого старца, другой в речи митрополита. То же у Аввакума: во фразах церковного стиля у него два раза встретилось *избавиль мя есть*.

Именное сказуемое

§ 5.22. При именном сказуемом связка 3-го лица представлена существенно шире, чем при перфекте. Здесь она изредка присутствует даже в берестяных грамотах.

В берестяных грамотах хорошо соблюдается правило употребления связок, сформулированное в § 5.9. Во фразах с именным сказуемым оно получает следующий простой вид: если во фразе есть выраженное отдельным словом подлежащее, то связка отсутствует, если такого подлежащего нет — присутствует.

Примеры.

Подлежащее есть — связки нет:

- а замъке кѣле, а двѣри кѣлѣ* 247;
- Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць* 607;
- дешеве ти хлебе* 424;
- а стѣе Варъварь тѣлицѣ сторова ли?* 657;
- тажа ваша '[эта] тяжба — ваша'* 603;
- Хона жена тое грамоте господини* 112;
- а Тимона меретве* 582п;
- Гѣѣа вола і твоя* 356п;
- а тѣ худѣ* 242п;
- земля готова* 17п;
- а иное все добро здорово* 122п, 129п.

Подлежащего нет — связка есть:

- а тобѣ вѣдѣ, ако есть не годьн(о) 'а тебе, видно, не любо'* 752;
- правъ ти есть 'он прав'* 819;
- лихе есте 'он дурной'* 163;
- оце е тебе н[е] годена 'если она тебе не угодна'* 705.

Такая же картина и во фразах с предложной группой: ср., с одной стороны, такие фразы без связки, как: *а то за нѣмъ* 9; *а Бѣ за мѣздою* 549; *а роко на Росто* 144п; *а просоле здѣ по пяти гривону бочка* Ст. Р. 2п; с другой — *ажѣ ти е по съпехо* 'если тебе к спеху' 709п (XIII в.).

Но от второй части приведенного правила все же возможны отклонения, т.е. связка иногда отсутствует и там, где подлежащего нет: *ни векшею не длѣжшь* '[он] не должен ни векши' 336; *а мы кго не хѣтимо: не сусѣднеи челоуѣко* 311п. В частности, связки нет в безличных конструкциях со страдательным причастием, например: *а оу него ти крадено* 907; *на Бозѣ пол(о)жено* и *на васо* 414п.

В целом берестяные грамоты являют собой картину минимального сохранения связок 3-го лица при именном сказуемом. В берестяных грамотах XIV–XV вв. фраз с такой связкой не встретилось вообще.

В Кисв-Д связка при именном сказуемом употребляется лишь в меньшинстве случаев, но все же заметно шире, чем в берестяных грамотах. Примеры сохранения связки несмотря на наличие подлежащего:

занеже Гюрги есть силенъ 152 об.;

а оуже есть правъ ѿць твои и ты 182 об.;

поганы есть всимъ намъ ѡбечь ворогъ 223.

Но гораздо чаще здесь выступает конструкция без связки, например:

а мы вчера ѣхали, ѽ а ѡнъ добръ и здоровъ 170;

а въ Володимерѣ племени кто ми ближни, тотъ добръ 216;

а Дѣдъ виноватъ 213;

котораа ему волость любя, ту же бы взаль 137 об.;

а трудно ны вельми 149;

велѣно ми своимъ кнѣземъ Ярославомъ пать дѣновъ стояти оу Вышегорода 196;

кто тобѣ ворогъ, тоти и намъ, а се мы с тобою готови 203;

ѡни же рекоша имъ: ѽ кнѣзъ оу насъ Изаславъ 130 об.;

ако мнѣ Гюрги ѡць, тако мнѣ и ты ѡць 143 об.

Несколько иную ситуацию мы наблюдаем у Афанасия Никитина. При именном сказуемом он употребляет связку *есть* довольно часто (при том, что в перфекте она полностью отсутствует). В части случаев это тот тип употребления связки, который допускается даже и в современном языке.

Примеры:

Аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣино 452;

Гурмыз же есть пристанище велико 450;

А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город Индѣйскый 444 об.

Но у Афанасия Никитина сфера употребления связки шире. В частности, связка легко сочетается у него с прилагательными, например:

А градъ есть великъ, а людей много велики 447;

А бутхана же велики велика есть, с пол-Тѣбри, камена (Троицк. 377 об.).

Специфический характер имеет у него оборот *тутъ есть*, например:

И тутъ есть Индѣйская страна 444;

И тутъ есть пристанище Гурмызское (Троицк. 370 об.);

И тутъ есть море Индѣйское (Троицк. 370 об.).

По значению это соответствует современному *И тут Индийская страна* (а не *И тут находится Индийская страна*); т.е. и в этих случаях правильное трактовать *есть* как связку, а не как однозначное слово.⁵²

У Аввакума связка *есть* сохраняется (если не считать библейской цитаты *гдѣ есть Б(о)гъ их?* 102 об.) всего в нескольких фразах, причем таких, где *есть* в принципе возможно и в современном языке, — с существительным в качестве именной части сказуемого:

и я потѣшил ево: ∇ ц(а)рь то есть, от Б(о)га учинень 59;

аще и мучит мя, ∇ но ц(а)рь бо то есть 75 об.;

идоль в руке слабая, на чело возлагають, ∇ еже есть мерский образ 114;

есть-тово послѣ побой-тѣхъ хочется, ∇ да вет(ь) су неволя то есть: как пожалуют — дадутъ 36 об.

В не книжных посланиях Ивана Грозного, в письмах Василия Грязного, в «Повести о Бове» связок *есть, суть* при именном сказуемом не встретилось вообще.

Совсем иначе обстоит дело в книжных памятниках: здесь связка при именном сказуемом является обязательной или почти обязательной. Примеры:

ЖАЮ — *а сотона ксть золь* 15г;

кто ли крадетъ, кто ли есть скѣпъ 10б;

нѣ аще се вамъ есть неоугодно С29;

мечъ твои остръ есть, стрѣлы твои часты сѣтъ С149;

оумъ есть оцъ, а слово снѣ С29 об.;

иже бо творить грѣхъ, да рабъ есть грѣхови С31 об.

Флав. — *лѣтъ бо ихъ явлена есть* 357а;

а родъ ѿца моего хоудъ есть 372б;

дѣла же бесмртна есть 386а;

нетверда же есть надежда, иже кто са надѣетъ не на свою силъ, но на чуждѣ пакость 361в;

смръть свободно есть 358б (с характерным отсутствием согласования).

Александрия — *сѣ ѿцъ мои есть* 36;

оубиень ли есть кто ѿ васъ на плѣку 47;

быстра же есть вода та 54.

Летописи, как и в прочих пунктах, занимают промежуточное положение между книжными и не книжными памятниками. Здесь встречаются обе модели, например, с одной стороны, *а братъ ти оубьень ѿ Сѣпѣлка* (ПВЛ, 46 об.), с другой — *ре" же имъ Ѡльга: «люби ми есть рѣчь ваша»* (ПВЛ, 15).

⁵² При этом у Афанасия Никитина имеются также и примеры настоящего однозначного *есть*: *У кого что есть на Руси, и тот пошеи на Русь* (Троицк. 370); *Есть в том Алянде птица жукукъ* 446 об. и т.п.

Общая схема эволюции

§ 5.23. Резюмируем изложенные выше наблюдения над исторической эволюцией связок.

Ситуация в живом языке выглядит так.

В 1-м и 2-м лицах перфекта в древнерусском языке связки присутствовали во фразах, где нет местоимения-подлежащего (модель *далъ еси*), и отсутствовали там, где оно есть (модель *ты далъ*). Эволюция состояла здесь в том, что доля фраз с местоимением-подлежащим неуклонно возрастала и, соответственно, доля фраз, где еще сохранялись связки, падала. Заключительный этап этого процесса приходится на XVI–XVII вв. В XVII в. в живом языке было достигнуто современное состояние, при котором связок в прошедшем времени (= древнем перфекте) уже более нет вообще.

В 3-м лице перфекта связки отсутствовали уже в древнерусском, т.е. имелись только модели *Ивань далъ* и просто *далъ* 'он дал'. Таким образом, в этом пункте единственное отличие современного состояния от древнего — это то, что стало нормальным добавление местоимения-подлежащего (*он дал*), тогда как в древнерусском местоимение в немаркированном случае отсутствовало.

Во фразах с именным сказуемым уже в древнерусскую эпоху получили значительное распространение модели без связки — *ты кѣназь* и *Ивань кѣназь* (и в несколько меньшей степени — модели *ты старъ* и *Ивань старъ*). Эволюция состояла здесь в постепенной экспансии этих моделей, так что в конечном счете в живом языке альтернативные модели со связкой вообще исчезли (но в литературном языке в научном, педантичном или возвышенном стиле фразы типа *жизнь есть борьба, это есть заблуждение* возможны и ныне). Древние модели *кѣназь есть, старъ есть* были вытеснены моделями *онъ князь, онъ старъ*. Во фразах с именным сказуемым новое состояние, по-видимому, было достигнуто уже в XVI веке. В итоге к XVII веку живой язык уже более не имел энклитик данной группы.

В книжных памятниках описанная эволюция отражалась со значительным отставанием во времени. В древнейших книжных памятниках связка сохраняется еще всегда (или почти всегда) во всех категориях фраз. Ее широкое употребление (в особенности в позициях, где народный язык связку утратил) становится одной из примет книжного стиля. В качестве таковой оно существует еще и в XVII веке, в отдельных случаях и позднее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 6.1. Подведем итоги проведенного исследования.

Для древних индоевропейских языков характерно существование фразовых (то есть относящихся по смыслу ко всей фразе в целом) энклитик, расположение которых во фразе подчиняется так наз. закону Вакернагеля, состоящему в том, что такие энклитики ставятся в конце первой тактовой группы фразы. При соединении фразовых энклитик друг с другом их взаимное расположение подчиняется ранговому принципу. По своей жесткости ранговая организация энклитик близка к правилам порядка морфем внутри словоформы.

Среди живых славянских языков максимально четкий механизм вакернагелевских энклитик сохранен в сербском и хорватском (к ним приближаются в этом отношении украинские закарпатские и прикарпатские говоры).

Анализ берестяных грамот с полной очевидностью показал: закон Вакернагеля действовал также в живом древнерусском языке, причем вполне активно и последовательно. И, как это часто бывает, после этого обнаружилось, что данное явление хорошо прослеживается также и по ряду других древнерусских памятников (давно известных), только на это не обращали необходимого внимания.

Функционирование энклитик в русском языке последнего тысячелетия отмечено быстрыми по меркам истории языков изменениями — к счастью для лингвистов, достаточно хорошо прослеживаемыми по памятникам. На протяжении этого тысячелетия одни единицы постепенно включаются в категорию энклитик, другие из нее (или вообще из языка) выпадают; изменяются и сами механизмы размещения энклитик во фразе. В результате формируется новая система энклитик, в которой уже очень мало что осталось от древнерусской системы.

Древнейшие энклитики, унаследованные из праславянского, — частицы *же, ли, бо, ти* и местоимения Д. падежа (*ми, ти, си* и т. д.). Как в старославянском, так и в древнерусском они обладают вполне устойчивым просодическим статусом.

Позднее входят в категорию энклитик местоимения В. падежа (*мѧ, тѧ, сѧ* и т. д.), глагольные словоформы *бы, быхъ* (и т. д.), еще позднее — связки. В старославянском единицы этих групп выступают в качестве энклитик лишь в части случаев (в связи с чем А. Вайян называет их полуэнклитиками). Но в живом древнерусском языке они уже практически не отличаются по своему поведению от старых энклитик.

Фразовые энклитики (за вычетом самых редких) включены в древнерусском языке в следующую систему рангов: 1) *же* (противительное, причинное, усилительное), 2) *ли* (частица, не союз), 3) *бо*, 4) *ти* (частица), 5) *бы*, а также *быхъ, быхомъ, быша* и т. д. (в качестве показателей сослагательного наклоне-

ния), 6) энклитические формы местоимений в Д. падеже (*ми, ти, си* и т.д.), 7) энклитические формы местоимений в В. падеже (*ма, та, са* и т.д.), 8) связки (*есмь, еси* и т.д.).

Ранговые системы разных славянских языков не одинаковы между собой, из чего ясно, что они формировались в значительной мере независимо друг от друга в ходе истории отдельных языков. В частности, система рангов современных сербских энклитик, хотя и имеет много общего с древнерусской, все же далеко с ней не совпадает (см. § 1.11).

Важнейшее новое понятие, которое потребовалось ввести при анализе реального размещения фразовых энклитик, — ритмико-синтаксический барьер, т.е. некоторая условная граница внутри фразы, отсекающая начало фразы таким образом, что сферой действия закона Вакернагеля оказывается лишь послепервая часть фразы.

Понятие ритмико-синтаксического барьера позволяет объяснить большое число кажущихся нарушений закона Вакернагеля. Тем самым становится ясно, что этот закон действовал в древнерусском языке гораздо более последовательно и строго, чем это представляется на первый взгляд.

В § 1.18 было показано, к каким существенным ошибкам приводили попытки анализировать древнерусские энклитики без использования понятия ритмико-синтаксического барьера.

В настоящей книге исследовано реальное использование ритмико-синтаксических барьеров в древнерусских фразах.

Важную особенность системы древнерусских энклитик составляет их разделение на две группы с несколько различными свойствами, названные в настоящей книге соответственно сильными и слабыми энклитиками.

Сильные энклитики — это первые пять рангов указанной выше шкалы, слабые — последние три. Сильные энклитики почти всегда располагаются в том месте фразы, которого требует закон Вакернагеля в его простейшем виде, т.е. без модификаций, проистекающих из наличия барьеров. Иначе говоря, они весьма редко подвергаются действию барьера (который заставил бы их уйти правее этого места). Напротив, слабые энклитики подвергаются такому действию (и, соответственно, оказываются правее некоторого барьера) сравнительно часто. При наличии барьера нередко происходит разделение энклитик: сильные остаются левее барьера, а слабые ставятся правее его.

§ 6.2. В истории русского языка время максимально полного и последовательного функционирования энклитик — это древнерусский период, в особенности его ранняя половина, т.е. XI — начало XIII века.

Позднее начинается процесс постепенного распада этой системы. Он идет по двум линиям.

Первая линия — это выход из употребления и последующее полное исчезновение из языка существенной части древних энклитик.

Из числа сильных энклитик со временем исчезают частицы *бо* и *ти* — просто как лексические единицы. Соответствующие значения начинают передаваться другими средствами (или даже, как в случае с некоторыми из значений

частицы *ти*, они уже более никак не передаются — так что часть древних фраз с *ти* вообще невозможно адекватно перевести на современный язык).

В сфере слабых энклитик в ходе эволюции реализуется следующая закономерность:

во всех случаях, когда у энклитики имелся акцентно самостоятельный синоним (включая пары типа *есмь* — *язь*, § 5.9), из двух членов синонимической пары сохраняется только акцентно самостоятельная словоформа, а энклитика выходит из употребления.

Это значит, что древние конструкции типа *даи ми*, *кланая ти са*, *увиджу та* замещаются новыми *даи мнѣ*, *кланаяся тобѣ*, *увиджу тебе* (позднее *теба*); древние конструкции *дать есмь*, *купить еси*, *знали есте* — новыми *а дать*, *ты купить*, *вы знали*.

Данное изменение представляет собой не что иное, как результат постепенного расширения тех возможностей, которые существовали уже в рамках древней системы. В самом деле, древняя система тоже позволяла передавать соответствующие значения с помощью акцентно самостоятельных словоформ; но эта возможность использовалась только в некоторых особых случаях — прежде всего при смысловом выделении или подчеркивании. Дальнейшее развитие есть частный случай хорошо известного явления «износа» экспрессивности, когда средство передачи экспрессии постепенно утрачивает свою первоначальную силу и данный способ выражения становится нейтральным; соответственно, из редкого он превращается в преобладающий или даже единственный.

Так, первоначальное правило употребления полноударных *мнѣ*, *тобѣ*, *мене*, *тебе* и т.д. предписывало их использование только в строго очерченном круге синтаксических позиций и в случае смыслового выделения. Но со временем формируется новое правило, снимающее эти ограничения и допускающее употребление полноударных местоимений в любых контекстах. То же самое происходит в сфере употребления местоимений-подлежащих: древнее правило содержало жесткие ограничения на их употребление, которые новое правило снимает.

В описанном развитии не было никакого взрыва или резкого перелома; просто полноударные варианты с ходом времени стали употребляться всё шире и чаще, а энклитические всё уже и реже, пока последние не сошли вообще на нет.

Указанные изменения практически означают исчезновение всех слабых энклитик, кроме *са*. У этой энклитики акцентно самостоятельный синоним (*себе*) имелся только в сочетаниях с предлогом (*за са* — *за себе* и т.п.); и в этой своей функции *са* имело ту же судьбу, что и прочие слабые энклитики, т.е. исчезло, уступив место полноударному *себе* (позднее *себа*).

Но в приглагольном употреблении, т.е. в своей основной функции, *са* не могло участвовать в данном процессе, поскольку в этой функции у него не было полноценного акцентно самостоятельного синонима (см. § 3.1).

Разрешением этой коллизии стало то, что *са* постепенно перешло в постоянную контактную постпозицию к глаголу и превратилось в морфему — часть глагольной словоформы. Тем самым *са* как энклитика точно так же перестало

существовать, как и прочие слабые энклитики. Но, в отличие от них, физически *са* сохранилось — в новом качестве.

Связь между исчезновением в русском языке (и других восточнославянских) всех слабых энклитик и сращением *са* с глагольной словоформой косвенным образом подтверждается ситуацией в южно- и западнославянских языках: здесь, с одной стороны, не исчезли энклитики **mi*, **me*, **jesť* и т.д., с другой — не произошло сращения **se* с глагольной словоформой.

Вторая линия распада первоначальной системы — это постепенное выведение начальной части фразы из сферы действия закона Вакернагеля с помощью ритмико-синтаксических барьеров, в силу чего энклитики уходят вправо от начальной тактовой группы. Здесь тоже эволюция осуществляется за счет все более широкого использования факультативных возможностей, заложенных уже в первоначальной системе. Так, механизм превращения древней фразы типа *ѿ мене са ему поклони* в современную *от меня ему поклонись* в сущности сводится к максимальному использованию всех допустимых факультативных барьеров: *ѿ мене са ему поклони* → *ѿ мене // ему са поклони* → *ѿ мене ему // поклони са*.

При этом в чем большей степени постпозиция энклитики становилась нормой, в тем меньшей степени для такого ее расположения становился нужным реальный барьер перед глаголом. В конечном счете постпозиция энклитики стала законной в любом синтаксическом контексте — без того, чтобы для этого требовался какой-либо барьер.

Таким образом, в трансформации энклитики *са* действовал тот же механизм эволюции, который проявился в процессе исчезновения слабых энклитик: средства, первоначально предназначенные только для выделения или подчеркивания, со временем теряют экспрессивность и становятся нейтральными.

Как объяснить, однако, что превращение *са* в морфему произошло только в восточнославянских языках, а не во всех славянских?

Как мы уже видели, данная трансформация была составной частью общего процесса устранения всех слабых энклитик, который протекал в восточнославянских языках, в отличие от южно- и западнославянских, где слабые энклитики сохранились. Но чем можно объяснить само это различие между ветвями славянства?

Наиболее правдоподобный ответ состоит здесь в том, что это различие некоторым образом связано с неодинаковым характером ударения в разных ветвях славянства. Именно такой ответ предложил Р.Якобсон, указывая в этой связи (1935: 18): «Чем восточнославянские языки и болгарский отличаются от других славянских языков? Прежде всего свободным силовым ударением (*accent d'intensité libre*)». В самом деле, в остальных славянских языках ударение либо не силовое (сербский, хорватский, словенский), либо не свободное (западнославянские языки).

Следует, правда, признать, несмотря на решительность заявлений Якобсона, что механизмы, ведущие от наличия свободного силового ударения к устранению слабых энклитик, все же не вполне прозрачны.

Представляется допустимым предположение, что здесь существенно следующее: в языках со свободным силовым ударением имеется возможность одну и ту же словоформу (например, *меня, мне*) ударять как сильно, так и слабо, тогда как в языках с несвободным ударением или с тональной системой такое варьирование затруднено или даже невозможно. Это значит, что в языке со свободным силовым ударением в качестве энклитик могут использоваться те же самые словоформы, что в позициях полноударности (например, *меня, мне*), но только с ослабленным ударением. В такой ситуации прежние энклитические варианты (*ма, ми* и т. д.) перестают быть необходимыми.

Отметим также важную идею Jakobsona о том, что в кругу славянских языков со свободным силовым ударением следует различать две подгруппы: 1) русский, белорусский и северо-восточная зона украинского; 2) болгарский и юго-западная зона украинского. Согласно Jakobsonу, во второй подгруппе словесное ударение несколько менее сильное, чем в первой, и этим следует объяснять то обстоятельство, что древнее *са* здесь не стало простой морфемой в составе глагола, а сохранило некоторую часть своей исконной свободы.

Развивая свою мысль о связи между утратой изменяемых (*fléchies*) энклитик и характером ударения, Jakobson высказывает предположение, что в истории русского языка утрата таких энклитик началась лишь после утраты тоновых противопоставлений. Он пишет (1935: 18): «Дело в том, что русский и болгарский первоначально были политоническими языками; иначе говоря, они обладали музыкальным ударением. Но способ употребления служебных слов изменился, когда эти языки приобрели свободное силовое ударение».

Данные о времени утраты в русском языке древних тоновых противопоставлений, к сожалению, не вполне определены; наиболее вероятны XIII–XIV века (см. Зализняк 1985, § 3.6). Следует признать, что указанная гипотеза Jakobsona в принципе совместима с этими данными.

§ 6.3. Помимо основной совокупности фразовых энклитик, очерченной при описании системы рангов, в ходе истории русского языка достаточно рано появляются и некоторые другие единицы, которые хотя бы в части случаев ведут себя как фразовые энклитики: *нъ, былъ (было, были), вѣдѣ (ведь), дѣи (дѣ), мол, рече* и др. Но по ним материала в памятниках недостаточно. Поэтому они рассмотрены в книге лишь весьма кратко. В современном литературном языке от них сохранилось только *было* и *ведь*; в сниженном стиле и в просторечии сохранились также *де* и *мол*.

Со временем в некоторых случаях начинают использоваться в качестве энклитик также такие местоименные словоформы, как *его, ему, ее, ей, их, им*; см. об этом § 3.16.

Из старых фразовых энклитик основного круга в литературном языке остаются только *же, ли, бы*. Эти «выжившие» энклитики и поныне до некоторой степени сохраняют свои древние свойства в том, что касается их места в предложении. В частности, ни одна из них ни при каких условиях не может стоять в начале клаузы.

В наибольшей степени сохраняет древние позиционные свойства частица *же* (противительная, причинная, усилительная). В безусловном большинстве

случаев и поныне ее позиция во фразе соответствует требованиям закона Вакернагеля (разумеется, с учетом возможности появления ритмико-синтаксических барьеров; ср. примеры в § 1.18). Отклонения касаются в основном соединений частицы *же* с неодночленной актантной группой. В этом случае современный узус неустойчив: возможны, с одной стороны, фразы типа *Иван же Петрович отказался, Железную же дорогу там проложить нельзя, Собственного же дома у него нет* (с непроективностью, требуемой здесь законом Вакернагеля), с другой — фразы типа *Иван Петрович же отказался, Железную дорогу же там проложить нельзя, Собственного дома же у него нет* (где *же* уже не нарушает проективности, но нарушает закон Вакернагеля).

В значительной части случаев сохраняет вакернагелевскую позицию также частица *ли*, например: *Не пустое ли дело ты затеял?; В своем ли ты уме?* Таковую позицию *ли* может занимать даже и в том случае, когда оно уже выступает в роли союза (обычно парного: *ли... ли...*), причем в роли клаузы здесь оказывается каждое из связываемых словосочетаний, например: *в большом ли городе, в глухой ли деревушке...*

У частицы *бы* наследием ее прежнего вакернагелевского статуса является прежде всего то, что, будучи теснейшим образом связана по смыслу со сказуемым, она тем не менее и ныне может уходить от него сколь угодно далеко влево. Наследием вакернагелевского статуса является также запрет на дистантную постпозицию к сказуемому (возможна только контактная постпозиция); например, невозможно **Он от этого отказался наотрез бы* — при том, что и после *он*, и после *этого*, и после *отказался* частицу *бы* здесь поставить можно.

Сохраняется также, хотя и не полностью, древняя ранговая организация энклитик *же*, *ли*, *бы*. Так, в НКРЯ последовательность *ли бы* отмечена около 700 раз (например, *Не согласились ли бы вы?* [Петрушевская]), а последовательность *бы ли* — только 5 раз.

Последовательность *же бы* отмечена 303 раза, например, *Что же бы вы думали, ваше сиятельство?* [Пушкин] (но из этого числа следует вычесть около 70 примеров с отождествительным *же*, которое является локальной, а не фразовой энклитикой и тем самым к рассматриваемому вопросу отношения не имеет); последовательность *бы же* отмечена только 3 раза.

Для пары *же* и *ли* аналогичная проверка, к сожалению, затруднена тем, что *же* в соседстве с *ли* — это почти всегда отождествительное *же* (например, *Такой же ли это цвет?*). Редкие примеры соединения *ли* с противительным *же*, содержащиеся в НКРЯ, имеют тот же порядок, что в древности: *Не все же ли это равно для него?* [Белинский]; *Не сейчас же ли вы говорили?* [Герцен].

Из сравнительно поздних фразовых энклитик полнее других сохраняют вакернагелевские свойства энклитики *было* и *де*. Так, *было* никогда и *де* почти никогда не встречается в начале фразы; и самым частым местом их расположения во фразе до сих пор является конец первой тактовой группы фразы, то есть главная вакернагелевская позиция.

Что касается прочих более поздних фразовых энклитик — *ведь*, *мол*, а также новых местоименных энклитик (*его*, *ее*, *их*, *ему*, *ей*, *им* и др.) — то все они выступают в качестве энклитик не постоянно, а лишь в части случаев. Любая

из них в принципе может оказаться и в начале фразы, например: *Ведь я же вас предупреждал*. Расположение в главной вакарнагелевской позиции является для них не более чем тенденцией.

При соединении со старыми энклитиками любая из поздних ставится правее, например: *же ведь, бы ведь, ли де, же мол, ли мол, же их* и т. д. Обратный порядок возможен лишь там, где *ведь, мол, их* и т. д. выступают не в энклитическом, а в полноударном варианте (в частности, в начале фразы или после проклитики), например, *А ведь бы мог!* (наряду с более обычным *А ведь мог бы!*), *Их же знают* и т. п. В прочих случаях такой порядок был бы воспринят как явная неправильность. Это значит, что ранговый принцип действует и в современном языке, несмотря на существенное сужение сферы функционирования энклитик по сравнению с древнерусским языком.

§ 6.4. Следует особо отметить роль количественных оценок, примененных в настоящей книге.

Подробный анализ письменных памятников позволяет документировать интересующие нас процессы с количественной стороны. С этой точки зрения в книге особенно подробно изучена историческая эволюция энклитики *са*.

Мерой продвижения некоторой точечной языковой системы (например, системы, отраженной конкретным памятником) по описанному эволюционному пути может служить коэффициент препозиции *са* — отношение числа случаев препозиции *са* к общему числу случаев, где в принципе допустима как постпозиция, так и препозиция *са*.

Для современного языка коэффициент препозиции *са* очевидным образом равен нулю. Для некоторых древних текстов он очень высок (хотя все же нигде не равен 100%, поскольку какое-то число факультативных барьеров, пусть небольшое, реализуется даже и в таких текстах).

Можно было бы ожидать плавного снижения коэффициента препозиции *са* от высших показателей в XI–XII вв. до нуля в новое время.

Анализ памятников показывает, однако, что реальность намного сложнее. Наше ожидание оправдывается только в сфере деловых и бытовых документов, а также таких литературных произведений, которые обнаруживают более или менее ясно выраженную ориентацию на живой, книжный язык.

Совершенно иную картину дают церковные тексты (старославянские и более поздние церковнославянские), а также литературные произведения книжной ориентации и летописи. Здесь с самого раннего времени коэффициент препозиции *са* удивительно низок, а в некоторых из таких памятников (например, в Уставе Студийском) он практически такой же нулевой, как в современном русском языке.

При этом, однако, нет оснований предполагать, что живая южнославянская речь отличалась в этом отношении от восточнославянской: в частности, в непереводном Житии Мефодия *са* ведет себя так же, как в живом древнерусском языке.

Объяснение явно нужно искать в другом: кирилло-мефодиевские переводы трактовали энклитики (по крайней мере слабые) как полноударные словоформы. Это соответствовало особой торжественной манере чтения текста, при

которой каждое слово полновесно и в определенной степени отделено от соседей. В то же время это, в частности, давало возможность ставить сочетания глагола с *са* на то же место во фразе, что и соответствующая единая словоформа медиума или пассива, представленная в греческом оригинале; отсюда решительное преобладание постпозиции *са* в древних переводах.

А далее такое поведение энклитик по контрасту с живым языком, где действует четкий вакернагелевский механизм, уже переосмысливается как характерная черта книжного стиля.

Постоянную постпозицию *са* можно сравнить в этом отношении, например, с неповторением предлога в сочетаниях типа *къ отьцу своему, въ городъ Пльсковъ*. В живом древнерусском языке, в отличие от кирилло-мефодиевских переводов, нормой здесь было повторение предлога: *къ отьцу къ своему, въ городъ въ Пльсковъ*. В этой ситуации неповторение предлога в древнерусскую эпоху, очевидно, выступало как черта книжного стиля.

Характерно, что как в случае с неповторением предлога, так и в случае с постпозицией *са* в том же направлении, что книжная норма, развивался и живой русский язык; только он достиг того состояния, которое соответствует книжной норме древнерусского периода, лишь на несколько столетий позднее.

Отметим, наконец, значение изложенных выше наблюдений для лингвистической истории славянского мира в целом.

Если мы непосредственно сравним поведение энклитик, например, в сербском и в старославянском, то непременно должны будем заключить, что в сербском вакернагелевский механизм действует гораздо последовательнее, чем в старославянском. Отсюда легко может возникнуть представление о позднем развитии этого механизма в отдельных новых славянских языках.

Однако открывающаяся ныне картина четкого функционирования энклитик в живом древнерусском языке свидетельствует о неправдоподобии такой гипотезы. Раннедревнерусская система энклитик, засвидетельствованная всего лишь одним-двумя веками позже классических старославянских источников, намного более последовательна, чем то, что представлено в кирилло-мефодиевских переводах. И мы имеем все основания считать именно эту систему наиболее прямым отражением общеславянского состояния.

Вектор эволюции раннедревнерусской системы энклитик в последующие века, состоящий в постепенном ослаблении действия закона Вакернагеля, дает основание предполагать, что в века, предшествующие началу письменной истории древнерусского языка, действие этого закона было еще более последовательным, чем в XI–XII веках.

Тем самым, в частности, и современные южнославянские системы энклитик надлежит выводить не из состояния, сходного с показаниями старославянских памятников, а из реконструируемого состояния, весьма близкого к раннедревнерусскому.

Таким образом, изучение истории восточнославянских энклитик оказывается весьма информативным и для понимания их эволюции в славянском мире в целом.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ, СОКРАЩЕНИЯ

Не включены в список общепринятые и/или непосредственно понятные сокращения, например: ед., дв., мн. (наименования чисел); И., Р., Д., В., Т., М. (наименования падежей).

Цифра после цитаты (в случае, если прямо не указан источник) — номер новгородской берестяной грамоты. При грамотах из других городов дается еще символ города (см. в общем списке).

Аввакум — «Житие» Аввакума. По изд.: Пустозерск. сб.

Аввакум I, Аввакум II — не книжный (I) и книжный (II) компоненты «Жития» Аввакума; см. § 2.1.

Алекс. (и Александрия) — Александрия. По изд.: *В. М. Истрин. Александрия русских хронографов // Чтения ОИДР. 1894 г. Кн. 2. Отд. 2.*

Афан. Ник. (и Афан. Никитин) — Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. Цитируется, если не оговорено иное, по Летописному списку.

Афан. Ник. I, Афан. Ник. II — не книжный (I) и книжный (II) компоненты «Хожения за три моря» Афанасия Никитина; см. § 2.1.

Бернекер 1900 — *E. Berneker. Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin, 1900.*

Бова — Повесть о Бове королевиче. По изд.: Пам. лит., XVII век.

Борис и Глеб — Житие Бориса и Глеба (по Успенскому сборнику).

Борковский, Кузнецов 1963 — *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.*

Вайян — *А. Вайян. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.*

Взятие Царьграда — Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. По изд.: Пам. лит., вторая половина XV в.

Вопрош. Кирик. — Вопросание Кириково. По изд.: РИБ, т. 6. СПб., 1908.

Выг. сб. — Выголексинский сборник. М., 1977.

Гал.-Волын. (и Гал.-Волын. лет.) — Галицко-Волынская летопись (за XIII в.) по Илат.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.

Горшкова, Хабургаев 1981 — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.*

Грязной — Письма Василия Грязного Ивану Грозному. По изд.: Хрест.

Гуннарссон 1935 — *G. Gunnarsson. Studien über die Stellung des Reflexivs im Russischen. Uppsala, 1935.*

Дан. (и Даниил) — «Хождение» игумена Даниила. По изд.: Пам. лит., XII век.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.—Л., 1950.

Девген. деяние — Девгениево деяние. По изд.: Пам. лит., XIII век.

ДНД₂ — *А. А. Зализняк. Древнесновгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.*

Домострой — По изд.: Домострой. СПб., 1994.

Др.-р. грамм. 1995 — Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Дурново 1924 — *Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924.*

Дыбо 1975 — *В. А. Дыбо. Закон Васильева-Долобо в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. XVIII, 1975. P. 7–82.*

- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого. По изд. в кн.: Молдован 2000.
- ЖФСтуд — Житие Феодора Студита (по Выголексинскому сборнику).
- Завещ. Клим. — Завещание новгородца Климента. По изд.: Тихомиров, Щепкина 1952.
- Задонщина — По изд. в кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., 1966.
- Зализняк 1981 — *А. А. Зализняк*. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 89–107.
- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1993 — *А. А. Зализняк*. К изучению языка берестяных грамот // НГБ IX. С. 191–321.
- Зализняк 2007 — *А. А. Зализняк*. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 2-е. М., 2007.
- Ив. Грозн. — Послания Ивана Грозного. По изд.: Пам. лит., вторая половина XVI века.
- Ив. Грозн. I, Ив. Грозн. II — некнижный (I) и книжный (II) компоненты посланий Ивана Грозного; см. § 2.1.
- Изборник 1073 — Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М., 1983.
- Изборник 1076 — Изборник 1076 года. М., 1965.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Киев-Д — диалогическая часть Киевской летописи по Ипат. (= прямая речь светских лиц); подробнее см. § 1.1.
- Киев. лет. — Киевская летопись (за XII в.) по Ипат. При наличии указания года, например, Киев. лет. [1199], означает то же, что Киев. лет. (автор.).
- Киев. лет. (автор.) — авторская речь в Киевской летописи по Ипат.; подробнее см. § 1.1.
- Комисс. НПЛ — Комиссионный список Новгородской I летописи.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- Мар. (и Марииинск. ев.) — Мариинское евангелие.
- Мефод. — Житие Мефодия (по Успенскому сборнику).
- Миклошич 1874 — *F. Miklosich*. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd IV. Wien, 1874.
- Мих. Клопск. — Повесть о житии Михайла Клопского. По изд.: Пам. лит., вторая половина XV в.
- Молдован 2000 — *А. М. Молдован*. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Мономах — сочинения Владимира Мономаха (по Лавр.).
- Мстисл. гр. — Мстиславова грамота. По изд.: Хрест.
- НГБ VIII — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ IX — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Неизв. кн. — Договор неизвестного смоленского князя с Ригию и Готским берегом. По изд.: Смол. гр.
- Нифонт — Житие Нифонта, краткая редакция (по Выголексинскому сборнику).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>.

- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
- НПЛ-1 — первый почерк Синод. НПЛ (события 1016–1234 гг.).
- НПЛ-2 — второй почерк Синод. НПЛ (события 1235–1337 гг.).
- НПЛ-3 — часть Комисс. НПЛ, охватывающая события 1333–1446 гг.
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности.
- Острож. (и Острожская библия) — Библия, сирѣчь книги Ветхаго и Новаго Завѣта по языку словенскому. Острог, 1581. Фототипическое переиздание: М.–Л., 1988.
- Остромир. ев. — Остромирово евангелие.
- л (при номере) — поздняя берестяная грамота (2-я четв. XIII – сер. XV в.).
- Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.
- Пам. лит. — Памятники литературы древней Руси. М., 1978–.
- ПВЛ — «Повесть временных лет» (цитируется, если не оговорено иное, по Лавр.).
- Пеннингтон 1980 — *A. E. Pennington. Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Michajloviča. Text and Commentary.* Oxford, 1980.
- Петр-Февр. — Повесть о Петре и Февронии. По изд.: Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979.
- ПР (и Рус. Правда) — Правда Русская. Т. 1–3. М.–Л., 1940–1963. Цитируется, если не оговорено иное, по Синодальному списку.
- Пск. лет. — Псковские летописи. Вып. 1–2. М., 1941–1955.
- Пустозерск. сб. — Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.
- Пчела — Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Издатель В. Семенов. ОРЯС, 54, № 4. СПб., 1893. XV в.
- Радзивил. — Полное собрание русских летописей, Том 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- РИБ — Русская Историческая библиотека.
- РНБ (бывш. ГПБ) — Российская Национальная библиотека в Санкт-Петербурге.
- Рус. Правда — см. ПР.
- Син. псалт. — Синайская псалтирь. Глаголический памятник XI века. Приготовил к печати С. Северьянов. Петроград, 1922.
- Синод. НПЛ — Синодальный список Новгородской I летописи.
- Синодальная библия — Библия, сирѣчь книги священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1914.
- Смол. — берестяная грамота из Смоленска.
- Смол. гр. — Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.
- Смол. гр. 1229 — Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. По изд.: Смол. гр.
- Соболевский 1907 — *А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка.* М., 1907. Перепечатано в кн.: Соболевский 2004. Т. 1.
- Соболевский 2004 — *А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка.* Том 1–2. М., 2004.
- СПИ — «Слово о полку Игореве».
- Срезн. — *И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам.* Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.

- Ст. Р. — берестяная грамота из Старой Руссы.
- Стросв. — Строевский список Псковской 3-й летописи // Пск. лет. Вып. 2. С. 78–250.
- Сузд. лет. — Суздальская летопись (по Лавр.).
- Супр. — Супрасльский кодекс.
- Твер. — берестяная грамота из Твери.
- Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Тихомиров, Щепкина 1952 — *М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина*. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.
- Толстая 1991 — *М. Н. Толстая*. Система энклитик в сербских грамотах XIV – начала XV в. // Конференция «Славистика, индоевропестика, ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо». Тезисы докладов. М., 1991. С. 201–205.
- Толстая 2000 — *М. Н. Толстая*. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999, XIV. М., 2000. С. 134–143.
- Торж. — берестяная грамота из Торжка.
- Троицк. — Троицкий список «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.
- Увар. (и Увар. лет.) — Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 1949.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Устав Студ. — Устав Студийский. По изд. в кн.: *А. М. Пентковский*. Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
- Феод. — Житие Феодосия (по Успенскому сборнику).
- Флав. (и Флавий) — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1–2. М., 2004.
- Хабургаев 1978 — *Г. А. Хабургаев*. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1978, № 4. С. 42–53.
- Хлебн. — Хлебниковский список Ипатьевской летописи.
- Хрест. — *С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. М., 1952.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете.
- Чуд. — Чудовский Новый Завет. По изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского.) М., 1892.
- Чудеса Николы — По списку Торжественника XII в. (рукопись РНБ, Ф. п. I, 46).
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. (Перепечатка — М., 2002.)
- Шестоднев — отрывок из Шестоднева Иоанна экзарха болгарского, приведенный в: Пам. лит. XII в., с. 184–196.
- Якобсон 1935 — *R. Jakobson*. Les enclitiques slaves // Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19–26 Settembre 1933. Firenze, 1935. Перепечатано в кн.: *Jakobson R. Selected Writings*. Vol. II. The Hague–Paris, 1971. P. 16–22.
- Якубинский 1953 — *Л. П. Якубинский*. История древнерусского языка. М., 1953.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры обозначают параграфы. Для часто встречающихся терминов указывается только место, где содержится определение термина. В круглых скобках даны варианты термина, в квадратных — указание сферы действия термина и другие пояснения.

- автоматическая постпозиция 1.35
актантная группа 0.6–7
акцентно самостоятельная (полноударная) словоформа 0.1
акцентуация тактовых групп 0.4
биноминативная фраза 5.5
блок энклитик 1.2
вакернагелевская (фразовая) энклитика 1.2
вторичная проклита 0.2, 1.38, 2.20–21
главное вакернагелевское место (позиция) для энклитик 1.19
деепричастия 0.5
двойное *са* 4.13
двухъязысная клауза 0.5
дублирование энклитик 1.22, 4.13
закон Вакернагеля 1.2
зона обязательного употребления полноударных вариантов (зона полноударности) 3.3
зона обязательных местоимений 5.11
изменение места *са* в блоке энклитик 4.15
инородная группа 0.6
квази-клауза 1.32
классификация клауз 1.29–31, 4.3
клауза 0.5
клитика 0.1
коэффициент неавтоматической постпозиции [энклитики] 1.35
коэффициент препозиции [энклитики] 1.35
коэффициент препозиции связок 5.5–6
коэффициент сохранения связок 5.13–14
коэффициент энклитичности [местоимений] 3.3
легкая (одночленная) актантная группа 0.6
локальная (невакернагелевская) энклитика 1.2, 4.3
многоактантная клауза 0.7, 2.17, 4.9
неавтоматическая постпозиция 1.35
невакернагелевская (локальная) энклитика 1.2, 4.3
нейтральная зона [в сфере употребления местоимений] 5.11
неодночленная (тяжелая) актантная группа 0.6
новое правило расположения энклитик 1.37
новое правило употребления местоимений-подлежащих 5.12
новое правило употребления полноударных местоимений 3.3
нормальная препозиция 1.33
образцовые памятники
обязательный барьер 1.23–24, 2.3
одно *са* на два глагола 4.14
однородные сказуемые 0.5
одночленная (легкая) актантная группа 0.6
ортотоническая словоформа 0.1
осложненная клауза 0.7
отчленная энклитика 1.21
охват сказуемого 0.5
первообразные союзы и предлоги 0.2
полноударная (акцентно самостоятельная) словоформа 0.1
полуобязательный барьер 1.23, 2.5, 2.4
полупроклитика 0.2, 1.38–39
постпозиция [энклитики] 1.2
потенциальное место для блока энклитик 1.19
правила употребления личных местоимений в роли подлежащего 5.10–12
правило о возможных местах ритмико-синтаксического барьера 1.18
правило употребления связки 5.9
предглагольная часть [клаузы] 0.7
препозиция [энклитики] 1.2
проективность 1.2

проклитика 0.2, 1.38
 проклитико-энклитический комплекс
 (проклитико-энклитическая группа)
 0.2, 1.39–41
 просодическое объединение [двух так-
 товых групп] 0.3
 простая клауза 0.7
 разделение энклитик во фразе 1.21
 разорванная актантная группа 0.6
 ранги энклитик 1.3, 2.2
 ритмико-синтаксический барьер 1.18–19,
 23
 связи 1.11, глава 5
 семантические факторы появления фа-
 культативных барьеров 1.27, 2.7–10
 сильная энклитика 1.20, 2.5, 4.11
 синтаксические факторы появления фа-
 культативных барьеров 1.28, 2.11–19
 синтаксические энклитики 0.2
 слабая энклитика 1.20
 смещенная препозиция 1.33
 собственно причастие 0.5
 сочетания с устойчивым отчленением 1.21
 сращение 1.39–41
 тактовая группа (фонетическое слово) 0.1,
 3, 4
 тяжелая клауза 0.7, 2.18, 4.10
 тяжелая (неодночленная) актантная
 группа 0.6
 факультативный барьер 1.23, 26–28
 фонетическое слово (тактовая группа)
 0.3–4
 фразовая (вакернагелевская) энклитика 1.2

энклينوмен 0.1
 энклитика 0.2
 энклитика после неодночленной
 актантной группы 1.42
 энклитики во фразах с однородными
 сказуемыми 1.2, 5.9
 энклитические и полноударные
 местоимения — глава 3

Индивидуальные лексемы

бо 1.6
бы, быхъ и прочие показатели сослага-
 тельного наклонения 1.8
вѣдѣ (*ведь*) 1.17, 6.1
да 'пусть' 1.14, 4.12
дѣи (*дѣ, деи, де*) 1.15, 6.1
же (противительное, причинное, усили-
 тельное) 1.4
ка 1.17
ли (частица) 1.5
ми и прочие местоименные словоформы
 дательного падежа 1.9
милъ сѧ дѣяти 4.3
мол 6.1
ма и прочие местоименные словоформы
 винительного падежа 1.10
самъ сѧ 1.31, 4.3
су 1.17
сѧ 1.10, глава 4
рече, реку, рѣци 1.16
ти (частица) 1.7
таки 1.17

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ВВЕДЕНИЕ	
Основные черты древнерусской просодической системы	6
[Общее] (§ 0.1). Проклитики и энклитики (§ 0.2)	
Тактовая группа (фонетическое слово)	9
[Общее] (§ 0.3). Акцентуация тактовых групп (§ 0.4)	
Клауза (§ 0.5)	12
Актантная группа (§ 0.6–7)	15
Строение книги (§ 0.8)	18
Способ цитирования и условные знаки (§ 0.9–10)	19
Глава 1. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЭНКЛИТИК	
[Общее] (§ 1.1)	23
Закон Вакернагеля (§ 1.2)	24
Ранги энклитик	
[Общее] (§ 1.3)	27
Основные фразовые энклитики	28
Энклитика ранга 1 — <i>же</i> (§ 1.4). Энклитика ранга 2 — <i>ли</i> (§ 1.5). Энклитика ранга 3 — <i>бо</i> (§ 1.6). Энклитика ранга 4 — <i>ти</i> (§ 1.7). Энклитика ранга 5 — <i>бы</i> (§ 1.8). Энклитики ранга 6 — местоименные словоформы дательного падежа (§ 1.9). Энклитики ранга 7 — местоименные словоформы винительного падежа (§ 1.10). Энклитики ранга 8 — связки (§ 1.11)	
Другие фразовые энклитики (§ 1.12–17)	39
Ритмико-синтаксические барьеры	
[Общее] (§ 1.18–19)	47
Сильные и слабые энклитики (§ 1.20)	51
Разделение энклитик во фразе (§ 1.21)	51
Дублирование энклитик (§ 1.22)	53
Типы ритмико-синтаксических барьеров	54
[Общее] (§ 1.23). Обязательные барьеры (§ 1.24). Полуобязательные барьеры (§ 1.25). Факультативные барьеры (§ 1.26–28)	
Классификация клауз	
[Общее] (§ 1.29–31)	57
Квази-клаузы (§ 1.32)	62
Нормальная и смещенная препозиция (§ 1.33)	63
Общая схема выбора позиции для энклитик (§ 1.34)	64
Коэффициент препозиции и неавтоматической постпозиции (§ 1.35)	65
Дополнительные сведения о клитиках	
Смысловые связи энклитик с другими словами (§ 1.36)	67
Появление нового правила расположения энклитик (§ 1.37)	68
Проклитики и вторичная проклизис (§ 1.38)	69
Проклитико-энклитические комплексы и сращения (§ 1.39–41)	72
Энклитика после неодночленной актантной группы (§ 1.42)	78
Замечания о локальных энклитиках (§ 1.43)	82

Глава 2. НАРОДНОЕ И КНИЖНОЕ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ

[Общее] (§ 2.1)	84
Образцовые памятники	86
<i>Ранги энклитик</i> (§ 2.2)	87
<i>Ритмико-синтаксические барьеры</i>	90
Обязательные барьеры (§ 2.3)	91
Полуобязательные барьеры (§ 2.4)	91
Факультативные барьеры	93
<i>Особенность сильных энклитик</i> (§ 2.5)	93
<i>Факультативные барьеры, зависящие от семантических факторов</i>	94
[Общее] (§ 2.6). Противопоставление или эмфаза (§ 2.7). Соотнесенность в более широком смысле (§ 2.8). Прочие случаи выделения темы (§ 2.9). Выделение обстоятельства (§ 2.10)	
<i>Факультативные барьеры, зависящие от синтаксических факторов</i>	102
[Общее] (§ 2.11). Начальное местоименное слово (§ 2.12). Начальный союз (§ 2.13). Начальное знаменательное слово (§ 2.14). Подчиненный инфинитив (§ 2.15). Прочие неличные формы (§ 2.16). Многоактантные клаузы (§ 2.17). Тяжелые клаузы (§ 2.18)	
<i>Заключительные замечания о барьерах</i> (§ 2.19)	115
<i>Вторичная проклиза</i> (§ 2.20–22)	116
Памятник книжного типа — Житие Феодосия (§ 2.23–25)	121

Глава 3. ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИЧЕСКИХ И ПОЛНОУДАРНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ (КРОМЕ *сѧ*)

Противопоставление энклитических и полноударных местоимений (§ 3.1–3)	129
Обзор памятников (§ 3.4)	
<i>Раннедревнерусские памятники</i>	134
Первое и второе лицо	135
<i>Единственное число</i> (§ 3.5). <i>Множественное число</i> (§ 3.6). <i>Двойственное число</i> (§ 3.7)	
Третье лицо (§ 3.8)	144
Замечание о «Слове о полку Игореве» (§ 3.9)	148
<i>Сравнение раннедревнерусских памятников со старославянскими</i> (§ 3.10)	149
<i>Памятники более позднего времени</i>	155
Памятники не книжной ориентации (§ 3.11)	155
Литературные произведения книжной ориентации (§ 3.12)	158
Летописи (§ 3.13)	160
<i>Общая схема эволюции</i> (§ 3.14–16)	162

Глава 4. ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИКИ *сѧ*

Особое положение <i>сѧ</i> в системе энклитик	169
[Общее] (§ 4.1–2). Дополнительные сведения о классификации клауз (§ 4.3)	172
Поведение <i>сѧ</i> в зависимости от характера предикативной словоформы	174
Клаузы с собственно причастием (§ 4.4). Клаузы с супином (§ 4.5). Клаузы с деепричастием (§ 4.6). Клаузы с аористом или имперфектом (§ 4.7). Клаузы со сказуемым в личных формах (но не аористе или имперфекте) и клаузы с подчиненным инфинитивом (§ 4.8)	
Поведение <i>сѧ</i> в зависимости от степени сложности фразы	181
Многоактантные клаузы (§ 4.9). Тяжелые клаузы (§ 4.10)	
Особые явления, связанные с <i>сѧ</i>	186
Фактор наличия сильных энклитик (§ 4.11). Частица <i>ди</i> 'пусть' (§ 4.12). Двойное <i>сѧ</i> (§ 4.13). Одно <i>сѧ</i> на два глагола (§ 4.14). Изменение места <i>сѧ</i> в блоке энклитик (§ 4.15)	

Обзор памятников	193
<i>Памятники не книжной ориентации</i>	
Грамоты, акты, письма	193
<i>Ранняя подгруппа (§ 4.16–17). Поздняя подгруппа (§ 4.18)</i>	
Литературные произведения не книжной ориентации древнерусского происхождения (§ 4.19–22)	201
Литературные произведения не книжной ориентации старославянского происхождения (§ 4.23)	207
<i>Памятники книжной ориентации</i>	209
Произведения книжной ориентации старославянского происхождения (§ 4.24)	209
Литературные произведения книжной ориентации древнерусского происхождения (§ 4.25)	212
Летописи (§ 4.26)	214
<i>Общая схема эволюции (§ 4.27–28)</i>	217
 Глава 5. ЭВОЛЮЦИЯ СВЯЗОК	
[Общее] (§ 5.1)	221
Просодический статус связок	
Связки первого и второго лица	
<i>Данные акцентуированных памятников (§ 5.2)</i>	223
<i>Расположение связок во фразе</i>	225
Связки в позициях, характерных для энклитик (§ 5.3). Связки в позициях, недопустимых для энклитик (§ 5.4). Коэффициент препозиции связок (§ 5.5–6)	
<i>Выводы (§ 5.7)</i>	233
Связки третьего лица (§ 5.8)	236
Процесс утраты связок	
<i>Общие положения (§ 5.9)</i>	239
<i>Правила употребления личных местоимений в роли подлежащего (§ 5.10–12)</i>	241
<i>Показания памятников</i>	
Связки первого и второго лица (§ 5.13)	246
<i>Перфект (§ 5.14–16). Именное сказуемое (§ 5.17). Выводы (§ 5.18)</i>	
Связки третьего лица	256
<i>Перфект (§ 5.19–21). Именное сказуемое (§ 5.22)</i>	
<i>Общая схема эволюции (§ 5.23)</i>	262
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ (§ 6.1–4)	263
 Литература, источники, сокращения	271
Предметный указатель	275

Андрей Анатольевич Зализняк
ДРЕВНЕРУССКИЕ ЭНКЛИТИКИ

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректурa и верстка М. Толстой

Художественное оформление переплета
Н. Прокуратовой и С. Жигалкина

Подписано в печать 17.01.2008. Формат 70 × 100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 22,575. Тираж 1000 экз. Заказ № 8806.

Изд-во «Языки славянских культур».

ОГРН 1037789030641.

Phone: 607-86-93 E-mail: Lrc@comtv.ru

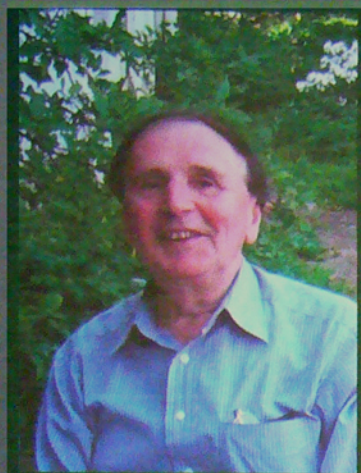
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Zubovskiy pr-ezd, 2, str. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

Андрей Анатольевич Зализняк

(род. в 1935 г.) — лингвист, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкознания. Ряд работ посвятил исследованию новгородских берестяных грамот. Действительный член РАН, профессор. Работает в Институте славяноведения РАН

и преподает на филологическом факультете МГУ.

Преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы; выступал с лекциями в ряде университетов Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции и Англии.

Основные книги: Русское именное словоизменение (издания: 1967, 2002), Грамматический словарь русского языка (1977, 1980, 1987, 2003), Грамматический очерк санскрита (в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной; 1978, 1987, 2005), От праславянской акцентуации к русской (1985), «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник (1990), Древненовгородский диалект (1995, 2004), Новгородские грамоты на бересте (совместно с В. А. Яниным) — тома VIII (1986), IX (1993), X (2000), XI (2004), «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста (2004, 2007).